

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау
Дортмундский международный образовательный центр
Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау

**Еврейское сопротивление нацизму
на территории Беларуси в годы Великой
Отечественной войны
1941–1944 гг.**

Минск
Издатель Логвинов И. П.
2011

УДК 000(000)(000)
ББК 000.00(4Бел)
М62

Рецензент

доктор ист. наук, профессор З.В. Шибeko

Редакционный совет:

директор Минского международного образовательного центра имени Й. Рау,
канд. филол. наук В.Ф. Балакирев;
руководитель Дортмундского международного образовательного центра
Петер Юнге-Вентруп (Германия);
председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Л.М. Левин;
председатель наблюдательного совета, профессор Манфред Цабель (Германия)

М62 **Еврейское** сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. / сост. К.И. Козак; под ред. В.Ф. Блакирева, К.И. Козака. – Минск: И.П. Логвинов, 2011. – 172 с.

ISBN 978-985-6991-00-0

Представленные материалы о формах и методах еврейского антифашистского сопротивления в контексте массового партизанского и подпольного движения на оккупированной территории Беларуси представляют одну из малоизученных страниц Второй мировой войны. Статьи историков, воспоминания свидетелей и собранные документальные материалы по теме исследования значительно дополняют имеющийся информационный материал.

УДК 00(0000)(000)
ББК 00.0(4Бел)

ISBN 978-985-6991-00-0

© Историческая мастерская Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Рау, 2010
© Издатель ИП Логвинов И. П., 2010

Содержание

Введение	5
Einleitung	6
Раздел 1. Война, оккупация, антифашистская борьба в Беларуси 1941–1944 гг.	7
Козак К.И. Германская оккупация Беларуси: формы и методы еврейского сопротивления нацизму	7
1. Историография еврейского сопротивления нацизму	7
Зарубежная историография	7
<i>Стратегия выживания евреев: самый успешный способ сопротивления</i>	10
Белорусская историография	12
<i>Особенности, специфика отношений</i>	16
Воспоминания и их информационная значимость	18
Возвращение памяти	23
<i>Газета «Авив», Музей истории и культуры евреев Беларуси</i>	24
<i>Музей еврейского сопротивления на Новогрудчине</i>	24
<i>Историческая мастерская в Минске</i>	25
2. Разрушение традиций, принуждение, убийство как условие перехода к массовому сопротивлению оккупационному режиму в Беларуси	25
Состояние еврейского населения накануне войны	25
Оккупация и ее исторические реалии	26
Основы взаимодействия германских органов с еврейским населением	27
Поиск, перемещение, заключение	31
Топография смерти: гетто, лагеря смерти, места принудительного содержания	31
Экономический фактор насилия и принуждения	33
Тотальное уничтожение евреев	34
3. Формы сопротивления: тенденции, направления, характер	35
3.1. Партизанское движение	36
<i>Мотивы</i>	37
<i>Состав</i>	37
<i>Итоги</i>	40
<i>Семейные лагеря</i>	41
<i>Антисемитизм</i>	42
3.2. Подпольное движение	43
Минск	47
Клецк	47
Лахва	48
Слоним	49
3.3. Пассивная форма сопротивления: общее и частное	50
<i>Юденраты как центры антифашистского сопротивления и коллаборации</i>	51
<i>Взаимодействие еврейского и нееврейского сопротивления</i>	52
3.4. Невооруженное, сопротивление как один путей из спасения	53
Побеги	53
<i>Массовый побег</i>	53
<i>Тоннель, подкоп</i>	54
<i>С помощью партизан</i>	54
<i>Спонтанное решение</i>	55
Провал	55
<i>Проявления духовности</i>	56
3.5. Праведники народов мира	57
<i>Немецкие спасители</i>	57
<i>За помощь в спасении евреев – расстрел</i>	59
<i>Проявления к евреям как жертвам</i>	60
Выводы	62

Иоффе Э.Г. Участие евреев в партизанском движении Белоруссии (1941–1944)	63
Ягольников Е.А. Евреи – партизаны: состав и деятельность	76
Тукала С.М. Афармленне падпольнага арганізацыйнага цэнтра ў Мінскім гета (жнівень 1941 г.)	78
Корсак А.І. Формы супраціву яўрэйскага насельніцтва палітыцы генацыду нацысцкай Германіі ў Віцебскай вобласці (1941–1944 гг.)	83
Хибиев С. К. Формы антифашистских выступлений в гетто Беларуси	95
Винница Г.Р. Юденраты на оккупированных землях восточных областей Белоруссии в 1941–1943 гг.: сотрудничество с подпольными организациями и партизанским движением	98
Луцник Ю.И. Методы невооруженного еврейского сопротивления как форма борьбы за выживание	105
Раздел 2. Места памяти борьбы и Холокоста	110
Іван Сацукевіч. Тапаніміка і тапаграфія мясцін Мінска: барацьба і памяць	110
Анна Богданова. Лагерь смерти в окрестностях деревни Малый Тростенец (ноябрь 1941 – октябрь 1943 гг.)	113
Вершицкая Тамара. Новогрудчина: еврейский отряд Бельских (Тувия, Асаэль и Зусь) ...	123
Леонид Смиловичкий. О немцах, спасавших евреев	127
Раздел 3. Свидетели, свидетельства, истории	132
АБРАМОВИЧ (Гуревич) Майя	132
АНЦЕЛИОВИЧ Лев	133
БЕЙМ Лазарь (Лоуд)	134
ГЕБЕЛЕВ Михаил	135
ГЕБЕЛЕВА Слава	140
ГРИНБЕРГ-ЛЕВИНА Рахиль	141
ГОЛУБ С. М.	142
ЗИМАК Захар	143
КОКИН Самуил	145
КРАВЕЦ Лев	147
КАПЛИНСКИЙ Михаил	151
ЛАПИДУС Альберт	154
ЛАПИДУС Сол	158
ЛЕВИН (НОВИКОВ) Иосиф	159
ЛИПСКАЯ Роза	159
ЛИПСКИЙ Феликс	160
МАЛОМЕД (ФРИДЛЯНД) Берта	161
МОРОЗОВА Елизавета (Лиза МОРОЗ)	162
ОДЕР Лев	163
ОСИПОВА Мария Борисовна	163
ПРУСЛИНА Хася	164
РАПОПОРТ Рахиль	166
РОЛЬБИНА Елена	167
РОСС (РОЖАНСКАЯ) Сара	167
РУБЕЖИН Владимир	172
РУБИН Лев	174
ТРЕЙСТЕР Михаил	174
ФЕЙГЕЛЬМ Хаим Сролевич	182
ХАСЕНЕВИЧ Раиса	183
САЛАСЮК Владимир. От июня до июля	185
Мемориальная доска в честь	191

Введение

В Беларуси в годы Великой Отечественной войны погиб каждый третий. Такие значимые потери не имело практически ни одно государство. Нацистами было уничтожено более двух третей еврейского населения. Более 600 населенных пунктов было сожжено вместе с ее жителями. Более 400 тыс. было вывезено на принудительные работы. Тысячи в концентрационные лагеря. Поэтому на территории Беларуси более 800 тыс. военнопленных умерло от болезней, холода и голода, непосильного труда. Не менее 6 тыс. белорусов прошли лагерь смерти Освенцим. Это белорусская трагедия в рамках всего человечества..

Одновременно на территории Беларуси против нацистского оккупационного порядка развернулось широкое и массовое антифашистское сопротивление, вооруженное партизанское движение. Около миллиона человек участвовало в разных его формах: боевой, экономической, идеологической. Но так повелось, что в рамках государственной политики еврейское партизанское или же подпольное антифашистское движения по разным причинам старались не замечать. Не засеченным осталось и пассивное сопротивление в гетто, местах выживания – малинах, попытки бегства, проявление духовного мужества при массовых убийствах нацистами.

Ну что ж, даже после 70 лет начала Великой Отечественной войны все это надо изучать. Понимая, что даже попытка охватить комплексно стороны такого протестного антифашистского движения в рамках конференции, пожалуй, будет невозможным.

Это начало исследовательского проекта Исторической мастерской о разнообразии форм и методов борьбы как в гетто, так и за его пределами. Это попытка увидеть нечто большее на протяжении разных периодов послевоенного времени. Человек на войне в рамках нацистской идеологии уничтожения целого народа должен быть представлен не только как жертва, но и как несущий свет жизни. Для многих она оборвалась на пути к свободе. Для некоторых она была потеряна и в партизанской или подпольной борьбе. Так два пути тесно переплелись на этом пути мужества и трагедии.

Руководители проекта:

директора Минского международного
образовательного центра имени Иоханнеса Рау

Виктор Балакирев и Астрид Зам,

управляющий Дортмундским международным
образовательным центром

Петер Юнге-Вентруп,

председатель Союза белорусских еврейских
общественных объединений и общин

Леонид Левин

Einleitung

In Belarus wurde während des Großen Vaterländischen Krieges jeder dritter Bewohner ermordet. Dies stellt eine Tragödie für die ganze Menschheit dar. Von Juni 1941 bis Juli 1944 wurden auf dem belarussischen Territorium mehr als 200 Ghettos von den deutschen Okkupanten für den Massenmord errichtet. Mehr als 700 000 Juden kamen ums Leben, mehr als 800 000 Kriegsgefangene starben an Krankheiten, Kälte, Hunger und schwerer Arbeit. 628 Dörfer wurden zusammen mit lebenden Menschen verbrannt. Schmerzvoll brannten Frauen, alte Menschen und Kinder. In dieser Trauer kann man kaum Wörter finden, denn nur einige überlebten. Die Überlebenden hatten noch einen unbekanntenen und dornenvollen Weg zu gehen.

Unsere Heldin hebt sich nicht von anderen Opfern des Nazismus ab, aber sie hat ihren eigenen Kampf für die Erinnerung - sie sucht nach Antworten. Zuerst sind dort Fragen. Tausende Fragen - danach wortarme Antworten. Meistens sind es die sich wiederholenden Wörter. Es sind Wörter der Hoffnung. Das Leben unserer Zeitzeugin besteht aus vielen Geschichten. Vieles ist gemeingütig, denn dieses Schicksal ist oft gleich bei vielen Verlassenden und Vertriebenen. Anderes ist persönlich: Freude und Trauer, Hoffnung und Trübsal, Erwachsen werden und die Such nach sich selbst.

Aber unsere Heldin braucht kein Mitleid. Dieses Buch ist ihr Versuch die Erinnerung an das Leben für sich selbst und für ihre Verwandten wiederzufinden. Hoffnung und Freude wieder zu bekommen und ihren Platz in der Gesellschaft zu finden – dies ist ein guter Grund sich an die Vergangenheit zu wenden. Wir wünschen unserer Heldin ein glückliches und langes Leben, sowie schöpferische Kreativität zur Weltverbesserung.

Leiter des Projekts:

Direktoren des Internationalen Bildungs- und Begegnungszentrums
Johannes Rau Minsk

Wiktor Balakirew und Astrid Sahn

Geschäftsführer der IBB gemeinnützige GmbH Dortmund

Peter Junge-Wentrup

Vorsitzende der Union der belarussischen jüdischen öffentlichen
Vereinigungen und Gemeinden

Leonid Lewin

Übersetzt von J. Lushchick

Раздел 1. Война, оккупация, антифашистская борьба в Беларуси 1941–1944 гг.

Козак К.И.

Германская оккупация Беларуси: формы и методы еврейского сопротивления нацизму

1. Историография еврейского сопротивления нацизму

В деятельности Германии на востоке историками были определены шесть главных аспектов Второй мировой войны, среди которых три напрямую связаны с организацией противостояния евреев германскому нацизму: руководство немецкого рейха планировало войну против СССР с целью политического господства, идеологического расового геноцида в отношении советского населения; одной из составных частей расовой и идеологической войны на уничтожение против Советского Союза была идея массового убийства советских евреев; отдельные намерения приобрело массовое убийство советских военнопленных. Это в большей степени повлияло на обратную защиту или агрессию – открытое вооруженное наиболее активной части населения и массовое пассивное сопротивление. В своей основе еврейское сопротивление не было исключительным явлением, но имело ряд особенностей.

Учитывая, что в зарубежной историографии германский оккупационный режим на территории Беларуси прежде всего представлен на фоне массового уничтожения еврейского населения, ликвидации партизанских зон, организации широкой сети лагерей принудительного содержания для военнослужащих Красной Армии, гражданского населения, а также масштабным осуществлением политических и военно-экономических задач¹, то белорусская тематика по формату и представлениям имеет более разнообразный характер².

Зарубежная историография. В совокупности работ немецких историков Мартина Бросцата, Ганса Маммсена, Евгения Когана формы сопротивления еврейского населения представлены в рамках организационных структур оккупационного режима, где нацистские лагеря уничтожения определены важнейшими звеньями в организации борьбы за выживание³. При этом характер взаимоотношений военных и гражданских органов с еврейским населением показывает, что уже на первых этапах оккупации они оказывали заметное противодействие политическим, военным, военно-экономическим, гражданским структурным силам.

¹ *Dallin A.* German rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies. London, 1957; *Goldhagen D.J.* Hitler's Willing executioners: ordinary Germans and the Holocaust. London, 1996; *Langenheimer H.* Mordfelder. Orte der Vernichtung im Krieg gegen die Sowjetunion. Berlin, 1999; *Streit Ch.* Keine Kamaraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991. *В генеральном плане уничтожения евреев (на 1942 г.) в отношении СССР зафиксировано 5 млн, в Беларуси – 446 484 и 420 тыс. в западной части Беларуси. По приведенным им данным на Советском Союзе было уничтожено 1–1,1 млн евреев. См.: *Goldhagen D.J.* Hitler's Willing executioners. S. 159, 271–273, 413.

² *Кузьменка У.І.* Аб трагедыі і пакутах народа (фашысцкі акупацыйны рэжым на старонках выданняў // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 1999. С. 163–197; *Иоффе Э.Г.* Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск, 2003. С. 8–31.

³ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Fassung. München, 1986 (1-ed. 1969); *Broszat M.* Nationalsozialistische Konzentration lager 1933–1945. München, 1984; *Kogan E.* Der SS-Staat / das System der deutsche Konzentrationslager. München, 1974; *Mommsen H.S.* «Nationalsozialismus», in Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. vol 4. Fribourg, 1971.

На это одними из первых обратили внимание в основном бывшие узники гетто и партизаны¹. Что касается научного представления, то американским исследователем Мартином Динном фактор совмещаемости германских органов с местными коллаборантами был отмечен в Беларуси и Украине². Более фундаментальная характеристика военных эпицентров в Беларуси и Прибалтике представлена немецким исследователем Вольфгангом Куриллом³. При значимой проблематике предыдущих работ тем не менее значима небольшая статья Ханса Хеера «Еврей – это партизан». Ссылаясь на документальные свидетельства 221-й охранной дивизии, 350-го пехотного полка, подразделений тыла группы армий «Центр» и некоторые противоположные представления, что партизанские формирования состоят и из бывших красноармейцев, возобладала расистская позиция, что понятие «еврей» идентично понятию «партизан»⁴.

Из круга германской историографии по истории Второй мировой войны выделены работы Виталия Виленчика и Богдана Мусяла с характеристиками советского партизанского движения⁵. Так, Виленчик, выделяя во взаимосвязи еврейское подполье и еврейское партизанское движение, делает вывод о том, что последнее имело тесные связи с подпольем, которое было организовано на территории гетто для защиты евреев, а не под влиянием советских и партийных органов. Таковыми, по мнению автора, являются Гродно, Новогрудок, Пинск, Минск. В дальнейшем это приводило к изоляции еврейского партизанского движения от других движений (польского, украинского)⁶.

Среди историков Израиля и США на общем фоне Холокоста фрагментарные представления некоторых типов и видов сопротивления отразили в своих работах эмигранты Ицхак Арад, Давид Мельцер, Давидом Романовский,

¹ Abramowitz L.I. Die faschistische Gehenna am Beispiel des Ghettos der Stadt Slonim. Honnover, 1995; Alpert N. The Destruction of Slonim Jewry: the Story of the Jews of Slonim during the Holocaust. New York, 1989; Cholawski S. Soldiers from the ghetto. New York, 1980; Cholawski S. The Jews of Bielorrussia During World War II. Amsterdam, 1998; Gavi J. Young hero of the Minsk Ghetto. Paducah, 2000; «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 2003; Smolar H. The Minsk Ghetto. Soviet-Jewish Partisans Against the Nazis. New York, 1989.

² Dean M. Collaboration in the Holocaust: crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 1999; Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944. СПб, 2008. –268 с.

³ Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Paderborn, 2006.

⁴ Хеер Х. Вермахт и Холокост // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. Минск, 1995. С. 35–39. *В определенной степени такой тезис подтверждается ситуацией депортации белорусского населения из Беларуси, в основном Витебской области. Начиная со второй половины 1943 г., когда практически евреи на территории Беларуси были ликвидированы, в лагерь смерти Освенцим – основное место уничтожения евреев Европы было вывезено не менее 6 тыс. женщин, детей, стариков – членов семей партизан и подпольщиков. Записанные воспоминания 222 бывших узников Освенцима полностью подтверждают данное положение. См.: Козак К.И. Германский оккупационный режим 1941–1945 гг.: насилие и массовые убийства // Борисова А.В., Козак К.И., Стучинская Г.Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. С. 19–94; Воспоминания // Борисова А.В., Козак К.И., Стучинская Г.Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. С. 100–336.

⁵ Новікаў С.Я. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны. Мінск, 2004. С. 144–147; Sowjetische Partisanen in Weißrußland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranoviči 1941–1944: Eine Dokumentation. Hrsg. Und eingeleitet von Bogdan Musial. Übersetzung aus Russischen von Tatjana Wanjat. München, 2004; Musial B. Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn, 2009.

⁶ Wilenchik W. Die Partisanenbewegung in Weißrußland 1941–1944 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte (=Historische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin; Bd. 34). Berlin, 1984. S. 246.

Леонид Смиловицкий¹. Ими в большей степени представлены уровни устной истории в мотивации борьбы за жизнь. Тем не менее Леонид Смиловицкий выделяет материал о сопротивлении политике геноцида в рамках борьбы в Минском гетто, организации семейных лагерей и отрядов, участия евреев в партизанском движении. Среди небольших, но тем не менее значимых вопросов: антисемитизм в партизанском движении, бытовые отношения и др.² В научном издании еще одного исследователя из Израиля Геннадия Веницы – борьба против германской оккупации представлена как противодействие оккупантам в рамках: пассивного противостояния, активного сопротивления и участия евреев в антифашистской (подпольной) борьбе³.

Особое внимание вооруженному сопротивлению уделила Нехема Тек. Она на примере партизанского отряда братьев Бельских, которые дислоцировались в Налибокской пуще, показала сложности в организации борьбы против германских оккупации. Еврейки-партизанки – это еще одна сторона борьбы в ее материалах⁴. Следует отметить и публикации по гендерной истории Барбары Эпштейн – об участии в сопротивлении узниц Минского гетто⁵. Свои представления о характере борьбы в Европе, в том числе и Минском гетто представил Рувим Айнштейн⁶. Такого же формата о еврейском сопротивлении, наряду с регионами Европы представлены материалы о руководителях еврейских партизан Шаломе Зорине, Абраше Арлуке, Михаиле Клибански⁷. О малоизвестных историях выживаемости в лагерях для военнопленных Аро-ну Шнееру удается более широко представить белорусских евреев⁸. Кроме этого с конца 1990-х годов появилось немало разнообразных материалов по истории еврейского сопротивления⁹.

Особое положение занимают работы участников еврейского сопротивления. Так, в книге Шалома Халявского о евреях Беларуси в годы Второй мировой войны представлен раздел о сопротивлении и восстаниях в гетто Несвижа, Клецка, Лахве и других населенных пунктах¹⁰. Более полно рассказал о восстании

¹ *Арад И.* Холокост: Катастрофа европейского еврейства (1933–1945): Сб. статей. Иерусалим: Яд Вашем, 1990; *Левин В., Мельцер Д.* Черная книга с красными страницами (Трагедия и героизм евреев в Белоруссии). Балтимор, 1996; *Мельцер Д.* Еврейское антинацистское сопротивление в Белоруссии // *Вестник*. № 14. 6 июля 1999; *Мельцер Д.* Неизвестная страница еврейского сопротивления // *Вестник*. № 7. 29 марта 2000; *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000.

² *Сьмілавіцкі Л.* Антысэмітызм у савецкім партызанскім руху на прыкладзе Беларусі (1941–1944) // *Arche*. № 5. 2008. С. 386–418; *Смиловицкий Л.* Проявления антисемитизма в советском партизанском движении на примере Белоруссии, 1941–1944 гг. // *Уроки Холокоста: история и современность*. Вып. 1. С. 144–159; *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 55–57, 102–159.

³ *Веница Г.* Холокост на оккупированной территории восточной Беларуси в 1941–1944 годах. Минск, 2011. С. 108–123.

⁴ *Tec N.* Jewish resistance in Belorussian Forests: Fighting and the Rescue of Jews by Jews // *Resisting the Holocaust*. Oxford, 1998; *Тек Н.* У партизан: судьба женщин // *Женщины на краю Европы*. С. 168–187. См.: *Tec N.* Defiance: The Bielski Partisans. Oxford, 1993. P. 154–170.

⁵ *Эпштейн Б.* Женщины в сопротивлении Минского гетто // *Женщины на краю Европы*. Минск, 2003. С. 188;

⁶ *Ainsztein R.* Soviet Jewry in the Second World War // *The Jews in Soviet Russia since 1917*. Oxford, 1970; *Ainsztein R.* Jewish Resistance in Nazi-Okkupied Eastern Europe. London, 1974; *Ainsztein R.* Jüdischer Widerstand im deutschbesetzten Osteuropa während des Zweiten Weltkrieges. Oldenburg, 1993. S. 221–235.

⁷ *Lustiger A.* Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933–1945. Köln, 2002. S. 312–319, 337–344, 344–349.

⁸ *Шнеер А.* Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003.

⁹ *Бенари Э.* Евреи Клецка, их сопротивление и уничтожение // *Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации*. Сборник научных работ. 2-е издание. Минск, 2007. – 306 с.

¹⁰ *Cholawski S.* The Jews of Bielorrussia During World War II. Amsterdam, 1998. S. 159–208.

в сентябре 1942 г. в небольшом еврейском местечке один из свидетелей Бен-Цион Даган¹. Нахим Альперт представил региональную историю сопротивления в Слонимских и Пинских лесах². Иосиф Гиви отразил в книге свой переход из Минского гетто в партизанский отряд им. М.И. Кутузова³. Воспоминания военной юности с ценными документальными материалами о партизанской деятельности в районе Ленина и Микошевич представила Фаина Шульман⁴. Значимым явлением стал перевод на белорусский язык книги свидетелей Холокоста Джека Кагана и Дова Когена, которые в числе других осуществили подкоп в Новогрудском гетто и 26 сентября 1943 г. совершили массовый побег. Вступив в партизанский отряд им. С. Орджоникидзе, они стали участниками вооруженной борьбы⁵.

Стратегия выживания евреев: самый успешный способ сопротивления – побег. По мнению Кристиана Герлаха, некоторые стратегии выживания евреев уже с начала оккупации были раскрыты⁶. В этом причина потерь и неудач как узников гетто, так и еврейского населения. В итоге самым важным и наиболее успешным способом сопротивления евреев был побег. Для них в этом регионе было больше шансов выжить, чем в любом другом месте. Во-первых, несмотря на то, что антисемитизм в Беларуси был, он был развит относительно слабо. Также в советское время были достигнуты успехи в интеграции евреев в восточной Беларуси. Во-вторых, в Беларуси было очень сильно развито партизанское движение. Таким образом, выходом из положения были союзники, к которым можно было сбежать. Само собой разумеется, это было ясно и немцам. Так, в командовании гарнизоном города Барановичи заявили: «Подтвердилась информация, что в банды партизан также вступают и евреи. Евреям известно, что рано или поздно их убьют. Поэтому из двух зол они выбирают наименьшее и пытаются пробиться к партизанам, что им часто удается».

Таким образом, становится ясной упоминаемая во многих источниках связь между уничтожением евреев и борьбой с партизанами. Евреи, которые убежали из гетто, чтобы избежать смерти, пытались примкнуть к партизанам и тем самым делали их более сильными. С точки зрения немцев уничтожение евреев было в некоторой степени превентивной мерой борьбы с партизанами – убитый еврей к партизанам не сбежит. Уже в 1941 г. это стало мотивом убийств евреев в восточной Беларуси. Абстрактно-идеологическое отождествление евреев с партизанами, на которое был сделан акцент, определенно сыграло роль в первые недели войны, но затем было вытеснено из логической связи двумя фактами. Во-первых, всем евреям угрожала смерть а во-вторых, было массовое сопротивление и партизанское движение против человеконенавистнической оккупационной политики Германии.

Число убежавших в лес белорусских евреев составляет 30–50 тыс. человек, или 6–10 % всего не эвакуированного еврейского населения Беларуси.

¹ Даган Бен-Цион. Мы из восставшей Лахвы. Тель-Авив, 2001. – 160 с.

² Alpert N. The Destruction of Slonim Jewry: the Story of the Jews of Slonim during the Holocaust. New York, 1989. – 380 s.

³ Gavi J. Young Hero of the Minsk Ghetto. Paducah, 2000. S. 34–60.

⁴ Schulman F. Die Schreie meines Volkes in mir. Wie ich als jüdische Partisanin den Holocaust überlebte. München, 1998. – 269 s.

⁵ Kagan J., Cohen D. Surviving the Holocaust with the Russian Jewish Partisans. London, 1998; Каган Дж., Коген Д. Як мы перажылі Халакост з яўрэйскім партызанскім атрадам у Беларусі: Дак. пovesць / Пер. З англ. Т. Вяршыцкай; прадрмова М. Гілберта. Мінск, 1999. – 308 с.; Каган Д. Через туннель к евреям партизанам. Минск, 2007. – 32 с.

⁶ Здесь и далее: Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 743–746. (Примеч. – пер. с нем. выполнен студентом МГЛУ Андреем Медведевым).

Главный комиссар города Барановичи сообщал, что в пяти районах, находящихся у него в подчинении, в течение года убежало 6 тыс. евреев, а историк Мойша Каганович заявлял, что в Западной Беларуси и Западной Украине было 11 тыс. зарегистрированных партизан-евреев, из них 3 тыс. погибло. По словам Рувима Айнштейна только из Минского гетто убежало 10 тыс. человек¹. Наряду с побегами отдельных людей имеются (начиная с середины 1942 г.) многочисленные сообщения о массовых побегах, особенно из западных областей. На такое евреи отваживались особенно во время убийств или непосредственно перед ними. Хотя количество евреев в белорусском партизанском движении, включавшем в себя 300 тыс. человек, и было незначительным, не стоит ими ни в коем случае пренебрегать. Конечно, они были наиболее сильно мотивированными бойцами, которые внесли значительный вклад в победу над Германией.

Лишь небольшая часть евреев-беглецов выжила. В этом сыграли решающую роль различные причины. Во-первых, евреев беспощадно преследовали немецкие солдаты и они жили в невыносимых условиях. Во-вторых, евреи нередко убегали не в подполье, а из одного гетто в другое, часто из-за враждебного отношения нееврейского населения и тяжелой жизни в подполье. Так, в Лиде было 750, а в Вороново 300 беглецов из Вильнюса, города, который в 1941 г. стал центром оккупированной Беларуси. В Белостоке появились евреи из сельской местности, а в Пружанах – из Слонима.

Чтобы подавить слухи о резне в их родных местах и избавиться от новых «нежелательных едоков», евреи в Лиде, Вороново и Пружанах вскоре были выделены и расстреляны. Еще 20 июня 1942 г. после освобождения Пузевич – лагеря принудительных работ, из 500 евреев все до одного решили пойти не к партизанам, а к родственникам, которые жили поблизости.

Очень немногим евреям удавалось «легально» жить под вымышленным именем. Третьим выходом был лес, но шансы выжить там были очень низкие. Опасности подвергались прежде всего члены еврейских семейных лагерей: старики, женщины и маленькие дети, которые в случае крупной немецкой атаки были часто малоподвижными, чтобы спастись бегством. Эти группы населения и составляли большинство евреев-беглецов. Таким образом, за счет евреев увеличивалось количество бойцов в партизанских отрядах, но не их боевая мощь. Невооруженные гражданские были для партизан обузой. Сюда следует добавить голод, холод, грязь и недостаток медикаментов. Выжить было чрезвычайно трудно. Так, из 400 евреев, которые 21 июля 1942 г. сбежали из Клецка, до освобождения дожили лишь 25 человек. Лишь немногие сбежавшие из гетто добрались до партизан, большинство из них были пойманы. Исследование 1089 выживших из Вильнюса и 361 из его окрестностей (среди них Ивье, Лида и другие населенные пункты Беларуси) показало, что из 361 еврея были 201 мужчина, 122 женщины и лишь 38 детей. 146 выжили благодаря бегству в советский тыл, 13 вступили в Красную Армию (вместе 40%), 10 спрятались у неевреев, 12 – в концентрационных лагерях, 81 – у партизан. Относительно много выживших были рабочие или школьники, которых немцы до последнего момента могли отправить на принудительные работы. Многие тысячи белорусских евреев из Минского района спаслись лишь благодаря подпольщикам, которые переправили их через линию фронта².

Малоизвестные страницы еврейского партизанского сопротивления посредством перевода на белорусский ряда зарубежных исследователей были

¹ Ainsztein R. Jüdischer Widerstand im deutschbesetzten Osteuropa während des Zweiten Weltkrieges. S. 235.

² Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. S. 746.

представлены в журнале «Архе». Через историю Холокоста в небольших работах Феликса Акермана, Александра Фридмана, Егуды Гайбера, Шломы Клеса отмечены тенденции сопротивления¹. Так, Марка Бартушка, представляя партизанское движение наряду с польским, украинским и русским, отмечает, что уже с первых дней войны действовали еврейские партизаны. Первоначально как военнослужащие, которые попали в окружение и стремились выжить таким образом. В дальнейшем еврейские партизаны вместе с советскими все больше втягивались в активное противостояние между советскими и польскими партизанами².

Что касается российской историографии, то немало осуществил в разработке широкого круга вопросов Илья Альтман³. В изданной энциклопедии «Холокост на территории СССР» он как главный редактор и исследователь в большей степени представил материал о еврейском сопротивлении в Беларуси. И кроме этого он смог привлечь к работе авторского коллектива группу историков из Беларуси⁴.

Белорусская историография. Что касается Беларуси, то историки, а с ними и общественность ограничились лишь рассмотрением отдельных аспектов еврейского сопротивления в контексте общих военных действий на востоке. Однако будет правильным отметить первую книгу о нацистской политике геноцида против еврейского населения Беларуси бывшего узника Минского гетто, одного из талантливых организаторов антифашистского подполья Гирши Смоляра. В ней даны описания первых акций массового уничтожения еврейского населения силами вермахта, полиции и представителей коллаборации. В книге представлена деятельность антифашистского подполья в Минском гетто, участие бывших узников гетто в партизанском движении⁵. Тем не менее данная проблема в историческом ракурсе Великой Отечественной войны так и не была продолжена. Этому мешала компания послевоенного антисемитизма, увлечение историками во времена холодной войны глобализацией фронтовых действий стран победителей.

Однако наиболее значимые позиции в историографическом пространстве заняли непосредственные участники сопротивления и трагедии гетто. Началом послужила книга «Партизанская дружба», напечатанная для массового издания в 1948 г. Однако в начавшейся компании антисемитизма и запрета на подобную информацию, ей так и не пришлось дойти до массового читателя⁶. Тем не менее, она сохранилась и в 2003 г. состоялось ее второе рождение. В ней представлены воспоминания руководителей партизанского движения В. Андреева, П. Брайко, А. Федорова, А. Бринского, Ф. Капусты, И. Кожара, И. Бельского и др., где в составе руководимых ими формирований в белорусских, украинских, российских лесах наряду с другими героически сражались еврей-партизаны. Отдельные очерки посвящены комиссару отряда им. Буденного Науму Фельдману и его боевой деятельности в составе минского

¹ Акерман Ф. Нямецкая акупацыя Гародні ў чэрвені 1941 – ліпені 1944 гг.; Фрыдман А. Перасьлед і зьнішчэньне габрэяў Беларусі летам 1941 г.; Байэр Е. Габрэйскія Баранавічы ў час Галакосту; Клес Ш. Юдэнрат баранавіцкага гета, 1941–1942 г. // Arche. № 5. 2008. С. 204–269; 485–524; 525–555; 556–591; 592–605.

² Бартушка М. Партизанская вайна ў Беларусі ў 1941–1944 гадах // Arche. № 5. 2010. С. 386–418. 3 гета ў ляс – габрэйскае выжыванне і габрэйскі супраціў С. 338–349.

³ Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009. –1143.

⁴ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. См.: Альтман И.А. Партизанские отряды еврейские. С. 725–728; Партизаны-евреи. С. 729–730; Подпольные организации в гетто. С. 759–761, Подпольщики-евреи. С. 763; Юденраты. С. 1124.

⁵ Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947.

⁶ Партизанская дружба. Минск, 2003. – 204 с.

подполья. Среди других лиц – командир отряда им. М.И. Кутузова Израиль Липидус, партизанка Соня Гутина из Ветки¹.

К сожалению, лишь в 1990-х гг. вследствие политических изменений в общественной жизни в Беларуси началась разработка широкого круга вопросов антигерманского сопротивления, том числе и со стороны еврейского населения. При этом, учитывая сложности обработки и введения в научный оборот зарубежных материалов, долгое отсутствие исследований по данным вопросам, представленные работы были усилены за счет источниковедческого анализа, где отдельными штрихами выделены некоторые интересующие нас аспекты². В разные периоды были изданы небольшие материалы о героических проявлениях со стороны подпольщиков Минского гетто³.

В определенной мере разработке структурализма способствовало обозначение мест уничтожения евреев в работах В.Ф. Романовского, М.Я. Савоняко, М.Б. Ботвинника, Б.П. Шермана⁴. Тем не менее только работа Инны Герасимовой и Вячеслава Селеменова в сборнике «*Встали мы плечом к плечу*» раскрывает более точную статистику и методику подсчета о евреях в партизанском движении Беларуси 1941–1944 гг.⁵ Пожалуй, представленный сборник можно определить как один из самых полезных для исследователя.

Впоследствии появились обобщающие публикации, статьи и материалы ведущих специалистов по истории Холокоста: Э.Г. Иоффе и Е.С. Розенבלата⁶.

¹ Письменный А. Комиссар Наум Фельдман; Черный О. Мстители Минского гетто; Беркин С. Соня Гутина // Партизанская дружба. С. 153–159; 60–166; 184–185.

² «Нацистское золото» из Беларуси. Минск, 1998; Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг.: Сборник материалов и документов. Минск, 1995; Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы. Минск, 2002; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах / авт.-сост. Р.А. Черноглазова. Минск, 1999. См.: История Холокоста на территории Беларуси. Библиографический указ. / Сост. И.П. Герасимова, С.М. Паперная. Витебск, 2001.

³ Торпусман Л. Наши девочки: [О Маше Брускиной и других героинях Мин. подполья] // Евр. камертон. Прил. к газ. «Новости недели». 1999. 26 авг.

⁴ Романовский В.Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск, 1974. С. 20; Он же. Забвению не подлежит. Минск, 1985. С.22. Савоняко М.Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. Минск, 1993; Ботвинник М. Памятники геноцида евреев в Белоруссии. Минск, 2000; Ботвинник М. Холокост в книгах «память» Республики Беларусь. Минск, 2008. Шерман Б.П. Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Справка-характеристика крупных преступлений фашистов в гор. Барановичи и районе в 1941–1944 гг. Барановичи, 1997. См.: Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 25–27 крас. 2002 г., Мінск / Адк. рэд. К.І. Козак, А.М. Літвін, У.Н. Сідарцоў. Мінск, 2003.

⁵ Встали мы плечом к плечу. Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. / Сост. И.П. Герасимова, В.Д. Селеменов. Минск, 2005. – 188 с.; Герасимова И., Селеменов В. К вопросу о численности евреев в партизанском движении Белоруссии 1941–1944 гг. // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Мінск, 2005. С. 132–138; Герасимова И.П. Евреи в партизанском движении Белоруссии. Общая характеристика // Уроки Холокоста: история и современность. Вып. 1. Минск, 2009. С. 137–142.

⁶ Иоффе Э.Г. Катастрофа белорусских евреев // Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. Минск, 1996. С. 108–162; Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск, 2003; Кнатько Г.Д. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). Мінск, 2003. С. 37–60; Розенבלат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 г.): Дис. ... канд. ист. наук (07.00.02) / НАН Беларуси. Ин-т истории. Минск, 1999; Розенבלат Е.С. Политико-правовое положение еврейского населения в западных областях Беларуси (1941–1944 гг.) // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы. У 2 ч. Ч. II. Мінск, 2000. С. 9; Розенבלат Е.С. Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25–26 июня 2009 г.) Минск, 2009. С. 269–274; Розенבלат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939–1944 гг. Брест, 1997.

Так, профессор Э.Г. **Иоффе** в научном издании в 2003 г. «*Белорусские евреи: трагедия и героизм 1941–1945*» разделяет сопротивление евреев в гетто, партизанском и подпольном движении¹. Казалось бы, такое уточнение не претендует на открытие, но относительно вводимого в научный оборот фактического материала – это безусловно важный компонент истории. Хотя данная работа представляет собой запоздалое в европейском контексте представление, но первое, хоть и краткое научное исследование по истории сопротивления евреев в Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

В контексте партизанского движения на территории Беларуси – как фактор массового сопротивления германским оккупационным органам ряд вопросов в историографическом плане подчеркивает Евгений **Розенблат**. Полемизируя с авторами публикаций по истории еврейского сопротивления и опубликованными работами некоторых руководителей партизанского движения Беларуси, ему представляется, что показатели об участии евреев в движении сопротивления являются исключительно высокими и превышают показатели любых других национальных групп. Им замечено, что практически невозможно точно определить количество членов подпольных групп, а также участников вооруженных выступлений в гетто. Но сам факт восстаний в гетто является чрезвычайно ярким свидетельством, опровергающим миф о безропотности еврейского населения. Ведь подобных примеров сопротивления немного даже в истории лагерей военнопленных и концентрационных лагерей².

Одновременно с этим ряд направлений белорусскими историками были представлены в значимых научных исследованиях – кандидатских диссертациях. К ним можно отнести работу на соискание ученой степени кандидата исторических наук С.Н. **Тукало** «*Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 года)*»³. Среди основных положений, которые касаются организации форм и методов сопротивления: юденрат (еврейский союз) Минска сыграл роль в организации и деятельности подпольных групп (десяток) на территории гетто, оказании помощи партизанским отрядам и формированиям. Несмотря на то, что еврейский комитет постоянно находился под пристальным и строгим надзором немецких властей, некоторые его представители все же смогли стать реальной, хотя и иллюзорной, надеждой на спасение для евреев Минского гетто. Основной задачей подпольщиков Минского гетто было спасение женщин, детей, стариков, укрытие их в безопасных местах. Кроме этого активисты геттовского подпольного центра распространяли среди узников пропагандистскую литературу, собирали теплую одежду, медикаменты, продукты, оружие, боеприпасы, другие необходимые вещи и передавали партизанам.

¹ Иоффе Э.Г. *Белорусские евреи*. С. 158–178; 217–358.

² Розенблат Е. *Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и о роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах*. С. 274.

³ Тукало С.М. *Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 года): Аўтарэф. ... канд. гіст. навук*. Мінск, 2010. – 25 с.; Тукало С.М. *Да гісторыі падполля ў Мінскім гета: структура, склад, арганізацыя дзейнасці і яе асноўныя накірункі // Мінскае павінна служыць людзям... : матэрыялы архіўных чытанняў "Р.П. Платонаў і пытання архівазнаўства, археаграфіі, крыніцазнаўства і гісторыі Беларусі ХХ ст.", прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння Р.П. Платонава, Мінск, 14 снежн. 2005 г. / БелНДІДАС; рэдкал.: У. І. Адамушка [і інш.]. Мінск, 2006. С. 130–137. *В третьей главе «Падполле Мінскага гетта» прадставлены структура і состав, асноўныя напраўлення дзейнасці падполля. Уточнена, што на працяжэнні 1941–1942 гг. падпольшчыкі вывезлі з горада ў партызанскія атрады больш за 2 тыс. чалавек. В 1943 г. – больш за 6,5 тыс., у тым ліку і узніклов Мінскага гетта. См.: Тукало С.М. *Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 года)*. Аўтарэф. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2008. – 23 с. *Решением Президиума ВАК работа не была утверждена (Примеч. – К.К.).*

Они смогли наладить устойчивые связи с городским подпольем, выводили надежных людей в лес для вступления в партизанские отряды и создания своих собственных партизанских формирований. Осуществляли диверсии на предприятиях врага, коммуникациях¹.

Еще в одной работе Г.Р. **Виницы**, которая посвящена нацистской политике геноцида еврейского населения восточной и центральной частей Беларуси в 1941–1944 гг., в разделе «Противодействие оккупантам» под пассивным сопротивлением большинства евреев представлены попытки тех, кто находился в невыносимых условиях изоляции и пытался сохранить жизнь и личное достоинство. К данному отнесено и экономическое сопротивление: торговые операции с местным населением по обмену вещей на продукты питания, а также попытки тайного проноса еды в гетто, приготовление еды в гетто, освещение узниками своих жилищ коптилками, самодельными свечами, карбитом, попытки достать топливо. Духовное сопротивление также явилось одной из разновидностей противодействия антиеврейской политике нацистов. Оно выражено в спасении предметов культа, тайной организации учебно-образовательного процесса в местах изоляции, совершении религиозных обрядов, проведении свадеб, в решительном поведении во время акций уничтожения. Нередкие случаи суицида – это акты решительного протеста политике геноцида и проявления силы духа. В системе активного сопротивления – действия, направленные на сохранение жизни обитателей гетто и причинение ущерба оккупантам. Это примеры укрывательства, т. е. обустройство в гетто убежищ, побеги из гетто или мест расстрела, отказ выполнять распоряжения нацистов по обязательной регистрации и переселению в места изоляции (поиск тайного укрытия, использования фиктивных документов). Автором подчеркнуто, что наиболее активно деятельность была организована в гетто, которые дольше других существовали. К таким отнесено Минское гетто, где действовали 22 подпольные группы. Пример спасения евреев жителями Беларуси отмечен как одна из составляющих противодействия евреев оккупантам².

При разработке вопросов геноцида еврейского населения в Витебской области молодая исследовательница **Алеся Корсак** обратила внимание на восстания в гетто³. Ей же удалось на фоне истории Холокоста представить некоторые региональные фрагменты пути евреев к спасению. Остаются полезными и другие материалы, опубликованные за последние годы⁴.

Наряду с тенденцией расширения круга вопросов по истории Холокоста, участия евреев в сопротивлении оккупационному режиму, тем не менее заметно, что они в немалой степени базируются на опубликованных материалах,

¹ Тукало С.М. Генацыд і барацьба яўрэйў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 года). С. 4.

² Виница Г.Р. Нацистская политика геноцида еврейского населения в восточной и центральной частях Беларуси в 1941–1944 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2008. С. 10, 11.

³ Корсак А.Л. Паўстанне вязняў Глыбоцкага гета як адна з формаў супраціўлення яўрэйскага насельніцтва палітыцы нацстаў у 1941–1944 гг. // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25–26 июня 2009 г.). Минск, 2009. С. 411–415.

⁴ Батурын Ф.Б. Чорны год: Маст.-дакум. аповесць. Мінск, 2011; Козак К. Формы сопротивления оккупационному режиму; Пути из гетто к спасению: этапы и их характеристики // Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси / состав. К.И. Козак, М.И. Крапина [и др.]; под ред. В.Ф. Балакирева, К.И. Козака. Минск, 2009. С. 23–28, 28–48; Казак К.И., Савицкий Э.М. Материалы Национального архива республики Беларусь об участии евреев в партизанском движении и подполье Белоруссии (1941–1944 гг.) // Вестник Еврейского университета в Москве. Москва-Иерусалим, 1995. № 2. С. 124–133; Стрелец М. Участие евреев в антигерманском сопротивлении на оккупированной территории Беларуси // Уроки Холокоста: история и современность. Сборник научных работ. Вып. 1 / Сост. и ред. Я.З. Басин. Минск 2009. – 212 с.

воспоминаниях непосредственных свидетелей трагедии. Большинство таких материалов подготовлено и издано за пределами Беларуси. Их сопоставление с тематикой антифашистской борьбы характеризует такие виды сопротивления, как побеги (Миоры, Полоцк, Мир)¹, гетто как резерв для партизанских формирований (Пинск) и др.²

Особенности, специфика отношений. В историографическом плане проблема о значимых препятствиях со стороны советского и партийного руководства при вступлении евреев в партизанские формирования обозначена в контексте общих проблем: принимали наиболее подготовленных и проверенных в антифашистской работе, при наличии боевого оружия – как доказательство решимости вступить в боевую деятельность, при рекомендации местных подпольных антифашистских органов, так как нередко место дислокации и состав становились известными оккупационным органам. Широко известны случаи, когда женщин, детей, стариков даже из партизанских семей не принимали в отряды. Это нередко приводило к трагическим последствиям при проведении оккупационными органами карательных операций и к жестокому отношению к евреям, семьям партизан или жителям партизанских зон. Одним из ведущих специалистов в вопросах истории Холокоста Евгением **Розенблатом** представлены основные причины негативного отношения к евреям³. При ряде противоречивых, но бытующих положений такая постановка заслуживает рассмотрения:

1. *Квота.* Советское руководство сознательно шло на ограничение «квоты» евреев в партизанских отрядах, чтобы не играть на руку нацистской пропаганде, утверждавшей, что партизаны (бандиты) – это евреи и коммунисты. Высшие лица советского государства были убеждены, что обилие евреев в составе партизанских формирований будет компрометировать идею движения сопротивления в глазах жителей оккупированных территорий. По этим же соображениям партийное и советское руководство избегало вообще поднимать «еврейский вопрос». В этом смысле показателен отчет одного из руководителей Могилевского подполья Казимира *Мэтте*, который в апреле 1943 г. откровенно сообщал: «Учитывая настроение населения, невозможно было в агитационной работе открыто и прямо защищать евреев..., так как это, безусловно, могло вызвать отрицательное отношение к нашим листовкам даже со стороны наших, просоветски настроенных людей или людей, близких нам. Приходилось затрагивать этот вопрос косвенно, указывая на зверскую ненависть фашизма к другим нациям и стремление к уничтожению этих наций, на натравливание фашистами одной нации на другую, на то, что под лозунгом борьбы с евреями и коммунистами хотят уничтожить нашу Родину...»⁴

2. *Шпиономания.* В сложной обстановке военного времени партизаны часто предпочитали не рисковать и не связываться со случайными людьми. Уцелевшие евреи вызывали особое недоверие, так как подозревались в том, что

¹ Донесение гебиткомиссара г. Глубокое генеральному комиссару Белоруссии В. Кубе об уничтожении евреев. 1 июля 1942 г.; Донесения начальника жандармерии Барановичского округа коменданту жандармерии Белоруссии об уничтожении евреев. 26 августа 1942 г.; Донесение жандармского поста в местечке Мир начальнику жандармерии Барановичского округа об акции против евреев. 1 октября 1942 г. // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. С. 93, 96.

² Из приказа Гимmlера об уничтожении гетто в Пинске. 27 октября 1942 г. // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. С. 97.

³ Здесь и далее. См.: *Розенблат Е.С.* Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. Минск, 2010. С. 205–253.

⁴ *Розенблат Е.С.* Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С.251; РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 25. Л. 401–418.

сохранили свою жизнь ценой предательства. В самых высоких инстанциях делались заключения о необходимости тщательной проверки евреев, принимаемых в партизанские отряды. В 1942 г. начальник разведывательного управления ЦШПД **Аргунов** составил «Справку о провокационных методах борьбы с партизанами», в которой отметил: «Для забрасывания в партизанские отряды в качестве разведчиков немцы используют евреев, надеясь на то, что партизаны, зная, что немцы евреев жестоко преследуют, будут оказывать им больше доверия». Среди командного состава партизанских формирований бытовали слухи о том, что немцы активно используют евреев в качестве лазутчиков и даже организовали для них специальные курсы при гестапо. Судя по всему, в 1943 г. по партизанским отрядам прокатилась волна разоблачения «шпионов»-евреев. Историкам еще предстоит выяснить, сколько людей в Беларуси, переживших Холокост, стало жертвами этой кампании¹.

Так, по информации командира партизанского отряда «Сокол» (15 июня 1943 г.): «... В Минске есть гестаповская школа, примерно 20-дневная, которая существует и сейчас. Из этой школы выходит много воспитанников, которые направляются в разные места. Посылаются даже целыми группами. Больше всего бывает женщин. Попадаются и мужчины... В середине октября 1942 г. к нам прибыли двое – муж с женой. Оба из Минска, по национальности евреи. Жену звали Любой, фамилию не помню. Заподозрили. Командир отряда **Липидус** сказал, что их не знает. Стали допрашивать. Ничего не знают, хотят воевать. Стали применять пытки – не сознаются. Его расстреляли. Жену оставили... Во время блокировки района немцы нашли ее в хлеву с оружием, но оружие не отняли... Нам сообщили из бригады, что Люба расстреляна как гестаповка, которая готовила покушение на командный состав бригады».

3. **Антисемитизм и стереотипные представления.** Среди части партизан и подпольщиков бытовали антисемитские настроения и стереотипные представления о небоеспособности евреев и бесполезности нахождения их в отряде. Иногда по отношению к евреям, желающим найти покровительство со стороны партизан, некоторые из последних действовали как мародеры и после ограбления евреев спешили избавиться от них как от свидетелей совершенного преступления². Нередко трагические последствия принимаемых

¹ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 251; РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 37. Л. 13; Д. 20. Л. 578. Миф о том, что евреи используются в качестве агентов германской разведки, возник в недрах НКВД еще в 1940 г. (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов / Редкол. С. В. Степашин [и др.]. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 281; Т. 1. Кн. 2. С. 159.

² О неоднозначности данных положений можно судить по выводам Евгения **Розенблата** о том, что еврейское подполье и партизанское движение нуждаются в очищении от многочисленных мифов, стереотипов и табу, точно так же, как и советское партизанское движение, история АК и ОУН-УПА. Один из таких мифов – это поголовный антисемитизм среди советских партизан. Нет ни одной книги еврейских воспоминаний, где бы об этом не говорилось. Не отрицая сам факт, отметим, что:

а) антисемитизм среди подпольщиков и партизан не был массовым;

б) антисемитские настроения, безусловно, усилились в 1943–1944 гг., когда в ряды советских партизан влилось большое количество бывших полицейев, иногда власовцев, т. е. людей, которые подвергались постоянной и целенаправленной антисемитской обработке; именно в это время в партизанских отрядах и семейных лагерях значительно увеличивается численность евреев, бежавших из гетто, лесных лагерей и т. д.

в) несмотря на антисемитизм, именно в рядах советских партизан евреи могли занимать (и занимали) командные должности в партизанских отрядах и соединениях (будучи командирами, комиссарами и начальниками штабов). Причем это не единичные факты. См.: Розенблат Е. Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 273.

решений командного состава воспринимаются однозначно, как факт антисемитизма. Так, в одном партизанском отряде в лесах Деречина и Зельвы во время карательной операции две девушки еврейки **Фейга Шелюбская** и **Бейла Беккер** из Деречина спрятали винтовки, вышли из окружения и пришли в отряд без оружия. Командир потребовал от девушек оружие. Он не принял их объяснения и застрелил обеих (1943)¹.

4. *Партизанское движение зеленых*. Знаменитые отряды **Бельского** и **Зорина** – это те же «зеленые», но под защитой более сильного – советских партизан. Своеобразная еврейская лесная «самооборона», как точно такая же самооборона от евреев и партизан возникала во многих белорусских и польских деревнях².

5. *Евреи-«восточники» в подполье Западной Беларуси*. Наиболее активную роль в организации антифашистского (в том числе советского) подполья в Западной Беларуси сыграли евреи-«восточники». Оказавшись в безвыходной ситуации, евреи-«восточники» вынуждены были объединяться и начать борьбу с оккупантами, чтобы выжить³. Безусловно, данный тезис нуждается в широком представлении материалов, сопоставлении с другими действующими положениями о сложности ведения евреями подпольной работы вне гетто.

По мнению одного из разработчиков темы о составе партизанских формирований Минского соединения **Елены Павловой**, представляется достаточно спорным вопрос о количественном представительстве еврейского народа в партизанском движении⁴. Отдел кадров БШПД в целом по Беларуси приводит цифры от 1,5 до 2,9 %, но по Барановичской области – до 8,83 %. По мнению **Э. Г. Иоффе**, **И. Герасимовой** и **В. Д. Селеменева** количество евреев в отрядах и бригадах Беларуси составляло около 12 тыс. чел. плюс 450 евреев – выходцев из Литвы (т.е. 3,3 %) ⁵. Тем не менее **Э. Г. Иоффе** в совокупности указывает о 15,3 тыс. евреях партизан и подпольщиков. Среди партизан около 12 тыс. евреев, еще около 1,5 тыс. евреев входили в спецгруппы и отряды, которые засылались на территорию Беларуси в тыл врага в первые месяцы войны, а также воевали в составе диверсионно-разведывательных партизанских отрядов по линии Наркомата государственной безопасности БССР, Наркоматов внутренних дел СССР и БССР, Генерального штаба Красной Армии⁶. Что касается **И. П. Герасимовой** и **В. Д. Селеменева**, то ими на основе архивных документов БШПД представлены более достоверные данные – 8465 евреев, в том числе 1023 погибших в боях⁷.

Воспоминания и их информационная значимость. Особо следует подчеркнуть значимость опубликованных нетрадиционных источников – воспоминаний свидетелей. И хотя они написаны в разное время, о разных событиях, но

¹ *Бакальчук-Фелин М.* Воспоминания еврея-партизана. С. 116. *По выводам **Л. Смиловицкого** существование антисемитизма в партизанском движении Беларуси можно считать установленным. См.: *Смиловицкий Л.* Проявления антисемитизма в советском партизанском движении на примере Белоруссии, 1941–1944 гг. // Уроки Холокоста: история и современность. Вып.1. С. 155.

² *Розенблат Е.* Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 270.

³ Там же. С. 272.

⁴ *Павлова Е. Я.* Личный состав и кадры партизанских формирований // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. С. 296.

⁵ *Иоффе Э. Г.* Белорусские евреи. С. 259–318.

⁶ *Иоффе Э. Г.* По достоверным источникам: Евреи в истории городов Беларуси. Минск, 2001. С. 24, 25; *Иоффе Э. Г.* Белорусские евреи. С. 318. * На территории Беларуси в годы войны в рядах партизан сражалось не менее 10 350 евреев. См.: *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945. М., 2002. С. 372. *Методика подсчетов авторами не раскрыта (Примеч. – К.К.)

⁷ *Встали мы плечом к плечу.* С. 13–150.

многие формы выживания и борьбы имеют много общего¹. Такими ценными стали работы бывших узников гетто и партизанского движения Абрама **Рубенчика** из отряда им. Кирова, Мейлах **Бакальчук-Фелина** – одного из создателей первого партизанского отряда на территории Украины и южной части Беларуси 1942–1944 гг.² В этом же ряду воспоминания и интервью бывших узников Минского гетто – партизан прежде всего опубликованные в США и Израиле: **А. Лapidуса, И. Вайца, А. Гальбурта** и др.³

Фрагменты эпизодов о партизанском движении бывших узников гетто представлены в воспоминаниях, подготовленных Исторической мастерской. Среди таковых материалы бывших узников Минского гетто Михаила **Трейстера**⁴. Малолетние узницы **Геня Завольнер, Майя Левина-Крапина, Фрида Лосик-Рейзман** представили сведения о братьях, ставших партизанами и выводивших группы из гетто⁵. Немало материалов, среди которых **Х.И. Рубинчик, Я.Г. Шапиро, Раиса Гитлина, Моисей Горелик, С.М. Голуб, Я. Гринштейн, С.Л. Заяц, А. Красноперко, Л.Г. Меломед, М.Г. Пекарь, М.Х. Шмелькина, Б.В. Сребник, Л. Ланский, А.С. Корета, А.В. Домашевич, Г.М. Кантор, З.Ф. Винер, П.Я. Добин** и др. в деталях передают особенности формирования еврейского партизанского движения⁶.

Особый пример представлен бывшей узницей Минского гетто **Елизаветой Левковой**. Нахождение в схроне в течение девяти месяцев вместе с 25 такими же, как она, явилось примером борьбы за жизнь. Этому способствовали факторы конспирации, коллективной поддержки, организации питания, быта и психологической совместимости⁷.

Несомненный интерес для широкого круга читателей и исследователей представляют дневники, записи первых послевоенных лет. Так,

¹ *Даган Бен-Цион. Мы из восставшей Лахвы. Тель-Авив. 2001; Рубенчик А. Правда о Минском гетто. Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана. Тель-Авив, 1999; Сегаль И. Лесной скиталец. Тель-Авив, 2001; Минское гетто // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 103–227; Минское гетто // Черная книга: О злодействе повсемест. убийстве евреев нем.-фашист. захватчиками во временно оккупир. районах Совет. Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Вильнюс, 1993. С. 106–130; Красноперко А. Brief meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk 1941/42. Haus Villingst, 1991.*

² *Рубенчик А. Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. партизана. Тель-Авив, 1999; Бакальчук-Фелин М. Воспоминания еврея-партизана. М., 2003.*

³ *Вайц И. Ликвидация Минского гетто; Минск: еврейская община под властью оккупантов // Вайц И. Катастрофа еврейского еврейства: 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза. Тель-Авив, 2000. С. 103–109; 65–85; Лapidус А. Нас мало осталось, нам много досталось // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 341–450; Млынский Б. Страницы жизни времен Катастрофы. Балтимор, 1998.*

⁴ *Трейстер М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Вып. 4 / Отв. ред. К.И. Козак. Минск, 2007. С. 40–41, 46–50; Трейстер М. Минское гетто. Проблески памяти // Минские гета 1941–1943 гг. Трагедия. Гераизм. Памяць: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 24 кастр. 2003 г. Мінск / Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мінск, 2003. С. 79–88.*

⁵ *Завольнер Г. Гальперина Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Минск, 2004. С. 16–18; Завольнер Г. Минское гетто: трудный путь к спасению // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі: Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 10 ліст. 2004 г. Мінск / Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мінск, 2005. С. 182–190; Жива.... Да, я жыва! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и документы. Минск, 2005. С. 55–57, 59, 164–169.*

⁶ *Гальбурт А. Воспоминания. Минск, 2000; Гальбурт А. Выживший в аду: незабываемое. Минск, 2003. С.55–56; Краснапёрка Г. Письмы маёй памяці. Мінск, 1984; Сребник Б.В. Воспоминания // ... На перекрестках судеб. С. 205; Из воспоминаний Л.Г. Меломеда узника Минского гетто // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. С. 143–166; Из воспоминаний С.М. Голуба // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. С. 148–150.*

⁷ *Левкова Е. Девять месяцев под землей; Добин Б., Каплан А.В. Еще раз о памяти // Мінскае гета 1941–1943 гг. С. 186–193, 194–205; Гай Д. Десятый круг. М., 1991. С. 298–313; Гухман М. Один из тринадцати // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 135–139.*

опубликованный, чудом уцелевший дневник о судьбах Клары (Лели) и Берты Брук – дочери и матери, которым пришлось пройти страшный путь узников Минского гетто, быть свидетелями безвинной гибели десятков тысяч людей, но нашедших в себе силы и мужество выстоять и стать активными участниками партизанской борьбы в Беларуси – одна из редких творческих удач составителей данной работы¹. В документальных материалах воспоминаний бывших узниц Минского гетто Рахили Раппопорт и Берты Маломед имеется немало свидетельств о существовавших трудностях на их пути в еврейский партизанский отряд². Еще одной из таких значимых для белорусской историографии стали дневниковые записи и сохраненные дочерью Зинаидой Никодимовой документы Хаси Пруслиной – бывшей узницы Минского гетто, подпольщицы и партизанки. В них среди множества поставленных вопросов можно остановиться на четырех³.

Первое: история памяти Минского гетто. Это Минское гетто, увиденное глазами не жертвы, а человека самодостаточного, боровшегося за себя, близких и просто окружающих людей⁴. Тогда – ежеминутная смертельная опасность, но леденящий страх массовых убийств, кажется, не привел к безволию и покорности. Хася Пруслина рядом с теми, кто сопротивляется, и теми, кто активно сотрудничает с нацистами. Кто смирился с безысходностью и превратился в свидетеля трагедии и кто встал на путь борьбы. И все это происходит одновременно, в ограниченном времени и месте пространстве – Минском гетто. Все это, даже сейчас, непросто, сложно и болезненно воспринимать.

Нередко доводилось слышать, что подобные темы даже не обсуждались в кругу семьи, не произносились слова, способные напомнить о пережитом. Так ли это? Отважные и смелые в прошлом, они вдруг стали слабыми и управляемыми? Да, все это было, и об этом ничего не было сказано открыто.

Перед нами – собирательный образ памяти. Но, пожалуй, этому мы верим. С этим надо согласиться. Это могло быть. И вот, по окончании войны, такая Трагедия и такая Победа. Одновременно мы народ победителей и народ побежденных. Но если это могло быть, то насколько хрупкой является память, насколько правильным понимание образа прошлого, созданного хотя бы одним из немалого числа участников событий. И как же отделить воображаемое от настоящего, когда мы, читатели, больше верим устоявшимся представлениям, запечатленным образам? Удачным или неудачным – это уже зависит от мастерства...

Что же представлено в дневниках и записках минчанки Хаси Пруслиной? Слова, написанные ею после войны о понимании произошедшего, по многим причинам так и не были услышаны. Они не могли изменить отношения послевоенного поколения к истории Минского гетто и рождавшегося там антифашистского сопротивления. Ведь, проживая в условиях трудного времени, выжившие разделились на тех, кто победил, и тех, кто по разным причинам не смог или не сумел вступить в их ряды. К сожалению, правда о Минском гетто долгое время оставалась в цепкой памяти тех, кто старался

¹ Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук. Минск, 2004.

² Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / Сост., предисл.: И.П. Герасимова, В.Д. Селемев. Минск, 2008. С. 61–69, 106–111.

³ Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / Сост. З.А. Никодимова; под ред. К.И. Козака. Минск, 2010. – 34 с.

⁴ В списках участников Минского подполья значатся: Пруслина Хася Менделевна, 1901 г. р., сентябрь 1941 – сентябрь 1942 г.; Пруслин Матвей Менделевич, 1904 г. р., сентябрь 1941 – март 1942 г., ушел в партизанский отряд, погиб в 1942 г.; Пруслина Белла Менделевна, 1912 г. р., сентябрь 1941 – август 1942 г., связанная партизанского отряда. См.: Мінскае антыфашысцкае падполле. Мінск, 1995. С. 101.

в те годы не напоминать о таких страницах прошлого. Вероятно, и сейчас в авторских повествованиях о событиях того далекого 1944 г. содержится больше вопросов для нас, чем ответов на них. Тем более что такое жанровое исследовательское направление только начало развиваться. Со стороны историков еще даже не обозначено критическое отношение к подобного рода материалам.

В нашем повествовании главная тема начинается с Минского гетто. Это сложный путь по территории гетто, города с его блокпостами, явочными квартирами, многочисленными таинственными адресантами минского подполья. Встречи с некоторыми бывшими партизанами и подпольщиками, хорошо известными нам через прессу и печать, телевидение и радио, могут стать ключом для воссоздания полноты событийного образа войны в Беларуси. В некоторых случаях – для понимания гражданской позиции участников.

С учетом того, что в последнее время появилось немало публикаций, особенно мемуарного характера, данное личностное свидетельство привлечет внимание читателей не только представленной возможностью восполнить историю Минского гетто, но и персонифицировать формы выживания в условиях тирании и сопротивления нацистскому режиму.

Второе: уже после войны началась борьба за память о Минском антифашистском подполье. Одни из самых малоизвестных страниц в истории Второй мировой войны, имеющие отношение к Минскому антифашистскому подполью, оказались в свете нового прочтения. Подполье создавалось стихийно, индивидуально, нестандартными поступками тех, кто по разным причинам встал на этот путь. Многие не выжили, были схвачены, допрошены, использованы, другие остались безвестными по той причине, что оборвалась история деятельности тех, кто их знал, возможно, направлял в их непростой борьбе. Для многих память угасла уже после войны, когда на многое пришлось смотреть иначе, отвечая на вопросы почему, да как, и кто он, они? Слишком много потерь, слишком много героев появилось. К этому времени одни и те же люди стали и героями, и разработчиками темы истории войны.

Немаловажно, что сами свидетели начали предьявлять свои истории героического сопротивления в страданиях и тяжелой обстановке выживания в гетто, концлагерях, в условиях принудительного труда на территории Беларуси и Германии¹. Выходом из печати книг Лаврентия Цанавы в 1949 и 1951 гг.² с запечатленной торжествующей героизацией партизанского движения при отсутствии национальных сегментов сопротивления, страданий населения, особенно еврейского, в условиях глубокой оккупации, а затем пропаганды героизации войны были заглушены робкие голоса свидетелей, представлявшие иное видение трагических событий. Но свидетельства можно найти в семейных раритетах, реже – в архивах. Разуверенные до сих пор не подают голосов. Многие из них уже не будут услышаны. Слова потеряны, уничтожены при переездах, оставлены без копирования историками, специалистами. Историй героического прошлого в незначительной части запечатлены в документальных комплексах архивов, музеев, на выставках, презентациях, массовых книжных изданиях. Однако есть исключения – проявление интереса к руководителям и членам патриотического Минского подполья Исаю Казинцу, Михаилу Гебелеву, Маше Брускиной, реабилитация в 1990-х годах

¹ Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947; Цветкова Н.Т, Лишакова З.М, Тринда А.Ф. 900 дней в фашистских застенках. Минск, 1958.

² Цанавя Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Ч. I. Минск, 1949; Ч. II. Минск, 1951.

одного из организаторов подполья Ивана **Ковалева**¹. Придание высокого статуса бывшим подпольщикам при мемориализации улиц, памятных мест. Но даже при этом нет общей истории.

Все же кое-кто не оставлял надежды, что страницы истории Минского подполья будут написаны, прочитаны и дописаны. Таких непрочитанных страниц историй еще не мало. Да, пожалуй, они еще и субъективны. И мало кто с ними согласится. Но человек, который был у истоков трагедии Минского гетто, формирования сил сопротивления, который все время настаивал на увиденном, не потерял чувства бесстрашия или смелости с тех военных пор, оставил для будущего свои размышления. Тем не менее в плане расширения исторической культуры военного прошлого не все тенденции в Беларуси можно признать позитивными. Это касается истории партизанского движения, Холокоста как национальной трагедии, Праведничества, трагедии белорусских узников лагеря смерти Освенцим, представления форм массового принудительного труда населения².

Не исключено, что и документы из семейного архива Хаси **Пруслиной** станут таким ценным началом. Ведь не хватает ресурсов, документов из архивов, записанных воспоминаний, уверенности в прочитанном и услышанном. Пока все остается прежним. Но это пока. Введение новых тем, как и истории об организации одного из самых массовых в истории Второй мировой войны партизанского движения в Беларуси, провоцирует на углубление социальной истории общества.

Третье: у детей не осталось родителей, но и при живых родителях нередко они оказывались вдали от дома – в Германии. Кто боролся за их возвращение? Кто помогал вернуть идентичность? Вот совершенно новая, но она вполне актуальная тема – борьба за возвращение детства, памяти детей, которые стали жертвами германского оккупационного режима. Ведь сейчас дети войны выступают главными свидетелями той истории. Их память трансформирует опыт войны, для большинства из послевоенного поколения, возможно, достаточный для определения степени трагичности прошлого. В итоге уже сама война становится более романтической историей, ее картинка – более благообразной и предсказуемой.

Вчитайтесь в историю Зинаиды **Никодимовой**. Ее путь домой не менее драматичен, но имеет счастливое завершение. Как во многом схожи жизни этих незащитных детей военной поры. Как было тяжело тем родителям, которые верили, но ничего не могли сделать после возвращения с фронта или из мест принуждения. Хася **Пруслина** – человек решительный, смелый, умеющий отстаивать свое мнение и настоять на своем. Можно сказать, она победила в той борьбе. Но остальные?...³

Четвертое: какая память живет в семьях, для которых война еще не закончилась. На белорусской земле много памятных мест, связанных с прошедшей войной. В том числе мемориальные комплексы, известные всему миру: Хатынь и Брестская крепость, памятные места жертв гетто – «Яма», «Камни», «Тучинка», «Минское гетто». Такие же незабываемые места для

¹ Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. Минск, 1992. С. 155–168.

² Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Минск, 2005; Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси. Минск, 2009; Борисова А.В., Козак К.И., Стучинская Г.Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Минск, 2009; Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси. Минск, 2009.

³ По некоторым данным, из общего количества советских детей, вывезенных с целью германизации, на родину вернулось не более 40 %. См.: Литвинов В. Коричневое «ожерелье». Кн. 2. Ч. II. Киев, 2001. С. 212.

жителей республики есть в Городе, Бобруйске, Пинске, Слуцке, Глуске и многих других городах и поселках Беларуси. Но монументальность остается лишь символическим напоминанием. Она ничего не разъясняет, не говорит от имени тех, кого нет. Заметно, что в книге Великой Отечественной войны есть короткие названия без комментариев, объяснений, исторических повествований. Их не сохранили, не воссоздали, не подготовили. Попробуй объяснить тому, кто это будет видеть впервые. Когда военное поколение уйдет окончательно, так и будет. А пока, жива ли еще память войны?

Она жива, пока живы ее свидетели. Пока их голоса слышны в кругу родных и близких. Немногие хранят ее в виде писем, записок, дневников, архивов. Культура памяти семейных коллекций – архивов о трагедии войны – это, пожалуй, новое явление для Беларуси. Вот почему бережно хранимые и опубликованные документальные материалы **Хаси Пруслиной** имеют такое значение, во-первых, для воссоздания трагедии одного из самых крупных в Европе Минского гетто; во-вторых, начавшегося процесса реабилитации минского антифашистского подполья; в-третьих, воссоздания процесса отправки в Германию, онемечивания и репатриации белорусских детей; в-четвертых, формирования личных архивов бывших узников гетто, концентрационных лагерей, принудительных рабочих, участников антифашистского сопротивления.

Таким образом, исходя из введенных в научный оборот документов и материалов можно определить главные исследовательские направления:

Первое. Состояние еврейского населения в условиях оккупации территории Беларуси позволяет обозначить направления его борьбы за жизнь, уровень и статуса отстаивания государственных и общественных интересов.

Второе. Организационно-правовые формы осуществления политики геноцида и Холокоста с широким наличием действующих гетто, концлагерей, мест уничтожения и принуждения определяют начальные формы как вооруженной, так и пассивной борьбы против нацизма.

Третье. Практически не введены в научный оборот нетрадиционные источники. Остается недостаточным освещение дифференцированности и различия индивидуального и группового сопротивления в различных оккупационных зонах и местах принудительного содержания.

Четвертое. Источниковая база, историография Холокоста и партизанского движения требует более глубокого и специального изучения с учетом идентичности сторон.

Возвращение памяти. Первыми в Беларуси высокого звания Праведник народов мира были удостоены **3 ноября 1965 г.** Андрей **Николаев** и его супруга Наталья Захаровна **Станько**. После присвоения звания Праведников в 1967 г. посетила Израиль Антонина **Габис**, где приглашенным вручали награды¹. Всего около 700 человек из Беларуси, проявив мужество и человеколюбие, признаны Праведниками, в том числе почти 100 человек при спасении минских евреев.

Особое положение занимает история гибели Маши **Брускиной**. Созданный в послевоенное время в СССР образ неизвестной девушки значился в государственных структурах практически до 2008 г., хотя по признанию ее подвига 29 октября 1997 г. Музей Холокоста США в Вашингтоне присудил минской школьнице медаль Героя сопротивления: «*Маше Брускиной. Присуждено посмертно в память о ее мужественной борьбе со злом нацизма и стойкости в момент последнего испытания*». 7 мая 2006 г., накануне

¹ Праведники народов мира в Беларуси. С. 10, 11.

Дня Победы, в Израиле, в молодежной деревне Кфара-Ярок, открыли сооруженный на собранные пожертвования памятник Маше **Брускиной** и ее ровесницам, погибшим в борьбе с фашизмом, а 29 октября 2007 именем героини названа улица в Иерусалиме. Мемориальная доска, затем памятник с именем Маши **Брускиной** были установлены в Минске у места казни в октябре 2008 г.¹

*Газета «Авив», Музей истории и культуры евреев Беларуси*². Многое удалось открыть для белорусской историографии о фактах немалого сопротивления евреев в годы Второй мировой войны благодаря усилиям Союза белорусских еврейских объединений и общин. Газета «Авив» постоянно информирует читателя о своих открытиях. Музей еврейской истории и культуры в части своей экспозиции имеет раздел о еврейском сопротивлении в годы Великой Отечественной войны.

*Музей еврейского сопротивления на Новогрудчине*³. 24 июля 2007 г. в г. Новогрудке на улице Минской открылась мемориальная экспозиция, посвященная сопротивлению евреев Новогрудчины в годы Холокоста. Она рассказывает о трагедии, унесшей жизни 5100 новогрудских евреев, и о беспрецедентном сопротивлении нацистам тех, кто оставался в живых после четырех акций уничтожения.

26 сентября 1943 г. узники новогрудского гетто совершили организованный побег через туннель, строительство которого заняло 4 месяца. Этот акт сопротивления смерти – самый массовый и успешный в ряду многочисленных попыток на территории оккупированной Европы. По свидетельству одного из участников побега Джека (Иделя) **Кагана** «такое могло произойти только в Беларуси и ни в какой другой стране». Успешный побег был обусловлен рядом причин, главной из которых было наличие еврейского партизанского отряда в окрестностях Новогрудка.

С июня 1942 г. здесь возник и действовал самый многочисленный еврейский партизанский отряд на территории оккупированной Европы. Командир отряда Тувия **Бельский**, уроженец д. Станкевичи на Новогрудчине, принимал в отряд всех – молодежь, стариков, детей – людей, хотевших воевать, и тех, кто был не способен взять в руки оружие, всем предоставляя шанс спастись. В условиях войны, когда человеческая жизнь, а тем более жизнь еврея ничего не стоила, спасение одной жизни он ставил выше уничтожения десяти врагов. Эта цель отличала отряд Бельского не только в партизанском движении в Беларуси вообще, но и в еврейском сопротивлении всей Европы. За годы войны через отряд Бельского прошло более 1,3 тыс. человек, из них около 1,2 тыс. остались живы.

Мемориальная экспозиция размещена в бывшем бараке, где во время войны находилось еврейское гетто. Она включает две комнаты, в которых восстановлен интерьер барака, реконструкцию входа в туннель и экспозицию, в которой представлены организаторы и участники строительства туннеля.

¹ Дихтярь А.В. *Брускина Маша // Холокост на территории СССР: Энциклопедия*. С. 113–114. *Весьма значимую роль в истории Маши **Брускиной** сыграли публикации Якова **Басина**, материалы газеты «Советская Белоруссия». См.: Известная «неизвестная». Сборник материалов / Сост. и ред. Я.З. Басин. Минск, 2007. – 138 с.; Уроки Холокоста: история и современность. Выпуск 2 / Сост. В.Д. Селемев, Я.З. Басин. Минск: Ковчег, 2009. – 216 с. [Выпуск посвящен Маше Брускиной].

² Газета «Авив» [Электронный ресурс]. Минск, 2011. Режим доступа: <http://www.meod.by/ru>. Дата доступа: 06.2011; Музей истории и культуры евреев Беларуси [Электронный ресурс]. Минск, 2011. Режим доступа: <http://www.beljews.org>. Дата доступа: 06.2011.

³ Музей еврейского сопротивления на Новогрудчине [Электронный ресурс]. Минск, 2011. Режим доступа: <http://jrmn.info>. Дата доступа: 06. 2011.

Установлены имена и собирается информация обо всех узниках, бежавших через туннель. Здесь также представлен отряд Бельского, действовавший в составе советского партизанского движения, местные жители, помогавшие евреям пережить Холокост, и раскрыты взаимоотношения с другими участниками сопротивления – советскими и польскими партизанами.

На территории училища установлен памятный знак, сохранились здания, в которых во время войны находились мастерские для узников гетто, колодец.

*Историческая мастерская в Минске*¹. Чудом сохранился угловой дом бывшего Минского гетто на улицах Сухая и Коллекторная. В десятке метров в занятом под гараж здании, 26 евреев на протяжении девяти месяцев в подвале нашли убежище с октября 1943 по июль 1944 гг. Выжило только 13, остальные продолжают безвестно покоиться в земле. А в восстановленном здании на территории бывшего Минского гетто в рамках белорусско-немецкого проекта Историческая мастерская за 8 лет работы приняла в качестве участников различных мероприятий около 60 тыс. из более 40 стран. В 2003 г. здесь была проведена первая Международная научно-практическая конференция о Минском гетто; марте 2008 г. – о Праведниках народов мира, в октябре 2010 г. открыта выставка о евреях – участниках сопротивления нацизму. Организованы выставки о Минском гетто и лагере смерти Тростенец, памятниках и памятных местах о трагедии еврейского и белорусского народов, созданных за последние 50 лет известным архитектором Леонидом **Левиним**. Здесь традиционно собираются бывшие узники и ветераны, историки. Их воспоминания и материалы изданы для широкого обсуждения. Для учителей истории подготовлено первое учебное пособие по истории Холокоста с небольшим разделом о еврейском антифашистском сопротивлении². Всего около 40 научных и научно-популярных изданий. В рамках Клубов военного, молодого историка, историков-германистов, Краеведческой школы организованы семинары, презентации, круглые столы, доклады, которые позволяют изучать новые страницы Второй мировой войны, истории Холокоста и культуры памяти войны в Беларуси.

2. Разрушение традиций, принуждение, убийство как условие перехода к массовому сопротивлению оккупационному режиму в Беларуси

Состояние еврейского населения накануне войны. Германский национал-социализм оставил в истории Беларуси периода Второй мировой войны особый след. Еще до начала военных действий высшим политическим и военным руководством было принято решение о германизации только 25 % граждан СССР, 20 % поляков, а в отношении евреев, цыган последовательно предусматривалось тотальное уничтожение. Близко к этому находились представители

¹ Историческая мастерская в Минске [Электронный ресурс]. Минск, 2011. Режим доступа: <http://gwminsk.com>; Козак К.И. Историческая мастерская на пути к белорусско-немецким представлениям о Великой Отечественной войне 1941–1944 гг. // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы): Материалы Междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.). Минск, 2010. С. 130–154; Улитенок Г. Книга, как совесть // Советская Белоруссия. 6 апреля 2011. С. 10.

² Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. Матэр. Міжнар. навук. сем. Мінск, 1 вер. 2003 г. Мінск, 2004; Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэр. Міжнар. навук. сем. Мінск. 24 кастр. 2003 г. Мінск, 2004; Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Матэр. Міжнар. навук.-практычнай канфер. Мінск. 2 ліп. 2004 г. Мінск, 2005; Лагер смерці Трасцянец: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005; Спасенная жизнь: жизнь и выживание в Минском гетто / Сост. В. Балакیره [и др.]. Минск, 2010. С. 16–19.

советской власти¹. Наряду с этим с началом оккупации Польши, спасаясь от нацистского преследования, многочисленные группы из евреев предпринимали отчаянные попытки выйти на территорию Беларуси². Усиливали дестабилизацию беженцы, наибольшую часть которых составили лица еврейской национальности. А также время попытка государственных органов сохранить спокойствие среди населения, да неготовность к его эвакуации в условиях быстрого передвижения военных сил Германии по территории Беларуси³. Тем не менее своеобразная оценка сложившемуся положению зафиксирована в первых донесениях секретаря ЦК КП(б)Б, члена Военсовета Западного фронта П.К. Пономаренко. *«Тов. Сталину... настроение белорусов исключительно патриотическое... как вывод. Должен подчеркнуть – исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служащего люда городов, ни о чем не думающего, кроме спасения шкуры. Этим объясняется в известной степени большая еврейской прослойкой в городах. Их обуял животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы – бегство...»*⁴. В определенной степени такой тон высказывания в дальнейшем послужил для многих определением антисемитизма со стороны партийного лидера и руководителя партизанского движения.

Оккупация и ее исторические реалии. На территории Беларуси, разделенной на три части, дислоцировалось более полумиллиона из различных германских служб, в том числе СС, Абвер, службы безопасности и СД, жандармерии, тайной полевой полиции, где из 180 тыс. полицейских около 120 тыс. представляли местную вспомогательную службу. С установлением военной администрации в тылу армий «Центр», а затем на ее гражданской части территории положение населения стало зависеть от военных органов. Для тех, кто был привлечен к службе, работам, следовало терпеть всевозможные ограничения и запреты, выполнять директивы, приказы, комендантский час, проходить многочисленные проверки, посты, патрули, облавы и т.д. Военное присутствие было настолько значительным, что практически каждое действие почти 8 млн граждан Беларуси регулировалось прежде всего политическими и военно-экономическими потребностями Германии. Для этого только в Минске было сосредоточено около 10 % военных по отношению

¹ По имеющимся данным в предвоенный период на территории Беларуси проживало 7,9 млн белорусов, 940 тыс. евреев, 930 тыс. поляков, 590 тыс. русских, 160 тыс. украинцев, 90 тыс. литовцев, 6,5 тыс. немцев. Только 150–180 тыс. евреев в июне – августе 1941 г. смогли выехать в тыл СССР. Часть из них была призвана в ряды Красной Армии. Из Западной Беларуси выехало 22–30 тыс. Таким образом, по некоторым данным, в Беларуси проживало 650–680 тыс. евреев, из которых 570 тыс. в городах. В совокупности около 6,5 % населения. См.: *Engelgard E.F. Weißruthinien. Volk und land. Berlin /Amsterdam/ Prag/Wien. 1943. S. 237; Goldhagen D.J. Hitlers willage Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holokaust. Siedler Verlag Berlin. 1996. S. 380–381; Einsatz im «Reichkommissariat Ostland»: Dokumente zum völkermord im baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Berlin, 1998. S. 33; По данным немецкой стороны, проживало накануне войны около 900 тыс. еврейского населения. Непосредственно в Минске – 100–120 из 238 тысячного населения города. См. Chiari B. Alltag hinter der Front. S. 238. К началу войны евреи составляли 12,8 % населения Беларуси, т.е. более 1 млн. См.: *Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 156.**

² НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. ЕХ. 1683. Л. 235–238; ЕХ. 2075. Л. 275–287. *Всего к началу 1940 г. на территории Беларуси насчитывалось 110 тыс. беженцев, в основном еврейского населения, из которых 86 890 были на территории Западной Беларуси. См.: Там же.

³ *Воронкова И.Ю.* Минск 22–28 июня 1941 г. // Трагічнае лета 1941: напамін гісторыі. С. 36; *Скрабіна Л.С.* Гомельшчына ў чэрвені–жніўні 1941 года // Там же. С. 126; *Иоффе И.Г.* Страницы истории евреев Беларуси. С. 111; *Пахомов Н.И., Дорофеенко Н.И., Дорофеенко Н.В.* Витебское подполье. Минск, 1974. С. 13.

⁴ *Иоффе Э.Г.* Страницы истории евреев Беларуси. С. 112.

к населению столицы (10.43). Не менее значимым является и то, что большую часть оккупированного населения составили женщины и дети¹.

Места принудительного содержания. Что касается Беларуси, то на ее территории действовало **166** гетто, **68** тюрем и **191** лагерь. Всего 425 мест принудительного содержания². Основную категорию составили военнопленные, но под их видом в лагеря попадало и немалое количество гражданских лиц. Так, в приказе 52-й дивизии от 24 сентября 1941 г. было записано, что всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке необходимо переоформить в пленных³. В другом решении уполномоченного по борьбе с партизанским движением в тыловой части группы армий «Центр» приказано: всех лиц, которые встречены в непосредственной близости от района военных действий, рассматривать как пленных... всех трудоспособных мужчин этих районов в возрасте 16–55 лет считать военнопленными⁴. Таким образом, уже на первом этапе к декабрю 1941 г., по немецким данным, попавших в плен военнослужащих Красной Армии было 3,35 млн.⁵

Учитывая, что территория Беларуси являлась местом концентрации воинских подразделений и наиболее массовых сражений, более 1 млн военнопленных находилось в наспех организованных немецким командованием лагерях. Всего на территории Беларуси действовало более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений: для военнопленных (дулаги, шталаги, офлаги, штрафные, пересылочные и станционные), для гражданского населения (гетто, трудовые, женские, детские), на переднем крае обороны и др.⁶

Основы взаимодействия германских органов с еврейским населением. Практическое осуществление карательных мер в отношении еврейского населения началось уже на первом этапе установления оккупационного режима. Как правило, оно осуществлялось по следующим направлениям:

- физическое уничтожение как комиссаров и как поборников большевизма;
- временная изоляция для использования физических работ при их дальнейшей ликвидации;
- полная и частичная изоляция в среде гражданского населения, так как приказы требовали их выдачи германским властям. Им приходилось прятаться и не давать повода даже близким соседям знать об этом;
- уничтожение доступными средствами с целью завладения имуществом или получения материального вознаграждения.

В каждом из данных направлений имелись свои специфические особенности, как военные, так и административные методы в решении еврейского

¹ Козак К.И. Установление германского оккупационного режима на Беларуси в 1941 г. // Беларусь, 22 июня 1941 года: говорят архивы...: Материалы к заседанию «круглого стола», посвящ. 60-летию начала Великой Отечеств. войны (июнь 2001 г.) / Отв. ред. и сост. Р.П. Платонов, В.В. Федосов. Минск, 2001. С. 99, 100, 103. *Непосредственный район боевых действий, тыловой армейский район (тыл группы армий «Центр») и подчиненная имперскому министерству по делам оккупированных восточных территорий гражданская административная область (в составе генеральных округов Белоруссия, частично Литва, Вольнь – Подолия и Житомир, административного округа Белосток). См.: Там же.

² Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. Минск, 2001. С. 10–65.

³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. ЕХ. 25. Л. 30.

⁴ Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мінск, 1964. С. 68.

⁵ Ueberschär G.R., Wette W. Unternehmen Barbarossa: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. 1941. Paderborn. 1984. S.244. Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. 1941–1945. Stuttgart, 1978. S. 244.

⁶ *До апреля 1942 г. около 2 млн умерло от холода или было расстреляно, а к февралю 1945 г. — 3,3 млн. В гитлеровских лагерях, по немецким данным, погибло 57,8 % советских военнопленных. См.: Война Германии против Советского Союза. С. 108; Die Zeit. 1985. Marz. S. 15.

вопроса. Так, уже в первом административном распоряжении от 7 июля 1941 г. командующий тыловыми армиями группы «Центр» М. фон Шенкендроф среди прочих установил знаки отличия для евреев и евреек¹. В городах и населенных пунктах Беларуси началось создание гетто. Образование вертикальной структуры управления округами, районами, городскими районами, гминами и деревнями за счет руководителей бургомистров городов и районов, деревень (старосты) осуществлялось прежде всего из среды нееврейской и некоммунистической интеллигенции². При этом немалое место отводили формированию в массовом сознании ответственности еврейского населения за существующие проблемы. В широко распространяемых ими листовках говорилось: «Граждане! Жидовско-большевистские и всякие вредные элементы разрушают дома, грабят ваше имущество, уводя в скот и принуждают ваших мужей и сыновей поступать в банды, где они в конце концов погибают в бессмысленных боях. ...Мы хотим вас защитить от этого. Главкомандующий»³. «Крестьяне! 23 года коммунисты и евреи вас давили и выжимали из вас соки. Красная Армия разбита, коммунисты бегут. Вас оставили бедными. ... Верховное Командование Германской Армии»⁴. «Товарищи! Рабочие и крестьяне занятых фашистскими захватчиками областей! Мои маршалы разбиты германской армией. Ближится конец большевизму... что тогда будут делать мои хозяева – господа Коганович, а с ними и вся жидовская свора СССР? Мы ведь привыкли за 25 лет нашего владычества жить за ваш счет..., а теперь вот вы хотите нас покинуть... Вперед, товарищи! Генеральный Секретарь УК ВКП (б) И. Сталин»⁵.

В разрухе, когда настроение среди населения подавленное, так как многие остались без крова, а продовольственное положение ухудшалось, вывод – виновны евреи, даже «дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить для возвращающихся белорусских беженцев». Далее следует вывод о том, что ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев, население готово начать погромы⁶. В то же время в советской пропаганде практически ничего не говорилось об истинных намерениях нацистского руководства по отношению к евреям на оккупированных территориях. Так, командир одной из спецкоманд, действовавших в Беларуси, докладывал 12 июля 1941 г.: «Бросается в глаза, что евреи плохо информированы о нашем к ним отношении»⁷. Тем не менее оккупационным властям не удалось направить местное население на якобы сознательное антиеврейское проявление. Им это удавалось осуществить в странах Европы, а также в Польше, Западной Украине, прибалтийских государствах. По свидетельству полиции безопасности и СД «инсценировать погромы до сегодняшнего времени... оказалось невозможным. Основная тяжесть карательных операций на первом этапе была направлена против еврейской интеллигенции. Белорусская расстреливалась только в случаях, когда безусловно было доказано, что они являются большевистскими активистами». Глава администрации Остланд Генрих Лозе в своих «Предварительных директивах по обращению с евреями» от 18 августа 1941 г. определил «минимальные меры» – «пока невозможно осуществить иные мероприятия в смысле окончательного решения еврейского

¹ НАРБ. Ф. 4683. Оп.3. ЕХ. 953. Л. 1–15.

² Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. S. 198–199.

³ ВА-МА. RH 26 221/94а.

⁴ ВА-МА. RH 23/295. В1.44.

⁵ ВА-МА. RH 26 221/39.

⁶ Сообщения № 20 оперативной группы «Б» о положении в Минске, 12 июля 1941 г. // Свободно от евреев. С. 27.

⁷ Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 318.

вопроса». Но по его словам: «Территория должна быть очищена от евреев»¹. В докладе начальника СС и полиции бригаденфюрера СС фон Готтберга о задачах СС и полиции в Беларуси было высказано несколько важных пунктов о направленной деятельности оккупационного порядка²: «...Как мы установили, решающим для всех округов является еврейский вопрос.

Даже если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или иной. Я не могу понять одного – сегодня еще имеются немецкие учреждения, которые придерживаются того мнения, что они не могут обойтись без евреев-«специалистов», насколько я понял из выступлений гебитскомиссаров, касавшихся этой темы, там, где по просьбе гебитскомиссаров еврейский вопрос решен, хозяйственная жизнь все же не остановилась, и нужно, чтобы и начальство вермахта один раз ясно высказалось – прикрывать еврейскими-специалистами и не искать им замены значит лениться. Судя по обнаруженным у бандитов записям, все их разведывательные сведения являются результатом деятельности прежде всего евреев. Мне думается, что если в «Белоруссии» не останется ни одного еврея, то этим будет избавлен от смерти еще один порядочный немецкий солдат. Недопустимо положение, когда проходишь по стране как солдат, обнаруживаешь, что еврей руководит не чем иным, как складом горючего, если военными и прочими бюро руководят евреи и в центральных бюро в Минске сидят евреи. Но не только в этих местах находишь их – все еще жива идея придворных евреев! Гауляйтер, я имею честь просить, чтобы и в вермахте со всей строгостью были приняты решительные меры и чтобы было покончено с таким положением»³.

Один из руководителей германских служб в Беларуси Э. Штраух на совещании высшего руководства ГОБ представил свой анализ ситуации, которая дает представление о развитии еврейского вопроса. «...когда сюда прибыла гражданская администрация, она нашла здесь предприятия, пущенные вермахтом с помощью евреев. В то время как белорусы хотели расправиться с евреями, вермахт поставил евреев во главе. Так, евреи заняли ключевые позиции и сегодня трудно полностью избавиться от них, так как на следующий же день предприятия остановятся, а этого мы не можем себе позволить. Впрочем, я думаю, что у нас нет оснований для беспокойства, так как из имевшихся здесь примерно 150 тыс. евреев 130 тысяч уже исчезли. На территории Генерального округа имеется еще примерно 22 тыс. евреев. Насколько

¹ Херр Г. Вермахт и Холокост // Трагедия евреев в Белоруссии. С. 34.

² Доклад начальника СС и полиции бригаденфюрера СС фон Готтберга. 10.04.1943 // Совещание высшего руководства генерального округа «Белоруссия». С. 173.

³ В связи с обращением фон Готтберга к В. Кубе относительно евреев необходимо отметить, что в современной историографии, начиная, по-видимому, с работ Ю. Туронка, стало модным по сути соглашаться с мнением Г. Гиммлера о гауляйтере как о «защитнике евреев» и выдвигать в этом вопросе на первый план некие моральные соображения. Нам представляется более обоснованной позиция А. Даллина, считавшего стремление В. Кубе ограничить масштабы массового уничтожения евреев обусловленным экономическими и политическими мотивами. Своеобразие личной позиции В. Кубе было в том, что он допускал возможность особого отношения к немецким евреям, к евреям – участникам первой мировой войны. В то же время он был убежден, что «польский еврей совершенно так же, как и русский еврей, является врагом Германии. Он представляет собой опасный политический элемент, политическая опасность которого далеко превышает ценность его как квалифицированного рабочего». Кроме того, необходимо отметить, что компетенция В. Кубе в решении «еврейского вопроса» была ограничена и распространялась только на административно-хозяйственную сферу, о чем уже говорилось выше. Бывали случаи, когда гауляйтера даже не ставили в известность о проведении тех или иных акций, относительно чего он бурно протестовал. Не В. Кубе решал, уничтожать евреев или нет, а ведомство Г. Гиммлера. Он мог подавать лишь свои соображения по данной проблеме, которые могли быть учтены или нет.

я знаю, в одном только Ковно их такое же количество. И все же я прошу вас поспособствовать в том плане, чтобы убрать евреев хотя бы оттуда, где они не нужны. Нам непонятно, что уборщицами, телефонистками и т.д. должны работать еврейки, что так много евреев – чистильщиков сапог. Они лишние и потому должны исчезнуть. В этих случаях мы обойдемся и без евреев. Мы сократим их количество наполовину, и от этого наше хозяйство не пострадает»¹.

Таким образом, в Беларуси германскими органами не удалось спланировано провести еврейские погромы. Население же стремилось быть в стороне от осуществляемой политики уничтожения, страдало и симпатизировало евреям. Однако однозначно принимать такие утверждения не всегда будет правильным. Наряду с этим имеют место отдельные проявления антисемитизма практически в каждом населенном пункте², но они были кратковременными, единичными, не имели массового характера и осуществлялись под непосредственным контролем германских органов. В условиях войны, нестандартных проявлений ради сохранения жизни требуется рассматривать каждый из таких фактов всесторонне.

Учитывая, что задачи по изоляции евреев были определены как одни из главных перед военным командованием, те в свою очередь принимали многочисленные решения на уровне дивизий, военных комендатур и более мелких структур. Уже приказом от 17 июля 1941 г. было определено разделение заключенных лагерей для военнопленных на национальные группы. Не дожидаясь начала работы гражданских оккупационных органов, в зоне 281-й ОД решение о создании гетто датировано 30 июля 1941 г. Не вызывает удивления, что именно ведомство вермахта в ГОБ информировало комендатуры о наличии больших групп евреев и цыган³. В итоге оперативная группа С в сводном отчете № 17 докладывала: «В соответствии с полученными указаниями во всех оккупированных городах Беларуси приводилась ликвидация функционеров государственного и партийного аппаратов. То же самое касалось и евреев... Оперативной командой 4А за последние дни было расстреляно 1107 взрослых и 601 молодой еврей. Всего же ею по состоянию на 6.09.1941 ликвидировано 11 328 евреев»⁴.

Введена система двойной ответственности с 16 сентября 1941 г. приказом о заложниках, где «искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50–100 коммунистов»⁵. Усиливал карательную деятельность комендантский час, введенный на территории ГКБ комендантом Беларуси и командующим вермахтом «Остланд» с 20 сентября 1941 г.⁶ Жизненное пространство для евреев определялось решениями главного командования от 24 ноября 1941 г. и коменданта ГОБ от 15 декабря 1941 г.⁷ Так, в приказе № 24 от 24 ноября об уничтожении евреев и цыган говорилось: «Евреи и цыгане. Как требуют

¹ По-видимому, Э. Штраух говорит о численности еврейского населения, зафиксированной после прихода гражданской администрации (соответственно без учета массовых расстрелов летом 1941 г.), и имея в виду только территорию Генерального округа «Белоруссия». См.: Доклад службы безопасности в Минске обер-штурмбанфиюрера СС Штрауха. 10.04.1943 // Советские высшие руководства генерального округа «Белоруссия». С. 180.

² Смилловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 156.

³ Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weissrussland, 1941–1944 / herausgegeben von Wolfgang Benz, Konrad Kwiet und Jürgen Matthäus. Berlin, 1998. S. 78.

⁴ Хёне Х. Черный орден СС. С. 319.

⁵ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в двух томах. Т. 2. М., 1954. С. 175.

⁶ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 952. Л. 10.

⁷ ВА-МА. RH 26–281; Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 35.

вышеназванные приказы, евреи должны исчезнуть с лица земли, а также должны исчезнуть с лица земли, а также уничтожены цыгане. Проведение больших акций против евреев не входит в задачу частей... Эти акции будут проводиться гражданскими властями и полицейскими частями»¹.

В секретном распоряжении имперского начальника жандармерии от 12 марта 1942 г. указывалось, что «на проведение казней в тех случаях, когда для этого имеются основания, просить разрешения не нужно». В другой его директиве указывалось, что «во время действий против партизан всех заподозренных в сочувствии к ним и все мужское население сел, в которых находились партизаны, без лишних разговоров расстреливать»².

Поиск, перемещение, заключение. Первое, с чем пришлось столкнуться, – это перераспределение собственности. Практически на всей территории Беларуси данное было осуществлено в течение одного – двух месяцев. Так, в результате за счет переселения евреев смогли улучшить свои жилищные условия представители белорусской коллаборации и фольксдойче³. Собственность уничтоженных евреев отправлялась в Германию с надписью «*Пожертвования белорусского населения немецкому народу*»⁴.

Особое место в системе мест принудительного содержания занимает лагерь Тростенец. В 1942 г. в этом подсобном хозяйстве СД у д. Малый Тростенец работало около 1 тыс. человек, из них примерно 600 евреев. По словам руководителя службы безопасности в Минске обер-штурмбанфюрера СС Штрауха, он продолжал функционировать и в период 1943 г. «*Возник вопрос, буду ли я принимать в лагерь людей, непричастных к саботажу. Будьте спокойны: уже принимаю. В настоящий момент я больше ничего не могу сказать, так как лагерь еще не полностью оборудован, но я заверяю, что это будет. Я буду возвращать людей из лагеря облагородившимися и трудолюбивыми*»⁵.

Топография смерти: гетто, лагеря смерти, места принудительного содержания. Таким образом, становление оккупационного режима осуществлялось германскими органами в ходе административно-правовой политики по выявлению и изоляции прежде всего бывших военнослужащих, евреев, цыган и др.

Лица еврейской национальности вносились в отдельные списки и подлежали отдельному проживанию. Так, 19 июля 1941 г. вышел приказ коменданта 812-й полевой комендатуры «Об образовании еврейского жилого района в г. Минске» (гетто).

К 1 августа 1941 г. вся его территория была ограждена. В сентябре по неполным данным там находилось около 55 тыс. человек. Входы в зону установлены по ул. Республиканской (угол Республиканской, Шорной и Островской)⁶. Таким образом, управление гетто осуществляли немецкие коменданты – начальники гетто (к управлению относились меры по поддержанию внутреннего порядка и сохранению дееспособности трудовых отрядов.

¹ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 109.

² Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.). С. 44; ГА Житомирской области. ЕХ. 26. Л. 3; ЕХ. 92. Л. 6.

³ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 1019. Л. 5.

⁴ Judenfrei! Свободно от евреев. С. 233.

⁵ Доклад службы безопасности в Минске обер-штурмбанфюрера СС Штрауха. 10.04.1943 // Соповещение высшего руководства генерального округа «Белоруссия». С. 180. *Эдуард Штраух говорит о подсобном хозяйстве СД у д. Малый Тростенец. В 1942 г. в нем работало около тысячи человек. Из них примерно 600 евреев.

⁶ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 61. *ул. Островской и Опанского. См.: Мінскае антыфашыскае падполле. С. 10.

Осуществление сохранения безопасности являлось задачей СС и полиции). Особая роль в укреплении гетто отводилась внутреннему самоуправлению.

В гетто, как правило, в комнатах проживало по несколько семей. Имелась одна или две кровати. Остальные спали на полу. Нередко в таких комнатах находилось 20–50 человек. Все дома были пронумерованы. К октябрю 1942 г. вся территория гетто была разделена на 5 жилых частей, охватывая 273 дома. Проживающие в них маркировались только желтыми латами¹.

В основном питание обеспечивалось за счет обмена вещей с жителями города. Горожане и жители близлежащих деревень подвозили продукты, ходили к границам гетто, договаривались об обмене. Если полиция фиксировала, то отбирала. А в ряде случаев расстреливали на месте².

В ряде мест для интенсивности ликвидации гетто использовали метод вывоза их состава в другие лагеря смерти. Так, в ходе двух акций в Гродно 18 января около 11 650 евреев было вывезено в Аушвиц, из которых 9861 был умерщвлен в газовых камерах, и 13 февраля 1943 г. вторая часть в составе 3,5 тыс. еврейских мужчин, женщин и детей из первого гетто была вывезена в Трешлину³. Временные рамки их различные – от одного-двух месяцев – до более двух лет (Минское гетто)⁴.

Под влиянием происходящих процессов изменилась структура состава населения. Так, в г. Минске каждый второй имел возраст до 18 лет, в гетто – каждый пятый. Евреи, пытаясь спасти своих детей, отдавали знакомым и даже незнакомым вне гетто. Однако для опознания в Минске с 1941 г. действовала комиссия по определению национальности по внешнему виду. «Специалисты» выявляли еврейских детей и отправляли их обратно. В лучшем случае назад в гетто. Для детей в гетто школ не было. Еврейскому комитету удалось организовать для сирот детский дом по ул. Заславской. Некоторые матери, боясь оставлять детей в гетто, брали их с собой на работу. Большая часть из-за голода пробиралась в «русский район» и нищенствовала. Бывали случаи, когда мальчики «русского района» предупреждали полицейского, что жиденки ходят по домам. Вечерами они собирались у Западного моста, около ул. Московской, поджидая рабочие колонны, чтобы с ними вернуться назад⁵.

Для обеспечения безопасности практически в каждом доме обустроивались подвалы, чердаки, потайные места. В случае погромов прятались до их завершения. Немало примеров, когда для спасения всей группы укрывшихся в малинах матери душили своих детей⁶.

Время от времени из «русского района» через кладбище в гетто приходили мародеры. Они вламывались в дома, угрожая убить, требовали золото, деньги. В целях безопасности возле некоторых домов были вывешены металлические предметы, что бы отпугивать немецким патрулем. Ведь в случае задержания пойманных, как правило, расстреливали. Наказывали за любую провинность. Поведение строго регламентировано. И если, по представлению

¹ Кнатько Г.Д. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне. С. 45–46, 60.

² Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 59.

³ Cirilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. S. 339. *Такие данные требуют уточнения (Примеч. – К.К.)

⁴ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. С. 10–65. *По данным Э.Г. Иоффе, в современных границах Беларуси существовало 238 гетто в 216 населенных пунктах. См: Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 362 (Примеч.: Указанные показатели получены за счет разных методик. – К.К.).

⁵ Кнатько Г.Д. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). Минск, 2003. С. 56–57.

⁶ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 76, 205–206.

комиссара криминальной полиции, в гетто продолжается половая жизнь, то на декабрь 1942 г. комиссаром г. Минска В. Янецке упомянут тот факт, «что впервые в этом отчетном периоде в гетто не отмечено ни одного рождения»¹. Неудивительно, когда пришел в госпиталь комендант гетто Рюбе (1943) и увидел 30 беременных женщин, он приказал СС-цам их расстрелять вблизи госпиталя².

При перемещении в другие места оставаться в них было мероприятием, достаточно опасным по вышеназванным причинам. Так, некоторые жители Столинского района, чтобы отвести подозрения в связях с партизанами, поехали к гебитскомиссару в Столин и жандармерию в Высоцк. Один из них с Бутовских хуторов был возмущен тем, что лесные евреи забрали у него картофель из ямы. Летом 1942 г. он же в сопровождении 40 человек во главе с заместителем гебитскомиссара Столина сопровождал карательную акцию. Неожиданно попав в засаду партизанского отряда (ком. Попов, комис. Корчев), каратели были разгромлены. Это и спасло еврейскую группу³. В другом случае при патрулировании д. Довнарщина и Ждановичи Столбцовского района 3 апреля 1943 г. были замечены четыре посторонних лица. Патруль, открыв по ним стрельбу убил двоих, а остальных – при попытке к бегству. Все убитые были определены евреями из Минска⁴.

Зафиксированы также факты ряда сложных ситуаций с польским населением или польскими партизанами. В ряде случаев наблюдались единичные или групповые факты их соучастия или организации антиеврейских акций в Ивенце (1941), убийство 10 партизан из отряда Зорина (20.11.43) и др.⁵ Несмотря на это солидарность с евреями в Беларуси была больше, чем в других странах Европы. Это солидарность ни в коем случае не была односторонней, евреи также помогали неевреям в Беларуси⁶.

Экономический фактор насилия и принуждения. Ряд директив германского командования обеспечивал взаимодействие различных хозяйственных сторон и учреждений: банков, торговли, организаций опеки, сберегательных касс, аптек и т.д.⁷ Уже после занятия территории Беларуси германскими органами было объявлено, что все имущество, как принадлежавшее государству, так и оставленное без хозяев, а также конфискованное еврейское имущество (постановление от 13.10.41) из-за военных действий объявлено собственностью Германии⁸. Для повышения экономической активности среди населения использовался прежде всего еврейский капитал⁹. На 28 июля, характеризуя кредитную политику в Минске, органы полиции безопасности и СД отмечали, что финансирование осуществляется путем принудительных займов у евреев. Для этого из более 200 мест, где действовали гетто, были представлены имущественные данные. Так, в Брестском гетто, согласно описи, его стоимость

¹ Отчет комиссара г. Минска В. Янецке о положении в городе, 3 декабря 1942 г. // *Judenfrei!* Свободно от евреев. С. 77.

² Воспоминания жителя г. Гамбурга Хейнца Розенберга, бывшего узника Минского гетто // *Judenfrei!* Свободно от евреев. С. 236.

³ *Бакальчук-Фелин М.* Воспоминания еврея-партизана. М., 2003. С. 32–33. *Вскоре за обман проводник был повешен немецкими органами. См.: Там же.

⁴ Холокост в Беларуси. С. 129.

⁵ НАРБ. Ф. 3602. Оп. 1. ЕХ. 11. Л. 8; Ф. 3500. Оп. 2. ЕХ. 49. Л. 289.

⁶ *Gerlach Ch.* *Kalkulierte Morde.* S. 747.

⁷ ВА. 91/1.

⁸ «Нацистское золото» из Беларуси. Минск, 1998. С. 30–31.

⁹ Сообщение № 36 полиции безопасности и СД о положении в Минске, 28 июля 1941 г // *Judenfrei!* Свободно от евреев. С. 35.

германскими органами была определена в сумме 293560 рейхсмарок (РМ, 5.10.41 – 10.02.42)¹.

Сложившийся дефицит на рабочем рынке вынуждал широко привлекать для этого еврейское население, военнопленных и местную рабочую силу. Уже 18 августа 1941 г. даны уточнения по отношению к еврейскому населению на восточных территориях. С учетом данных обстоятельств принималось решение о привлечении к работам женщин до 45 лет. Это подтверждают данные состава работающих, где числилось 10 тыс. евреев, 2 тыс. военнопленных и только 55 местных рабочих².

Обращает на себя внимание также интенсивная эксплуатация труда еврейского населения в сфере использования трудовых ресурсов, обеспечения жизнедеятельности городов и предприятий, выполнявших заказы вермахта. Первый этап этой политики характеризуется стремлением использовать имеющуюся социальную и профессиональную структуру еврейского населения для восстановления экономического потенциала городов (открытие еврейских ремесленных мастерских и предприятий сферы обслуживания). На втором этапе главный упор делается на создание государственных предприятий и артелей, где применялась еврейская рабочая сила. О факторе широкого использования данной категории оккупационными органами могут свидетельствовать донесения гебитскомиссариата Слуцка о том, что после ликвидации гетто он *«сразу потерял 1400 рабочих, всех специалистов, ремесленников. Евреи были отличными ремесленниками. Мои теперешние ремесленники слишком примитивны, их надо еще обучать»*³. Всего на май 1942 г. в ГКБ по учетным данным работало 800 промышленных предприятий⁴.

Тотальное уничтожение евреев. С началом военных действий против Польши была издана секретная инструкция для айнзатцгрупп о необходимости перемещения евреев малых местечек и населенных пунктов в гетто крупных городов. Существование гетто тем не менее с течением времени видоизменялось. Особенно с осени 1940 г., когда антисемитская политика оккупационных органов усилилась⁵.

Следует отметить некоторые особенности массового уничтожения еврейского населения Беларуси. Кроме германских подразделений в нем принимали участие полицейские формирования Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, а также российские и белорусские коллаборационные структуры. Этому способствовало определение нарастающего партизанского движения как еврейского. Такая совмещенность понятий позволяла применять известные карательные формы в отношении всех категорий населения. Этот фактор должен быть исследован и по причине того, что евреи, находясь за пределами гетто в относительно безопасных местах, становились случайными жертвами⁶. В ряде мест были организованы местные так называемые Сельские дружины мира и порядка. Для борьбы с остатками еврейско-коммунистического воспитания нравственности...⁷ Этому их принуждали постановления Ванзейской конференции от 20 января 1942 г. по *«окончательному решению*

¹ ВА. 94/6.

² НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 1019. Л. 22.

³ Кузьменко В.И. Политика оккупационных властей по налаживанию работы промышленности Беларуси (1941–1944 гг.) // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Мінск, 2001. Ч. I. С. 119; НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 978. Л. 215–216.

⁴ ВА. Р 90/428.

⁵ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 39–42.

⁶ Трагедия евреев в Белоруссии в 1941–1944. С. 83–84; Ицхак Арад. Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Иерусалим, 1992. С. 128.

⁷ НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. ЕХ. 48. Л. 94.

еврейского вопроса», согласно которому в Европе должны быть уничтожено 11 млн евреев¹.

На общее положение в Беларуси повлияли акции уничтожения мужчин-евреев летом–осенью 1941 г., а с ними уничтожили наиболее авторитетную их часть. Этим решалась задача лишения еврейских общин лидеров, которые могли бы разработать план совместных действий и возглавить борьбу против оккупационного режима. Оставив в живых менее полезных с точки зрения использования на принудительных работах иждивенцев (женщин и детей), немцы могли рассчитывать на то, что уцелевшие мужчины-евреи будут работать в целях обеспечения содержания своих семей и откажутся от участия в движении сопротивления, чтобы не подвергать опасности близких. С конца января 1942 г. до осени 1943 г. начался новый период акций по уничтожению еврейского населения. В западных областях Беларуси с зимы до начала осени 1942 г. уничтожалось нетрудоспособное еврейское население, шла «защитка» сельской местности, где проживали евреи, ликвидировались малые гетто, продолжалась концентрация евреев в крупных городах, создавались гетто закрытого типа².

Таким образом, по неполным данным, в городах Беларуси фашисты уничтожили более 600 тыс. * человек³. Их формы уничтожения были разнообразны. В основном в местах наибольшей концентрации – гетто. В ряде случаев для оперативности действий перемещали в лагеря смерти Тростенец, Колдычево. Использовали душегубки (Минское гетто), крематорий (лагерь смерти Тростенец), в других случаях: топление или заталкивание в прорубь (Западная Двина – Витебск, Видзовское озеро; Припять – Петриков, Мозырь), подрыв на минах (Сураж), сожжение (Раков, Глубокое, Долгиново, Лельчицы, Куренец, Радошковичи), расстрелы или пистолетные акции (большая часть) с применением практики раздевания (Полоцк, Витебск, Борисов, Лида), закапывание живыми (Шклов, Лепель, Петриков) и др.⁴

Об этих ужасах после окончания войны начальник оперативной команды 4А Пауль Блобель считал, что даже их, ликвидаторов и карателей, следовало бы пожалеть, заявляя: «*Наши люди, осуществлявшие экзекуции, страдали от нервного перенапряжения гораздо больше, чем их жертвы. С психологической точки зрения они пережили нечто ужасное*»⁵.

3. Формы сопротивления: тенденции, направления, характер

Одной из значимых тенденций, оказавших влияние на состояние оккупационных германских органов, было массовое сопротивление населения, бывших военнослужащих, спецформирований. В рамках партизанского движения кроме советского самостоятельно действовали антифашистские национальные польское и украинское движения (наряду с антигерманской имели достаточно значимую антисоветскую направленность. – *К.К.*). Что касается

¹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). С. 88.

² Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 232.

³ Всенародная борьба в Белоруссии. Т. 3. С. 179. *В ряде исследований Э. Иоффе такие данные уточнены до 810 тыс. погибших советских евреев и 55 тыс. иностранных евреев из 7 стран Европы или 898 тыс., включая Белостокскую область. Гитлер приказал «Юденфрай» и в Белоруссии было уничтожено 865 тыс. евреев // Советская Белоруссия. 16 мая 1995. № 92. С. 2; Иофе Э. Колькі ж яўрэяў загінула на беларускай зямлі ў 1941–1945 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. № 4. 1997. С. 49–52.

⁴ Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси С. 114–115, 132–133; Холокост в Беларуси. С. 211, 214, 216, 225.

⁵ Хёне Х. Черный орден СС. С. 322.

масштабов еврейского сопротивления на первом этапе, то на них оказали влияние следующие факторы: успешная мобилизация в Красную Армию и эвакуация промышленных предприятий в восточных областях Беларуси, что значительно сократило количество прожившего там еврейского населения; переселение и «чистки» – физическое уничтожение евреев силами оккупационных органов¹.

Устойчивая тенденция уничтожения военнопленных, евреев, цыган, активистов советской власти, саботажников и других категорий имела тем не менее наряду с возникновением страха и ужаса за жизнь – малозаметное пассивное сопротивление оккупантам. В таких условиях погибло около третьей части граждан республики, более половины стали свидетелями карательных действий, около миллиона вовлечено в вооруженную борьбу, остальная часть – боролась за выживание. В коллективизации таких действий есть глубокие внутренние мотивации:

в полном, частичном или первичном отказе от выполнения директив, приказов, решений оккупационных органов;

сокрытии информации от оккупационных органов о фактах антигерманских настроений;

отказе помощи германским органам по выявлению евреев, бывших активистов советской власти;

оказании практической помощи узникам гетто (предоставление временно-го убежища, изготовление документов, снабжение одеждой, питанием и др.);

временном или постоянном укрытии в собственных жилищах и сохранении жизней еврейским семьям, особенно детям;

отсутствии в гражданской среде националистических проявлений, которые снижали антиеврейские, антирусские, антипольские проявления, всячески пропагандируемые германскими оккупационными органами;

выработке коллективных позитивных настроений веры в скорейшее освобождение территории Беларуси.

Важно то, что пассивная форма отношения к оккупационным органам стала связывающей ступенью перехода к другой уже организованной вооруженной деятельности.

3.1. Партизанское движение. Что касается еврейского партизанского движения, то оно стало составной частью общего белорусского движения. Часть евреев вступала в местные отряды, где большинством были местные жители, бывшие военнослужащие или военнопленные из близлежащих лагерей. Другая – постепенно формировалась вокруг наиболее боевых еврейских групп, затем отрядов, постепенно вовлекая под свою защиту еврейских женщин, детей и престарелых родителей. Семейственность стала одним из основных признаков таких структур. Однако такое состояние для них не являлось постоянной чертой. И, если на первом этапе – еврейская группа, отряд, то, через некоторое время, после крупных блокад, планируемых и проведенных боевых операций, их ослабленные силы переходили под защиту более сильных формирований в другие районы дислокации. Таким образом, они переставали быть чисто еврейскими. В данном направлении свою роль сыграли и вводимые решения, приказы, меры руководящих

¹ Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 238. См.: Романовский Д. Сколько евреев погибло в промышленных городах Восточной Белоруссии в начале оккупации (июль–декабрь 1941 г.)? // Вест. еврейского университета. 2000. № 4 (22). С. 167, 168.

партийных органов по дальнейшему организационному и национальному строительству антифашистских формирований¹.

Всего в партизанах по неполным данным значится около 12 тыс. евреев, около 1,5 тыс. входили в состав спецгрупп, которые засылались на оккупированную территорию Беларуси в первые месяцы войны, а также воевали в особых диверсионно-разведывательных партизанских отрядах по линии наркоматов государственной безопасности СССР и БССР, наркоматов внутренних дел СССР и БССР, генерального штаба Красной Армии, а также около 500 евреев – выходцев из Литвы. Таким образом, на территории Беларуси сражались не менее 14 тыс. евреев².

Мотивы. К партизанам примыкали евреи, бежавшие из плена, концлагерей и гетто. Среди еврейских подпольщиков и партизан в большей степени, чем среди неевреев, преобладали не идейные мотивы (идеи советского патриотизма), а желание отомстить за гибель родных. Следует принимать во внимание и безвыходность ситуации для евреев: во многих случаях они были вынуждены вступать в партизанские отряды ради спасения своей жизни. Это хорошо понимали и немцы. Повсеместно практиковался уход отдельных лиц или небольших групп евреев с помощью фальшивых «арийских» документов или бегства из гетто с дальнейшим присоединением к партизанским формированиям либо созданием еврейских партизанских отрядов. В дневнике боевых действий немецкой команды, находившейся в районе городов Минск, Лида, Новогрудок и Слоним, за октябрь–декабрь 1942 г. отмечалось: «Доказано, что банды получили пополнение из числа примкнувших к ним евреев. Последним известно, что рано или поздно они будут ликвидированы, и поэтому они выбрали меньшее зло и стараются пробиться к бандам, что во многих случаях им удалось сделать, например, в Новогрудке»³.

В основе представления одной из узниц минского гетто после ухода из гетто 28 июля 1942 г. «Теперь я тоже партизанка. У меня есть винтовка, которую сама добыла. Я учусь стрелять. На днях командир сказал мне: «Стрелять научишься в бою. Напрасно патроны нельзя тратить». Пока я работаю в лазарете медсестрой... Командир отряда обещал мне, что скоро я тоже пойду на боевую операцию. С большим нетерпением жду этого дня... Если я погибну, то знай, что твоя несчастная жена мстила врагу и погибла героически...»⁴. Больше писем Таня **Либова** написать не успела. Она погибла в бою.

Состав. Одно из существующих положений о евреях – участниках партизанского движения представлено в рамках трех основных групп:⁵

1. Активные участники сопротивления, организаторы, командиры, коммиссары, начальники штабов партизанских соединений, партийные и комсомольские руководители, командиры и бойцы диверсионных отрядов и групп,

¹ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 89, 409–410.

² *Иоффе Э.Г.* Белорусские евреи. С. 364. *Наряду с приводимой в монографии государственной функции антиеврейского террора и антисемитизма со стороны нацистской Германии, сопоставительное утверждение о третьей (вторичной) – партизанской функции антисемитизма может вызывать только удивление (Примеч. – К.К.). См.: Там же. С. 359–360.

³ *Розенблат Е. С.* Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С 247; НАРБ. Ф. 910. Оп. 1. ЕХ. 110. Л. 2, 10–14.

⁴ *Либова Т.* Неотправленные письма // *Левин В., Мельцер Д.* Черная книга с красными страницами. С. 498.

⁵ *Розенблат Е. С.* Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 269–274.

бойцы партизанских отрядов (национальных еврейских и интернациональных советских).

В Беларуси не менее 20 евреев командовали партизанскими отрядами, около 40 евреев были комиссарами партизанских отрядов и отдельных батальонов, 21 – начальниками штабов¹.

Евреи возглавляли 11 подпольных райкомов партии (все в восточной Беларуси). Не менее 20 евреев было в руководстве подпольных райкомов и горкомов комсомола (из них 15 чел. в восточной Беларуси). **Ш. Беркович** в 1941 – начале 1942 г. возглавлял Пинский подпольный обком и горком комсомола.

Согласно спискам евреев-партизан (составленным по данным Белорусского штаба партизанского движения на 1 января 1946 г. и дополненным сохранившимися данными за 1941–1943 гг.), обработанным и опубликованным в 2005 г. директором Музея истории и культуры евреев Беларуси **Инной Герасимовой**, численность белорусских партизан-евреев составляла 8465 чел. Из них – 1023 погибших или пропавших без вести. Таким образом, евреи составляли 7742 чел. из общего числа в 194 165 белорусских партизан (3,8 %, а не 2,14 %, как считалось ранее). Мужчин среди них насчитывалось 5287 чел. (71 %), а женщин – 2155 чел. (29 %). Больше всего евреев-партизан было в Барановичской области – 3355 чел., Минской – 1112, Вилейской – 644, Гомельской – 119, Белостокской – 220, Брестской – 471, Пинской – 566, Полесской – 211, Могилевской – 319, Гродненской – 126, Витебской – 345 чел.

В партизанских отрядах воевали: 1125 евреев из Минска, 338 – из Новогрудка, 319 – из Лиды, 180 – из Барановичей, 167 – из Дятлова, 141 – из Слонима, 159 – из Мира, 68 – из Глубокого, 52 – из Ленино, 22 – из Гродно, 9 – из Щучина, 8 – из Бреста. (Данные, конечно, не полные. Подсчитано по списку евреев-партизан (7742 чел.), опубликованному **И. Герасимовой**.) В 1943–1944 гг. еврейские бойцы были в составе большинства партизанских формирований. В бригаде им. Чкалова они составляли 239 чел. из 1140 (0,1 %); в 15 бригадах Барановичской области – 1016 чел. из 8439 партизан (12,4 %)². Из 4852 партизан Лидской зоны евреи составляли почти треть часть – 1356 чел., причем из гетто пришло 1196 чел.³ В Белостокском партизанском соединении евреи в 1944 г. составляли 10,8 % от общего числа партизан (от 4246 чел.).

Первые партизанские еврейские отряды были организованы двумя группами бывших узников минского гетто в ноябре 1941 г. Всего из узников Минского гетто были созданы, по одним источникам, 7, а по другим – 10 партизанских отрядов: 5-й отряд им. Кутузова, отряды им. Лазо, Буденного, Фрунзе, Пархоменко, Щорса, 25-летия БССР, отряды № 406 и 106, а также 1-й батальон 208-го отдельного партизанского полка. Выходцами из Белостокского гетто был создан отряд «Форойс». Партизанские группы, сформированные беглецами из гетто, существовали уже с 1941 г., но, как правило, распадались или уничтожались.

2. Евреи-партизаны, которые находились в семейных отрядах и лагерях, т. е. не принимавшие участия в активных боевых действиях. Отряд им. Калинина под командованием **Т. Бельского** был самым большим (1233 чел., в том числе 296 вооруженных) еврейским семейным отрядом, созданным из евреев, бежавших из гетто Новогрудка и других местечек Западной Беларуси. Вторым по величине был отряд № 106 под командованием **Ш. Зорина** (556 чел., вооруженных партизан – 141, в отряде было 280 женщин). По возрастным группам личный состав отряда делился следующим образом: 43%

¹ *Иоффе Э. Г.* Белорусские евреи. С. 280, 294–295, 306.

² *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев Белоруссии 1941–1944 гг. С. 137.

³ *Иоффе Э. Г.* Страницы истории евреев Беларуси. С. 150

составляла возрастная группа до 20 лет (240 чел.); 23 % (129 чел.) – от 20 до 30; 17,4 % (97 чел.) – от 30 до 40; 16 % (90 чел. – старше 40 лет. В отряде было 12 военнослужащих. Все члены отряда были горожанами. Имеются данные о профессиях на 258 партизан. Из них 45,3 % по профессии были рабочие; 5 % – медики; 4,2 % – инженерно-технические работники; 2,7 % – учителя; 1,1 % – работники милиции и НКВД, один партработник, один колхозник и 40,6 % представителей других профессий. Хозяйственные группы еврейских семейных отрядов, состоявшие из портных, сапожников, пекарей, медиков, ремонтников и других специалистов, обслуживали многие партизанские отряды.

3. Третья группа (вероятно, самая большая) состояла из евреев, которые скрывались в лесах, стремясь переждать войну, не вступая в борьбу с оккупантами. Историки называют эту группу населения на оккупированных территориях «зелеными» (название появилось еще в годы гражданской войны в России, где «зелеными» называли тех, кто не хотел служить ни у «белых», ни у «красных»). В эту группу входили не только евреи, но и поляки, белорусы, украинцы, не желавшие служить оккупантам или подвергавшиеся нападениям националистов всех мастей. «Зеленые» – это своеобразная «лесная самооборона» от всех. Подсчитать достоверно количество таких лесных лагерей и людей, которые в них прятались, крайне сложно. Лагеря существовали недолго, переносились с места на место, уничтожались карателями или полицией. Население лесных лагерей не могло долго находиться в стороне от войны. Часть «зеленых» превращалась в обыкновенных бандитов, часть присоединялась к партизанам, а часть лесных лагерей получали покровительство советских партизан становились семейными лагерями и отрядами.

Нередко группы евреев, бежавших из гетто, создавали еврейские партизанские отряды, которые в дальнейшем теряли самостоятельность и вливались в смешанные формирования советских партизан¹. Первые партизанские еврейские отряды были организованы двумя группами бывших узников Минского гетто в ноябре 1941 г. Некоторые партизанские группы, сформированные из беженцев гетто, просуществовали 1–2 месяца и были уничтожены карателями. Так, в сентябре 1942 г. под г. Барановичи была уничтожена группа из 80 вооруженных евреев. Тем не менее, в 1942–1943 гг. в Беларуси действовали следующие еврейские партизанские отряды: «Октябрь» Первомайской партизанской бригады под командованием А. Горелика, им. А.Я. Пархоменко бригады им. В.И. Чапаева (комиссар Н. Гейман), «Мир» (влился в бригаду им. В. Чкалова), «Барановичи» (командир Д. Бобров), им. Л.М. Кагановича бригады «Советская Белоруссия» (командир Ш. Зайдвайс). Отряд им. Г.К. Жукова (командир Лев Гильчик), входивший в состав 19-й бригады им. В.М. Молотова, насчитывал 140 чел., освобожденных из гетто Брестской и Барановичской областей. 170 бывших узников гетто г. Слоним были приняты в отряд П.В. Пронягина, из них была создана группа «Щорс-51», прославившаяся удачными операциями по подрыву вражеских эшелонов. Бежавшие узники гетто м. Несвиж во главе с Шоломом Холавским создали отряд «Жуков», который сражался в районе м. Копыль. В районе м. Дятлово действовал отряд под командованием Григория (Цви) Каплинского. В районе д. Деречин в июле – декабре 1942 г. сражался отряд под командованием доктора Йехила Атласа. Всего в 14 еврейских партизанских отрядах и группах Беларуси сражалось не менее 1650 бойцов. В 1943–1944 гг. еврейские бойцы были в составе большинства партизанских формирований. В бригаде им. Чкалова они составляли 239

¹ Здесь и далее материалы из статьи: Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 248–249.

чел. из 1140 (20,1 %). В 15 бригадах Барановичской области евреев было 1016 (12,4 %) из 8439 партизан. Из 4852 партизан Лидской зоны евреи составляли почти третью часть – 1356 чел., причем из гетто пришло 1196 чел. В семи отрядах Ленинской партизанской бригады евреи составляли 22 % (366 чел.). В четырех отрядах бригады «За Советскую Беларусь» – 21 % (176 чел.). В 10 отрядах бригад «Вперед» и им. И. Сталина воевали соответственно 103 (15 %) и 93 еврея (9 %). В итоге часть евреев-партизан была заброшена через линию фронта. В Беларуси в 1941 г. в 293 группах насчитывалось 87 бойцов-евреев. Всего их было 175 чел., в том числе 15 командиров. Так, в составе диверсионной группы под командованием «капитана Давыдова» (Владимира **Литвинского**), действовавшей в 1943–1944 гг. и сформировавшей отряд «Новаторы», евреи составляли 48 из 126 членов отряда¹.

Показатели об участии евреев в движении сопротивления являются исключительно высокими и превышают показатели любых других национальных групп. Так, среди партизанских командиров и руководителей партизанского движения было немало евреев. Григорий Борисович **Эйдинов** был первым заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения, руководил Северо-Западной оперативной группой. Кадровый военный Мойсей **Прусак** после выхода из окружения в августе 1941 г. стал одним из организаторов партизанского движения в Минской области. В Беларуси 2 еврея возглавляли партизанские бригады, 7 являлись комиссарами партизанских бригад, 7 – начальниками их штабов. Не менее 30 евреев командовали партизанскими отрядами, около 40 евреев были комиссарами партизанских отрядов и отдельных батальонов, 21 – начальниками штабов. Среди руководителей были секретарь Могилевского обкома партии Иосиф **Хавкин**; секретари 11 райкомов партии – Жлобинского (Моисей **Шапиро**), Чашникского (Михаил **Зубрицкий**), Дриссенского (Давид **Лившиц**), Рогачевского (Самуил **Свердлов**), Петриковского (Хаим **Варгавтик**), Осиповичского (Рувим **Голанд**), Ельского (Зуся **Черноглаз**), Меховского (Вульф **Израилит**), Освейского (Соломон **Геллер**), Чечерского (Хаим **Шкляр**), Минского сельского района (Израиль **Липидус**), Шая **Беркович** возглавлял Пинский подпольный обком и горком комсомола².

Важную роль в обеспечении боевой деятельности партизан играли еврей-медики. Многие из них попадали в отряды непосредственно из гетто (например, бывший узник Минского гетто Юрий **Тайц** стал главным терапевтом Минской партизанской зоны). Или же Анна **Мачиз** после смерти матери 4 апреля 1943 г. ушла в 106-й отряд. Была в отряде им. «25 лет ВЛКСМ», в бригаде им. Жукова: бойцом, начальником (уполномоченной) особого отдела отряда и зам. начальника особого отдела бригады (с 03.1944). Значимую роль в подполье гетто, а затем и партизанском движении имела деятельность Хаси **Пруслиной**³.

Итоги. Результаты боевой деятельности наиболее активного семейного отряда Бельского: 6 взорванных поездов с живой силой, 1 железнодорожный мост (далее – ж.-д.) и 18 мостов на шоссе, 16 автомашин с живой силой и 9 км разрушенных телеграфных и телефонных коммуникаций, 800 м ж.-д. полотна; 8 сожженных поместий и 1 пилорама, 12 боев и засад. Уничтожен 261 чел., в т.ч. немецкие солдаты, офицеры, полицаи, власовцы. Отряд им.

¹ Смилловицкий Л. Катастрофа евреев Белоруссии. С. 126, 137; Иоффе Э. Г. Белорусские евреи. С. 272, 273; Иоффе Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси... С. 141; Альтман И. А. Жертвы ненависти... С. 357.

² Иоффе Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси... С. 150; Иоффе Э. Г. Белорусские евреи. С. 274, 277, 278, 280, 294, 295, 306; Альтман И. Жертвы ненависти... С. 362.

³ Архив Исторической мастерской.

Орджоникидзе участвовал в 33 боевых операциях, в результате которых убито 120 человек. Взорваны два паровоза и 23 вагона, уничтожено 32 телеграфных столба и 4 моста. Потери отряда за все время его существования составили около 50 чел. В последнем бою на рассвете 9.07.1944 погибло 9 чел.¹

Особое внимание еврей-партизаны, прежде всего бывшие узники гетто, уделяли тем, кто принимал участие в пособничестве уничтожения евреев. По словам одного из организаторов подполья и еврейского партизанского движения Гирши **Смоляра** в отношении таких евреев «удалось заманить в лес группу «оперативников» – кровавого пса «Элинку» **Гинзбурга**, **Мулю Кагана**, **Мирру Маркман**. Приговор народа был справедлив. Предатели были казнены»². Или же бывшего полицая **Матросова**, принимавшего участие в массовом убийстве евреев в Минске, по заданию СД направили в партизанский отряд им. М.И. Калинина. Уже после карантинного периода он был случайно узнан одним из партизан. После проведенных допросов сознался, что заслан, чтобы отравить пищу и колодец. Вскоре пришла красиво одетая женщина – его жена. Были найдены вшитые в пальто деньги: немецкие, оккупационные, советские и золотые монеты. Нашли и несколько ампул с ядом. Ее расстреляли, а его связали и повели перед строем. «У каждого партизана спрашивали, что с этим гадом делать? Одни говорили расстрелять, другие – повесить, третьи предлагали зарезать... В кустах рядом с болотом расстреляли»³.

Семейные лагеря. Особое место среди партизанских отрядов занимают так называемые семейные лагеря (семейные отряды). Их отличие от остальных состоит в том, что в них находились пожилые и малолетние родственники партизан, а также большое количество женщин. В Беларуси насчитывалось 28 семейных отрядов, в которых находились от 3,7 до 5,2 тыс. чел. Отряд им. М. И. Калинина под командованием Тувины **Бельского** был самым большим (1018 чел. / 364 жен.) еврейским семейным отрядом. Здесь насчитывалось 350 вооруженных бойцов, в основном бежавших из гетто г. Новогрудок. Вторым по величине был отряд № 106 под командованием Шолома **Зорина** (558 чел. / около 150 жен.), почти половина в этом отряде были дети (250 чел.). В составе отряда № 106 сражались 137 вооруженных бойцов⁴. Несколько сотен человек в отряд им. Н.А. Щорса организовали «семейный лагерь». В нем находились многие специалисты, которые продолжали оказывать помощь партизанам (пошив военной амуниции, ремонт оружия). Поздней осенью после ухода отряда им. Щорса из Волчиногорских лесов «семейный лагерь» был практически разгромлен⁵.

Не раскрывая типологии групп, сообществ евреев, спасавшихся от уничтожения, тем не менее историк Леонид **Смиловицкий** определяет и другие семейные лагеря и отряды, которые существовали в Беларуси: Витебск, Глубокое, Шарковщина – 400–600 чел.; Мядель, Вилейка, Кобыльники, Куренец – 500–700; Лида, Радунь, Заболотье – 200–300; Новогрудок, Ивье, Мир, Дворец – 1000–1200; Минск и район – 700–800; Несвиж, Копыль, Столбцы, Новый Свержень – 150–200; Слоним, Белица, Деречин – 300–600; Косово,

¹ Вершицкая Т. Бельских отряд // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С.

² Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947. С. 94.

³ Сидоренко А. Исповедь // Советская Белоруссия. 6 июня 2009. С. 9.

⁴ Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 249.

⁵ Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 248.

Ивацевичи – 200–400; Барановичи, Бытень, Молчадь – 250–400 чел. Всего в таких лагерях находилось от 3700 до 5200 чел.¹

Антисемитизм. Также и среди партизан евреям приходилось отчасти бороться с антисемитизмом. Часто евреев не принимали в партизанские отряды, дискриминировали их, или евреи с самого начала пытались скрыть свое происхождение. Нередко случалось, что партизаны убивали евреев, особенно в националистических украинских и польских отрядах на юго-западе и западе Беларуси, но встречались также отдельные случаи убийств в советских партизанских формированиях. Так, один из партизан Вася сначала ограбил двух евреев, а затем на Бутовских хуторах убил еще одного из Городно. По решению командования он был расстрелян (1943). В то же время были случаи, когда евреи встречали на дорогах и в деревнях крестьян, участвовавших в истреблении евреев, и таких убийц расстреливали². После знакомства с отрядом Зорина группа из состава 9 партизан отряда **Бельского** решила помочь им в обустройстве семейного лагеря: одеть всех спасенных, заготовить продукты, чтобы они смогли пережить зиму. *«Мы разведали хутора, где жили семьи «бобиков»-предателей. Что это за публика, мы хорошо насмотрелись в гетто. Ночью мы окружали хутор и забирали с него все. Действовали как налетчики, но у кого повернется язык так нас назвать? Мы спасали детей. А для этого применяли и шомпола, и угрозы, надо было – не останавливались и перед физическими мерами воздействия. Ведь в гетто фашистские прислужники с нами и нашими родителями особенно не церемонились, они за людей нас не считали. Две недели мы «обрабатывали» полицейские хутора, по два за ночь. Четыре подводы нагрузили одеждой. Они были высокими как сено возят. Забрали всех свиней, коров. На каждой подводе лежал откормленный боров. Даже командира Шолома Зорина приодели, достали для него костюм, казачью папаху»³.*

При этом каждого из гетто, попавшего в партизанский отряд, ожидала тщательная проверка спецорганов на предмет возможного сотрудничества с коллаборационистским органом юденратом⁴. Нередко такие решения о контроле за прибывшими в отряд усиливали антиеврейские настроения. К примеру, предположение о том, что органами абвера, гестапо могут привлекаться евреи к различного рода агентурной и разведработе. Виделось, что ввиду жестокого отношения к ним со стороны германских властей они будут вне подозрения у советских органов. Таким образом, с целью отравления ядовитыми веществами командного состава, продуктов питания, воды могли быть направлены в партизанские отряды молодые красивые женщины, в том числе и еврейки. Или же особыми отделами бригад, соединений при наличии сведений об организации 9-месячных курсов для евреев при Минской и Борисовской разведшколах отработывалась версия об их внедрении⁵. Разведкой 1-й Минской партизанской бригады было установлено, что в Борисове на 10 июня 1943 г. подготовлено 150 евреев всех возрастов, а в район действий бригады направлено 30 чел. В таком положении действовали партизанские органы до февраля 1944 г.⁶ В итоге спецорганами по Минской зоне был разоблачен целый ряд

¹ Смиловицкий Л. Катастрофа евреев Белоруссии 1941–1944 гг. С. 119–128.

² Бакальчук-Фелин М. Воспоминания еврея-партизана. С. 62, 117.

³ Левин Н. Любовь и смерть // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 504–505.

⁴ Козак К.И. Спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны // Праведники народов мира. С. 42.

⁵ Записки БШПД // Наша свобода. 10 авг., 15 авг. 2001.

⁶ НАРБ. Ф. 4074. Оп. 1. ЕХ. 55. Л. 125; ЕХ. 56. Л. 254.

таких шпионов. Однако более детальное рассмотрение в совокупности всех имеющихся материалов вызывает сомнение насчет быстрых выводов и решений партизанских органов.

Для понимания сложного процесса развития партизанского движения следует подчеркнуть, что в документах партизанских соединений Беларуси отсутствует идеологема об антисемитизме. На проявления бытового антисемитизма давалась негативная оценка со стороны командования. Об этом свидетельствуют принятые решения в большинстве партизанских формирований. Тем не менее нередко среди историков выводы о характере и формах проявления антисемитизма в партизанских формированиях бывают весьма противоречивыми¹.

3.2. Подпольное движение. С учетом общей ситуации характер как подпольной, так и партизанской деятельности можно разделить на два периода. Первый – до ликвидации гетто (на этом этапе помимо евреев-партизан и подпольщиков в составе различных советских формирований существовали подпольные группы в самих гетто). Второй – после проведения «окончательного решения еврейского вопроса», когда была проведена ликвидация гетто. На этой стадии евреи, за немногим исключением, были почти полностью «рассредоточены» по различным партизанским отрядам².

Уже в оперативной сводке полиции безопасности и СД о положении в Минске от 29 августа 1941 г. говорилось об уничтожении 11 евреев, которые занимались антинемецкой пропагандой³. В подобной сводке о поведении евреев в г. Минске от 4 сентября 1941 г. сообщалось: «...*Айнзатцкоманде 8 стало известно, что в гетто Минска евреями проводится антинемецкая пропаганда, в особенности среди местного населения, которое отчасти пытается сбывать в гетто свою продукцию. Евреи к тому же совершили нападение на служащего полиции порядка и неоднократно уничтожали информационные афиши вермахта*»⁴.

Первыми подпольщиками стали Яков **Киркоешто**, Натан **Вайнгауз** и Григорий **Смоляр**. Во главе с секретарем Тельмановского подпольного райкома КП(б)Б г. Минска Михаилом **Гебелевым** активную работу в партийном и комсомольском подполье гетто вели Матвей **Пруслин**, Мейер **Фельдман**, Наум **Фельдман**, М.Л. **Екельчик**, Зяма **Окунь**, Эмма **Родова**, Надя **Шуссер**, Елена **Майзлес**, Роза **Липская**, Вульф **Лосик**, Григорий **Рубин**, Нина **Лисс**⁵. Многие руководители городского подполья Минска, спасаясь от СД, скрывались в гетто. Так, Михаил **Гебелев** привез 10 коммунистов из «русского» района и прятал их в «малинах» гетто по еврейским паспортам.

¹ *Иоффе Э.Г.* Белорусские евреи. С. 364. *Наряду с приводимой в монографии государственной функцией антиеврейского террора и антисемитизма со стороны нацистской Германии, сопоставительное утверждение о третьей (вторичной) – партизанской функции антисемитизма, может вызывать только удивление (Примеч. – К.К.). См.: Там же. С. 359–360.

² *Хронологически эти этапы следует определять исходя из сроков ликвидации гетто в той или иной местности. См.: *Розенблат Е.С.* Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и о роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 271–272.

³ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 1046. Л. 24.

⁴ Там же. ЕХ. 943. Л. 181. Пер. с нем.

⁵ *Иоффе Э.* Минское гетто: основные этапы истории // Минское гета 1941–1943. С.51; *Иоффе Э.Г.* Белорусские евреи. С. 158.; *Купрэва Г.* Минское гета: схаваная праўда // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 2. С. 46–51; № 3–4. С. 62–67. *13 октября 2005 г. решением Минского горисполкома переулок Мебельный переименован в улицу Гебелева (авторы памятного знака скульптор Александр **Дранец** и архитектор Леонид **Левин**).

В сентябре – октябре 1941 г. в городе возникла крупная подпольная организация – Военный совет партизанского движения (ВСПД), в состав которого входили бывшие командиры и политработники Красной Армии¹. Однако на протяжении 1941–1942 гг. деятельность Минского подполья является не только героической, но и самой драматической в его истории. Город был наводнен агентурой абвера, полиции безопасности и СД. В марте – апреле 1942 г. по доносам агентуры было арестовано более 400 подпольщиков. 7 мая 1942 г. публично повешено 28 руководителей и расстрелян 251 подпольщик². Сложилось противоречивое отношение к подполью. Первыми пострадали, хотя и в разной степени, лица, установившие связь подпольного горкома с подпольным обкомом КП(б)Б: А.А. Езубчик, Х.М. Пруслина, М.И. Батурина, Н.Л. Одинцова и др.³ Провалы и аресты продолжались в сентябре и ноябре 1942 г. Практически руководители городского подполья были арестованы. Однако при всем этом на протяжении 1942 г. вели борьбу более 100 подпольных организаций и групп⁴.

Всего в рядах антифашистского подполья Беларуси состояло около 13 500 евреев, а в Минске – свыше 300⁵.

Уже в 1941 г. в Барановичском гетто началась организация подпольных групп, состоявших в основном из молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. Большинство из них в прошлом являлись участниками сионистского молодежного движения или Бунда⁶. В начале 1942 г. действовали несколько групп: доктора Абрама Абрамовского, Копеловича (24 чел.), Элиша Зарицкевича (40 чел.), Элизера Лидовского (120 чел.). Участниками еврейского подполья были заместитель начальника еврейской полиции А. Варшавский и 17 полицейских. Подполье готовилось к восстанию в гетто. Оружие покупала и доставляла в гетто молодежь из сионистской группы, принадлежавшей к движению Хацомер-Хацаир, под руководством Муника Мушицкого. Ответственным за хранение боеприпасов был Хайм Бекер. Всего в составе подпольных организаций было около 200 чел., в том числе 15 женщин. План восстания не был осуществлен, но благодаря действиям членов подполья был организован ряд побегов из Барановичского гетто и рабочих лагерей. Многие евреи присоединились к группам советских партизан, семейным еврейским лагерям в лесу. Из 12 тыс. евреев, прошедших через гетто в г. Барановичи,

¹ Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. Минск, 1992. С.104. *Роковую роль сыграла радиোগрамма первого секретаря ЦК КП(б)Б, начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «Всем партизанским бригадам и отрядам Белоруссии» от 2 ноября 1942 г. Следующего содержания: «Немецкой разведкой в г.Минске организован подставной центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей, провокационных директив в ликвидации партизанских отрядов. Этот центр партизанскими отрядами Минской зоны разоблачен. Имеются сведения, что в этих же целях немецкой разведкой создан второй центр, который также рассылает директивы и людей и пытается связаться с партизанскими отрядами...». См.: Там же. С. 134; НА РБ. Ф. 4386. Оп. 1. ЕХ. 6. Л. 27.

² Всенародная борьба в Белоруссии. Т.1. С. 239. *В некоторых документах указывается, что казни происходили 9 мая 1942 г. См.: НА РБ. Ф. 4386. Оп.1. ЕХ. 11. Л. 129.

³ НАРБ. Ф. 3500. Оп. 21. ЕХ. 41. Л. 216. *17-летняя Нина Одинцова 19 ноября 1942 г. была необоснованно расстреляна в партизанской бригаде им. М.В. Фрунзе за сотрудничество с руководством «подставного» горкома. См.: Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. С. 104.

⁴ Всенародная борьба в Белоруссии. Т.1. С.250. *В частности, подпольщики Минского железнодорожного узла, имевшие тесные связи с партизанами, выполняя указания секретаря горкома КП(б)Б И.К. Ковалева, занимались спасением детей, женщин, стариков в гетто, выводили их из города в безопасные места, партизанские отряды. См.: Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. С. 127.

⁵ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С.358, 364. *Ссылки на источники отсутствуют (Примеч. – К.К.).

⁶ Bauer Y. Jewish Baranowicze... P. 130.

удалось убежать 750 чел., но только 250 из них дожили до 8 июля 1944 г. – освобождения города¹.

Важнейшими сторонами деятельности партийного и комсомольского подполья гетто стали сбор и закупка оружия и медикаментов, сбор обуви и одежды, а затем организация переправки их к партизанам, точнее, в партизанские отряды, которые базировались недалеко от Минска. Действительно, антифашистское подполье гетто с самого начала было связано с партизанами, с партизанским движением.

В гетто существовали дополнительные трудности в создании групп сопротивления: в условиях скученности населения в гетто сложнее было соблюдать конспирацию; регламентация всей жизни в гетто и тяжелые условия не позволяли уделять много времени подпольной работе; введенный нацистами принцип коллективной ответственности за малейшие нарушения режима не позволял рисковать жизнью узников гетто. Сдерживающим фактором для развития движения сопротивления являлось то, что на 70–80 % население гетто состояло из женщин, детей и стариков (хотя в м. Ляды подпольную группу создали малолетние узники гетто²).

Гораздо активнее себя вели узники так называемых остаточных гетто и еврейских трудовых лагерей, в которых содержались преимущественно трудоспособные (а значит, и боеспособные) мужчины. Возникали дополнительные трудности с установлением связи с общегородским подпольем, так как перемещения жителей гетто были многократно затруднены. Возможности достать оружие и боеприпасы у еврейских подпольщиков были более ограниченными, чем за пределами гетто, тем не менее в некоторых городах они изготавливали, ремонтировали или приобретали оружие (Барановичи, Белосток, Брест, Вилейка, Гродно, Слоним).

Определенную часть среди евреев составляли убежденные сторонники социалистического строя, коммунисты и комсомольцы. Особенно это проявилось на территории восточной Беларуси, где прослойка их была больше и советские традиции намного сильнее. Там подпольные организации гетто имели более тесные связи с городским подпольем и партизанами (особенно явно это подтверждается на примере минского гетто), в гетто значительно меньше ощущалась разобщенность, вызванная разногласиями между различными политическими течениями (в западных областях Беларуси взаимное недоверие сионистов, бундовцев и коммунистов мешало консолидации)³.

Например, в условиях Минского гетто было чрезвычайно трудно вести антигерманскую деятельность, так как оккупанты ввели круговую поруку. В апреле – мае 1942 г. кроме постоянных опознавательных знаков – желтой латки или шестиконечной звезды каждому жителю дома, квартиры были присвоены индивидуальные номера, которые надлежало носить ниже желтой латки. Если кто-нибудь исчезал, то уничтожались все жители дома или квартиры. Это накладывало особую ответственность за каждый шаг, за каждое действие подпольщиков.

Евреи-подпольщики играли видную роль в организации антифашистского подполья во многих городах Беларуси, не являясь при этом узниками

¹ Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 246; Bauer Y. Jewish Baranowicze... P. 129, 130–133

² Альтман И. Жертвы ненависти... С. 332.

³ Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 239; Беркнер С.С. Жизнь и борьба Белостокского гетто. М, 2001. С. 67.

гетто. Среди оставленных для подпольной работы коммунистов и комсомольцев было немало евреев. В западных областях Беларуси это были так называемые восточники – руководители различных рангов. В состав действовавших и организовывавшихся подпольных организаций вливались также еврей-красноармейцы, вышедшие из окружения или бежавшие из лагерей для военнопленных, уцелевшие узники гетто или евреи, совершившие побег из гетто.

Одним из руководителей подполья г. Минска стал Исай **Казинец** (посмертно удостоен звания Героя Советского Союза). Имея поддельные документы на азербайджанца Мустафу **Деликурды-оглы**, он вместе с другими руководителями антифашистского сопротивления объединил разрозненные силы подпольщиков, наладил связь с партизанами. Из созданных в Минске в августе 1941 г. 5 подпольных райкомов партии один размещался в гетто. С помощью узников Минского гетто был организован выпуск листовок и агитационной литературы, а также добыт план города с указанием мест расположения воинских частей. Исай **Казинец** был в числе руководителей минского подполья до весны 1942 г., когда был арестован агентами гестапо¹.

Еврейское подполье стремилось установить и укрепить связи с общегородским подпольем. Узники передавали за пределы гетто оружие, разведанные, медикаменты, радиоприемники, поддельные документы, одежду, продукты, деньги. Общегородское подполье и партизаны оказывали помощь в подготовке вывода поодиночке и небольшими группами людей из гетто.

Все участники движения сопротивления ставили своей целью уничтожение оккупационного режима. Еврейское подполье в гетто полностью солидаризировалось с советским подпольем и советским партизанским движением. Группы сопротивления в гетто считали себя частью общегородского подполья. Вместе с тем перед еврейским подпольем стояли специфические задачи и в своей деятельности подпольщики-евреи использовали разнообразные методы и средства борьбы.

Общегородское подполье и партизаны были заинтересованы в «публичности» результатов совершаемых акций. Листовки и другая печатная продукция должны были оповестить население оккупированных территорий о существовании движения сопротивления. Убийства полицейских, немецких чиновников, взрывы и поджоги должны были убедить жителей Беларуси в действенности борьбы с захватчиками. Но группы сопротивления в гетто вынуждены были как можно более тщательно скрывать свою работу. В условиях, когда антиеврейские акции проводились под самым незначительным предлогом или без всякого повода, афишировать деятельность еврейского подполья было непозволительной роскошью. Этим объясняется отсутствие специальных еврейских печатных изданий и «громких» диверсий. Еврейское подполье, по сути, отказалось от всего, что могло спровоцировать новые массовые экзекуции в гетто. Тем не менее еврейское подполье совершало активные действия. В гетто г. Вилейка подпольщики подготовили покушение на шефа гестапо, казнили одного полицейского, а также выкрали из немецкой больницы своего арестованного товарища. В м. Куренец подпольная группа во главе с **К. Шпектором** напечатала и распространила несколько листовок. В одной из них, адресованной крестьянам, содержался призыв не сдавать хлеб оккупантам. Другая листовка предназначалась полицейским, содержала призыв обратить оружие против оккупантов и по почте была отправлена

¹ Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 240; *Июффе Э.Г.* Страницы истории евреев Беларуси. С. 142, 143.

всем служащим полиции. В остальных листовках население информировалось о победе советских войск под Москвой и выражался протест против мобилизации молодежи в белорусские коллаборационистские формирования. В Гродненском гетто в конце 1942 г. появилась листовка с призывом готовиться к вооруженной борьбе¹. 23 сентября 1941 г. начальник полиции безопасности и СД сообщал: «По поступившим до сих пор сообщениям в гетто в Минске неоднократно перерезали полевые кабели германского вермахта [...]. Неоднократно угрожали и даже обстреливали служащих гражданской службы порядка в гетто, несмотря на то, что они несли службу в гетто. Преступников не удалось схватить»². В западных областях Беларуси подпольные группы существовали не менее чем в 40 гетто и рабочих лагерях, в том числе в гетто городов Пинск, Браслав, местечек Воложин, Миоры, Друя, Радошковичи, Пинск, Молчадь, Столбцы³. Всего в более чем 50 гетто Беларуси действовали подпольные организации⁴.

Минск. Подпольная организация в Минском гетто была создана уже через три недели после организации гетто – в начале августа 1941 г. Ею руководили Михаил **Гебелев**, Михаил **Пруслин**, Гирш **Смоляр** и др. Подпольщики были разбиты на 22 группы и строго соблюдали правила конспирации. Главный акцент в деятельности еврейского подполья ставился не на совершении акций возмездия и не на подрывной работе, так как это усугубляло и без того тяжелое положение еврейского населения, а на решении проблемы вывода людей из гетто. Подпольщикам Минского гетто удалось наладить тесные связи с городским подпольным комитетом и с партизанскими отрядами. Это позволило вывести к партизанам несколько тысяч узников. Первую большую группу из гетто удалось вывести уже в ноябре 1941 г. Благодаря активным действиям подполья из минского гетто спаслось самое большое число узников на всей оккупированной территории СССР в немецкой зоне оккупации. Многие сотрудники минского юденрата и службы порядка гетто действовали в унисон не только с подпольем гетто, но и с общегородским подпольем. Первый председатель юденрата **Илья Мушкин** и начальник еврейской полиции **Зиновий Серебрянский**, казненные впоследствии нацистами, активно участвовали в планировании и проведении важнейших мероприятий подпольщиков. Помогал подполью и второй председатель минского юденрата **М. Иоффе**⁵. Среди героических деяний остались в памяти действия **Маши Брускиной** (1924–1941). 26 октября 1941 г. она была повешена вместе с 12 другими подпольщиками в Минске во время одной из первых публичных казней на оккупированной территории СССР⁶.

Клецк. Главными участниками подполья в гетто г. Клецк была еврейская молодежь. Активными организаторами сопротивления стали **Мойзес Фишер**, **Иегошуа (Шая) Кошецкий**, **Гриша Гольдберг (Гонтович)**, **Ицхак Финкель**, **Авраам Пожарик**. В состав подпольной организации входило около 200 чел.

¹ *Альтман И.* Жертвы ненависти... С. 331, 333, 335.

² *Judenfrei!* Свободно от евреев. С. 48.

³ *Cholawski S.* The Jews of Bielorussia... Р. 106–109.

⁴ *Розенблат Е.С., И.А. Альтман.* Белоруссия // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 68.

⁵ *Розенблат Е.С.* Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 242; *Иоффе Э.Г.* Страницы истории евреев Беларуси... С. 144; *Альтман И.* Жертвы ненависти... С. 329; *Cholawski S.* The Judenrat in Minsk. Р. 113–133; *Смоляр Г.* Мстители гетто. М., 1947. С. 65, 66.

⁶ *Дихтярь А.В.* Маша Брускина // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 113–114.

Подпольщики располагали оружием (пулемет, 10 гранат, 2 винтовки, 8 пистолетов), приготовили запасы керосина и бензина. План состоял в том, чтобы поджечь дома в гетто и во время пожара организовать побег узников. По ночам молодежь организовывала дежурство, чтобы не пропустить подготовку нацистов к ликвидации гетто.

Ранним утром 21 июля 1942 г. началась акция уничтожения гетто. Подпольщики доставили оружие к воротам гетто и открыли огонь по карателям. Пулемет был установлен в окне синагоги напротив входа в гетто. Были убиты 3 немца и 4 белорусских полицейских из оцепления гетто. Евреи подожгли дома в разных частях гетто, использовали в качестве оружия приготовленные заранее камни, с помощью топоров и лопат рубили колючую проволоку. Огонь с территории гетто распространился на соседние постройки. Каратели не решались войти в гетто и производили обстрел узников из-за ограждения. Бой продолжался несколько часов. Многие евреи погибли во время восстания от огнестрельных ранений и в огне пожара. По воспоминаниям, на улицах Завальной и Слонимской погибло особенно много узников гетто. Группа узников гетто во главе с Алтером **Мееровичем** сумели вырваться из гетто благодаря знакомому белорусскому полицейскому. В общей сложности бежать удалось нескольким сотням человек, но большинство погибли в тот же день во время преследования беглецов полицейскими¹.

Ляхва. В гетто м. Ляхва подпольную группу организовал Ицхак **Рохчин**, который до 1939 г. был активным членом молодежной организации «Бейтар». В состав группы входили молодые люди, готовые к активным действиям против оккупантов, в том числе Ошер **Хейфец**, Моше-Лейбе **Хейфец**, Давид **Файнберг**, Мовша **Колпаницкий**. Огнестрельного оружия в гетто не было, собирали топоры, ножи, железные прутья. 2 сентября 1942 г. в Ляхве стало известно, что недалеко от еврейского кладбища возле местечка приготовлены ямы, среди еврейского населения велись разговоры о готовящейся акции уничтожения гетто. Председатель юденрата Берл **Лопатин** узнал о готовящейся ликвидации гетто и призвал узников гетто к сопротивлению. В ночь со 2 на 3 сентября подпольщики разработали план действий: поджечь дома и, используя бутылки с зажигательной смесью и холодное оружие, прорвать оцепление. Расчет строился на том, что узники гетто воспользуются хаосом и смогут бежать. Утром 3 сентября 1942 г. началась акция ликвидации ляхвенского гетто. Евреев согнали на открытую площадку в гетто. Берл **Лопатин** поджег здание юденрата, что стало для подпольной группы знаком к началу восстания. Огонь охватил многие дома в гетто, узники гетто совершали нападения на немцев и полицейских. Янкель **Абрамович** убил топором немца и забрал его винтовку. Во время восстания героически погибли Ицхак **Рохчин**, Вольф **Кац**, Айзик **Кирзнер**, Залман **Корж**, Абрам **Крикун**, Абрам **Левин**, Соломон **Игельник**. Стоявшие в оцеплении открыли огонь из автоматов по узникам гетто. В результате пожара и действий карателей в гетто погибло около 800 чел. Около 600 узников гетто, преимущественно женщины, дети и старики, были под конвоем доставлены к яме, находившейся в 1,5 км от Ляхвы, и расстреляны. Но приблизительно 500–600 узников гетто во время пожара и восстания сумели прорваться сквозь оцепление и бежать. В результате предпринятых розыскных мероприятий в ближайшие дни из бежавших было схвачено

¹ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 242–243; ГАМО. Ф. 1538. Оп. 1. ЕХ. 68. Л. 11–12; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Клецкага раёна / уклад. М.С. Кусякоў. Мінск, 1999. С. 269, 270.

и казнено около 350 чел. Около 120–150 лахвенских евреев выжили, многие из них присоединились к партизанским отрядам¹.

Слоним. В Слонимском гетто подпольная организация – антифашистский комитет, в состав которого вошла коммунистическая и сионистская молодежь, – была создана в конце 1941 г. Среди лидеров Слонимского подполья были Зорах **Кремень**, Неня **Циринский**, Авиезер **Инбер**, Арик **Штейн**, Аншел **Делятицкий**, Яков и Герцель **Шепетинские**, Натан **Ликер**, Пейсах **Альперт**, Давид **Эпштейн**, **Шепсель**, Гриша и Яков **Грингаузы**². В Слониме находился склад военных трофеев (бойтелагерь). Здесь хранилось большое количество военного снаряжения. Под присмотром немцев и полицейских узники гетто должны были ремонтировать и чистить оружие. Подпольщики выносили отдельные детали оружия, гранаты, патроны, винтовки, обмундирование. В состав подпольной организации вошел немецкий еврей-инженер Эрих **Штейн**, который руководил рабочими в бойтелагере, и это значительно облегчало работу по сбору оружия. После установления связи с партизанами в лес из Слонимского гетто начали отправлять партии оружия, теплой одежды, мыло, соль, радиоприемники. Помощь в отправке медикаментов партизанам оказывали еврейские врачи **Абрам Блюмович** и **Орлинская**. Запасы оружия подпольщики хранили за пределами гетто, в местах, где работали евреи – в мастерских и в синагоге, где оккупационные власти устроили склад сельскохозяйственных машин³. С помощью юденрата оформлялись фиктивные документы на работы в деревнях и таким образом подпольщикам удавалось поддерживать постоянные контакты с партизанами, в первую очередь с партизанским отрядом им. Н. Щорса⁴.

На территории Беларуси восстания узников гетто кроме г. Клецк и м. Лахва имели место также в гетто г. Слоним (29 июня – 15 июля 1942 г.), м. Несвиж (22 июля 1942 г.), г. п. Копыль (24 июля 1942 г.), м. Мир (9 августа 1942 г.), г. Каменец (9 сентября 1942 г.)⁵. Шесть дней длилось восстание узников белостокского гетто (16–21 августа 1943 г.). Некоторые восстания в гетто сопровождались нанесением значительного урона противнику. По сообщению командования бригады им. А. Суворова, 19 августа 1943 г. в гетто г. Глубокое произошло восстание, во главе организации которого находился тов. **Либерман**, лично убивший 4 немцев, взятый в плен и казненный нацистами. Евреи были вооружены, применяли гранаты, подожгли полицейский участок, войлочные фабрики, артели и ремесленные мастерские. Узники бросились на прорыв проволочного ограждения и забора, завязался бой. Против восставших были брошены танки, открыт артиллерийский огонь. По данным разведки бригады и показаниям очевидцев, около 100 гитлеровцев были убиты и ранены. Части узников гетто удалось уйти в лес⁶.

Во время акций по ликвидации гетто в населенных пунктах Дисна, Друя и Шарковщина евреи подожгли дома, применяли огнестрельное оружие, некоторым из них удалось, пользуясь ситуацией, прорваться сквозь цепь

¹ *Розенблат Е. С.* Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 243–244; Российская еврейская энциклопедия. М., 2004. Т. 5; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лунінецкага раёна / уклад. Т. В. Канапацкая. Мінск, 1995. С. 453, 454; ГАБО. Ф. 2120. Оп. 1. ЕХ. 263. Л. 25; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лунінецкага раёна. С. 325, 332, 452; 476.

² *Cholawski S.* The Jews of Bielorussia... P. 106; *Abramowitsch L.* Die faschistische Gehenna am Beispiel des Ghettos der Stadt Slonim // «Morgens brauchte man nicht mehr mit «Heil Hitler» zu grüßen». Deutsch-russische Erinnerungen. Munster, 1996. S. 144–164; *Иоффе Э.* Белорусские евреи. С. 310.

³ *Циринский Н.* Подполье Слонимского гетто // Вест. еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 215, 216, 224–226.

⁴ *Abramowitsch L.* Die faschistische Gehenna... S. 144–164; *Cholawski S.* The Jews of Bielorussia during World War II. P. 145, 146.

⁵ НАРБ. Ф. 398. Оп. 1. ЕХ. 10. Л. 20; *Иоффе Э. Г.* Белорусские евреи. С. 170.

⁶ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. ЕХ. 7. Л. 273, 274.

окружения и уйти¹. Вооруженное сопротивление немцам оказали евреи в Новогрудке, Кобрине, Ляховичах, Деречине. В гетто Березы-Картузской узники подожгли дома. В результате активных действий спаслись сотни людей.

3.3. Пассивная форма сопротивления: общее и частное. Следует отметить, что самой распространенной формой сопротивления являлась пассивная. Она должна быть соотнесена не к вооруженным формированиям и их руководящим органам, которые уже в начальный период войны определили методы и формы деятельности, направленной на уничтожение живой силы, ослабление ее технического обеспечения. Данная категория наиболее применима к местному населению, находившемуся в условиях оккупационного режима. Однако неразработанность вопросов о формах деятельности и отношении жителей к оккупационным органам позволила на долгое время оставить данный феномен в тени основным событиям. Тем не менее можно утверждать, что по своим показателям разнообразные использовавшиеся невооруженные формы пассивного сопротивления были достаточно эффективными.

Любое уклонение евреев от выполнения распоряжений и приказов оккупационных властей свидетельствовало о сопротивлении режиму и стремлении бороться за свою жизнь (невыполнение приказов о регистрации, ношении опознавательных знаков, явке на место сбора для казни или переселения в гетто, о запрещении торговли с местным населением, отказ от участия в принудительных работах и т.д.). Безусловно, во многих случаях эти действия, являясь протестными по своей сути, преследовали цель в первую очередь не причинения ущерба оккупационным властям, а были направлены на улучшение условий жизни узников гетто, их спасения. Но перечисленные действия были связаны с огромным риском: нелегальная торговля, внесение продуктов на территорию гетто, попытки выхода из гетто карались смертной казнью. Таким образом, неповиновение властям, выход за рамки правового поля, очерченного для еврейского населения нацистами, превращались в акт мужества. Моральное сопротивление узников гетто выражалось в самопожертвовании: многие евреи предпочитали погибнуть вместе с семьей, хотя имели возможность спастись бегством или в качестве ценных для оккупационных властей специалистов остаться в живых. Известны случаи коллективных суицидов накануне акций уничтожения – это были поступки, свидетельствующие об отчаянном протесте людей, которые не могли предотвратить свою гибель (населенные пункты Мозырь, Орша, Пружаны, Береза-Картузская, Толочин). В стремлении спастись и спасти своих близких евреи занимались оборудованием специальных бункеров и схронов, укрывали детей у знакомых белорусов, пытались оформить поддельные «арийские» документы. При проведении нацистами почти каждой акции массового расстрела еврейского населения находились люди, которые предпринимали попытки сбежать, иногда нападая при этом на карателей².

Выделим только главные аспекты: массовость и общность. Так, массовость (примерно 5–6 млн) способствовала коллективным позитивным настроениям веры выживания, веры в освобождение. Она служила связывающей переходной ступенью к вооруженной боевой деятельности в формах:

- непредоставления информации органам о фактах антигерманских настроений, выявления евреев, бывших активистов советской власти;
- выпуска бракованных изделий на предприятиях, укрытия части сельскохозяйственной продукции, отказа от выполнения экономических повинностей;

¹ Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.). С. 97, 98.

² Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 237.

- оказания хозяйственной помощи партизанам, предоставления им приюта, информирования о составе и дислокации германских подразделений;
- отказа от сотрудничества, от занимаемой должности;
- систематического избегания принудительного вывоза в Германию;
- отсутствия в гражданской среде националистических проявлений, которые снижали антиеврейские, антирусские, антипольские проявления, пропагандируемые германскими органами.

Однако данные проявления в системе военных идеологических ценностей неадекватно воспринимались со стороны германских органов – как сокрытое сопротивление, что в условиях вооруженной деятельности расширяло круг потенциальных жертв.

Наиболее распространенным явлением стали акции в гетто по выявлению лиц не носивших латы. Это давало основание считать их нарушителями германского порядка, саботажниками и активистами¹.

Юденраты как центры антифашистского сопротивления и коллаборации. Для урегулирования еврейского вопроса и выполнения всех распоряжений германского командования во всех городах Беларуси, где было образовано гетто, были назначены уполномоченные представители еврейского Совета (2–10 чел.). При коменданте гетто создавались органы самоуправления: еврейские советы (юденраты) и еврейская полиция – служба охраны порядка. Границы гетто определялись полицейскими комиссариатами. В его компетенцию входило: регистрация, подбор в группу от 15 до 35 лет для работ по заданию вермахта. Так, в начале июля 1941 г. в Минске при юденрате созданы отделы труда, снабжения, опеки, а также паспортный, пожарный отделы. Основными функциями созданной полиции являлись: охрана улиц, входов и выходов, изъятие вещей, организация облав для отправки на работу, помощь немцам и литовцам во время облав на жителей гетто в период погромов. На одежде узников должны были быть знаки отличия – желтые латы. Белый прямоугольник на груди и спине с номером указывал номер дома, в котором данное лицо проживает. Колонны были закреплены за определенными строительными или хозяйственными объектами. Была создана и тюремная, в которую входили сапожники, портные, штукатуры, маляры. Колонну, как правило сопровождало 2–5 немецких солдат или полицейских. По возвращении с работы полиция визуально осматривала колонны с целью не допустить проноса питания или других запрещенных средств из русского района².

Учитывая значимые социальные функции представительства между лагерным руководством, оккупационными органами и узниками гетто, можно определить их положение как одно из центральных в расширении или подавлении сопротивления. И если на первом этапе в своем большинстве можно было заметить со стороны юденратов злоупотребление своими полномочиями, затем агрессию со стороны или председателей или руководителей охраняемых еврейских служб, то по мере акций уничтожения и роста подпольного и партизанского движения ситуация нередко менялась. В таком порядке очевидна вторичная функция юденратов и их представителей в формировании сил сопротивления оккупационному режиму.

¹ Дневник боевых действий 322-го полицейского батальона об истребительных акциях в Минском гетто, 30 сентября 1941 г.; Оперативная сводка № 92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в Минском гетто, 23 сентября 1941 г. // *Judenfrei! Свободно от евреев*. С. 163–164.

² *Einsatz im «Reichkommissariat Ostland»*. S. 35; BA. R.58/241. Bl. 5–8; *Judenfrei! Свободно от евреев*. С. 54; *Июффе Э.Г.* Белорусские евреи. С. 61.

Известны факты, когда сотрудники юденратов отказывались готовить списки лиц, подлежащих уничтожению, члены еврейской полиции уходили в отставку при возникновении угрозы участия в акциях (города Барановичи, Глубокое) или предупреждали узников гетто об опасности и уклонялись от поиска прятавшихся (города Минск, Гродно, Барановичи, м. Докшицы). За отказ составить список старых и больных евреев для депортации были расстреляны председатель Барановичского гетто Овсей **Изыксон** и его секретарь. Та же участь постигла двух первых председателей еврейского совета в г. Новогрудок (**Цехановского** и Хаима **Айзиковича**)¹. За связь с партизанами был повешен один из руководителей Слуцкого гетто А. **Бурский**. Контактировал с подпольем Бобруйска и юденрат городского гетто. Накануне «акции» 6–8 ноября 1941 г. подпольщики, по утверждению командира Бобруйской партизанской бригады В.И. **Ливенцева**, предупредили еврейское население о предстоящем массовом расстреле. Часть бобруйских евреев покинула город, уйдя в лес к партизанам. Председатель юденрата Копыля **Коган** помог установить контакты молодежи (возможно подпольной организации) гетто с евреем-партизаном Львом **Гильчиком**. Однако не всегда еврейские советы были готовы к активным действиям. В Ушачах подпольщики решили предупредить евреев о готовящейся акции уничтожения. Староста гетто И. К. **Пейсахов** через коменданта хотел узнать дальнейшую судьбу узников ушачского гетто. Но был подвергнут пыткам, а вслед за этим был поднят по тревоге немецкий гарнизон².

Немало примеров когда руководители юденратов становились во главе сопротивления. Председатель юденрата в м. Дятлово (Новогрудский округ) Алтер **Дворецкий** являлся непосредственным организатором движения сопротивления в гетто. Руководитель еврейской полиции в г. Лида Лейзер **Столицкий** наладил связь с местными партизанами. Еврейская полиция в м. Ивье (Новогрудский округ) помогала подпольщикам гетто поддерживать связь с местными партизанами и обеспечивала выход из гетто. Поддержку подпольщикам оказывали юденраты в г. Дисна и г.п. Шарковщина, не препятствовали деятельности подпольных групп юденраты в местечках Мир, Острин, Пружаны. После ликвидации гетто в м. Докшицы у членов еврейского совета были обнаружены патроны³.

Взаимодействие еврейского и нееврейского сопротивления. До сих пор недостаточно изучен вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии еврейского и нееврейского подполья. Оккупационные власти были убеждены, что именно евреи являются инициаторами движения сопротивления. 20 ноября 1941 г. командующий вермахта направил рейхскомиссару Остланда сообщение, где указывалось, что евреи настроены пробольшевистски, выступают как зачинщики и подстрекатели актов саботажа и сопротивления. Обер-штурмбанфюрер СС и комиссар криминальной полиции Буркхардт в аналитическом обзоре о состоянии еврейского вопроса в Беларуси отмечал: «...именно еврейство по-прежнему является закоренелым носителем большевистских идей и таковым останется. Во всех регионах, где находятся еврейские поселения, отмечается значительная активность русского сопротивления и партизанского»

¹ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 237; *Trunk I. Judenrat: The Jewish Councils...* P. 437, 440, 516–517; Кловский Д. Дорога из Гродно. С. 50.

² Виница Г. Холокост на оккупированной территории восточной Беларуси в 1941–1944 годах. С. 81–83; Ливенцев В.И. Партизанский край. Минск, 1969. С. 34; Капустя Ф.Ф. В Белоруссии // Партизанская дружба. М., 1948. С. 92.

³ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 245; *Trunk I. Judenrat: The Jewish Councils...* P. 473, 520, 523; НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. ЕХ. 483. Л. 33.

движения. Если даже еврей в силу своих расово обусловленных качеств не способен быть партизаном и активно сражаться против немцев, то он все же поддерживает сопротивление разведывательными сведениями, предоставлением одежды и т.д.» Даже если учесть наличие в подобных высказываниях присущих национал-социалистической доктрине стереотипов и пропагандистских штампов, трудно отрицать, что среди евреев – участников движения сопротивления – были убежденные сторонники социалистического строя¹.

Так, узник Минского гетто Шалом **Зорин**, работая в лагере для военнопленных, познакомился с пленным командиром, старшим лейтенантом С.Г. **Ганзенко**. Для спасения на повозке с мусором ему удалось вывезти его из лагеря в гетто, а затем с помощью партизанских связей переправить в партизаны. Узники гетто м. Ленин сумели установить связь с партизанами и с их помощью организовали побег. 11 сентября 1942 г. (по другим данным – 17.09.1942) партизаны совершили нападение на м. Ленин, были убиты 5 полицейских и 2 сотрудника немецких служб. В результате многие узники были освобождены².

3.4. Невооруженное, сопротивление как один путей из спасения.

Массовый побег. Во многих гетто еврейское подполье занималось подготовкой вооруженного выступления для организации массового побега. Предусматривались различные отвлекающие маневры (поджоги, взрывы), расчет был на то, что произойдет стихийное вовлечение в восстание остальных узников. Так, в трудовом еврейском лагере в м. Ганцевичи под руководством начальника еврейской администрации **Гринберга** была создана подпольная группа, которая разработала план побега. Подпольщики соблюдали тщательную конспирацию – члены организации знали только состав своей «пятерки» (малой группы из 5 чел.). 14 августа 1942 г. в сумерках большая группа узников прорвалась через заранее подготовленный выход в ограждении. Подполье лагеря воспользовалось тем, что местный гарнизон в этот день был отправлен на прочесывание леса в связи с действиями партизан. Охрана лагеря открыла огонь, многие узники были убиты. Но большая часть евреев сумела уйти в лес. Около 150 евреев, бежавших из лагеря в направлении г. Лунинец, с помощью партизан создали в лесу временный лагерь во главе с помощником Гринберга **Рабиновым**. Но вскоре партизаны ушли и евреи разбились на небольшие группы, чтобы легче было передвигаться. Оккупационные власти распространяли листовки, в которых призывали бежавших вернуться в м. Ганцевичи и обещали сохранить им жизнь. Группа людей старшего возраста вернулась в лагерь и была расстреляна. Многие спасшиеся узники присоединились к партизанским отрядам. Судьба Гринберга, который организовал побег из лагеря в м. Ганцевичи, была трагической. Он был расстрелян партизанами по доносу³.

¹ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 240; НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 10226. Л. 1–9; Хеер Х. Вермахт и холокост // Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.): Сборник материалов и документов / Отв. ред. Р.А. Черноглазова. Минск, 1997. С. 30–46.

² Файтельсон А. Непокорившиеся. Летопись еврейского сопротивления. Тель-Авив, 2001. С. 502. *Ганзенко С.Г. стал командиром отряда, а затем бригады им. С.М. Буденного. См.: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. С. 37–38; Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 249; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Ганцавіцкага раёна / рэдкал.: Г.К. Кісялёў [і інш.]. Мінск, 1999. С. 136.

³ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 245–246; Плоткин А. Подвиг не совершал (записки партизана). М., 2000. С. 204; Плоткин А. Воспоминания партизана. С. 52, 207, 209, 222; Южук И., Южук Р. Даровано выжить. Годы и судьбы. Пинск, 2002. С. 9.

Тоннель, подкоп. Подпольщики гетто в г. Новогрудок во главе с Яковом Каганом, Берлом Иосиповичем и Натаном Сухарским организовали выход более чем 230 узников из гетто с помощью прорытого за ограду гетто туннеля длиной 250 метров и шириной 1,5 метра. Подземные ходы, которые давали возможность выйти из гетто, были устроены в Слонимском, Минском и других гетто, Колдычевском лагере смерти¹.

С помощью партизан. Некоторые командиры партизанских отрядов оказывали помощь в организации побегов узников гетто. Отряд под командованием Ф.Ф. Капусты помог выбраться из гетто г. Клецка и м. Несвижа 30 евреям. Командир отряда им. Н.А. Щорса П. В. Пронягин охотно принимал евреев, поодиночке и небольшими группами бежавших из Слонимского гетто. Летом 1942 г. Слонимское подполье приняло решение уходить в лес к партизанам. Организованно действуя, узники гетто смогли выйти из города и вынести большое количество оружия. Более 70 вооруженных молодых евреев были приняты в отряд им. Н.А. Щорса. Узники гетто продолжали прибывать в отряд им. Н.А. Щорса, большинство из них определялись в 51-ю группу, которая состояла из четырех взводов и насчитывала 125 бойцов (командир – гомельский еврей Яков Федорович). 51-я группа принимала активное участие в проведении диверсий, подрыве поездов, боях с противником, освобождении 2 августа 1942 г. более 200 узников Коссовского гетто. Еще один уникальный пример – вывод большой группы евреев из м. Долгиново (около 200 чел.) партизанами под руководством Николая Киселева («Праведник народов мира»). Партизанская группа под командованием Геннадия Сафонова спасла около 50 евреев из различных населенных пунктов Вилейщины. Из евреев, бежавших из гетто, Г.Н. Сафонов организовал «кожевенный заводик», евреи шили обувь и кожухи для партизан («Праведник народов мира» с 1992 г.)².

Была выведена из гетто и часть подростков. К примеру, Майя Крапина вместе с другими покинула Минск благодаря своему брату, а Фрида Рейзман – при помощи крестьянина, досланного с этой целью ее братом Лазарем Лосиком – партизаном отряда им. М.И. Кутузова. В итоге жители д. Поречье и Святое Пуховичского района приняли в своих домах и спасли почти 40 еврейских детей, бежавших из Минского гетто³.

По партизанским данным, из Минского гетто было вывезено до 1 тыс. чел., из которых были сформирован семейный отряд № 106 и партизанский отряд им. Пархоменко. Сумевшие покинуть Минского гетто пополнили 9 партизанских отрядов и один партизанский батальон. При этом, по свидетельству Г. Смоляра, в течение двух недель из Минского гетто можно организовать отправку в лес не менее 300 мужчин и 50 женщин, подготовленных для боевой

¹ Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 247; Альтман И. Жертвы ненависти. С. 310, 314, 331.

² Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 248; Циринский Н. Подполье Слонимского гетто. С. 227; Abramowitsch L. Die faschistische Gehenna... S. 144–164; Циринский Н. Подполье Слонимского гетто. С. 232, 233; Праведники народов мира Беларуси / Сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. Минск, 2004. С. 20, 21.

³ Бурштейн М. Святая деревня Поречье // Авив. 2000. Октябрь. С. 1; Гришкевич А. Подвиг жителей Поречья // Пухавіцкія навіны. 23 верасня 2000. С. 2; Крапина М. Поречье – деревня праведников // Праведники народов мира. Минск, 2004. С. 36; Шибалис М. Деревня-праведник – Поречье // Рэспубліка. 2000. 27 вер. С. 2.

и медицинской службы. Однако главным препятствием тому являлась проблема вооруженности такой группы¹.

Спонтанное решение. Немало примеров, когда решения о переходе к партизанам принимались спонтанно. Вероятность успеха была крайне малой. В такой ситуации 5 марта 1942 г. 60 узников гетто д. Обольцы в Оршанском районе, узнав об уничтожении соседнего гетто в м. Смольяны, решились на коллективный побег, в ходе которого они захватили полицейского, стоявшего в оцеплении, и добрались до партизан. Или же 60 евреев из гетто Обольцы (Оршанский р-н), узнав об уничтожении соседнего с ними гетто, решились на коллективный побег, в ходе которого захватили полицейского и добрались до партизан (5.03.42). В середине августа 1942 г. коллективный побег совершили узники из рабочего лагеря Ганцевичи. С помощью «внутреннего коменданта» профессора из Лодзи **Гринберга**. Сам побег прошел успешно, однако немногим удалось найти партизан. Часть из них, поверив обещаниям карателей, возвратилась назад в лагерь и была расстреляна. Несколько другой схемой воспользовались узники лагеря в Новом Сверже (Столбцовский р-н). Только после того как была установлена связь с партизанами, 140 чел. решились на побег (02.43). Несколько сомнительно, но тем не менее в начале января 1943 г. в Минске с помощью подпольщиков удалось организовать побег евреев-военнопленных. Они под надуманным предлогом заехали в гетто и забрали семьи двух беглецов. На этом же грузовике партизанам были доставлены оружие и медикаменты².

Провал. И всегда приходилось рисковать. Немало таких попыток заканчивались провалом. Среди причин не только карательные меры оккупационных органов за нарушение, но и в немалой степени боязнь местного населения быть причастными к укрывательству евреев. Из-за страха быть убитыми они отказывали в помощи, нередко угрожали страдающим. В итоге немало вынуждено было вернуться в гетто, где их ожидали беспощадные акции уничтожения³. Так, еврейские рабочие 2-й казармы в Минске попытались подкупить полицейского 46-го украинского батальона в размере 15 тыс. рублей, чтобы он перевез их на машине в партизанскую зону. Однако полицейский информировал немецкое командование о таком намерении и организаторы побега были схвачены. В награду он даже получил от уполномоченного имперского начальника отрядов СС благодарность за предусмотрительность⁴.

Среди причин «пассивности» поведения могли быть нежелание оставить в трудное время престарелых родителей или близких им родных. Среди части евреев, имевших не типичный для них не еврейский вид, было сильнее желание отказаться от документов о белорусском или русском происхождении. Как рассказала одна из свидетельниц, предложившая новые документы оставшейся единственной в живых из семейства **Тане Кузнецовой** – «*Нет, я умру как еврейка!*»⁵.

Таким образом, в районах, где традиционно были сильны религиозные партии (восточное и южное Полесье, Брест), сопротивление принимало формы

¹ НАРБ. Ф. 3500. Оп. 4. ЕХ. 266. Л. 470; *Иоффе Э.* Минское гетто: основные этапы истории // Минск гета 1941–1943 гг. С. 58; *Нордштейн М., Басин Я.* Так фабриковались фальшивки // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. С. 237.

² *Альтман И.* Жертвы ненависти. С. 310–311, 314, 330.

³ *Кобец-Филлимонова Е.* Распятая Хатынь. Минск, 2005. С. 210.

⁴ Из приказа начальника полиции порядка ГОБ полковника Клепша с благодарностью полицейскому украинского батальона за неподкупность // Холокост в Беларуси. С. 123.

⁵ Из рассказа Куксинских о трагической судьбе евреев г. Городок Витебской области // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. С. 125.

побега и укрывательства в лесах¹. Среди таковых из мирского гетто бежало 300 узников, из кобринского – 100, из миорского – около 80 чел., из колдычевского лагеря – 91 чел., из деречинского – около 300 чел., из еврейского трудового лагеря в м. Ганцевичи – около 150 чел., из рабочего лагеря в д. Новый Свержень – около 200 евреев². Что касается одного из самых крупных гетто в Европе – Минского, то из 100 тыс. только 3,5 тыс. смогли покинуть его территорию и сохранить жизнь³.

Проявления духовности. Палитра борьбы за жизнь настолько многообразна, что в каждом примере есть индивидуальность борьбы. К примеру, одна из 13 выживших из 26 бывших узников Минского гетто в схроне по ул. Сухой Елизавета **Левкова** говорит: *«И сейчас я много думаю об этой простой женщине. Это было до войны и я ее хорошо помню. ...И вот так пошло дело. Мама из схрона выходила раз-два в неделю. И если какие вещи были у нас, которые мы запасли ранее, то мы отдавали ей, а она продавала на-верное и за эти вещи нам давала продукты. Ходила мама долго, и вдруг в один прекрасный вечер ее остановили. Кто-то сказал, что тут жидовка. Мама очень испугалась, да и сказал может русский парень не думая. Но после этого, неожиданно, какая-то женщина сказала: «Отстань от нее. Это не жидовка, это русская женщина, вот она идет с мешком и пусть идет». И она оттолкнула этого человека. Мама пришла как неживая. После того как кончились продукты, целую неделю опять не ели, голодными сидели. Но кому-то же надо идти и она опять пошла мама. И эта женщина нас кормила до последнего дня оккупации июля 1944 г.»*⁴. Вот так до освобождения Минска частями Красной Армии дожили 13 из 26 узников «большого» гетто. Или же 25 узников «малого» гетто, бежавших во время его эвакуации из Минска в конце июня 1944 г.⁵ Еще 10 чел. тоже знали, что их ждет, и, заметив первое смятение немцев в Минске за пять дней до прихода наших, спрятались в под-земелье, которое они обнаружили под двором СД. Они просидели 5 суток, а когда вышли, то не были уверены, кого увидят наверху⁶.

Нередко такие же примеры мужества демонстрировали на территории Беларуси иностранные евреи. Так, организация варьете евреями из Брно в Минском гетто явилась в большей степени духовным мужеством и самообладанием⁷. Или же попытка принудительного содержания с 8 мая 1943 г. на торфозаводе Осинторф 542 евреев из Венгрии, которые числились в составе германских военных формирований, после протестов вместо уничтожения их 15 мая 1943 г. были направлены вместе с фольсдойче на работы в Оршу⁸. Немногим позднее, 25 мая 1943 г. МК 211 в Орше сообщала, что из 3261

¹ Розенблат Е.С. Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и о роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 272.

² Розенблат Е.С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2-х кн. Кн. 1. С. 246; Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. С. 138–140; Сценсович Н. И. Записки актера и партизана. С. 93–97; Шерман Б. П. И ужаснулась земля. Барановичи, 1990. С. 56, 57; Плоткин А. Подвиг не совершал. С. 54; Альтман И. Жертвы ненависти... С. 341.

³ Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси С. 129. *Источники и методика не указаны (Примеч. – К.К.)

⁴ Левкова Е. Девять месяцев под землей // Мінскае гета 1941–1943 гг. С. 189.

⁵ Иоффе Э. Минское гетто: основные этапы истории // Мінскае гета 1941–1943. С. 59.

⁶ Смилловицкий Л. Илья Эренбург о преступлениях нацизма в Белоруссии // Генацыд у Другой сусветнай вайне. С.69.

⁷ Обзор комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхарда о положении немецких евреев в Минском гетто, 1942 г. // Judenfrei! Свободно от евреев. С. 226.

⁸ Военный дневник 211-й ХК Орша с 1.04.43 до 31.05.43 // ВА-МА. RW 31/843.

работающего в Осинторфе венгерские евреи отправлены назад в венгерскую армию¹.

3.5. Праведники народов мира. В совокупности 711 граждан Беларуси рискуя собственной жизнью и своих родных и близких, спасая евреев от уничтожения, признаны «Праведниками народов мира»². Как показывает практика только небольшая часть евреев смогла укрыться на одном месте. Большинство же вынуждены были покинуть обжитый кров уже через несколько дней или недель своего пребывания. Но куда? Свидетели уточняют, что таким местом были партизанские отряды. Так, из 47 случаев спасения из Минского гетто 20 относятся к партизанским формированиям, где евреи чувствовали себя в большей безопасности³. Тут при переходе значимую роль играли связные партизанских отрядов или подпольщики. Так, минская подпольщица Анна Серова и ее дочь Тамара с сентября 1943 г. не менее 10 чел. переправили в отряд, а 4 еврейских детей, уцелевших от погрома, скрывали некоторое время у себя в доме, а затем через знакомых устроили их в детский дом. Вывод из Минска был сложен, практически без документов не было возможности выйти из него, поэтому Серовой понадобилось немало усилий, чтобы организовать для них необходимые документы⁴. Учитывая, что партизан или командование отрядов не относят к Праведникам, тем не менее следует признать их значимую роль не только в спасении. Но и вовлечении в вооруженную деятельность против политики геноцида оккупационных органов.

Есть уникальные примеры того, как спаситель вел масштабную работу по спасению евреев, вовлекая в опасное дело спасения узников гетто и лагерей своих родных и близких. В г. Барановичи связной партизан поляк Эдвард Хотья, работавший ассенизатором и имевший право быть в гетто, вывозил в цистернах с мусором и нечистотами узников. Он помог спастись 35 евреям из рабочего лагеря, созданного при полиции безопасности и СД г. Барановичи. Многих евреев Э. Хотья, его жена Юлия Гутырчик и дети Алина и Ричард провожали на хутор к связному партизан Михаилу Зарецкому. В общей сложности Э. Хотья помог спастись от 60 до 150 евреям. Сам спаситель погиб в 1944 г. в Колдычевском лагере смерти (Праведник народов мира с 1962 г.)⁵

Немецкие спасители. В Минском гетто после акций массового уничтожения капитан Вилли Шульц, пожилой австриец, призванный по тотальной мобилизации, полюбил Ильзу Штайн из Франкфурта-на-Майне. Для ее спасения было попытка достать два паспорта с условием, что Ильза вместе с ставшей подругой белорусская еврейка Лиза Гуткович уйдут вместе, поскольку Ильза не знала русского языка. Лиза должна была стать «сестрой глухонемой». Но паспорта достать не удалось, тогда Шульц предложил другой вариант. В командировку в Минск приехал его друг летчик, который согласился переправить девушек через линию фронта. Однако и с летчиком не получилось, его срочно отозвали на фронт. Тогда белорусская подруга Лиза Гуткович решила использовать знакомство со связным минского подполья. По договоренности с подпольщиками Шульц нашел машину-трехтонку и подготовил сопроводительные документы на 12 женщин и 13 мужчин. 30 марта 1943 г. машина, крытая брезентом, подъехала к бирже труда на Юбилейной площади. В машину сели 25 чел.,

¹ ВА-МА. RW 31/843.

² Розенблат Е.С., И.А. Альтман. Белоруссия // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 68.

³ Козак К.И. Спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны // Праведники народов мира. С. 28, 33.

⁴ Праведники народов мира Беларуси. С. 35.

⁵ Шерман Б. П. Барановичское гетто... С. 13, 14, 30; Bauer Y. Jewish Baranowicze... P. 141.

включая двух сестер Ильзы 19 и 8 лет (отца Ильзы к тому времени расстреляли, а мать умерла от тифа). Мужчины были вооружены, в кузове наготове находились два шофера-профессионала. Выехали в направлении партизанской зоны Руденска – 2-й Минской партизанской бригады. До появления немецких автоматчиков они группами по 5 чел. переправились на другой берег¹.

Были и другие примеры положительного отношения к узникам гетто. По представлениям старший лейтенант **Штамм** из полиции сумел защитить маленькую часть зондергетто I и тем самым спас ее. Никто не знал мотивов его поведения, но позже было сказано, что вскоре после этого он был отправлен на фронт². Или же немецкий солдат **Отто** в возрасте 40 лет с явной доброжелательностью относился к еврейке Эдит. Он часто угощал ее хлебом, а иногда приносил его и белорусским евреям. Он же задержание белорусской еврейки дал пощечину полицейскому и рекомендовал просить прощения, за то, что несмотря на пропуск, ее задержал и привел для проверки. Во время погрома 28 июля Отто спас Аню **Ботвинник**, называя ее специалистом. Немногим позднее, он помог ей уйти к партизанам³. О том, что такие примеры не являлись единичными может служить утверждение в обвинительном заключении по делу **Рюбе**, где отмечается, что четыре молодые немецкие еврейки были расстреляны, якобы за связь с представителями вермахта⁴.

В истории Михаила **Трейстера** о начальнике местной полиции Минского гетто **Эпштейне**, которого свидетели считают наиболее активным пособником преступлений оккупантов, есть и такие сведения. Так, когда один из узников гетто в составе группы из четырех человек при побеге убил двоих полицейских, а потом, раненный, заполз в инфекционную больницу на ул. Сухой, то «исполнявший в то время обязанности начальника местной полиции **Наум Эпштейн**, инспектируя больницу, залез на чердак, увидел Бориса, но сделал вид, что ничего не заметил. Кстати, **Эпштейн**, о котором говорили много плохого, и мне помог уйти с Широкой. Выходит, что человек – существо многоликое и судить о нем надо осторожно. Сам **Наум Эпштейн** – относительно молодой, благообразный и очень толковый польский еврей – погиб в 1943 г., вероятно, в последнем погроме. Бог ему судья»⁵. Спасительной стала история в д. Ольманы (Столинский р-н), где фольксдойче **Блауман** взял в домработницы дочь знакомого еврея **Блежовского**, объяснив это тем, что его жена – учительница часто болеет и нуждается в помощи. После вступления немецких солдат в деревню он пошел на службу в оккупационные органы. Девушку же никто не тронул. В период наступления Красной Армии ему удалось уйти с немцами, а девушку отправить в партизаны. Так **Блежовская** осталась жива⁶.

Неоднозначность суждений может вызвать и история спасения бывшего узника Минского гетто Гриши **Черко**. По свидетельству Эмилии **Хургиной**, работавшей на кухне в Генеральном комиссариате, через работника канцелярии – немца **Ройше**, который хорошо относился к евреям, ей удалось добиться освобождения мужа Гриши **Черко**. Он, якобы за кражу банки жира, был помещен в бункер и за такой проступок мог быть расстрелян. Вскоре, узнав эту историю, Генеральный комиссар Беларуси Вильгельм **Кубе** дал указание

1 Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 60–62; НАРБ. Ф. 4057. Оп. 1. ЕХ. 12. Л. 9; Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1999. С. 260; Ваунишасов С.А. На тревожных перекрестках. М., 1974. С. 370–372, 396–397; Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск, 2007. С. 105–106.

2 Wegweiser zu ehemaligen jüdischen Leidensstätten der Deportationen von Hamburg nach Minsk. S. 44.

3 Краснапёрка Г. Письмы маёй маці. С. 52–53, 57, 84, 91, 111.

4 Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. С. 107.

5 Трейстер М. Проблески памяти. С. 37–38.

6 Овсяник Г. Мой Столин // Авив. Март – апрель 2006. № 3–4. С. 19.

освободить арестованного. Сначала Гриша, а затем и Эмилия, с помощью председателя юденрата Наума **Эпштейна**, перешли в партизанский отряд Зорина¹.

Спасительным была встреча для Фишла **Рабинова** из Пинска с немецким офицером Гюнтером **Крылем**. Когда двое братьев были расстреляны, ему немецкий офицер предложил сменить свое имя на Петра **Рабцевского**. Во время массовой акции уничтожения он с конца октября 1942 г. больше месяца скрывал у себя, а затем переправил в Киев к своему другу **Фриафу**².

За помощь в спасении евреев – расстрел. В условиях жестокого обращения с местным населением германские оккупационные органы не раз демонстрировали свою приверженность к насилию за укрывательство или утаивание информации. Повсеместное преследование тех, кто помогал евреям, нередко порождало страх, неуверенность и отчаяние у большинства обывателей. Например, Надежда **Макрушиц** работала главной медсестрой в больнице № 2 г. Минска. Она сохраняла документы умерших больных и передавала их евреям и военнопленным. Кроме того, в ее доме скрывалось пять евреев. В декабре 1941 г. она была арестована на рабочем месте и вскоре казнена. Дочь с мужем бежали из Минска. После этого и евреям пришлось покинуть дом³.

Практика оккупационных органов была такова, что за провинности наказывали все семейство, по принципу круговой поруки. Риск для семейных был огромный. Так, Левон и его жена Клавдия **Гайшуны** (д. Ковчицы, Светлогор. р-н) за укрывательство и спасение еврейской семьи **Губиных** были заживо сожжены оккупантами в собственном доме в 1941 г. Или же в Могилевской области известен случай, когда девять месяцев прятались у **Сафоновых: Могильницкие, Урицкие, Гутины, Каганы**. Всего 9 человек. И когда появились партизаны, то они передали их им. Это стало известно полиции и тогда Григория и его жену арестовали, а затем расстреляли. Их дочь чудом осталась жива. Подобные примеры имели место в Дятлово (Гроднен. обл.). Так, в декабре 1942 г. о помощи евреям со стороны семьи **Лавников** стало известно карательным органам. Их дом был сожжен, а Иван и Юлия **Лавники** и их сын Сергей были расстреляны. Практически в то же время Юлиан **Касперович** и его жена Мария обустроили укрытие на болоте около д. Глинка (Столин. р-н) для 4 евреев. После того как полиции стало известно, что они помогают евреям, их дом был сожжен, а они лишь чудом остались живы. В д. Довьяты (Браслав. р-н) нашла укрытие от верной смерти семья **Рукшиных**. Одно время на чердаке дома местного жителя Егора **Капусты** скрывалось 10 чел. Когда же организовался партизанский отряд, то трое братьев **Рукшиных** ушли туда, а 12-летняя дочь Маша осталась. Узнав о беглянке и не найдя место укрытия, немцы сожгли Кисловщину, Довьяты и другие населенные пункты. Или же в д. Пятницкое (Шумилин. р-н) полицаи узнали, что в доме **Кутенко** живет еврейский мальчик. Однако тому удалось вовремя убежать. За это пожилой С.Т. **Кутенко** был жестоко избит и с большим трудом ему удалось встать на ноги. Трагически закончилась история спасения еврейской семьи **Конторович** в Логойске. Когда оккупационные власти приказали евреям собраться 30 августа 1941 г., то Хана и ее родители пришли к назначенному месту и были расстреляны. Тамара же по совету **Ходосевичей** осталась у них. Для нее было подготовлено тайное убежище. Кроме этого они также обеспечили убежище Рафаилу **Баркану** и **Зисерману**. И в критические минуты **Ходосевичи**, у которых было трое дочерей, переправили Тамару **Конторович** и двоих сестер

¹ Козак К.И. Германский оккупационный режим в Беларуси: Геноцид, Холокост и борьба за выживание еврейского населения // Праведники народов мира. С. 42–43.

² Смилловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 60.

³ Праведники народов мира в Беларуси. С. 146–147.

Татьяну и Майю к бабушке Антонине. Когда же полиции что-то стало известно об их антифашистском настроении, то Петр, Янина и дочь Валентина были расстреляны 13 марта 1943 г. Немало примеров, когда оккупационные власти делали массовые облавы в поисках евреев. Например, жителя Василевич (Речицк. р-н) Степана **Сопоту** по доносу посадили в тюрьму. С обыском пришли и в дом брата Мартына, где в то время и скрывался Яков **Нехензон** – бывший военнопленный. С учетом опасности было принято решение о переправке его в партизанский отряд, что спасло братьев **Сопотов**¹.

Проявления к евреям как жертвам. Примеры относительной лояльности можно заметить и в действиях некоторых руководителей. По словам жены **В. Кубе**, «когда он слышал выстрелы в стороне гетто, он говорил: поехали туда. Тогда все сразу прекращалось, и эти солдаты-собаки, которые расстреливали людей, разбежались. У нас был замок в Прилуках для приемов. Там работало много евреев, муж их забрал из гетто, чтобы оградить от СС. Ему всегда ставили в претензию, что у него много евреев работает»².

В определенной мере есть некоторая закономерность в поведении одного из главных архитекторов оккупационного режима в Беларуси. Вот как характеризуют **Кубе** его оппоненты из службы СД: «Немецкие евреи в Минске особенно благодарны заботе, которую оказывает им господин главный комиссар гауляйтер **Кубе**. При посещении **Кубе** ... в ноябре 1941 года гетто он узнал, что родственники некоторых из евреев сражаются на фронте. Заинтересовавшись этим, он обещал, что доложит об этом фюреру. В гетто для берлинских евреев гауляйтер **Кубе** обратил внимание на внешность двух еврейских девушек, которые похожи на ариек. Он распорядился политическому руководителю установить личность одной девушки и выписать из гетто. Одна из них работала затем в генеральном комиссариате, совмещая работу стенографистки и парикмахера, при этом ей было разрешено ходить без «звезды»...³ **Кубе** также добился перевода из Минского гетто Карла **Левенштайна** в Терезиенштадт. Возможно, это и спасло ему жизнь⁴.

¹ Там же. С. 19, 24, 26, 43, 49, 69, 71, 73.

² Если бы Кубе не взорвали, то он закончил бы в концлагере? // Комсомольская правда. 28 апреля – 4 мая 2005. С. 14–15.

³ Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в минском гетто 1941 // Judenfrei! Свободно от евреев. С. 226–227

⁴ Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск, 2007. С. 91. *Необходимо отметить, что в белорусской современной историографии, начиная с работ Ю. Туронка, стало модным по сути соглашаться с мнением Г. Гиммлера о гауляйтере как о «защитнике евреев» и выдвигать в этом вопросе на первый план некие моральные соображения. Нам представляется более обоснованной позиция А. Даллина, считавшего стремление В. Кубе ограничить масштабы массового уничтожения евреев обусловленным экономическими и политическими мотивами. Своеобразие личной позиции В. Кубе было в том, что он допускал возможность особого отношения к немецким евреям, к евреям – участникам Первой мировой войны. В то же время он был убежден, что «польский еврей совершенно так же, как и русский еврей, является врагом Германии. Он представляет собой опасный политический элемент, политическая опасность которого далеко превышает ценность его как квалифицированного рабочего». Кроме того, необходимо отметить, что компетенция В. Кубе в решении «еврейского вопроса» была ограничена и распространялась только на административно-хозяйственную сферу, о чем уже говорилось выше. Бывали случаи, когда гауляйтера даже не ставили в известность о проведении тех или иных акций, относительно чего он бурно протестовал. Не В. Кубе решал, уничтожать евреев или нет, а ведомство Г. Гиммлера. Он мог подавать лишь свои соображения по данной проблеме, которые могли быть учтены или нет. В данном весьма содержательны выражения гауляйтера Беларуси В. Кубе написанные им в конце 1941 г.: «Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю действовать решению еврейского вопроса... Прошу тебя дать точные директивы, чтобы надлежащая акция (уничтожение евреев из Германии – К.И.) была проведена наиболее гуманным образом». См.: Письмо генерального комиссара Беларуси В. Кубе рейхскомиссару Осталанда Г. Лозе о депортации евреев Германии в Беларусь, 16 декабря 1941 // Judenfrei! Свободно от евреев. С.211.

Практически такими же качествами обладал и **Ридер** (Рихтер). Так, во время одиночных расстрелов старался проявлять галантность по отношению к дамам. Подавал им руку, предупреждал о лужах, чтобы они не запачкали свою обувь. Вел себя крайне вежливо и мило, чтобы в следующую минуту хладнокровно расстрелять¹. Не вызывает удивления, что по ряду положений германскими органами и даже их политическими руководителями высказывалась обеспокоенность о проводимых карательных акциях. В этом ряду необходимо обратить внимание на причины такого отношения. Массовые уничтожения вызвали обеспокоенность местных оккупационных властей о сокращении рабочей силы, что немаловажно было для осуществления военно-экономических планов. К примеру, в приказе рейхскомиссара Остланда Г. Лозе от 2 декабря 1941 г. записано: *«Я настоятельно требую прекратить ликвидацию евреев, которые используются как квалифицированная рабочая сила на военных предприятиях и в ремонтных мастерских...»*² Или же в докладе от 25 января 1942 г. в день убийства 9 тыс. евреев Слонимского округа его гебитскомиссар писал, что в результате ему приходится иметь дело только с 1 человек³. Гауляйтер Беларуси В. Кубе подчеркивал: *«Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса... Прошу тебя (Г. Лозе. – К.И.) дать точные директивы, чтобы надлежащая акция (уничтожение евреев из Германии. – К.И.) была проведена наиболее гуманным образом»*⁴. Несколько позднее (31.06.42) он критиковал вермахт за массовое уничтожение евреев в ущерб хозяйственной деятельности⁵. Неудивительно, ведь анализ итогов антиеврейской акции 22 сентября 1942 г. в Барановичах показал количество рабочих уменьшилось на 50 % при желании сохранить существующие показатели⁶.

Проводимые пацификации способствовали тому, как свидетельствует один немецкий служащий, что в глазах населения немцы выглядели «варварами и палачами», а евреи уважались так же, как и белорусы⁷. Безусловно, имелось немало примеров, когда из среды оккупационных органов в нарушение директив солдатами и офицерами проявлялись человеческие чувства: персональное предупреждение о погроме, непринятие карательных акций при обнаружении людей в укрытиях, материальная помощь нуждающимся и т.д.⁸

В ряде случаев германские представители по причине определенных симпатий могли оказывать помощь. К примеру, в день погрома 7 ноября 1941 г. в Минске Нина **Либович** проживала в бараке. Немецкий офицер, который осуществлял охрану барака, предупредил, чтобы она убежала. Когда она попросила взять ребенка из соседнего барака, то он сказал, что если через 5 минут она не уйдет, то отсюда уже возврата нет. После короткой паузы она приняла решение об уходе⁹.

¹ Тростенец. Рассказ еврея из Вены // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. С. 64.

² Приказ Рейхскомиссара Остланда Г. Лозе о прекращении уничтожения евреев, обслуживающих немецкие военные предприятия, 2 декабря 1941 г. // Judenfrei! Свободно от евреев. С. 94.

³ *Vakar N. Belorussia: The Making of a Nation.* Cambridge (Mass.), 1956. S. 57, 70.

⁴ Письмо генерального комиссара Беларуси В. Кубе рейхскомиссару Остланда Г. Лозе о депортации евреев Германии в Беларусь, 16 декабря 1941 // Judenfrei! Свободно от евреев. С. 211.

⁵ *Vakar N. Belorussia.* S. 57.

⁶ ВА-МА. 30/39 Вл. 40

⁷ *Vakar N. Belorussia.* S. 186.

⁸ *Иоффе Э.Г.* Белорусские евреи. С. 68–69.

⁹ Протокол беседы Н.А. Косога с узницей минского гетто Х.И. Рубинчик // Холокост в Беларуси. С. 187; Холокост в Беларуси. С. 201; АКГБ.гр. 3. Оп. 2. арх № 40. Л. 216–227.

На фирме, где работала Хьена Элькина, их бригадой руководил пожилой немец Бруно Бушпэк. Он с симпатией относился к умной, рассудительной семнадцатилетней Хьене. Ему нравилось, что она знает его родной язык, песни. Всегда находил момент поговорить с ней о своем доме, о семье. Приносил кое-что поесть, и другим доставалось. Когда он привел колонну и узнал, что здесь всех расстреливали, а девушка на работу не вышла, думал, погибла, стоял у проволоки и плакал¹. Немало было солдат, которые помогали или отказывались выполнять преступные приказы германского командования. Одним из таких был Штефан Хампель. В мае 1942 г. он присутствовал при массовых расстрелах евреев в гетто у д. Василишки и оттуда дезертировал².

Выводы:

Таким образом, в белорусской историографии еврейского сопротивления не имеется комплексного исследования. Представления участников сопротивления (в частности, Г. Смоляра) создали концепт в исследовательской послевоенной направленности. Среди историков отдельные факты, обобщения и представления в большей степени даны в работах профессора Э.Г. Иоффе и исследователя истории Холокоста Евгения Розенבלата. К сожалению, попытки представить научные исследования по истории Минского гетто, геноцида еврейского населения в восточных областях Беларуси пока не признаны по ряду положений ВАК Беларуси. В работах зарубежных авторов сделана акцентуация на примеры боевой деятельности отрядов Бельских и Зорина. Доктор Леонид Смиловицкий через региональную историю Холокоста вводит немало материалов по невооруженному сопротивлению. Тем не менее ощущим дефицит исторического материала о природе, типологии, структуре и деятельности оккупационного режима на территории Беларуси. В большой степени достижение цели видится в объединительном начале действующих общественных исследовательских центров по истории Холокоста с государственными академическими научными институтами.

Данные о массовом еврейском партизанском сопротивлении на территории Беларуси в годы Второй мировой войны основаны на документальных источниках и должны быть представлены в системе образования, музейных экспозициях, в европейском контексте истории партизанского движения в Беларуси.

Требует особого внимания рассмотрение вопросов о формах и методах невооруженного сопротивления нацизму. Учитывая, что вопросы методологии и методики, научный аппарат в данном исследовательском направлении еще не разработаны, данное направление работы для белорусских историков можно определить как наиболее перспективное.

¹ Давыдова Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: док. повесть. Минск, 2000. С. 68–69.

² Курило О. Жертвы, преступники и герои Второй мировой войны в изменяющейся перспективе // Преступники, жертвы, герои. С. 14; Хазе Н. Жертвы юстиции вермахта. Изображение и документы. Берлин, 1997. С. 24. *Как единственный немец в польско-литовской группе Сопротивления в Литве он участвовал в спасении евреев и советских военнопленных. После его поимки 11 августа 1943 г. был приговорен к смертной казни за дезертирство. См.: Там же.

Иоффе Э.Г.

Участие евреев в партизанском движении Белоруссии (1941–1944)

В последние годы белорусские историки добились успеха в освещении многих проблем истории Беларуси. С каждым годом остается все меньше «белых пятен». Одним из них до сих пор остается история еврейских партизанских отрядов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Участие евреев в партизанском движении в Беларуси следует рассматривать в двух плоскостях. Первая – развитие партизанского движения на территории нашей республики в целом. Вторая – судьба евреев на оккупированной нацистами территории и их объективные возможности приобщения к партизанам.

До сих пор в белорусской исторической литературе нет серьезных исследований о партизанском движении в Беларуси в годы войны. Читатели старшего поколения могут задать вопрос: «А трехтомник «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» (Минск, 1983–1985)? А «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) (Минск, 1983)?»

Сегодня эти исследования не могут нас удовлетворить из-за своей неполноты, отсутствия объективности и излишней заидеологизированности, умолчания многих событий, трудностей и сложностей развития как партизанского движения, так и коллаборационизма. Печально, что из истории партизанского движения в Беларуси оказались вычеркнутыми многие партизанские отряды и имена ряда партизанских командиров.

Не следует забывать, что в Советском Союзе в целом и БССР в частности с 1948 г. до середины 1980-х годов фактически проводилась политика государственного антисемитизма, и «еврейская тема» находилась в числе запретных.

Можно сказать, что в Советском Союзе тема о евреях-партизанах, тем более еврейских партизанских отрядах и группах почти полвека была закрыта. Поэтому естественно, что за этот период здесь не вышло ни одной монографии, ни одной научной статьи об участии евреев в Сопротивлении и партизанском движении в СССР вообще, в Беларуси в частности. Единственной публикацией в послевоенные годы по этой проблематике был сборник воспоминаний руководителей и участников советского партизанского движения о своих побратимах-евреях «Партизанская дружба», подготовленный издательством «Дер Эмес» (Правда) в 1947 году и вышедший из печати в начале 1948 г.

Вот что писал украинский историк С.Я.Елисаветский о партизане Шопенгауэре, который воевал в партизанском соединении генерала Ковпака под именем «Колька Мудрый»: «Рассказ о Кольке Мудром Вершигора в своей книге «Люди с чистой совестью», изданной в Москве в 1955 году, закончил фразой, которая уже не вошла в последующие издания. Приведем ее здесь: «Я не знал истории его жизни, не знал его фамилии, и только после его смерти близ Кодры (Кодра – село на западе Киевщины) я узнал, что самый смелый автоматчик 3-й роты Колька Мудрый, с которым я беседовал много часов во время привалов в нашем рейде на Правобережье, был евреем» [1, с. 85]. Из всех последующих изданий мемуаров этот фрагмент был изъят.

Примерно то же происходило у нас, в Беларуси с мемуарами начальника штаба партизанского соединения Брестской области Павла Пронягина и других партизанских командиров. Если они писали о евреях-партизанах или еврейских партизанских отрядах, то эти страницы текста редакторы просто

«вырезали». Интересно, что в мемуарах начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Пономаренко и начальника Белорусского штаба партизанского движения Петра Калинина нет даже упоминания слова «еврей».

Что касается историков, то этой темой никто не занимался, считая ненужной. Ведь была главная установка – показывать дружбу народов в партизанском движении, акцентируя внимание на белорусах, русских и украинцах. Все остальные попадали в графу «другие национальности».

Только в 1993 г. в Минске вышла в свет книга польского историка Юрия Туронка «Беларусь пад нямецкай акупацыяй». В ней были такие строки: «Дзякуючы сваёй узброенай сіле, савецкі партызанскі рух стаў для многіх жыхароў Беларусі шанцам ратунку альбо пажаданым выйсцем у складаных абставінах. Хутка ў яго ўліліся не толькі слабыя і раздробленыя групы супраціўлення, што паўсталі ўлетку 1941 г., але і людзі, якіх фашысты асудзілі на вынішчэнне або пагражалі смерцю, асабліва яўрэі і камуністычныя дзеячы» [2, с. 92].

До сих пор белорусские историки партизанского движения в 1941–1944 гг. замалчивают тот факт, что евреи стояли у истоков антифашистского подполья и партизанского движения в Беларуси.

В секретном докладе коменданта Белоруссии Бехтольсхейма о положении в Белоруссии в период с 1 по 10 сентября 1941 г. есть такие строки: «Евреи, составляющие в городах большинство населения, являются инициаторами кое-где возникающего повстанческого движения» [5, с. 262].

В письме генерального комиссара «Белоруссии» В. Кубе рейхскомиссару «Остланда» Г. Лозе от 31 июля 1942 г. сообщалось: «Во всех вооруженных столкновениях с партизанами в Белоруссии выяснилось, что еврейство как в бывшей польской, так и в советских частях генерального округа с польским движением Сопротивления на западе и красноармейцами на востоке является главным вдохновителем партизанского движения...» [3, с. 234].

В своем докладе на совещании окружных комиссаров, начальников главных отделов генерального комиссариата Белоруссия в апреле 1943 г. В. Кубе сказал: «В партизаны в большинстве своем идут деградированные элементы, преимущественно русские и евреи. Когда мы прошлым летом приступили к разрешению еврейского вопроса и начали переселять их в определенные районы, партизанское движение возросло. Евреи пошли в партизаны. Они убежали, скрывались в лесах и пополняли партизанские отряды» [4, л. 6–23].

В официальных изданиях ничего не говорится о деятельности одного из первых истребительных отрядов, ставшего затем партизанским, который действовал в Ельском районе Полесской области. В Национальном архиве Республики Беларусь хранится сообщение в ЦК ВКП(б) от партизан этого отряда Хаима Самуйловича Вайенבלата и Соломона Борисовича Мейтина: «С 22 июля 1941 г. был организован у центра Ельск истребительный отряд под командованием командира отряда Остапка и комиссара Перлова Ефима. Этот отряд занимался охраной города и вел борьбу с дезертирами. Этот отряд существовал до 22 августа 1941 г. С 22 августа ушел в подполье в лес «Зеленый мох», после чего был выбран начальником партизанского отряда бывший начальник милиции Гончаренко и комиссар Перлов Ефим – директор Ельского лесхоза. В этом отряде 80 человек, из коих 75 – члены партии, а остальные – беспартийные. 12 сентября отрядом было уничтожено 25 велосипедистов (немецких. – Э.И.) и захвачено 25 автоматов...» [5, с. 260–261].

В этом же рапорте два партизана сообщают о распаде Кочицкого партизанского отряда Рудцкого, который покинули многие партийные и комсомольские активисты.

«...Но в этом отряде остался секретарь (РК КП(б)Б. – Э.И.) Черноглаз и редактор Каплан, а остальные: председатель исполкома Шальниковский, начальник НКВД Шило с милицией – ушли в тыл, где они сейчас, неизвестно, в Кочицком же отряде еще остался весь актив председателей колхозов и бригадиры, совместно с секретарем РК КП(б)Б Черноглазом и редактором Капланом в количестве 25 человек» [5, с. 261].

В феврале 1943 г. Зуся Яковлевич Черноглаз станет комиссаром 37-й Ельской партизанской бригады, которая при соединении с частями Красной Армии в составе 4 отрядов насчитывала 755 партизан.

Сохранились сведения о еврейских партизанских отрядах Украины, Литвы и Беларуси. На украинской земле возникли десятки еврейских партизанских групп и четыре еврейских партизанских отряда. В Литве было сформировано пять еврейских партизанских отрядов, причем четыре из них воевали в Рудницкой пуще и входили в состав партизанской бригады под руководством еврея Г. Зиманаса.

В 2002 г. в Москве вышла в свет книга российского историка Ильи Альтмана «Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг.» Он отмечает: «...В 14 еврейских партизанских отрядах и группах Белоруссии сражалось не менее 1650 бойцов» [6, с. 357].

К сожалению, видный российский историк приводит неполные данные. В действительности еврейских партизанских отрядов и групп в Беларуси было больше.

Сразу возникает вопрос: «А сколько же было еврейских партизанских отрядов, не считая отдельных групп?»

В книге Г. Смоляра «Мстители гетто» есть такие строки: «10 апреля 1942 г. из гетто ушла группа в человек двадцать во главе с Исроэлем Лапидусом. «Метис» Илья Нарусевич обеспечил их автомашиной, раздобыл белорусского шофера, и группа выехала в направлении на Слуцк. Одновременно в этом же направлении другая группа вышла пешком. Машина, доставив первую партию на место, вернулась за шедшими пешком и доставила их также во временный лагерь будущего партизанского отряда им. Кутузова, находившегося в лесу на 45-м километре между Минском и Слуцком. Вооружена эта группа была неважно: три винтовки, пять наганов, семнадцать гранат. За несколько дней группа выросла до 50 человек. Командиром нового отряда выбрали (тогда в партизанских отрядах еще выбирали командный состав) Исроэля Лапидуса, начальником штаба – техника-лейтенанта Сагальчика, который снабжал нас радиоаппаратурой (позднее героически погиб в бою), парторганизатором отряда был Вольф Лосик» [7, с. 68].

Отряд им. М.И. Кутузова был сформирован в апреле 1942 г. из группы коммунистов и комсомольцев, прибывших из Минского гетто, и местных жителей. До конца 1942 г. он действовал самостоятельно, а затем – в составе 2-й Минской партизанской бригады. К июлю 1944 г. в отряде насчитывалось 268 партизан.

14 октября 1942 г. на дороге Пуховичи–Омельно «кутузовцы» уничтожили 9 автомашин, более 70 гитлеровцев. В октябре 1942 г. – апреле 1943 г. народные истребители уничтожили 43 моста, а 28 июня 1944 г. захватили переправу через реку Птичь и удерживали ее до прихода Красной Армии.

В 1943–1944 гг. бойцы отряда им. Кутузова вместе со всеми партизанами 2-й Минской бригады вели тяжелые бои с карателями, участвовали в разгроме

вражеских гарнизонов в д. Омельно Пуховичского и д. Дrajно Стародорожского районов, вывели из строя электростанции в Пуховичах и Седче. Только во второй половине 1943 г. народными мстителями было взорвано более тысячи железнодорожных рельс.

В июне 1942 г. – июле 1943 г. командиром отряда им. Кутузова был бывший узник и подпольщик Минского гетто Израиль Лапидус.

Кавалер 17 правительственных наград, секретарь партийной организации отряда им. Кутузова Елена Иосифовна Анохина и кавалер 15 правительственных наград Степан Степанович Анохин, характеризуя действия евреев-партизан, в беседе с автором этих строк отметили: «Они были смелыми боевыми товарищами. С ними можно было идти в бой. Это были надежные товарищи, особенно Михаил Лапидус и Ефим Азинский».

В 1942–1943 гг. на белорусской земле кроме отряда им. Кутузова сражались следующие еврейские партизанские отряды: «Октябрь» Первомайской партизанской бригады под командованием Александра Горелика, отряд им. А.Я.Пархоменко бригады им. В.И. Чапаева (комиссар Николай Гейман), действовавшие в Барановичской области, партизанский отряд «Мир», влившийся в бригаду им. Чкалова, батальон «Борьба» в отряде «Ленин», отряды «Барановичи» (в Полесье) и им. Л.М.Кагановича бригады им. В.В.Куйбышева, которыми командовали Шлема Зандвайс, Давид Бобров и Яков Рогожин. Эти отряды суммарно насчитывали несколько сот евреев-партизан.

В июле 1942 г. в бригаде им. К.Е. Ворошилова партизанского соединения Слуцкой зоны Минской области был организован еврейский партизанский отряд им. Г.К. Жукова под командованием Лейбы Гильчика. В декабре 1942 г. он был передан 27-й бригаде им. В.И. Чапаева, а 26 сентября 1943 г. – Барановичскому подпольному обкому партии. До 20 января 1944 г. этот отряд действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии он насчитывал 172 партизана.

В сентябре 1942 г. из узников Минского гетто был создан еврейский партизанский отряд им. С.Г. Лазо, командиром которого был назначен бывший узник этого гетто Заскин (кличка «Залевский»), а комиссаром – один из руководителей подполья в Минском гетто Гирш Смоляр. В своей книге «Мстители гетто» он вспоминал: «Чтобы расширить возможность вывода людей из гетто, из вновь пришедших были выделены товарищи (Хаим Цукер, Исроэль Голанд, Арон Смушкевич, Гирш Соломоник и другие) для организации еще одного партизанского отряда, которому присвоили имя героя-партизана Сергея Лазо. А командиром нового отряда был назначен партизан минского гетто, месяца четыре тому назад отправленный в лес, – т. Заскин (кличка «Залевский»)» [7, с. 84].

Какова же судьба этого отряда?

К сожалению, очень печальная. В феврале 1943 г. отряд им. С.Г. Лазо был рассеян в бою.

Бежавшие узники Несвижского гетто во главе с одним из руководителей восстания в этом гетто летом 1942 г. Шоломом Холявским создали еврейский партизанский отряд им. Г.К.Жукова, который сражался в районе Копыля. В Дятловском районе сражался отряд под командованием Григория (Цви) Каплинского. В районе Деречина в июле–декабре 1942 г. сражался отряд под командованием Иехила (Ехеля) Атласа, погибшего в бою.

Отряды «Кадима» и «Форойс» («Вперед») сформировали узники белостокского и других близлежащих гетто. Командиром отряда «Форойс» был Иона Сухачевский – «Саша», имевший опыт партизанской борьбы в лесах под Слонимом. После его гибели в конце сентября 1943 г. отряд возглавил

Шепсл Боровик из Белостока. Отряд вначале имел всего 30 вооруженных бойцов, что объяснялось нехваткой оружия. В распоряжении партизан были 1–2 ручных пулемета, около 8 винтовок и обреза, пистолет и несколько гранат. В августе 1943 г. отряд пополнили более 70 участников восстания в Белостокском гетто, большинство которых бежало из эшелонов, направлявшихся в лагерь смерти. Он поддерживал связи с еще двумя группами партизан, бежавших из белостокского гетто, – под командованием Израила Кота и Эльяша Баумаца. Всего в этих отрядах и группах было от 150 до 200 партизан.

Весной 1944 г. отряд «Форойс» влился в партизанскую бригаду им. Калиновского, которая входила в состав партизанского соединения Белостокской области.

Особую известность приобрели еврейский партизанский отряд им. М.И. Калинина, созданный из узников Лидского и Новогрудского гетто, под командованием Тувыи Бельского и отряд № 106 под командованием Шолома (Семена) Зорина, основу которого составили узники Минского гетто.

Это были семейные партизанские отряды. В составе отряда им. Калинина на момент соединения с частями Красной Армии насчитывалось 1233 человека, в том числе 296 вооруженных. В партизанском отряде № 106 было 596 человек, из которых от 137 до 141 человека входили в боевую группу (роту).

19 июня 1943 г. из бывших партизан отряда Бельского, которые к тому времени составляли 2-ю роту отряда «Октябрьский», был организован отряд им. Г.К. Орджоникидзе. бригады им. С.М. Кирова. Начальником штаба этого еврейского партизанского отряда был Лазарь Абрамович Мальбин.

На день соединения с частями Красной Армии этот отряд насчитывал 148 партизан.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на территории БССР действовало 14 еврейских партизанских отрядов, созданных белорусскими евреями. Большинство вышеназванных отрядов впоследствии также влились в более крупные партизанские соединения или становились отрядами смешанного типа.

Читателей прежде всего интересует вопрос: «Как воевали бойцы и командиры еврейских партизанских отрядов?»

Ответить на этот вопрос нам помогут разнообразные источники, в том числе материалы из фондов Национального архива Республики Беларусь, Национального института Памяти Катастрофы и Героизма Яд Вашем (Иерусалим).

Командир партизанской бригады им. Ворошилова, партизанского соединения Слуцкой зоны, начальник штаба Белостокского партизанского соединения генерал-майор Ф.Ф. Капуста. вспоминал: «... Лев Гильчик был старше Зубарева (20-летнего еврея – начальника разведки бригады им. Ворошилова. – Э.И.), он родился в 1907 г., но отличался, как и тот, живостью характера, общительностью и приветливостью. Я поручил Гильчику установить связь с узниками гетто в местечке Копыль. С помощью старшины гетто Когана Гильчик сумел организовать молодежь. Мало этого: он проник в гетто городов Несвижа и Клецка и оттуда, после тщательной проверки вырвал тридцать человек.

Вначале я предполагал распределить вышедших из гетто людей по отрядам, но, изменив это намерение, поручил Гильчику сформировать из них новый, самостоятельный отряд. Для первоначального вооружения этого отряда мы выделили несколько винтовок, а дальнейшее предоставили самим новичкам. Комиссаром в отряд я назначил старшего лейтенанта авиации Разуваева. И вот за короткое время эта новая партизанская единица выросла до ста сорока

человек – сплошь евреев. Люди этого отряда показали, как нужно вооружаться и как нужно воевать.

...В мае 1942 г. я уже командовал бригадой им. Ворошилова.

...Моя разведка сообщила, что в Слуцк и Копыль переброшены отряды эсэсовцев для борьбы с нами.

В 7 часов утра 1 мая 1942 г. эсэсовцы начали наступление против нашего соединения. Мои отряды были разброшены по всему Слуцкому району. Вся тяжесть борьбы в этом бою легла на два отряда, во главе которых стояли Гильчик и Дунаев. Три раза ходили партизаны в рукопашный бой. Силы были явно неравные. В тяжелом бою погиб Николай Васильевич Дунаев. Но немцы понесли потери, во много раз превышавшие наши. Было уничтожено семьсот сорок три гитлеровца, три пушки, три танка и четырнадцать автомашин.

В этом сражении отряд Гильчика показал свои лучшие боевые качества. Задача, поставленная перед отрядом, – не допустить врага в лес, – была выполнена.

...В начале зимы 1942 г., по приказу заместителя Гитлера в Белоруссии палача Кубе, была собрана вся полицейская охрана городов Белоруссии. Чтобы разбить и уничтожить «банду Капусты», как было сказано в приказе Кубе.

И на этот раз начальник моей разведки Зубарев сумел получить нужные сведения: 8 декабря 1942 г. немцы должны были напасть на нас...

В боевом охранении были люди Гильчика. Перед ними оказался 64-й полк эсэсовцев и два батальона полицейских. Долго длился этот бой. Партизаны дрались самоотверженно, поклявшись не отступать. Они погибли все до одного, но задачу, поставленную перед ними, выполнили с честью. Пленные немцы показали, что гитлеровцы, уничтожив эту группу, не нашли ни одного патрона, ни одной винтовки. Это значило, что партизаны дрались до последнего патрона. Позднее выяснилось, что последние двое уцелевших партизан зарыли в снег винтовки и пулеметы и застрелились сами» [8, с. 92–95].

Партизанский отряд им. Калинина, который вначале назывался отрядом Тувьи Бельского, начал организовываться в Бочковичских лесах Новогрудского района Барановичской области по инициативе братьев Анатолия, Александра и Сигизмунда Бельских, которые с группой людей в количестве до 20 человек ушли в лес, опасаясь преследований со стороны немецких захватчиков. Командиром группы, которая вскоре переросла в отряд, в начале июля 1941 г. единогласно был избран Анатолий Давыдович Бельский. К августу 1942 г. отряд вырос до 250 человек.

Еврей-партизаны из отряда Бельского осуществили десятки боевых операций, проявляя массовый героизм. С осени 1942 г. они провели несколько совместных боевых операций с 96-м партизанским отрядом лейтенанта В.И. Панченкова, который сначала действовал самостоятельно, а в феврале 1943 г. был переименован в «Октябрьский» и включен в Ленинскую бригаду.

Особенно успешной была боевая операция 16 октября 1942 г. на шоссе Новогрудок – Новоельня, выразившаяся в засаде на немецкую жандармерию, в результате которой была уничтожена автомашина с жандармами, взяты в качестве трофеев 2 ручных пулемета, 3 винтовки и несколько тысяч патронов.

Отрядом Бельского была неоднократно уничтожена телеграфно-телефонная связь на шоссе Новогрудок – Лида, организовывались результативные засады на участке Яцуки – Новоельня.

Осенью 1942 г. евреями-партизанами на станции Новоельня был сожжен лесопильно-сушильный завод с большим запасом сырья и по району сожжено 8 немецких государственных имений со всеми запасами зерна и сельскохозяйственным инвентарем. В сентябре 1943 г. отряд принял участие в «рельсовой

войне» и им было взорвано до 800 метров железнодорожного полотна по линии Барановичи – Лида.

Партизаны Бельского наводили страх на всю округу Новогрудка своими операциями, направленными против немецких оккупантов и коллаборантов. В начале 1943 г. немецкие оккупационные власти опубликовали объявление о награде в 100 тыс. немецких марок за содействие в обнаружении и поимке Т. Бельского.

Начиная с февраля 1944 г. до соединения с частями Красной Армии на боевом счету отряда им. Калинина имелось 6 спущенных под откос немецких эшелонов, причем повреждено 6 паровозов, уничтожено 34 вагона с живой силой и техникой, 3 взорванных моста на шоссе, 1 километр срезанной телеграфно-телефонной связи на железной дороге, убито 113 немцев и полицейских, ранено 12 и взяты в плен 31 солдат и офицер противника.

Боевая рота еврейского партизанского отряда № 106 кроме охраны стариков, женщин и детей приняла активное участие во многих боевых операциях. Она перехватывала немецкие обозы, уничтожала полицейские участки, разоружила и пленила несколько сот солдат и офицеров Армии Крайовой. Подрывная группа выходила на железную дорогу Столбцы – Минск, спустила под откос четыре эшелона с вражескими солдатами и техникой.

Немало взорванных эшелонов, уничтоженных мостов было на счету командира боевой роты М.И. Тамаркина, членов диверсионной группы (группы подрыльников) Л. Черняка, Ш.Г. Хейфица, Л. Залмана, Н. Дульца, Перельмана, А. Тейфа, М. Конюха, Л. Фрайсмана и М. Палеса.

Через много лет комиссар 106-го отряда Ефим Фейгельман вспоминал: «... Шестого июля сорок четвертого (Минск уже был освобожден) мы приняли последний, неравный бой в районе хутора Борки.

Из дальнего дозора передали, что группа немцев движется в нашем направлении. Оказалось, разведка, а за ней шла хорошо вооруженная большая группа гитлеровцев, прорывавшихся на запад. Что делать? Открыть им дорогу? Ведь с нашими силами ставить заслон бесполезно. Решил сразаться до последнего. Бой выдался жестокий. Мы потеряли шесть бойцов, немцы оставили убитыми около сорока человек. Затем мы начали их преследовать. Помогали другие отряды. В итоге группа была уничтожена, несколько десятков фашистов взяты в плен.

Бойцы 106-го отряда участвовали в партизанском параде в освобожденной столице Беларуси» [9, с. 292–293].

Бывшие узники гетто Беларуси составили костяк десятков партизанских отрядов на нашей земле. Только на базе узников Минского гетто были созданы 9 партизанских отрядов.

Массовый героизм проявили тысячи евреев, которые входили в состав партизанских отрядов, полков, бригад, разведывательно-диверсионных отрядов на территории Беларуси.

В действительности, героев было много. Подавляющее большинство евреев-партизан, независимо от того, командовали ли они отрядами, полками, бригадами, подразделениями или сражались рядовыми бойцами, проявляли замечательные воинские качества – бесстрашие, стойкость, отвагу, готовность к самопожертвованию.

«Уходя в лес, – писал Гирш Смоляр, – геттовцы не спасали свою шкуру... Половина минских еврейских партизан погибла в непосредственной борьбе против немцев. И это была героическая смерть солдат, смерть мстителей, которые если решились сразаться с врагом, то до самого конца – не жалея собственной жизни».

Далеко за пределами Советского Союза было известно имя одного из организаторов и руководителей партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Кирилла Прокофьевича Орловского. В июне 1942 г. он сформировал и возглавил разведывательно-диверсионную группу НКГБ, которая была заброшена на территорию Беларуси и выросла в партизанский отряд «Соколы». В апреле – мае 1943 г. на базе этого отряда под общим командованием Орловского были созданы 3 партизанских отряда, одним из которых был партизанский отряд им. Кирова, организованный в мае 1943 г. На день соединения с частями Красной Армии он насчитывал 118 партизан. Хотя командование отряда во главе с Петром Перегудовым было нееврейским, фактически по составу он был еврейским. И есть определенные основания считать его 15-м еврейским партизанским отрядом на белорусской земле.

В интервью научным сотрудникам Института истории партии при ЦК КП Белоруссии К.П. Орловский сказал: «Организовал я отряд им. Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности. Но я пошел на это не только потому, что все окружающие нас партизанские отряды и партизанские соединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Например, «партизаны» – антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 человек евреев, «партизаны» отряда им. Щорса убили 7 человек евреев.

Когда я впервые прибыл к этим людям, то застал их невооруженными, босыми и голодными. Они заявили мне: «Мы хотим мстить Гитлеру, но не имеем возможности».

После этого я не жалел сил, ни времени для того, чтобы научить этих людей тактике партизанской борьбы с нашим общим заклятым врагом. И я должен сказать, что затраченная мною энергия не пропала даром. Казалось бы, совершенно неспособные к вооруженной борьбе бывшие спекулянты, мелкие торговцы, ремесленники и др., – эти люди, желая мстить немецким извергам за пролитую народную кровь, под моим руководством за 2,5 месяца провели не менее 15 боевых операций, повседневно уничтожали телеграфно-телефонную связь противника, убивали гитлеровцев, полицейских и предателей нашей родины. Постепенно они стали не только дисциплинированными, но смелыми как в проведении диверсий, так и при ночных переходах из одного района в другой» [10, с. 71].

В 1992 г. в беседе с автором этих строк командир партизанского отряда им. Щорса (в составе которого была еврейская партизанская группа № 51 под командованием старшего лейтенанта Ефима Федоровича), а затем начальник штаба Брестского партизанского соединения Павел Васильевич Пронягин отметил: «Без всякого преувеличения, я восхищался мужеством, героизмом, отвагой этих юношей и девушек, которые еще недавно находились за колючей проволокой гетто. Они бесстрашно шли в бой, желая не только отомстить фашистам за гибель своих родных, но и освободить родную Белоруссию от ненавистного врага. Евреи-партизаны нашего отряда им. Щорса не прятались, а смело шли в бой, прекрасно понимая, что каждый бой может стать для них последним.

Одно время у меня в отряде было 170 евреев. Никогда не забуду смелых и отважных подрывников. Натана Ликера, который участвовал в подрыве 28 эшелонов, Зораха Кременя – участника подрыва 20 эшелонов, мужественного

Неню Циринского, через которого я держал постоянную связь с подпольем Слонимского гетто».

В архивах и музеях Беларуси хранятся сотни документов, раскрывающих мужество и стойкость евреев-партизан, их боевые заслуги.

В июле 1943 г. командир партизанской бригады им. Чапаева докладывал командиру соединения, что группа из отряда Смирнова на железной дороге Минск – Барановичи на пути следования попала в засаду у д. Раковичи в Несвижском районе. Два партизана – Щербаков Иван Денисович и Кацнельсон Хаим Давидович приняли удар на себя. Дрались до последнего патрона в течение 40 минут. Израсходовав все патроны и гранаты, они погибли смертью храбрых» [11, л. 4]

А вот что отмечается в боевой характеристике на партизана отряда № 259 8-й Рогачевской бригады Праздника Израиля Борисовича, члена ВЛКСМ:

«В партизанском отряде старший подрывной группы, 4 раза принимал участие в разгроме немецких гарнизонов. 3 раза был в открытых боях против немецко-фашистских захватчиков, в которых проявил мужество, отвагу, находчивость, решительность.

Праздник – активный диверсант. Под его руководством совершен 31 диверсионный акт. В результате которых уничтожены 2 танка, 1 бронемашина, 19 автомашин, 1 мотоцикл, 40 рельсов, 3200 м линий связи, 2 моста. Уничтожены 191 немецкий солдат и офицер, 52 полицейских и изменника. Среди бойцов и командиров пользуется большим авторитетом» [12, л. 165)].

Сотни евреев-партизан за свои боевые заслуги награждены орденами и медалями. Некоторые из них (партизан отряда «Октябрь» бригады им. 1 мая Барановичской области Борис Шмуэлевич Левин, комиссар партизанской бригады им. Щорса Мойсей Пейсахович Прусак, командир специального диверсионно-разведывательного партизанского отряда «Новаторы» Владимир Михайлович Литвинский и др.) представлялись к званию Героя Советского Союза, но безрезультатно. Позция П.К. Пономаренко по отношению награждения евреев-партизан и евреев-подпольщиков давала себя знать.

18 вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой, сотни немецких солдат и много ценного оружия, предназначенного для фронта, не достигли цели благодаря действиям молодого еврейского парня из местечка Желудок Бориса Левина.

Он был представлен командованием партизанской бригады к высшим боевым наградам: ордену Красного Знамени и к званию Героя Советского Союза.

Известно, что наградные документы из партизанских отрядов нередко терялись в пути на Большую землю, и герои оставались без наград. Однако сохранившиеся копии документов – объективные свидетельства героизма.

БОВЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Выдана партизану отряда «Октябрь» бригады им. 1 Мая Левину Борису Шмуэлевичу, что он состоял в партизанах с 10 ноября 1942 г. до 12 июля 1944 г.

Состоя в партизанском отряде «Октябрь», Левин принимал участие как минер при взрыве восемнадцати (18) военных эшелонов врага. В результате этих взрывов было уничтожено 20 локомотивов и 127 вагонов, из них: 38 вагонов с живой силой, 19 с военной техникой, 43 вагона с танками и автомашинами, 12 вагонов со скотом, 8 вагонов с боеприпасами и 7 вагонов угля. Убито 936 гитлеровцев и ранено 426.

В отряде Левин был мастером железнодорожных мин и мастером ремонта оружия в бригаде.

Борис Левин принимал участие во всех боевых операциях, которые проводили отряд и бригада, проявляя при этом бесстрашие и героизм.

Представлен к ордену Красного знамени и медали «Партизан Отечественной войны» 1-й степени.

Представляется к высшему государственному отличию – званию Героя Советского Союза.

Командир бригады

(Ковалев)

Начальник штаба бригады

(Персидский)

Круглая печать партизанской бригады им. 1 Мая, СССР

Барановичи, 17.08. 1944 г.» [13, с.151–152].

До сих пор отсутствуют исследования о многих еврейских партизанских группах, которые действовали на белорусской земле в 1941–1942 гг.

Бывший командир партизанского соединения, Герой Советского Союза, полковник А.П. Бринский вспоминал: «Наш партизанский отряд был организован на Витебщине, в районе Лукомльского озера. Командовал им товарищ Нелюбо. Состоял отряд большей частью из крестьян села Огурец.

В сентябре 1941 г. нам удалось связаться с евреями – рабочими близлежащих местечек. Через месяц мы созвали совещание, на котором присутствовали представители этих местечек, и решили организовать диверсионные группы. Группы эти вскоре приступили к работе.

Особенно активно проявила себя Лукомльская группа. Во главе ее стоял сапожник Исаак – фамилии его я, к сожалению не помню. Под его руководством группа в первые же дни уничтожила двух гитлеровских офицеров: майора и капитана. Она регулярно доставляла нам сведения разведывательного характера, снабжала нас медикаментами, перевязочными материалами.

Когда мы перешли в Барановичскую область, я встретил под Свеницей группу партизан-евреев в тридцать-сорок человек. Группа поддерживала связь с Барановичским гетто. Мы снабдили ее оружием и предложили вывести из Барановичей как можно больше людей. Это удалось. В отряд вступила освобожденная из гетто молодежь, он сразу же разросся и провел несколько боевых операций. С нашей помощью он организовал крушение двух вражеских эшелонов, сжег хлебозавод.

В Барановичской же области несколько позже – в августе 1942 г. – я встретился еще с одной группой евреев-партизан» [8, с. 69–70].

Десятки евреев командовали партизанскими отрядами, полками и бригадами, были комиссарами и начальниками штабов на территории Беларуси.

По неполным данным, три еврея командовали партизанскими бригадами, двое – полками, около тридцати – отрядами. Одиннадцать евреев были комиссарами партизанских бригад и полков, сорок девять – комиссарами партизанских отрядов. Девять евреев являлись начальниками штабов партизанских бригад и полков, а двадцать один – начальниками штабов партизанских отрядов.

Г.Б. Эйдинов был первым заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения, Д.И. Федотов – командиром Бельничской военно-оперативной группы, а И.Б. Рутман – начальником штаба Быховской военно-оперативной группы.

Чувствительные удары по врагу наносили партизаны разведывательно-диверсионного отряда, которым командовал Юрий Колесников (Хаим Гольдштейн. Дважды во время и после ВОВ Колесников представлялся к награде Герой Советского Союза, однако получил его лишь после выхода на пенсию. Указом президента Российской Федерации № 1226 от 7 декабря 1995 г. – Ред.)

Есть опасность, что имена многих партизанских командиров-евреев канут в небытие и могут быть забыты. В средствах массовой информации очень редко упоминают о командире специального партизанского отряда (который подчинялся ГРУ) (впоследствии отряда им. В.В. Щербины) капитане Давиде Кеймахе, который носил конспиративный псевдоним «Дима». Отряд «Димы» совершил немало славных дел, но среди них наиболее известно одно. Именно Давид Кеймах принял самое активное участие в операции по уничтожению генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе в сентябре 1943 г. Мало кому известно, что Мария Осипова и члены ее группы действовали, базируясь на отряд «Димы». Именно через Кеймаха ей было передано задание, в его штабе детально разработан план покушения, там же Осипова получила мину замедленного действия, которую позже передала Елене Мазаник, установившей ее в постели гауляйтера. Печально, что ни одна энциклопедия, изданная в нашей республике, не дает краткую биографическую справку о Давиде Кеймахе.

В своих воспоминаниях «Эпизоды и встречи» Герой Советского Союза А.П. Бринский пишет: «Не могу не вспомнить здесь об одном замечательном партизанском командире-еврее, который пал в бою с гитлеровскими захватчиками под Барановичами. Его фамилия была Седельников. До войны он был газетным работником. Отряд, которым командовал Седельников, участвовал во многих крупных боевых операциях. Спустил под откос не один десяток немецких эшелонов, разгромил немецкие гарнизоны на станциях Идрица, Белая и других. Среди окрестного населения отряд Седельникова пользовался большой славой: люди шли к нему со всех сторон, и вскоре отряд вырос в бригаду. Во время одной из операций Седельникову удалось вызволить из рук врага двести пятьдесят пленных красноармейцев. Как я уже сказал, в ожесточенном бою под Барановичами этот славный партизанский командир пал смертью храбрых» [8, с. 70].

К большому сожалению, эту фамилию «Седельников» не встретишь ни в одной книге по партизанскому движению в Беларуси за последние 60 лет, не говоря уже об энциклопедиях и справочниках. А где же призыв: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

Еще одно «белое пятно» – это история литовских евреев-партизан на белорусской земле в грозные годы войны.

В то время в гетто Вильнюса была создана «ЭФПЕО – аббревиатура от слов на идиш «Ферейнигте партизанер организацие» (Объединенная партизанская организация). Уже в июне 1942 г. была проведена первая боевая операция – подрыв на mine немецкого эшелона с боеприпасами в районе Новой Вилейки.

Между тем командование ЭФПЕО завязало контакты с действовавшей в окрестных лесах Вилейской области партизанской бригадой им. Ворошилова под командованием Федора Маркова.

После гибели командира ЭФПЕО Ицика Виттенберга 24 июля 1943 г. в Нарочанские леса за 200 км от Вильнюса был отправлен первый отряд – 21 человек во главе с Иосифом Глазманом. Эта группа по пути попала в засаду. Потеряла половину своего состава. Но остальные сумели пробиться в Нарочанские леса и, объединившись с бывшими там евреями из семейного лагеря, сформировали первый национальный отряд.

Вскоре после прихода группы Глазмана партизаны-проводники Шломо Иехильчик и Мордехай Файгель привели из Вильнюсского гетто 28 человек. В этой группе было много бывших узников Гродненского гетто, бежавших в Вильнюс после его ликвидации, причем часть из них успела побывать и в Белостокском гетто.

С 8 по 13 сентября 1943 г. командование ЭФПЕО спешно сколотило и отправило туда же еще пять вооруженных групп. За неделю в Нарочанские леса из Вильнюсского гетто ушло почти 200 человек.

После прихода группы литовских евреев из Вильнюсского гетто в Нарочанских лесах был сформирован первый еврейский партизанский отряд под названием «Мечь» в составе 70 человек. Командиром его стал опытный воин из Литовской бригады еврей Бутинас. Глазман был назначен начальником штаба. В отряд устремилась молодежь из всех семейных лагерей, бывших в Нарочанских лесах. Но и кроме того, туда же стали проситься евреи из других отрядов партизанской бригады им. Ворошилова под командованием Ф.Г. Маркова, которая действовала в Вилейской области и Свенцяном районе Литовской ССР.

И уже вскоре отряд «Мечь» стал активной боевой единицей, принимал активное участие во многих операциях этой бригады, в том числе в таких крупных, как разгром немецкого гарнизона в местечке Мядель, штурм полицейского гарнизона села Кобыльники и уничтожение местных коллаборационистов.

С приходом других групп из Вильнюсского гетто отряд «Мечь» насчитывал 230 человек. Но в их числе было немало людей, не способных носить оружие: стариков, женщин и детей, и это вызывало откровенные антисемитские выпады со стороны партизан бригады им. Ворошилова. Активной частью отряда «Мечь» было пять взводов по 13 человек с тремя пулеметами, всего 70 бойцов. Вот они-то и ходили вместе с другими отрядами на боевые задания, а 160 небоеспособных оставались в семейном лагере.

Вскоре, однако, Центральный штаб партизанского движения, узнавший об этом еврейском национальном отряде, категорически запретил его самостоятельное существование. Получив приказ, комбриг Марков расформировал отряд, и 23 сентября оружие у многих было отобрано. Он объявил, что вооруженные бойцы «Мести» будут слиты с белорусским отрядом «Комсомольский», который реорганизуется в «Первый комсомольский кавалерийский отряд им. Ворошилова».

Командир «Мести» Бума Боярский был назначен командиром взвода в отряд «Комсомольский» и вместе с Богеном, назначенным командиром отделения, получил приказ добыть коней, чтобы превратить своих пеших партизан в кавалеристов.

25 декабря 1943 г. 64 литовских еврея – узники 9-го форта (Каунасского лагеря смерти) – совершили побег. 18 из них было отправлено в боевую командировку в Налибокскую пущу. Вначале эта группа присоединилась к отряду бригады Морозова. После трудного пути Алекс Файтельсон и его товарищи достигли Налибокской пущи, где располагались отряд им. Калинина под командованием Тувьи Бельского и 106-й отряд под командованием Шолома Зорина. 14 вооруженных бойцов из литовских отрядов вместе с 10 партизанами Зорина участвовали в выполнении и боевого задания.

Один из литовских евреев – Идель Шерман остался воевать в 106-м отряде. Когда 6 июля 1944 г. во время боя «зоринцев» с немецкой частью командир отряда Зорин был тяжело ранен в ногу, именно Шерман вынес его с поля боя и спас ему жизнь.

Таким образом, в 1941–1944 гг. на белорусской земле в разное время действовало 16 еврейских партизанских отрядов и один литовский еврейский партизанский отряд.

Евреи-уроженцы Беларуси приняли активное участие в партизанском движении в составе украинских партизанских соединений. По неполным данным, в них воевало более 200 белорусских евреев.

Сколько же всего евреев-партизан воевало в партизанских отрядах и полках на белорусской земле?

Сегодня очень трудно со стопроцентной точностью ответить на этот вопрос, учитывая то, что многие евреи и еврейки – как рядовые, так и представители

командного состава – скрывали свою национальность, а о некоторых погибших и пропавших без вести партизанах нет никаких сведений. Кроме того, автор этих строк располагает достоверными архивными фактами, что фальсификация национального состава партизан началась уже в годы Великой Отечественной войны.

Бывший мэр Москвы, известный российский ученый-экономист Гавриил Попов, который был соседом по дачному поселку начальника ЦШПД Пантелеймона Пономаренко, в книге «Война и правда. Цена Победы» (Нью-Йорк, 2005) рассказывает, что во время беседы с ним Пантелеймон Кондратьевич отметил: «Каждый десятый партизан Белоруссии был еврей».

В партизанских отрядах Барановичской и Пинской областей воевало около 2000 бывших узников Барановичского гетто (не считая партизан Брестской области). Считают, что в Налибокской пуще из 20 тыс. партизан 3 тыс. были евреями. По данным Национального архива Республики Беларусь, общая численность партизан по районам Лидской зоны к июлю 1944 г. составила 4852 человека. В том числе белорусов – 2371, русских – 831, украинцев – 182, евреев – 1356, поляков – 25, других национальностей – 87.

Всего, по нашим подсчетам, в рядах белорусских партизан сражалось около 12 тыс. сыновей и дочерей еврейского народа.

Около 1500 евреев входили в состав спецгрупп, которые засылались на оккупированную территорию Беларуси в первые месяцы войны, а также воевали в составе специальных, особых диверсионно-разведывательных партизанских отрядов по линии Наркоматов государственной безопасности СССР и БССР, Наркоматов внутренних дел СССР и БССР, Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Так, только в специальном партизанском отряде «Новаторы», действовавшем на территории Барановичской и Белостокской областей, по данным Центрального архива КГБ Республики Беларусь, из 126 партизан более одной трети (51 человек), включая самого командира – В.М.Литвинского («капитана Давыдова»), были евреями.

На территории Беларуси, главным образом ее северных районов, особенно в Нарочанских лесах, граничащих с Литвой, кроме литовского еврейского партизанского отряда «Мечь» воевали другие литовские партизанские отряды. В их рядах в разное время сражалось около 450 евреев – уроженцев Литвы. Среди них был 17-летний Ицхак Рудницкий – будущий бригадный генерал Армии Обороны Израиля, председатель Совета директоров мемориала «Яд Вашем», ученый-историк с мировым именем Ицхак Арад. А командиром Литовской партизанской бригады, которая одно время дислоцировалась на белорусской земле, был литовский еврей Юргис. Под этим псевдонимом скрывался видный деятель революционного движения Литвы Генрикас Зиманас, который с января 1944 г. – 1-м секретарем Северного подпольного обкома компартии Литвы, а после войны стал известным ученым-философом, главным редактором центральной республиканской газеты «Теса», центрального республиканского журнала «Комунистас», членом Бюро ЦК КП Литвы.

Таким образом, если в партизанском движении Литвы сражалось около 2 тыс. евреев, а среди украинских партизан было около 4 тыс. евреев, то в рядах партизан на белорусской земле воевало около 13 950 евреев.

Кроме того, по неполным данным, в рядах антифашистского подполья на территории Беларуси состояло около 1350 евреев. Самый известный из них – Герой Советского Союза Исай Казинец.

Итак, армия евреев – борцов с нацизмом в рядах партизан и в составе антифашистского подполья на белорусской земле в 1941–1944 гг. насчитывала более 15 тыс. евреев, а точнее – 15 300 человек.

Именно эти люди плечом к плечу с белорусами, русскими, украинцами, поляками и представителями других народов СССР ковали нашу Великую Победу над германским нацизмом.

Источники и литература

1. Вершигора П. Люди с чистой совестью. М., 1955.
2. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993.
3. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Иерусалим, 1992.
4. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.1264..
5. Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм. 1941–1945. Минск, 2003.
6. Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002.
7. Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947.
8. Партизанская дружба. Минск, 2003.
9. Гай Д. Десятый круг. Повести. М., 1991.
10. Рабинович Я.И. В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. Кн. третья. М., 2003.
11. НАРБ. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 19.
12. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 290.
13. Каганович М. Еврейское участие в партизанском движении Советской России. Рим, 1948.

Ягольников Е.А.

Евреи – партизаны: состав и деятельность

Каждый гражданин Республики Беларусь знает или хотя бы слышал о партизанском движении здесь во время Великой Отечественной войны. Каждый знает, что именно на территории Беларуси размах этого движения был наиболее широк и силен. Но не каждый знает, что плечом к плечу с партизанами – белорусами, русскими, украинцами и партизанами других национальностей сражались и партизаны – евреи. Многие считают, что евреи патологически не желали принимать участия в боевых действиях. Другие считают, что евреи не могли оказать сопротивления, так как преимущественно все были загнаны в концлагеря. Однако дело обстоит не совсем так.

Действительно, большая часть евреев была заключена в гетто. Многие, не попявшие туда скрывались в лесах, стремясь переждать войну, не вступая в борьбу с оккупантами. Историки называют эту группу «зелеными» (название появилось еще в годы гражданской войны в России, где «зелеными» называли тех, кто не хотел служить ни у «красных», ни у «белых»). Кроме евреев там были поляки, белорусы, украинцы. Рано или поздно члены этих групп или уходили в партизаны, или становились бандитами¹.

Некоторые евреи бежали из гетто целыми семьями и потом соединялись в группы. Этими группами они жили в лесах, образуя целые поселения. Здесь женщин, детей и стариков, образующих основу группы, охраняли составлявшие меньшую часть, способные сражаться и вооруженные еврей-партизаны, преимущественно, выходцы из этих же групп. Здесь были люди разного возраста, семейные и одиночки, объединенные общей судьбой. Сегодня известно, что свыше 3000 человек находились в таких лагерях. Таким образом, в партизанском движении Беларуси возникло уникальное явление – еврейские семейные партизанские отряды. Оно явилось отличительной особенностью еврейского партизанского движения на Беларуси в годы Великой Отечественной

¹ Розенблат Е.С. Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 270.

войны. Наиболее известным из них является отряд им. Калинина Барановичской области под руководством Туве Бельского. Тут насчитывалось на момент соединения с частями Красной армии 1233 человека, из них 296 – вооруженные (июль 1944 г.) Также еврейским семейным отрядом была группа №106 под руководством Семена Зорина. Здесь находились в основном бывшие узники Минского гетто (526 человек, 141 входил в боевую группу)¹.

Хозяйственные группы еврейских семейных отрядов, которые состояли из портных, сапожников, пекарей, медиков, ремонтников и других специалистов, обслуживали многие партизанские отряды.

Первые партизанские еврейские отряды были организованы двумя группами бывших узников Минского гетто в ноябре 1941 г. Всего из узников Минского гетто были созданы, по одним источникам, семь, а по другим – десять партизанских отрядов: 5-й отряд им. Кутузова, отряды им. Лазо, Буденного, Фрунзе, Пархоменко, Щорса, 25-летия БССР, отряд № 106, а также 1-й батальон 208-го отдельного партизанского полка. Его основой стали 15 бывших узников Минского гетто во главе с Б. Хаймовичем. В 1943–1944 гг. еврейские бойцы были в составе большинства партизанских формирований. В бригаде им. Чкалова они составляли 239 человек из 1140. В 15 бригадах Барановичской области – 1016 человек из 8439 партизан. Из 4852 партизан Лидской зоны евреи составляли почти третью часть – 1356 человек, причем из гетто пришло 1196 человек².

170 бывших узников гетто Слонима были приняты в отряд П.В. Пронягина – капитана Красной Армии. Из них был создан отряд «Щорс-51», действовавший в районе Бреста – Барановичей и прославившийся удачными операциями по подрыву вражеских эшелонов. Также по инициативе командира Пронягина был создан еврейский семейный лагерь. Бежавшие узники гетто Несвижа во главе с Шаломом Холавским создали в июле 1942 г. отряд «Жуков», который сражался в районе Копыля. Командиром отряда в составе 140 бойцов-евреев стал Л. Гильчик, комиссаром – И. Беркович. За 1943 г. отряд совершил 42 диверсии на железной дороге. Отряды «Кадима» и «Форойс» («Вперед») сформировали бежавшие узники Белостокского и других близлежащих гетто. В августе 1943 г. отряд «Форойс» пополнили более 70 участников восстания в Белостоке, большинство из которых бежали из эшелонов, направлявшихся в лагерь смерти. В составе подрывной диверсионной группы под командованием «капитана Давыдова» (Владимира Литвинского), действовавшей в лесах Белоруссии в 1943–1944 гг. и сформировавшей отряд «Новаторы», евреи составляли более 1/3 членов отряда³.

Среди партизанских командиров и руководителей партизанского движения было немало евреев. Григорий Борисович Эйдинов был первым заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения, руководил Северо-Западной оперативной группой. Кадровый военный Моисей Прусак после выхода из окружения в августе 1941 г. стал одним из организаторов партизанского движения в Минской области. В Беларуси 2 еврея возглавляли партизанские бригады, 4 являлись комиссарами партизанских бригад, 7 – начальниками их штабов. Не менее 18 евреев командовали партизанскими отрядами; 32 являлись их комиссарами, а 21 – начальниками штабов⁴.

По поводу количества евреев-партизан, сражавшихся с фашистами на территории Беларуси в период Великой Отечественной войны, между списками партийных органов и иными документами, содержащими подобную информацию, существуют серьезные противоречия.

¹ Герасимова И., Селеменев В. Встали мы плечем к плечу. С. 4

² Розенблат Е.С. Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 269–270.

³ Там же. С. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 727, 729.

⁴ Там же. С. 731.

Согласно спискам евреев-партизан (составленным по данным Белорусского штаба партизанского движения на 1 января 1946 г. и дополненным сохранившимися данными за 1941–1943 гг.), обработанным и опубликованным в 2005 году директором Музея истории и культуры евреев Беларуси Инной Герасимовой, численность белорусских партизан-евреев составляла 8465 человек. Из них – 1023 погибших или пропавших без вести. Таким образом, евреи составляли 7742 человека из общего числа в 194 165 белорусских партизан (3,8%, а не 2,14%, как считалось ранее). Мужчин среди них насчитывалось 5287 человек, а женщин – 2155 человек¹.

Однако современные исследователи, такие, как Э. Г. Иоффе, считают, что на территории Беларуси в годы войны в рядах партизан сражалось не менее 10 350 евреев. По подсчетам Э. Г. Иоффе, среди белорусских партизан насчитывалось около 12 тыс. евреев, из них 1500 входили в спецгруппы и отряды, которые засылались на территорию Беларуси в тыл врага в первые месяцы войны, а также воевали в составе диверсионно – разведывательных партизанских отрядов по линии наркомата государственной безопасности БССР, наркоматов внутренних дел СССР и БССР, Генерального штаба Красной Армии. Согласно окончательным подсчетам, в Беларуси сражались более 15 тыс. еврейских партизан и подпольщиков².

Несмотря на то, что существуют такие противоречия между материалами, носящими информацию, способную пролить свет на историю еврейского партизанского движения на Беларуси в годы Великой Отечественной войны, все же можно сделать твердый вывод о том, что еврейский народ сопротивлялся фашистскому режиму. Наравне с партизанами других национальностей еврей-партизаны с неуваждающей храбростью вели борьбу с оккупантами, активно занимались подпольной и диверсионной деятельностью. Все это достаточно четко доказывают приведенные в работе материалы. Вопреки всем бедам и страданиям, которые принесли фашисты еврейскому народу, дух его и стремление к независимости не погибли в жесточайшем режиме гетто. Именно эти качества еврейского народа, а в частности еврейского партизана, позволили вложить свой, пусть и небольшой, но такой осязаемый вклад в разгром «немецкой военной машины».

Тукала С.М.

Афармленне падпольнага арганізацыйнага цэнтра ў Мінскім гета (жнівень 1941 г.)

Немцы думали, что евреи – это мишень.

Они увидели, что мишень стреляет.

Немало мертвых немцев могли бы рассказать,
как воюют евреи. *Илья Эренбург* [цит. па: 1, с. 38–39].

Мінскае гета, адно з буйнейшых гета – канцлагераў на тэрыторыі Беларусі і СССР, акупаванай у гады Вялікай Айчыннай вайны нямецка-фашысцкімі захопнікамі, было створана 19 ліпеня 1941 г. згодна распараджэнню каменданта 812-й палявой камендатуры [2, арк. 1]. У тэрыторыю сталічнага гета ўвайшло каля 40 вуліц і завулкаў у паўночна-заходняй частцы горада: Калгасны завулак, вул. Калгасная, рака Свіслач, вул. Няміга, выключаючы

¹ Розенблат Е.С. Евреи в советском партизанском движении в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах. С. 269

² Там же. С. 271.

праваслаўную царкву, Рэспубліканская, Шорная, Калектарныя вуліцы, Мэблевы завулак, вул. Перакопская, вул. Нізавая, Яўрэйскія могількі, вул. Абутковая, Юбілейная плошча, 2-гі Апанскі завулак, вул. Заслаўская да Калгаснага завулка і інш [3, арк. 6–7].

Адпаведна распараджэнню каманданта яўрэям забаранялася знаходзіцца па-за межамі гета, яны ўключаліся ў працоўныя калоны. Права ўваходу ў яўрэйскі жылы раён мелі толькі яўрэі, а таксама вайскоўцы нямецкіх ваенных часткаў. На грамадзян яўрэйскай нацыянальнасці накладвалася вялізная кантрыбуцыя памерам 30 тыс. чырвонцаў [3, арк. 6–7]. Вязні гета павінны былі насіць на адзенні спецыяльныя апазнавальныя знакі: паўкруглыя жоўтыя латы – для ўсіх яўрэяў; чырвоныя – для тых, каго выкарыстоўвалі на працы; зялёныя – для ўтрыманцаў і непрацуючых яўрэяў.

Становішча яўрэяў было проста жахлівым: яны жылі ў нечалавечых, антысанітарных умовах, у гета не было электраэнергіі, лазні, магазінаў; вязняў выкарыстоўвалі выключна на цяжкіх работах: «... разборка разбураных будынкаў, чыстка чыгуначных шляхоў, рыццё ям, акопаў, уборка горада, чыстка прыбіральных і г.д, а вельмі часта яўрэі выконвалі зусім нікому не патрэбныя работы. Вырывалі ямы і засыпалі іх зноў ... » [4, с. 196–197]. Працоўным «выдавалі 200 грамаў хлеба і адзін раз на дзень мутную вадзічку, называемую супам» [5, с. 111].

Пасля стварэння Мінскага гета немцы пачалі праводзіць паступовае, плановае і сістэматычнае знішчэнне яўрэйскага насельніцтва, у тым ліку старых, жанчын і дзяцей. Ліквідацыя вязняў гета ажыццяўлялася шляхам правядзення пастаянных аблаў, начных бандыцкіх налётаў у кватэры насельніцтва гета, масавых пагромаў, лоўлі людзей на вуліцах і вывазу іх у невядомым накірунку, адкуль яны ўжо больш не вярталіся.

Падчас правядзення аблаў гітлераўцы імкнуліся знішчыць самы актыўны, здольны на супраціўленне і рашучую барацьбу пласт насельніцтва – маладых, здаровых, моцных мужчын. Так, 7 жніўня 1941 г. была праведзена першая аблава, калі немцы знішчылі 800 чалавек мужчын [6, с. 4]. Фашысты ўрываліся ў дамы, забіралі падлеткаў, старых, жанчын. Такія аблавы практыкаваліся амаль кожны тыдзень. Крыху пазней, 31 жніўня таго ж года, 7-я і 9-я роты правялі новую акцыю супраць яўрэяў Мінскага гета, у выніку якой «было арыштавана і заключана ў турму ў Мінску каля 700 яўрэяў, у тым ліку 64 жанчыны ... Яўрэйкі былі расстраляны за тое, што падчас правядзення акцыі ў гета Мінска аказаліся без яўрэйскіх апазнавальных знакаў... Расстрэлы праведзены без асаблівых эксцэсаў» [7, арк. 44–46].

Тым не менш з самага пачатку існавання Мінскага гета на яго тэрыторыі паступова зараджаўся і мацнеў яўрэйскі супраціў, які ўзнік як рашучы адказ ахвяраў расізму на бязлітасную, бесчалавечную і крывавую палітыку генацыду, здзяйсняемую нямецка – фашысцкімі захопнікамі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Жудасныя пагромы, вар’яцкія аблавы, расстрэлы вязняў, «паляванні» на яўрэяў, голад, страшэнныя хваробы, абмежаваная свабода перасоўвання, праследаванні гестапа – у такіх складаных і цяжкіх умовах адбывалася афармленне падпольнай арганізацыі Мінскага гета – канцлагера. Калі яна ўзнікла, па ініцыятыве каго, хто быў яе знакамітымі прадстаўнікамі, якія мэты і задачы ставіў перад сабою падпольны арганізацыйны цэнтр – на гэтых маладаследаваных, недастаткова вывучаных і слаба распрацаваных аспектах мы і спынем нашу асноўную ўвагу.

Летам 1941 г. у акупаваным Мінску пачынаецца актыўнае збіранне сіл для арганізаванага адпору нямецка-фашысцкім захопнікам. Каб уявіць сабе сапраўднае становішча, у якім знаходзіліся жыхары сталіцы, а менавіта

вязні Мінскага гета, звернемся да ўспамінаў былых падпольшчыц сталічнага гета Цылі Янкелеўны Батвіннік-Луп'ян і Славы Саламонаўны Гебелевай-Асташынскай, якія ўзгадваюць наступнае: «... у жніўні 1941 г. на кватэры ў Міхаіла Гебелева (вядомага падпольшчыка. – С.Т.), які пражываў у той час па Сталпецкаму перавулку ў доме № 5, сабраліся таварышы Ліпская Роза, Майзлес Лена, Гебелева-Асташынская і я (Батвіннік Цыля. – С.Т.), разам з Гебелевым Міхаілам мы ўсебакова абмеркавалі пытанне як нам практычна пачаць барацьбу супраць нямецкіх захопнікаў. Гебелеў нам адказаў, што будзем арганізоўваць падполле як у рускім раёне (па-за межамі Мінскага гета. – С.Т.), так і ў раёне гета... Гебелеў папярэдзіў таварышаў, што асабіста сувязь ён з імі (з гетаўскімі падпольшчыкамі. – С.Т.) будзе падтрымліваць праз мяне (праз Славу Гебелеву-Асташынскую. – С.Т.). Я ўвесь час з'яўлялася ў Гебелева сувязной як унутры гета, так і ў рускім раёне» [8, арк. 3, 14].

Адзначым, што сам Міхаіл Гебелеў меў у Мінску вялікія сувязі, да пачатку вайны працаваў намеснікам старшыні па культработе і сакратаром партарганізацыі арцелі «Чырвоны друкар», потым быў інструктарам Сталінскага райкома партыі [8, арк. 3]. Безумоўна, ён карыстаўся значным аўтарытэтам і павагай сярод тых, хто яго добра ведаў і быў з ім асабіста знаёмы. Больш таго, Міхаіл Гебелеў быў вельмі дальнабачным і таленавітым дзеячом, умелым арганізатарам і энергічным, рашучым, валявым, непахісным чалавекам. Безумоўна, дадзеныя стануцьчыя якасці і далі магчымасць менавіта гэтаму выдатнаму падпольшчыку адным з першых пасля акупацыі немцамі Мінска актыўна пачаць устанаўліваць трывалыя і надзейныя сувязі з застаўшыміся камуністамі і камсамольцамі з адзінай мэтай: наладзіць арганізаваную і бескампрамісную барацьбу, накіраваную супраць гітлераўскіх акупантаў.

Першыя крокі Міхаіла Гебелева па стварэнню падпольнай арганізацыі на тэрыторыі Мінскага гета далі станоўчы эффект. Гэта быў моцны штуршок і рэальная надзея на выратаванне праз няспынную барацьбу для астатніх вязняў гета, гетаўскіх падпольшчыкаў, якія вырашылі перайсці да практычных дзеянняў.

Так, яшчэ адзін былы вязень Мінскага гета, вядомы ўдзельнік яўрэйскага супраціву на яго тэрыторыі, кіраўнік падпольнай баявой арганізацыі Рыгор Смоляр у сваіх успамінах піша такія радкі: «Аднаго разу, упершыню за час маіх сустрэчаў з Нотке Вайнгаўзам (былы вязень Мінскага гета. – С.Т.) у ягонай «маліне»... , мы абодва прыйшлі да аднолькавай высновы: настаў час – і мы павінны пачынаць штосьці рабіць! Заставацца пасіўнымі і бездапаможнымі перад пагрозай смяротнага прысуду нацыстаў, якая навісла над усімі намі, гэта было б толькі на руку «карычневым забойцам» у здзяйсненні іх брудных планаў. Аднак жа: што мы маглі зрабіць? Мы разважылі, што першым чынам трэба сабраць пэўнае кола надзейных людзей і разам падумаць пра тое, якім мог быць адказ на гэтае пытанне... Усе мусілі прыйсці на сход ужо з сваімі загадкамі прадуманымі планами...» [9, с. 35].

Дзеля распрацоўкі дакладнага плана дзеянняў камуністы Мінскага гета і дамовіліся склікаць у канцы жніўня 1941 г. партыйную нараду. Сустрэча адбылася 17 жніўня таго ж года па вуліцы Астроўскага недалёка ад Юбілейнай плошчы і Юдэнрата (яўрэйскага савета гета) у доме № 54 на кватэры былой супрацоўніцы ваеннай установы, жыхаркі Ленінграда Соні Пяўцовай – Рыўкінай [10, с. 213]. На нарадзе прысутнічалі ўсяго пяць чалавек: два жыхары Мінска – Хаймовіч Барыс (былы дырэктар буйной тэкстыльнай фабрыкі і афіцэр запasu Чырвонай Арміі) і Шнітман Ісай (рабочы-тэкстыльшчык); два «заходнікі» – Фельдман Меер; Смоляр Рыгор (Гірш) – былы сакратар

Беластоцкага абласнога аддзялення Саюза савецкіх пісьменнікаў, выдатны, аўтарытэтны дзеяч, меў вялікі вопыт падпольнай барацьбы ў даваеннай Польшчы; і Кіркаешта Якаў – нараджэнец Адэсы, былы загадчык аддзела прапаганды Беластоцкага гаркама КП(б)Б. Але па шматлікіх прычынах на сустрэчу не змаглі прыйсці такія вядомыя камуністы, актывісты яўрэйскага супраціву, як Вайнгауз Нотке (Натан) – былы работнік упраўлення па справах мастацтваў пры СНК БССР; Добін Гірш і Александровіч Хаім [9, с. 36].

Удзельнікі сходу (партыйнай нарады) акрэслілі дзве, бадай, самыя галоўныя задачы: па-першае, распаўсюдзіць сярод насельніцтва лозунг: «Гета азначае смерць! Прарывайцеся скрозь агароджу гета! З гета на волю!» Па-другое, паслаць людзей, якіх выдавалі за арыўцаў, у розныя раёны горада на пошукі месцаў, дзе яўрэі маглі б схаватца і такім чынам выратавацца [9, с. 37].

Партыйная нарада, абмеркаваўшы ўсе магчымыя пытанні, паставіла стварыць падпольную партыйную арганізацыю на тэрыторыі Мінскага гета, якая ставіла перад сабою наступныя мэты: «1) Разбіць панічны настрой яўрэяў. 2) Наладзіць сістэматычны выпуск лістовак (дзеля таго, каб распавесці вязням гета аб сапраўдным становішчы на фронце, і паказаць рэальныя памкненні акупантаў датычна ўсіх яўрэяў і славян). 3) Наладзіць кантакт з камуністамі рускага раёну. 4) Устанавіць сувязь з партызанскімі атрадамі. 5) Устанавіць радыёпрыёмнік» [5, с. 112]. Акрамя гэтага, усе ўдзельнікі сходу прыйшлі да агульнай і вельмі важнай высновы, што неабходна ўтварыць арганізацыйны падпольны цэнтр дзеля згуртавання, злучэння ўсіх актывістаў гета і вядзення рашучай, бескампраміснай барацьбы супраць галоўнага ворага і прыгнятальніка – нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

У арганізацыйны падпольны цэнтр Мінскага гета былі ўключаны наступныя асобы: 1) Якаў Кіркаешта – ён павінен быў адказваць за тэхнічныя пытанні падполля, а менавіта – набыццё радыёпрыёмнікаў і друкавальных машынак, пошук надзейных месцаў для падпольных сходак ці паседжанняў прадстаўнікоў гетаўскага падпольнага цэнтра, арганізацыя дзейнасці сувязных гета (адыгрывалі важную ролю ва ўстанаўленні кантактаў гетаўскага падполля з пазагетаўскім – Мінскім патрыятычным падполлем і партызанскімі атрадамі); 2) Натан (Нотке) Вайнгауз – адказваў за агітмасавую, прапагандысцкую працу сярод жыхароў Мінскага гета (пазней, пасля гібелі ў пагроме 20 лістапада 1941 г. Якава Кіркаешта і Натана Вайнгауза, у склад аргцэнтра былі ўключаны вядомы ўжо нам Міхаіл Гебелеў і Мацвей Пруслін); 3) Рыгор (Гірш) Смоляр, ці «Яфім Сталярэвіч» (падпольнае імя і прозвішча) – кіраўнік арганізацыйнага падпольнага цэнтра. Ён выпрацаваў агульную структуру падпольнай арганізацыі Мінскага гета, асновай, базісам якой стала ячэйка, група, кожная складалася з дзесяці чалавек (падпольная «дзiesiąтка»), прычым дадзеныя групы павінны былі ўзначальваць вельмі надзейныя, рашучыя, смелыя і правераныя людзі, здольныя самастойна і аператыўна дзейнічаць у складаных, закрытых сітуацыях.

Падпольныя «дзiesiąткі» адыгралі значную ролю ў барацьбе супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў, актывізацыі падпольнага і партызанскага руху на тэрыторыі Беларусі. У яўрэйскім гета на працягу яго існавання (са жніўня 1941 па кастрычнік 1943 г.) дзейнічалі 22 падпольныя групы, ці, як было згадана вышэй, «дзiesiąткі» [11, с. 213–214]. Усе яны ствараліся па прыняццю асабістага знаёмства, парад, альбо рэкамендацый. «Дзiesiąткі» канцэнтраваліся як у самім гета – канцлагеры, так і па-за яго межамі, па месцу работы яўрэйскіх працоўных камандаў. У Мінскім гета яны павінны былі

весці актыўную працу па тлумачэнні ўзнікшага становішча, накіраваную супраць панікі, якая панавала сярод вязняў, арганізацыі слухання перадачаў з Масквы па радыёпрыёмнікам, выпуску лістовак, наладжванню трывалых сувязяў з рускім раёнам горада, які знаходзіўся па-за межамі Мінскага гета, падборам явачных кватэраў, сувязі з партызанамі і г.д.

На партыйнай нарадзе важныя заданні былі дадзены і іншым падпольшчыкам. Вось што прыгадвае Рыгор Смоляр: «Барысу Хаймовічу было даручана за любы кошт дастаць друкавальную машынку. Вайнгауз паставіў радыёпрыемнік на Татарскай вуліцы і штодзённа забяспечваў нас зводкамі Саўінфармбюро» [10, с. 213]. Акрамя гэтага, менавіта ў жніўні 1941 г. гетаўскія падпольшчыкі, актывісты яўрэйскага супраціву пачалі прыкладаць рэальныя намаганні па наладжванні першапачатковай сувязі з першымі партызанскімі атрадамі па-за межамі Мінскага гета [10, с. 213].

Як бачым, першапачатковае афармленне арганізацыйнага падпольнага цэнтра Мінскага гета адбылося 17 жніўня 1941 г. – амаль адразу пасля перасялення яўрэяў Мінска ў раён прымусовага пасялення яўрэйскага насельніцтва. Прычым адзначым адну важную акалічнасць: арганізацыйны цэнтр быў створаны без афіцыйных указанняў зверху, прадпісанняў і дырэктыў з боку гарадскіх улад. На тое былі пэўныя аб'ектыўныя прычыны і гэтаму садзейнічалі склаўшыся экстрэмальныя абставіны. Як слушна заўважаў на гэты конт у сваіх успамінах Рыгор Смоляр: «Рэвалюцыянеры, якія кіруюцца толькі інтарэсамі народа, павінны – у час бяды, або ў асадзе, або тады, калі яны цалкам ізаляваныя, прыслухоўвацца да свайго ўласнага сумлення. У такіх абставінах чакаць дырэктывы выш – гэта значыць заставацца пасіўнымі і бездапаможнымі» [10, с. 43]. І толькі з восні 1941 г. да канца свайго існавання (кастрычнік 1943 г.) падполле Мінскага гета пачало дзейнічаць пад непасрэдным наглядом і надзейным уплывам Мінскага падпольнага гарадскога камітэта партыі, з якім гетаўскія змагары каардынавалі свае мэты і задачы і вялі сумесную барацьбу. Але гэта ўжо наступны больш драматычны этап у гісторыі падполля Мінскага гета, якому будзе прысвечаны асобны артыкул.

Крыніцы і літаратура

1. Еврейский народ в борьбе против фашизма: Материалы 3-го антифашистского митинга представителей еврейского народа и третьего пленума Еврейского Антифашистского комитета в СССР. М.: Дер Эмес, 1945.
2. НАРБ. Ф. 359. Воп.1. Спр. 8.
3. НАРБ. Ф. 4683. Воп. 3. Спр. 937.
4. Справка Наума Абрамовича Коссого о массовом истреблении еврейского населения Минска // Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы. Минск, 2002.
5. Гроссман В., Эренбург И. Черная книга. Вильнюс, 1993.
6. Жизнь и гибель Минского гетто (Публикация Музея истории и культуры евреев Беларуси) // Авив. 2003. № 10. 19 окт.
7. НАРБ. Ф. 4683. Воп. 3. Спр. 936.
8. Там жа. Спр. 837.
9. Смоляр Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габраяў – партызанаў супраць нацыстаў. – Мінск: Тэхналогія, 2002.
10. Смоляр Р. Антыфашысцкае падполле ў мінскім гета (ліпень 1941 – жнівень 1942 гадоў) // Польшча. – 1995. – № 6.
11. Подпольные группы, действовавшие в гетто г. Минска в 1941–1944 гг. // Мінскае антыфашысцкае падполле / Аўт.–укл. Я.І. Бараноўскі, Г.Дз. Кнацько, Т. М. Антановіч і інш. Минск: Беларусь, 1995.

Корсак А.І.

Формы супраціву яўрэйскага насельніцтва палітыцы генацыду нацысцкай Германіі ў Віцебскай вобласці (1941–1944 гг.)

Супраціўленне вязняў канцэнтрацыйных лагераў для асоб яўрэйскай нацыянальнасці – асобая старонка ў гісторыі Халакосту. Адным з распаўсюджаных меркаванняў з’яўляецца думка пра пакорнасць яўрэяў свайму лёсу, пра адсутнасць якога-небудзь процідзеяння нацысцкім карнікам. І сапраўды, пакорнае накіроўванне ў гэта, падпарадкаванне яго турэмным парадкам – усё гэта, здавалася б, пацвярджае правату такога меркавання.

Але пры вывучэнні тэмы Халакосту – архіўных дакументаў, сведчанняў відавочцаў, успамінаў – можна зрабіць выснову, што многія вязні арганізавалі акты супраціўлення нямецка-фашысцкім акупантам. Хоць ажыццявіць гэта ім было надзвычай складана, што звязана з амаль поўнай адсутнасцю зброі і дапамогі з боку партызанскіх фарміраванняў. Адмоўна ўплывалі на фізічны і псіхічны стан вязняў немагчыма цяжкія абставіны жыцця ў гэта, фактычна ўмовы маруднага памірання ад голаду, холаду, непасільнай працы, пастаяннага прыніжэння чалавечай годнасці, здзекаў, а галоўнае – ад пастаяннай боязі за сябе, за сваю сям’ю.

Супраціўленне яўрэйскага насельніцтва праяўлялася як ва ўзброенай барацьбе, так і ў іншых формах. Яно падразумывала як актыўныя, так і пасіўныя дзеянні. У сваю чаргу, гэтыя формы супраціўлення можна падзяліць на калектыўныя і індывідуальныя. Трэба мець на ўвазе тое, што большую частку вязняў гэта складалі жанчыны, дзеці і старыя людзі. Мужчыны прызыўных узростаў знаходзіліся ў арміі ці былі знішчаны ў першых акцыях па ліквідацыі гэта. Нацысты ўвялі жорсткую сістэму калектыўнай адказнасці і заложніцтва. Вось чаму актыўнае супраціўленне і падпольная дзейнасць у гэта былі крайне цяжкімі. Тым не менш многія людзі ўдзельнічалі ў непрыкметнай і паўсядзённай барацьбе з нацыстамі і іх пасобнікамі.

Зніжэнню актыўнасці ў супраціўленні садзейнічала падманная прапаганда нацыстаў, размовы пра «перасяленне» яўрэяў. Асобую ролю адыгрывала сістэма пакарання, калі за правіннасць аднаго адказвала некалькі чалавек. Прычым, як правіла, пакараннем быў расстрэл.

Між тым, як сведчаць матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, яўрэйскае супраціўленне ўзнікла з першых дзён акупацыі тэрыторыі Беларусі. Многія вязні разумелі, што яны могуць разлічваць толькі на сябе. У больш чым 80 гэта існавалі падпольныя арганізацыі, сябры якіх збіралі зброю, медыкаменты, дапамагалі партызанам і рыхтаваліся да пабегу ў час правядзення нацыстамі акцый знішчэння. Так адбылося ў гэта Нясвіжа, Лахвы, Клецка, Копыля і Глыбокага. Многія пры гэтым гінулі, але частка людзей усё ж выратаўвалася. У 100-тысячным Мінскім гэта пад кіраўніцтвам І. Казінца і М. Гебелева актыўна дзейнічалі 22 падпольныя групы, у склад якіх уваходзіла больш трохсот чалавек. На іх баявым ліку дыверсійныя акты і сабатажы на нямецкіх прадпрыемствах і чыгуначным вузле. Тысячы людзей, выведзеных за тэрыторыю гэта, змагаліся затым у партызанскіх атрадах і брыгадах.

У адрозненне ад індывідуальных актаў супраціўлення вязняў гэта калектыўная барацьба, як правіла, не была спантанай. Яе ўдзельнікі вырашалі дзве задачы: ў падрыхтоўку ўзброенага супраціўлення ў момант ліквідацыі гэта і спробу стварыць ці ўліцца ў склад партызанскіх атрадаў. Дзеля дасягнення галоўнай мэты адначасова вырашаліся і не менш важныя справы: нейтралізацыя дасведчыкаў гестапа, здабыча зброі, грашовых

сродкаў, фальшывых дакументаў ці абсталявання для іх вырабу, наладжванне сувязі з мясцовымі падпольнымі і партызанскімі структурамі і г.д., але тым не менш выхад з гэта ў партызанскія атрады з’яўляўся ці не адзіным спосабам выратавання ад смерці.

30 чэрвеня 1941 г. ЦК КП(б) Б была прынята дырэктыва «Аб пераходзе на падпольную работу партыйных арганізацый раёнаў, занятых ворагам» і 1 ліпеня 1941 г. «Аб разгортванні партызанскай вайны ў тыле ворага», у якіх даваліся канкрэтныя ўказанні па формах арганізацыі, сродках сувязі і мерах канспірацыі, вызначаліся задачы па разгортванні партызанскага руху на акупіраванай тэрыторыі Беларусі, але нічога не гаварылася пра дапамогу мірным жыхарам, у тым ліку і яўрэйскаму насельніцтву¹.

Нягледзячы на гэта, вядомы прыклады, калі камандзіры савецкіх партызанскіх фарміраванняў і антыфашысцкіх групавак, кіраўнікі падпольных камітэтаў, не маючы канкрэтных указанняў з Масквы, падтрымлівалі цесную сувязь з групамі Супраціву ў гэта (Мінскае гета, Глыбоцкае гета і інш.). Яны карысталіся іх інфармацыяй, атрымлівалі зброю і медыкаменты, дапамагалі выводзіць з гэта асобных вязняў. У той жа час некаторыя камандзіры партызанскіх атрадаў прымалі ў іх склад яўрэяў. Напрыклад, Я. Магільніцкі з гэта г.п. Шуміліна хаваўся ў сям’і Кутэнка. Вясной 1942 г. яго прынялі ў Калінінскую партызанскую брыгаду. Г. Міхліна з г.п. Чашнікі з мая 1942 г. была ў складзе партызанскага атрада С. Лабанка, удзельнічала ў рабоце падрыўнікоў². У атрадзе знакамітага Бацькі Міная таксама былі яўрэі, якія трапілі туды пры дапамозе знаёмых беларусаў³. Але, на жаль, гэтыя выпадкі былі адзінкавымі.

Не заўсёды сустрэча з партызанамі азначала для яўрэйскага насельніцтва выратаванне. Стаць партызанам для яўрэя, які тым ці іншым чынам выратаваўся, было далёка не проста. Іх без вялікай ахвоты прымалі ў атрад нават тады, калі яны прыходзілі са зброяй. Часта ў асобе яўрэя кіраўнікі партызанскіх атрадаў бачылі абразу. Жанчыны, дзеці і старыя людзі скоўвалі дзеянні партызан, выдавалі размяшчэнне атрада. У іншых месцах яўрэяў прымалі за нямецкіх шпіёнаў.

У шэрагу выпадкаў кіраўніцтва атрадаў, у складзе якіх былі асобы яўрэйскай нацыянальнасці, пры некаторых абставінах пазбаўлялася ад іх прысутнасці. Так паступілі ў атрадзе Антонава брыгады Шырокава, якая дзейнічала ў раёне Казяны – Глыбокае. У кастрычніку 1943 г. нацысты пачалі шырокамашабную карную аперацыю супраць партызан. Дзевяці партызанам-яўрэям атрада было прапанавана пакінуць лагер. Прычынай гэтаму было тое, што лагер значны па сваёй колькасці, таму прабіцца праз заслон карнікаў усім разам не магчыма. Але трэба адзначыць тое, што краўцу і шаўцу было загадана застацца ў атрадзе⁴.

Тым не менш да 1942 г. яўрэі былі састаўной часткай партызан Беларусі. Безумоўна, існавалі партызанскія падраздзяленні, дзе яўрэі былі ў абсалютнай меншасці ці, па крайняй меры, не прызнаваліся, што яны яўрэі, змяняючы прозвішчы і імёны пры выхадзе з акружэння ці ўцёках з гэта. Аднак у той ці іншай колькасці яўрэі прысутнічалі амаль ва ўсіх партызанскіх атрадах Беларусі.

¹ Платонов Р.П. Беларусь, 1941-й: известное и неизвестное: По док. Нац. арх. Респ. Беларусь. Минск: БелНИИДАД, 2000. С. 413–417.

² Смилловицкий Л.Л. Катастрофа евреев в Беларуси, 1941–1944 гг. С. 148.

³ Старовойтова К. «Человек, спасший одну жизнь, спас всё человечество» // Віцьбічы. 2004. 29 крас. С. 2.

⁴ Смилловицкий Л.Л. Катастрофа евреев в Беларуси, 1941–1944 гг. С. 150.

У гэтых экстрэмальных умовах многія вязні гета супраціўляліся, сярод іх узнікалі падпольныя групы, якія наладжвалі сувязь з партызанамі, а ў некаторых гета ўспыхвалі паўстанні.

Даследчык Халакосту І. Альтман адрознівае калектыўнае ўзброенае супраціўленне (самаабарона) і паўстанне ў гета. Іх аб'ядноўвае наяўнасць арганізацыі або кіраўніка супраціўлення, выпрацоўка і ажыццяўленне вызначанага плана дзеянняў; масавасць удзелу ў супраціўленні; страты карнікаў забітымі і параненымі, імкненне да самаахвярнасці. Адрозненне заключаецца перш за ўсё ў мэтах і характары дзеянняў, працягласці супраціўлення, неабходнасці для нямецка-фашысцкіх акупантаў выкарыстоўваць дадатковыя людскія рэсурсы для расправы з непакоранымі. Крытэрыем эфектыўнасці могуць служыць таксама і людскія страты карнікаў пры ліквідацыі паўстання. Узброенае супраціўленне дапускала ў асноўным пасіўную барацьбу з мэтай нанясення максімальнага ўрону гітлераўцам¹. Паўстанне характарызавалася не толькі працягласцю супраціўлення, нанясеннем істотнага ўрону ворагу, прымушэннем яго выкарыстоўваць дадатковыя людскія рэсурсы і тэхніку, але і, як правіла, спробай масавых уцёкаў.

Што датычыцца Віцебскай вобласці, то выпадкі масавага ўзброенага супраціўлення на яе тэрыторыі былі адзінкавымі і спантаннымі. Так, 19 сакавіка 1943 г. пры ліквідацыі Опсаўскага гета (цяпер Браслаўскі раён) вязні не захацелі падпарадкоўвацца загадам акупантаў². Пры ліквідацыі гета ў г.п. Шаркаўшчына групе вязняў удалося прарваць лінію немцаў і збегчы ў лес. У в. Друя Браслаўскага раёна падчас пажару ў гета яўрэі абстралялі карнікаў³.

Узброеных паўстанняў у гета на тэрыторыі Беларусі было параўнальна мала. Як правіла, яны працягваліся некалькі гадзін, максімум два дні. Паўстанні ўспыхвалі тады, калі не было сумненняў у намеры нямецка-фашысцкіх акупантаў зрабіць поўную ліквідацыю гета. Самым буйным і адзіным на тэрыторыі Віцебскай вобласці было паўстанне вязняў Глыбоцкага гета, якое адбылося ў жніўні 1943 г.

Ужо вясной 1942 г. некалькі груп моладзі з Глыбокага пачалі шукаць шляхі, каб дастаць зброю і пайсці да партызан. Сярод іх быў Рувім Іёхельман з Гайдунішак, які спецыяльна ўладкаваўся на склад жандармерыі і незаўважна для немцаў выносіў зброю і медыкаменты. Працягвалася гэта даволі доўга, пакуль немцы яго не высачылі і пасля доўгіх здзекаў расстралялі. У партызанскі атрад «Мсцівец» пад кіраўніцтвам І. Цімчука перадаваў амаль паўгода дабытую з рызыкай для сябе зброю Р. Якельсон. Але і яго напаткала смерць.

Вялікая заслуга ў забеспячэнні партызан зброяй належала зяцю М. Беркона. Ён купляў вінтоўкі, гранаты, пісталеты і пасылаў іх у лес да партызан. Але на яго быў зроблены данос. Калі немцы прыйшлі за ім, супраціўляўся адчайна. Выхапіўшы ў паліцэйскага зброю, выстраліў у яго і збег. Паліцаі хацелі расправіцца з яго роднымі, дзеля іх выратавання яму прыйшлося вярнуцца ў гета, дзе пасля здзекаў яго расстралялі.

¹ Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: учеб. пособ. для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост», 2002. С. 259.

² Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Браслаўскага раёна / уклад. К.С. Шыдлоўскі; рэд. кал.: К.В. Велічковіч [і інш.]. – Мінск: «Паліграффармленне», 1998. С. 184.

³ Донесение комиссара Глубокского округа генеральному комиссару Генеральной округи Беларусь о ликвидации гетто в Докшицах, Лужках, Плиссе, Миорах, Браславе, Друе, Шарковщине, Глубоком, уничтожение людей и изъятии ценностей от 1 июля 1942 г. // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 483. Л. 15.

Летам 1942 г. група моладзі са зброяй у руках пайшла ў лес, прымкнуўшы да партызан. Сярод першых партызан з Глыбоцкага гета найбольшай вядомасцю карыстаўся А. Фегельман, які ваяваў у брыгадзе імя Варашылава. У верасні 1942 г. у партызаны пайшла другая група колькасцю 17 чалавек, якая, знаходзячыся яшчэ ў межах гета, падтрымлівала сувязь з партызанамі атрада «Мсцівец».

Ужо вясной 1942 г. у Глыбоцкім гета былі створаны першыя падпольныя групы моладзі, якія збіралі зброю і наладжвалі сувязь з партызанамі, якім перадавалі частку ўзбраенняў і медыкаментаў. Зброю збіралі рознымі шляхамі. Напрыклад, Я. Фрыдман, пераапануты ў форму паліцая, на кані ездзіў па навакольных вёсках і здабываў яе [29, с. 70].

Пасля першага пагрому ў гета ў чэрвені 1942 г. група на чале з А. Фегельманам далучылася да партызан брыгады імя Чапаева. У верасні таго ж года наступная ўзброеная група з 17 чалавек уступіла ў атрад «Мсцівец», з якім раней падтрымлівалася сувязь¹. Трэба адзначыць, што камісар вышэйназванага атрада І. Цімчук з ахвотай прымаў да сябе вязняў гета Глыбоцкай акругі. Нават дапамог арганізаваць невялікі па колькасці (больш 100 чал.) яўрэйскі сямейны атрад². Акрамя таго ў Малінінскім лесе ім была арганізавана гарбарня (вытворчасць скуры), у якой працавалі яўрэі, збегшыя з навакольных гета³.

Такім чынам, на працягу 1941–1942 гг. вязнямі Глыбоцкага гета была наладжана сувязь з некаторымі фарміраваннямі партызанаў.

У пачатку жніўня 1943 г. кіраўніцтва партызанскай брыгады імя Суворова накіравала ў Глыбоцкае гета партызанаў Б. Цымера і М. Лібермана, якія павінны былі падрыхтаваць паўстанне. Яны згуртавалі моладзь у колькасці каля 300 чалавек, у якіх былі зброя і падрыхтоўныя матэрыялы. Потым Б. Цымер, вярнуўшыся ў атрад, прывёў з сабою яшчэ каля 20 маладых яўрэяў са зброяй.

15 жніўня 1943 г. на падпольным савеце вязняў гета было прынята рашэнне ўзняць паўстанне. Гэтае рашэнне знаходзілася ў непасрэднай сувязі з падзеямі, якія развярнуліся ў г. Глыбокае і вакол яго. Справа ў тым, што яшчэ ў 1942 г. па загаду нямецкага камандавання была створана 1-я Руская нацыянальная брыгада СС, якую ўзначаліў былы начальнік штаба 229-й стралковай брыгады, падпалкоўнік Чырвонай Арміі У. Гіль-Радыеўнаў. Яна размяшчалася ў Пліскім раёне на той час Вілейскай вобласці⁴.

У жніўні 1943 г. партызанскія разведчыкі брыгады «Жалязняк» устанавілі сувязь з байцамі брыгады У. Гіль-Радыеўнава, батальёны і роты якой у той час былі размеркаваны па населеных пунктах Глыбоцкай акругі для барацьбы з партызанамі. 16 жніўня 1943 г. пасля доўгіх перагавораў з камандаваннем партызанскай брыгады «Жалязняк» ён падрыхтаваў і арганізаваў пераход гэтага фарміравання ў поўным складзе звыш 1600 узброеных чалавек на бок партызан. Фарміраванне атрымала назву 1-й Антыфашысцкай партызанскай брыгады, якая затым дзейнічала на акупіраванай тэрыторыі Пleshчаніцкага,

¹ Рывкін М. Шульман А. У последней черты // Мишпоха. 1998. № 4. С. 72–75.

² Чёрная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / сост. и под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. Вильнюс: ЕАД, 1993. С. 278.

³ Докладная записка Карпова В.Б., зам. командира разведывательно-связистской группы Минского обкома КП(б) Б секретарю Вилейского обкома т. Климову от 27.11.42 г. // НАРБ. Ф. 4. Оп. 33. Д. 264. Л. 64.

⁴ Зверев Ю.В. «Русские» формирования вермахта и войск СС на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2002. С. 13.

Куранецкага, Пліскага, Пастаўскага, Лепельскага, Ушацкага і іншых раёнаў і адразу ўключылася ва ўпартыя баі з гітлераўцамі, у тым ліку па разгрому буйных нямецка-фашысцкіх гарнізонаў¹.

Так, была праведзена Докшыцка-Крулеўшчынская аперацыя 16–17 жніўня 1943 г. па разгрому нямецка-фашысцкіх захопнікаў у г.п. Докшыцы і на чыгуначнай станцыі Крулеўшчына (на лініі Маладзечна – Полацк) сіламі брыгады пад кіраўніцтвам У. Гіль-Радыёнава ва ўзаемадзеянні з партызанскай брыгадай «Жалязняк».

Вечарам 16 жніўня 1943 г. партызаны акружылі Докшыцы і сіламі аднаго батальёна ачапілі ўсе ваенныя аб'екты гарнізона і унтрафіцэрскую школу. 17 жніўня нечакана для акупантаў штурмавыя групы абяззброілі і ў кароткай перастрэлцы на асобных участках вулічнага бою знішчылі 38 і ўзялі ў палон 60 гітлераўцаў. Потым 1-я Антыфашысцкая брыгада зрабіла пераход да станцыі Крулеўшчына. Яе з флангаў і тылу прыкрывала брыгада «Жалязняк», якая пачала дзеянні на ўчастку чыгункі ў раёне станцыі Параф'янава і паміж Крулеўшчынай і Глыбокім. Да вечара таго ж дня Докшыцы і станцыя Крулеўшчына былі поўнасьцю ачышчаны ад праціўніка².

Падчас гэтай акцыі быў забіты Керн, шэф жандармерыі г. Глыбокае. Па словах братаў Раяк, Керн быў самым жорсткім у адносінах да яўрэйскага насельніцтва. Гітлераўцы, апасаючыся разгрому Глыбоцкага гарнізона і магчымага вызвалення вязняў гета, тэрмінова выклікалі з Дзвінску дывізію эсэсаўцаў, браняпаязды і падмацаванне з Вільнюса.

18 жніўня 1943 г., калі да г. Глыбокае заставалася ўсяго 7 кіламетраў, нечакана на прыпынку Журкі з'явіўся браняпоезд і з ходу атакаваў наступаючых. Адначасова нямецкія танкі і мотапяхота пры падтрымцы авіяцыі зрабілі спробу акружыць радыёнаўцаў, якія пад прыкрыццём брыгады «Жалязняк» вымушаны былі адказацца ад паходу на г. Глыбокае і адступіць.

Аналізуючы гэтыя падзеі, можна дапусціць, што ў гета ведалі пра дзеянні радыёнаўцаў і спадзяваліся на разгром нямецкага гарнізона г. Глыбокае. Вязні гатовыя былі выкарыстаць дадзеную сітуацыю і са зброяй у руках выравацца на волю. Але, на жаль, абставіны рэзка змяніліся і гэтага не адбылося. Больш таго, трэба меркаваць, што адыход радыёнаўцаў паскорыў ліквідацыю вязняў Глыбоцкага гета.

У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь захаваўся дакумент пад назвай «Акт па справе зверскай расправы немцамі над яўрэямі канцэнтрацыйнага лагера (гета) у г. Глыбокае Віцебскай вобласці, зробленай 19 жніўня 1943 г.», які сведчыць аб падрабязнасцях узброенага паўстання вязняў гета.

18 жніўня, як сказана ў дакуменце, гета было «ў тры кальцы абстаўлена танкамі, зброяй»³. Яўрэі адразу звярнулі ўвагу на тое, што рыхтуецца нейкая акцыя. Каб усыпіць пільнасць вязняў, у чатыры гадзіны раніцы нямецкі афіцэр з'явіўся ў юдэнрат і заявіў, што праз дзве гадзіны яўрэі павінны сабрацца на плошчы для адпраўкі на працу ў Люблін (Польшча). Аднак тыя добра ведалі, чым гэта скончыцца.

¹ Никитин М.Г. «Русские» и «белорусские» воинские формирования гитлеровских оккупантов на территории Витебщины в 1941–1944 гг. // Война известная и неизвестная: материалы науч.-практ. конф., посвящённой 50-летию освобождения Витебщины от немецко-фашистских захватчиков, Витебск, 15–16 июня 1994 г. Витебск: Витебский областной краеведческий музей, 1995. С. 43–54.

² Пасэ У.С. Докшыцка-Крулеўшчынская аперацыя 1943 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. / рэд. кал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭС, 1990. С. 197–198.

³ Акт по делу зверской расправы немцами над евреями концентрационного лагеря (гетто) в г. Глубокое Витебской области, учинённой 19 августа 1943 г. // НАРБ. Ф. 750. Оп. 1. Д. 231. Л. 23–25.

Паўстанне пачалося 19 жніўня 1943 г. умоўным сігналам – узрывам гранаты і клічам «Ура» было выклікана агульнае дзеянне. У першую чаргу гранатамі былі знішчаны кулямётныя гнёзды, вартавыя на вышках, фабрыкі і памяшканні арцелей, у якіх выраблялі мыла, нажы і суконныя рэчы, а таксама швейныя майстэрні. Група яўрэяў, якая хавалася ў хаце Кантаровіча па Віленскай вуліцы, убачыўшы набліжаўшыхся да іх немцаў і паліцаяў, адкрыла агонь.

Адзін бункер немцы не маглі ўзяць на працягу цэлага дня. Згодна сведчанню ўдавоўцы і ўдзельніка тых падзей Пінтава, было забіта і паранена каля 100 гітлераўцаў¹.

Паводле паказанняў жыхара г. Глыбокае І. Неміроўскага: «... 20 жніўня 1943 г., на досвітку, я, як і іншыя грамадзяне ў г. Глыбокае, пачуў гукі стральбы з кулямётаў, вінтовак ў баку размяшчэння гета, дзе на той момант утрымлівалася да 5 тыс. чалавек савецкіх грамадзян, сабраных туды немцамі з раёнаў Полацкай вобласці. Страляніна ў раёне гета працягвалася больш за двое сутак, прычым на працягу гэтага часу ў горадзе не дазваляўся выхад з дамоў і рух па горадзе. Пасля таго, як па сыходжанні 2 сутак страляніна скончылася, я стаў ўдавоўцам зробленага немцамі злачынства над грамадзянамі, якія размяшчаліся ў гета, якое да моманту майго прыхода туды ўяўляла карціну расправы, а іменна: само гета было разбурана абстрэлам са зброі і бронемашын і абсалютна поўнаасцю згарэла. Па тэрыторыі былога гета валяліся расстраляныя і абгарэўшыя трупы людзей, у ліку якіх былі жанчыны, дзеці і старыя. Далей, мне прыйшлося бачыць шэраг месцаў, дзе ў падвальных памяшканнях былых будынкаў валяліся трупы людзей, як бачна спрабаваўшых у гэтых падвалах пазбегнуць расправы немцаў, але і тут іх насцігала смерць ад рук акупантаў. Характэрна тое, што ў выкладзеным мной факце расправы немцаў над грамадзянамі гета ўдзельнічалі ўваходзіўшыя ў падпарадкаванне фельдкамандатуры № 600 нямецкія воінскія падраздзяленні. З бронемашын, якія належалі той жа камандатуры, праводзіўся абстрэл і знішчэнне грамадзян»².

Частка вязняў гета змагла выратавацца ў лесе, а большая частка была расстраляная і замучаная. Загінуў і адзін з арганізатараў паўстання М. Ліберман, якога нямецка-фашысцкія акупанты забралі параненага і ўчынілі над ім жудасную расправу, выразаўшы ўсе ўнутраныя органы³.

На працягу некалькіх дзён пасля разгрому гета паліцаі хадзілі па яго тэрыторыі і вылоўлівалі тых, хто цудам застаўся ў жывых. У бункеры і склепы гітлераўцы пускалі газ, каб «выкурыць» адтуль усіх да апошняга. Былі створаны спецыяльныя каманды з мэтай пошуку тых людзей, якім удалося збегчы падчас ліквідацыі гета, але яны не змаглі схавацца. Тых, хто пападаўся ў рукі фашыстаў, збіралі ў доме па Віленскай вуліцы. Такіх аказалася каля 100 чалавек.

Вядомы і ваенныя злачынцы, якія ўзначальвалі і ажыццяўлялі знішчэнне гета. Гэта гэбітскамісар Глыбоцкай акругі П. Гахман, яго намеснік, камандант гета Я. Вятвіцкі, а таксама камандант паліцыі Левандоўскі.

Такім чынам, супраціўленне вязняў гета набывала розныя формы: распаўсюджанне лістовак, сабатаж, дыверсіі, арганізацыя пабегаў, імкненне даць магчымасць максімальнай колькасці дзеяздольных людзей уключыцца ў партызанскую барацьбу. Але галоўная задача заключалася ў падрыхтоўцы

¹ Рывкін М. Шульман А. У последней черты // Мишпоха. 1998. № 4. С. 72–75.

² Протокол допроса Матысяк В.Ф. // НАРБ. Ф. 861. Оп. 1. Д. 13. Л. 81.

³ Акт по делу зверской расправы немцами над евреями концентрационного лагеря (гетто) в г. Глыбокое Витебской области, учиненной 19 августа 1943 г. // НАРБ. Ф. 750. Оп. 1. Д. 231. Л. 23–25.

да паўстання ў выпадку ліквідацыі гета. Паўстанне з'яўлялася вышэйшай ступенню яўрэйскага супраціўлення палітыцы «канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання».

Аднак праяў актыўнага і ўзброенага масавага супраціўлення з боку асоб яўрэйскай нацыянальнасці на тэрыторыі Віцебскай вобласці не вызначана, акрамя паўстання ў Глыбоцкім гета. У выніку падаўлення арганізаванага выступлення было знішчана каля 2 тыс. чалавек, у тым ліку жанчын і дзяцей. Малаколькаснымі і нязначнымі былі спробы супраціўлення пры знішчэнні гета ў г.п. Шаркаўшчына, в. Друя і в. Опса Браслаўскага раёна.

У той жа час вялікае маральнае значэнне мела няўзброенае індывідуальнае і калектыўнае супраціўленне. Так званае пасіўнае супраціўленне заключалася ў імкненні выжыць ў нечалавечых умовах гета, насуперак не толькі палітыцы нямецка-фашысцкіх акупантаў, якія прыгаварылі ўвесь яўрэйскі народ да знішчэння. Большая частка вязняў імкнулася да канца існавання гета захаваць сваё жыццё і жыццё сваіх блізкіх. Таму дадзеную форму супраціўлення можна лічыць самай масавай. Гэтаму садзейнічалі арганізацыі яўрэйскай узаемадапамогі – аказанне садзеяння сіротам, старым і хворым людзям, а таксама пошук прадуктаў харчавання, наладжванне сувязей з мясцовым насельніцтвам, духоўнае і культурнае супрацьстаянне нацыстам.

Але без асабістых намаганняў вязняў, матывы якіх былі рознымі – пачуццё самазахавання, надзея на вызваленне, клопат аб старых ці малалетніх членах сям'і, імкненне адпомсціць акупантам, – выжыванне не магло быць магчымым. Некаторыя адмаўляліся хавацца, спрабуючы падтрымаць блізкіх і родных у час знаходжання ў гета і ў момант расправы над імі. Бацькі пры першай магчымасці аддавалі дзяцей у дзіцячыя дамы і прыюты. Часта дзеці самі прыходзілі туды. Аднак іх прымалі толькі пры наяўнасці «арыйскіх» дакументаў, а таксама пры адсутнасці яўна выражанай семіцкай знешнасці і акцэнту.

Прытрымліванне рэлігійных абрадаў і звычаяў, удзел у культурнай і адукацыйнай дзейнасці таксама можна разглядаць як адну з формаў маральнага супрацьстаяння акупантам. Культурнае і рэлігійнае жыццё ў гета звычайна ажыццяўлялася нелегальна, падчас з рызыкай для жыцця. Так, напрыклад, вязні Германавіцкага гета (асабліва гэта датычылася старэйшага пакалення) лічылі абавязковым, нягледзячы ні на што, схадзіць у сінагогу і памаліцца Богу. Усе яны насілі доўгія бароды і, як толькі з'яўляліся на вуліцы, адразу становіліся аб'ектам зацікаўленасці немцаў, якія здзекаваліся над імі – рвалі ці наогул падпальвалі пэйсы¹.

Адной з найбольш распаўсюджаных формаў няўзброенага супраціўлення было эканамічнае процідзеянне. Яно выражалася перш за ўсё ў абмене з мясцовым насельніцтвам і набыцці ў яго прадуктаў харчавання, у вырабах рэчаў на продаж. У нелегальных эканамічных узаемаадносінах з мясцовым насельніцтвам, а часта – з паліцаямі і нямецкімі салдатамі ўдзельнічала вялікая частка вязняў гета, бо выжыць было практычна не магчыма. Перадаваць прадукты харчавання на тэрыторыю гета было складана. Каля прапускных пунктаў паліцаі падвяргалі кожнага вобыску. Часта насыпалі муку і крупы ў мяшкі і перакідвалі праз агароджу. У некаторых гета цесляры, вяртаючыся з працы, неслі сякеры, уторкнутыя ў калодку, дзе былі схаваны масла і тлушч. Жанчыны апраналі на рукавы шасціканцовыя зоркі і праносілі такім чынам на тэрыторыю гета ежу. У г. Глыбокае селянін Шэбека кожны дзень прыносіў малако хвораі маці братоў Раяк².

¹ Кунцевич, Ф. Мои воспоминания из детства о своих односельчанах евреях из местечка Германовичи витебской области за период 1931 – 1943 гг. // Асабісты архіў А.І. Корсак.

² Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юрид. лит., 1991. С. 46.

У г. Віцебску, напрыклад, жонка ўрача С. Ратнер атрымлівала адзенне і ежу ад Н. Шыдлоўскай. Захавалася пісьмо, якое Соф'я Ісідораўна напісала сваім дзецям, будучы ў межах гета: «...Бывайце. Паміраю. Што мы тут перажываем ў гета не паддаецца апісанню. Надзея, адзіны чалавек, які з наступленнем катастрофы і да канца клапацілася пра нас з вялікай рызыкай для сябе. Яна чысты, крыштальны чалавек і захавалася такой, нягледзячы на жудаснае наваколле рабунку, насілля, здзекаў і здрадніцтва. Не забудзьце гэтага ніколі»¹.

Усе ўстаноўленыя факты такога роду жорстка караліся акупантамі да самага расстрэлу на месцы. У г.п. Талочына на варотах крухмальнага завода павесілі хлопца, які ўкраў банку кансерваў. У г. Глыбокае паліцыя і жандармы збілі жонку Залмана-Вульфа Рудэрмана за два яйкі, А. Глозмана і Д. Пліскіна – за ягады, а Ш. Цэнціпера расстралялі за спробу пранесці ў гета пеўня².

З дадзеных прыкладаў бачна, што ўмовы існавання вязняў гета вымушалі іх рознымі шляхамі з рызыкай для свайго жыцця і жыцця родных здабываць прадукты харчавання.

Ухіленне ад рэгістрацыі, невыкананне загадаў яўкі да месца збору для масавай расправы ці перасялення ў гета, а таксама ўцёкі напярэдадні ці падчас расстрэлаў былі самымі распаўсюджанымі актамі індывідуальнага супраціўлення. Загад аб рэгістрацыі і перасяленні ў гета парушалі многія яўрэі. Некаторыя перасяляліся ў сельскую мясцовасць ці іншыя гарады.

Часам насельніцтва гета было пераканана, што праца на нямецкія ўлады будзе гарантаваць ім выжыванне. Сярод беларусаў не так многа было кваліфікаваных рабочых, тым самым для шматлікіх яўрэяў узнікала магчымасць у якасці нязменных спецыялістаў пазбегнуць знішчэння. Па гэтай прычыне вязні гета часта цярпелі здзекі з сябе на працоўным месцы. Але, на жаль, абарона праз кваліфікацыю была абмежаванай у часе. За непатрэбнасці ў іх працоўная частка гета таксама ліквідавалася, хоць і пазней, чым астатняя (Глыбоцкае гета).

Самай масавай і эфектыўнай формай індывідуальнага супраціўлення было імкненне выратаваць сваё жыццё ў хвіліну небяспекі. Тыповымі былі спробы схавацца напярэдадні ці падчас пагромаў у гета ці збегчы з месца расстрэлу. Людзі выскоквалі на хаду з машын; выбіраліся з магіль пасля завяршэння акцыі (некаторым удавалася ўпасці ў яму яшчэ да выстралу, іншыя былі лёгка паранены, некаторых, у асноўным дзяцей, закрывалі сваім целам родныя).

Так, напрыклад, 31 снежня 1941 г., калі пачалася расправа над яўрэйскім насельніцтвам гета г.п. Сянно, выратавацца змог толькі А. Фрыдман. Падчас канваіравання да месца расстрэлу яму ўдалося збегчы, дабрацца да сяла Яфімаўшчына, дзе цэлы месяц яго хавала ў склепе адзінока жанчына Зося (прэзвішча не захавалася). Яна ж дапамагла яму звязацца з партызанамі³.

Падчас расстрэлу вязняў-яўрэяў Полацкага гета Д. Пішчыку разам з дзвюма дзяўчатамі ўдалося пазбегчы расправы, перайсці лінію фронту каля Тарапца і ўліцца ў рады Чырвонай Арміі⁴. У пабеггах звычайна прымала ўдзел толькі невялікая частка вязняў, у асноўным моладзь.

Нечаканым для немцаў быў масавы пабег колькасцю 60 чалавек вязняў гета Абольцы Талачынскага раёна. 5 сакавіка 1942 г. яны даведаліся аб акцыі

¹ Рывкін М. Шульман А. Витебское гетто // Витьбичи. 1993. 30 окт. С. 7.

² Смилловицкий, Л.Л. Катастрофа евреев в Беларуси, 1941–1944 г. С. 47.

³ Рывкін, М. Шульман А. Сянно. 31 снежня // Віцебскі рабочы. 1994. 16 сак. С. 3.

⁴ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. / сост. З.И. Белуга, Н.И. Каминский [и др.] Минск: Гос. издат. БССР, 1963. С. 2.

ў суседняй вёсцы Смаляны Аршанскага раёна. Рашэнне збегчы прыйшло неадкладна, у поўнач 60 вязняў пад кіраўніцтвам С. Іофіка выйшлі з мясцовай школы, дзе іх утрымлівалі, і захапілі паліцэйскага-ахоўніка Лініча. Я. Іофік і А. Левін прыгразілі вінтоўкамі, каб той даў магчымасць збегчы ў лес. У выніку пабег аказаўся паспяховым¹.

Да індывідуальных няўзброеных форм супраціўлення можна таксама аднесці адказ выконваць загады нацыстаў (у тым ліку загады распранацца падчас расправы). Многія яўрэі ўхіляліся ад праходжання рэгістрацыі і напэння апазнавальных знакаў, яўкі да месца збору перад адпраўкай на расстрэл.

Тым не менш імкненне выжыць патрабавала велізарнага маральнага і фізічнага напружання. Пастаянная небяспека, варожае асяроддзе, недаданне, страта сувязей з сябрамі, пагібель родных надломвалі волю. Спробы скончыць жыццё самагубствам, каб толькі не трапіць у рукі карнікаў, не былі рэдкімі.

Так, напрыклад, у в. Ёды Шаркаўшчынскага раёна яўрэя Герчыка ведалі ўсе. Калі пачалася вайна і яўрэйскае насельніцтва сагналі ў гета, Герчык не паслухаўся загада – спадзяваўся на сваіх знаёмых беларусаў. Хадзіў па вёсках, але ніхто яму не адчыніў дзверы, спасылаючыся на малых дзяцей, якіх могуць расстраляць. На заўтрашні дзень яго знайшлі павесіўшымся на яўрэйскіх могілках².

Вядомы выпадак самагубства ўсіх членаў сям'і. Напрыклад, доктар Фішкін, які разам з жонкай і дзецьмі пражываў у г.п. Талочын, даведаўшыся пра масавы расстрэл яўрэяў гета, атруціў спачатку сваіх дзяцей і жонку, а затым і сам прыняў атруту³.

У момант расправы людзі знаходзілі словы суцяшэння, імкнуліся падтрымаць адзін аднаго, супакоіць дзяцей. Распаўсюджанай формай духоўнага супраціўлення былі апошнія словы вязняў: пра немінучае пакаранне карнікаў, пракляцце катам. Часта веруючыя людзі былі прыкладам стойкасці ў момант масавых распраў. Складзеныя вязнямі перадсмяротныя запіскі, дзённікі, пісьмы, якія былі звернуты не толькі да блізкіх і родных, але і да тых, хто будзе помніць пра іх і зможа адпомсціць, таксама характарызуюць узровень духоўнага супраціўлення.

Нягледзячы на вялікую небяспеку, былі распаўсюджаны выпадкі наўмыснага сабатажу пры правядзенні рамонтных і будаўнічых работ. Пакінутыя ў жытых спецыялісты такім чынам помсцілі за лёс сваіх родных, расстраляных карнікамі. Нярэдка ў момант ліквідацыі гета вязні падпальвалі свае дамы – часта гэта дапамагала збегчы, але часцей за ўсё гэтым дзеяннем вораг пазбаўляўся маёмасці. Вядома, такія спробы былі характэрны для невялікіх гарадоў і мястэчак, дзе ў асноўным былі драўляныя хаты ці іншыя пабудовы.

Так, у в. Друя Браслаўскага раёна пасля ліквідацыі гета ў суседніх Міёрах было ўстаноўлена назіранне за дарогамі з Міёр і Браслава, адкуль чакалі прыбыцця эсэсаўцаў. Але сігнал пра тое, што гета акружана, паступіў позна. Магчымасцей для пабегу не заставалася. Некаторыя спрабавалі пераплыць раку Друйка, але супрацьлеглы бераг быў ачэплены паліцаямі. Яўрэяў сагналі ў сінагогу, дзе раптам узнялося полымя. Ёсць некалькі версій наконт пажару. Адна сведчыць пра тое, што сінагогу запалілі эсэсаўцы, каб «выкурыць» тых,

¹ Семиряга, М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юрид. лит., 1991. С. 139.

² Шульман, А. Пеплом ушедшие // Мишпоха. – 1997. № 3. С. 66–77.

³ Акт комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в г. Орша // Зональный государственный архив в г. Орша. Ф. 162. Оп. 7. Д. 2. Л. 3.

хто схаваўся, другая – самі людзі вырашылі згарэць з малітвай на вуснах, але не скарыцца ворагу¹.

Адным з самых распаўсюджаных спосабаў укрыцця ад пагромаў і акцый было ўладкаванне так званых малін (сховішч). Іх рабілі звычайна ў хаце (пад-дол, лаз пад печкай, двайныя сценкі шафы, радзей – на гарышчы) або на двары (у склепе, калодзежы, хляве). Пасля правядзення акцый знішчэння нацысты праводзілі шчыльны пошук скрываўшыхся яўрэяў: выкарыстоўвалі сабак, падрывалі зачыненыя дзверы, ашчупвалі з дапамогай шастоў прысядзібныя надзелы. Тэрыторыя гета некаторы час пасля знішчальных акцый была зачынена для мясцовага насельніцтва, ахоўвалася і патрулявалася паліцаямі. Аднак ёсць прыклады, калі асобныя яўрэі і нават цэлыя яўрэйскія сем’і змаглі пераचाкаць гэты час у сховішчах.

Так, у в. Дунілавічы Пастаўскага раёна карнікі ў ходзе ліквідацыі гета на працягу двух дзён расшуквалі бункеры, знішчаючы іх з дапамогай ручных гранат. Іншы раз людзям прыходзілася праводзіць у такіх сховішчах некалькі дзён – не маючы магчымасці есці і піць. Многія маленькія дзеткі не маглі вынесці гэтае, і іх плач часам станавіўся прычынай выяўлення такіх сховішч. У сувязі з гэтым часта былі драматычныя выпадкі, калі нехта з тых, хто хаваўся, нават часам і сама маці душылі дзяцей, каб даць магчымасць выратавацца астатнім. Такія выпадкі спроб выратавання жыцця былі самымі распаўсюджанымі.

Пасля ліквідацыі гета ці напярэдадні вызвалення многія людзі шукалі сховішча ў лясах, балотах – практычна без шанцаў на выжыванне без дапамогі з боку мясцовага насельніцтва.

Адсутнасць зброі, ваенных навыкаў, раптоўнасць знішчэння, асабліва ў першыя месяцы акупацыі, прадуманасць тактыкі масавых распраў рэзка абмяжоўвала магчымасці індывідуальнага супраціўлення ў ходзе масавых акцый. Трэба адзначыць тое, што іх сведкамі маглі быць толькі самі ўдзельнікі забойстваў. Тым не менш зафіксаваны шматлікія спробы вырваць зброю з рук карнікаў, кінучца на іх з нажом, сякерай ці лапатай, ударыць рукой. Напрыклад, восенню 1942 г. Клейнэр з в. Лучай непадалёк ад в. Дунілавічы Пастаўскага раёна ўдарыў аднаго з немцаў, які стаў на варце, вырваў аўтамат і збег з тэрыторыі гета². Фізічнае супраціўленне яўрэі аказвалі і ў адказ на здзекі і прыніжэнне іх чалавечай годнасці.

Акупацыйнымі ўладамі была распрацавана цэлая сістэма пакаранняў, якая была накіравана на пазбаўленне падтрымкі яўрэяў з боку мясцовых жыхароў: за ўкрыццё асоб яўрэйскай нацыянальнасці пагражала смяротнае пакаранне ўсёй сям’е; за сведчанні аб месцазнаходжанні пазбегнуўшых справы яўрэяў аб’яўляліся ўзнагароджанні як грашовыя (у памеры да 500 рублёў), так і харчовыя (некалькі кілаграмаў цукару або солі); медыцынскія работнікі атрымалі распараджэнне адразу папярэдзваць жандармерыю ці паліцэйскі ўчастак аб усіх выпадках агнястрэльнага ранення; нямецка-фашысцкія акупанты вялі актыўную прапагандысцкую антысеміцкую дзейнасць, праз якую параўноўвалі яўрэяў з бальшавіцкімі камісарамі³. Хаця большасць камісараў не былі яўрэйскай нацыянальнасці, але з-за гітлераўскага загада аб камісарах ад 6 чэрвеня 1941 г., паводле якога прадпісвалася расстрэльваць на месцы ўсіх савецкіх ваенных палітычных работнікаў, такім чынам, небяспека пагражала кожнаму. Акрамя гэтага як сярод каманднага саставу арміі, так і сярод

¹ Канторович, Б. Этот день мы приближали как могли // Мишпоха. 1999. № 6. С. 69–71.

² Смилловицкий Л. Катастрофа евреев в Беларуси, 1941–1944 гг. С. 51.

³ Смилловицкий Л. Евреи Беларуси: Из нашей общей истории, 1905–1953: сб. ст. Минск: «АРТИ-ФЕКС», 1999. С. 13.

салдат распальваўся антысеміцкі настрой. Масавое знішчэнне яўрэйскага народу нацысцкая прапаганда прадстаўляла астатняму савецкаму насельніцтву акупіраваных абласцей як састаўную і неабходную частку вызваленчай місіі, узятай на сябе германскімі ўладамі ў барацьбе з яўрэябальшавізмам, які прыгнятае народы Расіі.

Нягледзячы на тое што насельніцтва было «атручана» нямецкай прапагандай і распрацаванай імі сістэмай пакаранняў, усё ж такі некаторым яўрэям удалося пазбегнуць расправы дзякуючы дапамозе мясцовага насельніцтва. Часам гэта адбывалася напярэдадні ці ў момант ліквідацыі гета.

Самымі распаўсюджанымі былі спробы знайсці сховішча ў сваіх знаёмых ці ў суседзяў. Вязням часта прыходзілася мяняць месца жыхарства (у суткі па некалькі населеных пунктаў), хавацца ў лесе, у копах сена, хлявах і лазнях на ўскрайках сёл і вёсак. Так, у в. Дунілавічы Пастаўскага раёна сям'я Зямчонкаў на працягу некалькіх месяцаў дапамагала пражыць у лесе Горданам. У той час складаным было схваць нават аднаго чалавека, а яўрэйская сям'я складалася з чатырох чалавек. Калі пачалася расправа над яўрэйскім насельніцтвам Дунілавіцкага гета ў лістападзе 1942 г., Горданам дапамагло выратавацца раней падрыхтаванае сховішча. Але заставацца доўга без ежы і піцця не было магчымым. У адным з хутароў ім адчынілі дзверы. Зямчонкі спачатку хавалі Горданаў на сенавале, а затым дапамаглі выкапаць зямлянку ў лесе, куды аж да вясны дзеці насілі яўрэйскай сям'і ежу і адзенне¹.

Падчас карных рэйдаў, якія праводзіліся немцамі ў снежні 1941 г. каля в. Ёды Шаркаўшчынскага раёна, чатыры чалавекі з сям'і Зільман і чатыры чалавекі з сям'і Смужковіч змаглі збегчы з месца расправы. Ноччу яны прыйшлі ў дом сяброў-палякаў Мітрафана і Хелены Седзюкевіч, якія схавалі іх у сваёй маленькай кватэры. Праз тыдзень з дапамогай Мітрафана іх пераправілі ў дом Альбіны і Агнешкі Плакун, дзе яны заставаліся да пачатку студзеня 1943 г. Але, калі чуткі пра тое, што яны хаваюць яўрэяў, дайшлі да акупантаў, уцекачы пераправіліся на новае месца. На гэты раз – у дом Ежы і Веранікі Кахановіч. Такім чынам, толькі дзякуючы дапамозе мясцовага насельніцтва яўрэйская сям'я засталася ў жывых².

У кантэксце дадзеных фактаў трэба звярнуць увагу на выратаванне малых дзяцей знаёмымі з ліку мясцовых жыхароў ці нават выпадковымі людзьмі. Хонэ Сасновік нарадзіўся ў гета в. Германавічы Шаркаўшчынскага раёна. Пасля ліквідацыі вязняў малога дзіця забрала да сябе беларуская дзяўчына М. Казачонак з суседняй вёскі Вялікае Сяло, якая служыла ў якасці прыслугі мясцоваму старасце Рамейку. Хлопчыку далі новае імя Янак і доўгі час перадавалі з рук у рукі па хатах. Яго хавалі сем'і Мікалаёнкаў, Крыўко, Нема³.

Многія з тых людзей, хто аказваў дапамогу яўрэйскаму насельніцтву, самі былі асуджаны на смерць. У г. Браслаў вязні гета звярнуліся да мясцовага каталіцкага святара. Ён са спачуваннем адносіўся да яўрэяў і аказаў ім дапамогу, за што нямецка-фашысцкія акупанты яго расстралялі. Расстраляны нацыстамі былі таксама ксяндзы ў Паставах і Лынтупах [58].

Былі выпадкі, калі вязняў гета, у асноўным сваіх родзічаў, ратавалі мясцовыя жыхары нямецкага паходжання. У г. Орша у мясцовага немца Шварцкопфа жонка была яўрэйкай. У гета жанчыну не адправілі, але пры ліквідацыі яўрэйскага насельніцтва расстралялі і яе. Але былі і іншыя

¹ Корсак А. «Кто спасёт одну жизнь – спасёт целый мир» // Мишпоха. 2006. № 11. С. 75–78.

² Праведники народов Мира Беларуси / сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. – Минск: ОДО «Тон-пик», 2004. С. 14.

³ Смилевичкий Л.Л. Катастрофа евреев в Беларуси, 1941–1944 гг. С. 74.

выпадкі дапамогі вязням гэта. Так, у г. Глыбокае адбылася зусім незвычайная гісторыя. Нямецкі салдат Шульц закахаўся ў дзяўчыну Гіту яўрэйскай нацыянальнасці. Дзякуючы яе намаганням Шульц выратаваў ад смерці некалькі вязняў гэта – настаўніка Фішэра, Пупко, Кашэра і многіх іншых. На жаль, даведаўшыся пра гэта, немцы ў адсутнасць салдата расстралялі Гіту¹.

Але ў сваёй большасці забойствы яўрэйскага насельніцтва адбываліся амаль без праблем і без істотнага супраціўлення з якога-небудзь боку. Беларусы і палякі не здолелі па тых ці іншых прычынах бараніць ахвяр, а многія з іх і не жадалі. Акупанты ва ўсіх рэгіёнах Беларусі маглі разлічваць на антысемітызм.

На думку нямецкага даследчыка Б. К'яры, які сваё меркаванне падмацоўвае матэрыяламі з нямецкіх архіваў, ва ўсходніх рэгіёнах беларускай тэрыторыі нашмат лягчэй было заахвоціць насельніцтва да выяўлення савецкіх функцыянераў, чым да дзеянняў, накіраваных супраць асоб яўрэйскай нацыянальнасці. Аднак на захадзе – і гэта асабліва датычыць польскага насельніцтва – яны былі «задаволены» падтрымкай антыяўрэйскіх мераў². Менавіта акцыі некантралюемага змагання за матэрыяльныя каштоўнасці, якія належалі вязням гэта, разбуралі сацыяльную структуру населеных пунктаў.

Выратаванне яўрэяў ад нацыстаў і аказанне ім дапамогі з боку мясцовага насельніцтва застаецца важнай старонкай у гісторыі Другой сусветнай вайны. Людзі, якія, рызыкуючы сваім жыццём і родных, ратавалі ад пагібелі яўрэяў, атрымалі званне «Праведніка народаў свету». Дадзенае званне прысвойвае Ізраільскі мемарыяльны музей памяці ахвяр і герояў Катастрофы еўрапейскага яўрэйства «Яд Вашэ». Пошукавыя работы праводзяцца ў розных дзяржавах свету, улічваецца кожны выпадак, кожны відавочца. Усе намаганні скіраваны на тое, каб знайсці і аддзячыць тым, хто, не шкадуючы свайго жыцця, не думаючы пра матэрыяльную выгоду, ратаваў сваіх суседзяў ці проста незнаёмых ім людзей. У свеце на сённяшні дзень вядомы імёны больш 20 тыс. такіх людзей. У тым ліку больш 500 – у Беларусі. На момант 1 студзеня 2004 г. на тэрыторыі Віцебскай вобласці выяўлена каля 105 праведнікаў. У 2004 г. выйшла ў свет кніга «Праведнікі народаў міра Беларусі». Гэта першае падобнае выданне, дзе прыведзены спіс праведнікаў і выратаваных імі людзей, месца падзей³.

Такім чынам, гэтыя і многія іншыя факты пераканаўча абвяргаюць міф аб пакорнасці яўрэйскага насельніцтва падчас ажыццяўлення палітыкі нацыстаў па «канчатковаму вырашэнню яўрэйскага пытання». Яўрэйскае насельніцтва, якое складалася ў сваёй большасці з жанчын, дзяцей і старых, аб'ектыўна не магло аказаць арганізаванага ўзброенага супраціўлення нямецка-фашысцкім захопнікам. Усё ж акты індывідуальнай барацьбы былі даволі шматлікімі, хаця і з'яўляліся разрозненымі і малаэфектыўнымі. Але, практычна, паўсюдна хаця б адзін чалавек падчас масавых расстрэлаў змог пазбегнуць смерці.

Важным фактарам яўрэйскага негвалтоўнага супраціўлення былі ўзаемадапамога і салідарнасць. Яны праяўляліся ў вырашэнні бытавых пытанняў, ад якіх нярэдка залежалі здароўе і жыццё іншых вязняў, – дапамога харчаваннем, вопраткай, лекамі, грашовымі сродкамі. Зразумела,

¹ Шульман А. Родная земля // Мишпоха. 1999. № 5. С. 84–87.

² К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944) / пер. з нем. А. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. Мінск, 2005. С. 283.

³ Праведники народов Мира Беларуси / сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. Минск: ОДО «Тонпик», 2004. 164 с.

што для кожнай сям’і такая дапамога азначала змяншэнне асабістых шанцаў на выратаванне. Не заўсёды нават блізкія родзічы гатовы былі гэта зрабіць. Аднак вельмі часта ў гэта знаходзіліся людзі, якія дзяліліся апошнім. Тым не менш многія акты індывідуальнага супраціўлення былі імпульсіўнымі, удзельнікі якіх рашаліся на гэта ў апошні момант.

Хибиев С. К.

Формы антифашистских выступлений в гетто Беларуси

Когда создавались гетто, у многих его узников тлелась надежда на то, что учрежденное немцами самоуправление в сочетании с лояльным поведением еврейского населения и усердной работой как-то обеспечат выживание. Но первые облавы, ночные и дневные погромы и массовая резня рассеяли эти иллюзии. Обреченные гитлеровцами на полное истребление, они прибегали к самым различным формам сопротивления.

Их можно разделить на две большие группы: пассивные и активные формы сопротивления. К пассивным относятся: участие в саботаже на предприятиях, которые обслуживали немецкую армию; порча станков, оборудования и сырья; отказ в выполнении директив, приказов, решений оккупационных органов; ремонт и изготовление оружия и взрывных устройств, сбор медикаментов и одежды для партизан, информирование их о составе и дислокации германских подразделений и др.¹ Так, например, в Минском гетто Хася Пруслина возглавляла группу по связи с «русским районом» города, Лев Кулик – группу медиков гетто, Иосиф Миндель, Эмма Родова и Давид Герциг возглавляли группы по организации мастерских в гетто, по сбору одежды и медикаментов, по связи с партизанами². Игнорировались немецкие приказы. Так, за хранение оружия были расстреляны 140 жильцов дома № 48 по Обувной улице, но это не испугало остальных узников. Никто не выполнил приказ о сдаче оружия, хотя оно каждый день поступало в гетто и переправлялось в партизанские отряды.

Одной из самых действенных форм пассивного сопротивления были побеги узников гетто. Бегство и создание собственных партизанских групп и отрядов началось еще осенью 1941 г. На пути в партизанские отряды необходимо было преодолеть многие трудности, о существовании которых евреи часто не подозревали. Даже выйдя тайно за пределы гетто, узники продолжали находиться в опасности. Нацисты не без основания рассчитывали на то, что им некуда будет направиться. Специфическая внешность и речь многих евреев, отсутствие документов, незнание сельской местности – выдавало беглецов. Местное население, запуганное нацистами, далеко не всегда готово было дать им даже временный приют. Не были единичными случаи, когда некоторые евреи, уцелев во время акции, выбирались ночью из братской могилы и опять приходили в гетто, понимая всю абсурдность такого шага. Наиболее успешными были организованные побеги, связанные с прибытием проводника от партизан. Однако и это не было гарантией того, что все закончится благополучно. Часть партизан и их руководителей были настроены антисемитски, отказывались принимать евреев или выражали к ним недоверие.

К активным, т. е. вооруженным, формам сопротивления относятся прежде всего восстания. В Минском гетто как таковых восстаний не было, но зато они активно проводились в других гетто Беларуси: в Несвиже 22 июля 1942

¹ Праведники народов мира: живые свидетельства. Минск, 2009. С. 26–27.

² *Иоффе Э.* Белорусские евреи: трагедия и героизм. С. 160.

г., Клецке 21 июля 1942 г., Копыле в июле 1942 г., Мире 9 августа 1942 г., м. Лахва 3 сентября 1942 г.¹

В октябре 1941 г. гитлеровцы расстреляли 3 тыс. из 4500 евреев Несвижа. Остальные попали в гетто, но они отказались сидеть сложа руки и вскоре здесь возникла подпольная организация Сопротивления, главой которой стал Шолом Холявский. В гетто начали запасаться «оружием»: инженеры-химики изготавливали серную кислоту, подпольщики добывали бензин для поджога домов, вооружались ножами, штыками и палками с торчащими гвоздями. Работники склада оружия при гитлеровской комендатуре похитили и принесли в гетто гранаты, патроны, несколько пистолетов и даже разобранный на части ручной пулемет. 17 июля 1942 г. стало известно, что в соседнем местечке Городее (14 км от Несвижа) каратели ликвидировали гетто. Понимая, что ждет в ближайшем будущем евреев Несвижа, Холявский призвал организовать самооборону. Было собрано все возможное оружие и сооружено несколько бункеров. Утром 22 июля полиция блокировала территорию гетто, и немецкий карательный отряд приступил к прочесыванию. В этот момент произошло нечто необыкновенное: открыт пулеметный огонь, но на этот раз стреляют не немцы, а узники. Эсесовцы были шокированы, но ненадолго. Завязалась ожесточенная борьба, хоть у восставших было мало оружия, они действовали с отчаянной смелостью. В результате 25 узников бежали из гетто. Не всем удалось добраться до леса, но две группы смогли скрыться от погони. Одна из них во главе с Холявским достигла Копыльского леса, где создала еврейский партизанский отряд. Другая, возглавляемая Мошей Дамесек, присоединилась к местным партизанам в Налибокской пуще².

Одновременно с восстанием в Несвижском гетто началось восстание в лагере смерти в Клецке. Было подготовлено немного оружия: пулемет, 10 гранат, 2 винтовки и 8 пистолетов. В 4 часа утра 21 июля 1942 г. белорусские полицейские окружили гетто. Евреи сразу же подожгли гетто со всех сторон. В окне большой синагоги напротив входа в гетто они стреляли из пулемета. Несколько узников стреляло из пистолета, другие бросали гранаты. У кого не было оружия, те бросали камни и атаковали врага лопатами и топорами. Началось вооруженное сопротивление. Вскоре стало ясно, что план уничтожения евреев возле ям, заранее приготовленных в лесу, провалился. Немцы и полицаи открыли огонь из всех видов оружия по узникам гетто. Пали сотни стариков, женщин и детей. Несмотря на множество жертв, узники старались разорвать колючую проволоку и убежать. Из-за ветра загорелись постройки за пределами гетто, и убийцы были вынуждены немного отступить. Десяткам узников удалось вырваться из пылающего гетто.

В ходе восстания в гетто Мира сбежало в лес к партизанам 60 вооруженных и 150 безоружных узников, возглавляемых Освальдом Руфайзенем³. Самым крупным восстанием в гетто на территории Беларуси было Белостокское восстание, которое длилось более шести недель.

В тяжелых условиях гетто возникало антифашистское движение. Одними из первых себя проявили подпольщики Минского гетто. Организация подполья в условиях гетто являлась трудной задачей: в концентрационном лагере было много провокаторов, ограниченная свобода передвижения, постоянные облавы и погромы. Но, несмотря на все сложности, с момента создания гетто на его территории все-таки начало действовать подполье. Первая сходка коммунистов произошла в августе 1941 г. На совещании был создан

¹ Там же. С. 170

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 172.

организационный центр, в который вошли Григорий (Гирш) Смоляр, Натан Вайнгауз и Яков Киркешто. После гибели Я. Киркешто в состав руководящей тройки был включен Михаил Гебелев, а после гибели Н. Вайнгауза вместо него в состав оргцентра вошел Матвей Пруслин. В начале мая 1942 г. на одной из конспиративных квартир на улице Торговой состоялось совещание подпольщиков города, на котором были оформлены четыре подпольных райкома партии: Ворошиловский, Сталинский, Октябрьский и Железнодорожный¹.

Находились, к сожалению, узники гетто, которые за продукты, обещания легкой работы и сохранения жизни становились тайными агентами СД и гестапо. Поэтому участники антифашистского подполья в гетто должны были проявлять бдительность по отношению к агентуре врага и различного рода доносчикам.

Узники гетто в Минске, несмотря на жестокий террор, постоянную слежку, развитую систему доноительства, продолжали бороться. Активную работу в подполье вели Надя Шуссер, Роза Липская, Лена Майзельс, Нина Лис, Эмма Родова, Майер Фельдман и др.² С борцами сопротивления в гетто поддерживал связь секретарь первого подпольного состава Минского городского комитета партии Исай Казинец. Надя Шуссер уже в сентябре 1941 г. организовала в гетто подпольную группу из 20 человек. В декабре 1941 г. создала еще одну группу из 15 человек для диверсионной работы на заводе «Большевик». Подпольщики доставали для партизан не только теплые вещи, продукты и соль, медикаменты, типографский шрифт, но и отбирали кандидатов для переброски в лес. Шуссер поддерживала связь с Михаилом Гебелевым и Гиршем Смоляром. Покинув гетто в июне 1943 г., Нина прибыла в отряд № 106 Шолома Зорина, где возглавила первичную партийную организацию³.

Роза Липская находилась в гетто до лета 1943 г. и содержала конспиративные квартиры для руководителей подполья, через врачей больницы гетто доставала медикаменты. Дело в том, что врачам из гетто разрешалось закупать медицинские средства и лекарства в аптеках «русских» районов Минска. Искусственно завышая потребности в медицинских препаратах, подпольщики часть запасов направляли в лес. Ее группа оставалась одной из последних в гетто. Узников еще насчитывалось от 10 тыс. до 15 тыс. человек, все чувствовали, что дело близилось к окончательной акции и необходимо было спасать людей. На квартире Фитерсона устроили «малину» (тайное убежище), где собирали оружие. Члены группы Розы – Циля Ботвинник, Катя Цирлина и другие ходили на работу в мастерскую по сбору оружия, которая была устроена немцами в бывшем гараже СНК БССР. Изготовив ведра с двойным дном, женщины прятали в них затворы и магазинные коробки к винтовкам. Отдельные детали выносили на себе, прятали в резиновых сапогах, в белье, под грудь. Иногда меняли тактику – прятали ношу в мешках со щепками. Накануне ухода группа Липской имела 12 готовых винтовок, 8 наганов, 55 затворов, магазинные коробки и др. Оказавшись в лесу, Розу зачислили в отряд № 106, дислоцированный в Ивенецком районе Барановичской области. До июля 1944 г. Роза отвечала в отряде за сапожную мастерскую, которая обеспечивала обувь партизан своего и окрестных отрядов – пригодилась довоенная специальность⁴.

1 Там же. С. 159.

2 Смилловицкий Л.Л. Минское гетто: из истории сопротивления // Минское подполье. БелНИИ-ДАД. Минск, 1995. С. 213–214.

3 Там же.

4 Там же.

Из всего вышеперечисленного можно понять, что узники, находясь в гетто, не хотели чувствовать себя обреченными и оказывали сопротивление нацистам на том уровне, который был им доступен. Они не были участниками «громких» диверсий с десятками и сотнями жертв среди оккупантов. Их вклад в общую победу складывался, казалось бы, из мелочей. Однако за каждую такую «мелочь» они заплатили бы жизнью, как те их товарищи, которые были выслежены полицией, попали в засаду при выходе из гетто, пойманы с поличным на явочных квартирах, погибли в облавах и во время массовых акций. Все, о ком шла речь, не были функционерами, оставленными по заданию партийных комитетов для создания групп сопротивления, проведения саботажа и диверсий. Их никто к этому не обязывал, они не проходили курс обучения в специальных школах и искусству подполья учились на собственных ошибках. Их не страховали товарищи во время смелых вылазок, не ждали награды за успешно выполненное задание. Большинство из них действовало, не надеясь уцелеть в этой неравной борьбе.

Винница Г.Р.

Юденраты на оккупированных землях восточных областей Белоруссии в 1941–1943 гг.: сотрудничество с подпольными организациями и партизанским движением

Одним из первых мероприятий, повсеместно проводившихся оккупационными властями на территории Восточной Белоруссии, стала организация еврейских советов или юденратов. Назывались они в русском варианте по-разному. В Бобруйске – еврейская община, в Сенно – кагал, в Лепеле, Минске, Могилеве и Орше – еврейские комитеты, в Лядах Дубровенского района – еврейский магистрат, в Мозыре – еврейский совет, однако нацисты, как правило, применяли аналог приведенному последним термину – юденрат (Judenrat)¹. Он же чаще других употребляется и в современной историографии.

Исследователи проблематики не пришли к единому мнению относительно роли еврейских советов. Существуют два основных подхода: огульно негативная оценка их роли и дифференцированный подход. Наиболее ярким представителем первого из приведенных является американский ученый Рауль Хильберг (Raul Hilberg), определяющий юденраты, как орудие в руках нацистов. Он обвиняет еврейские советы в сотрудничестве с гитлеровцами, называя членов юденратов коллаборационистами. Хильберг утверждает, что «во всей Европе изменники открыто солидаризировались с немцами», хотя «в еврейской общине члены юденратов считались принадлежавшими к еврейскому народу, даже при исполнении смертоносных приказов немцев»².

¹ Свидетельство М.Я. Минц // Личный архив автора; Винница Г. Лепель // Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И. А. Альтман. М., 2009. С. 521; Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). – Минск: Госполитиздат БССР, 1947. С. 58; Винница Геннадий. Холокост в Могилевском районе // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма у Беларусі: матэрыялы міжнар. навук. практ. канф., Мінск, 10 лістап. 2004 г. / Гіст. майстэр. ў Мінску; рэдкал.: В.Ф. Балакіраў [і інш.]. Мінск, 2005. С. 165; Винница Г. Мозырь // Холокост на территории СССР: энциклопедия. С. 611; Допрос Шапиро Я.Г. 11 марта 1947 года // Центральный архив КГБ Республики Беларусь. Д. 2823. Т. 22. Л. 82.

² Hilberg Raul. The Judenrat . Conscious or Unconscious Tool / Raul Hilberg. // Patterns of Jewish Leadership in Nazi Europe, 1933–1945: Proceedings of the Third Yad Vashem International Historical Conference, Jerusalem, April 4–7, 1977. Jerusalem: Yad Vashem, 1979. P. 42–44.

Такой же примерно точки зрения придерживается и известный английский исследователь Джеральд Райтлингер¹.

В противовес Хильбергу и его сторонникам американский исследователь Исаяя Трунк (Isaiah Trunk) отказался от обобщений и в своей концепции применяет термин «кооперирование», квалифицируя его как вынужденное сотрудничество². Согласно его точке зрения юденраты нередко действовали во благо евреев. Этой же позиции придерживается и группа израильских ученых, наиболее известным из которых является Аарон Вайс (Aharon Weiss). По его мнению, оккупационные власти считали юденраты инструментом проведения своей собственной политики, однако евреи, противодействуя гитлеровцам, «стремились воспользоваться этими внедренными структурами и применять их для расширения своих возможностей выжить»³.

Джекоб Робинсон (США) представитель этого же лагеря, указывает на то, что юденраты не влияли на количество потерь еврейского населения, возлагая, вполне обоснованно, вину на нацистов⁴.

Интересна, в этой связи точка зрения израильского историка Дана Михмана, отмечающего, что оба лагеря «согласны между собой по основным пунктам: (а) еврейские советы были созданы немцами и выполняли их приказы и (б) советы также выполняли социальные функции, продиктованные не немецкими приказами, а естественными нуждами еврейской общины»⁵.

Цели создания юденратов определялись потребностями нацистской политики геноцида. Названные структуры рассматривались как некая часть немецкой администрации, призванная оперативно управлять еврейским населением и беспрекословно исполнять любые приказания гитлеровцев.

Период формирования юденрата начинался сразу же после оккупации населенного пункта и заканчивался через несколько дней или недель. Представители еврейской общины приступали к созданию юденратов, как правило, на основании устного распоряжения оккупационных властей. В ряде случаев поводом для создания еврейского совета служило письмо, переданное непосредственно его предполагаемому председателю. В населенных пунктах, где организовывались два гетто, функционировало столько же еврейских советов. Руководитель одного из них получал властные полномочия представлять перед оккупационными властями интересы узников обоих гетто и ему соответственно подчинялся второй председатель юденрата.

Юденраты несли полную ответственность за выполнение любого из приказов оккупационных властей, а в случае неисполнения распоряжения нацистов его членам грозил расстрел. Они обязывались заниматься регистрацией еврейского населения, конфискацией у него имущества, перемещением в гетто, привлечением к тяжелому физическому труду. Гитлеровцы, таким образом, обогащались и проводили подготовку к уничтожению усилиями самих же евреев. Если юденраты в ряде случаев и располагали какими-либо

¹ *Reitling, Gerald*. The Final Solution: The Attempt to Exterminate the Jews of Europe, 1939–1945. – London: Beechhurst Press, 1953. – 630 p.

² *Trunk, Isaiah*. Judenrat. The Jewish Councils in Eastern Europe under Nazi Occupation. New York: The Macmillan Company, 1972. – 752 p.

³ *Weiss Aharon*. Jewish Leadership in Occupied Poland – Postures and Attitudes // Patterns of Jewish Leadership in Nazi Europe, 1933–1945: proceedings of the Yad Vashem International Historical Conference, Jerusalem, April 4–7, 1977. Jerusalem: Yad Vashem, 1979. P. 201–218.

⁴ *Jacob Robinson*. And the Crooked Shall Be Made Straight. New York: Macmillan Company, 1965. – 426 p.

⁵ *Михман Дан*. Историография Катастрофы. Еврейский взгляд: концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы. Пер. с англ / Дан Михман. Днепропетровск: Центральный Украинский Фонд истории Холокоста «Ткума». ООО Независимая издательская организация «Дива», 2005. С. 182.

собственными организационными и материальными ресурсами, то их было явно недостаточно для противодействия нацистской политике.

Нередко председатели еврейских советов предпринимали попытки облегчить горькую долю собратьев, привнося в их жизнь, пусть и на короткий срок, элементы стабильности и порядка. В случаях, когда еврейские советы беспрекословно выполняли приказы оккупантов, они служили только орудием программы уничтожения.

Первые приказы о создании юденратов и положения, определяющие их статус, появились сразу после захвата Германией Польши. Они сформулированы в двух документах: «Срочной депеше» начальника полиции безопасности и СД (Sicherheitsdienst) обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха, адресованной командиру айнзатцгрупп 21 сентября 1939 года и директиве генерал-губернатора оккупированных польских территорий Ганса Франка от 28 ноября 1939 года¹.

В документе, подписанном Рейнхардом Гейдрихом, говорится о создании в каждой еврейской общине совета старейшин, исходя из возможности привлечения в указанный орган «самоуправления» «уважаемых и влиятельных лиц и оставшихся раввинов»². Нацистский лидер ставил перед будущими структурами следующие задачи: перепись евреев и содействие в концентрации людей или геттоизации. Отметим, что широко применяемый термин «юденрат» появился именно в «Срочной депеше» Гейдриха.

Директива Ганса Франка определяла количество членов юденрата, обязывала избрать председателя и его заместителя, классифицировала суть еврейского совета как органа, получавшего «указания германских властей» и несшего полную ответственность «за их полное и точное выполнение». В свою очередь еврейскому населению предписывалось «подчиняться юденрату»³.

Образу еврейские советы в Восточной Белоруссии, как, впрочем, и на всей оккупированной территории СССР, нацисты базировались на общих инструкциях и приказах об организации гражданских структур на оккупированной территории СССР, издававшихся со второй половины 1941 года, ставших продолжением и развитием предыдущих нацистских документов.

Рассматривая деятельность юденратов на оккупированной территории Восточной Белоруссии, следует выделить три фактора: во-первых, отсутствие там к началу оккупации еврейских общинных структур, во-вторых, почти повсеместный немедленный переход оккупантов к тотальному уничтожению евреев, в-третьих, отсутствие каких-либо шансов к спасению у подавляющего большинства евреев. Подобные факторы не могли не оказать влияния на характер действий еврейских советов.

Поскольку на территории Восточной Белоруссии каждый юденрат управлял населением только одного населенного пункта, их можно называть «местной» административной структурой.

Этим родом деятельности занималась малая часть еврейских советов. Тем не менее, только партизаны были той реальной силой, которая могла спасти значительное количество людей. Однако в первые месяцы оккупации, когда большинство евреев Восточной Белоруссии были истреблены, партизанское движение еще не оформилось. А к тому времени, как 30 мая 1942 года был

1 Михман Д. Еврейское руководство // Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 1995. Ч. 4. С. 246–248.

2 Documents on the Holocaust, Selected Sources on the Destruction of the Jews of Germany and Austria, Poland and the Soviet Union / source: Yitzhak Arad, Yisrael Gutman, Abraham Margalio (Eds.). Jerusalem: Yad Vashem, 1981. P. 139.

3 Нюрнбергский процесс: в 2 т. / редкол.: Руденко Р.А. [и др.]. 2-изд. М.: Гос. изд. юридической литературы, 1954. Т. 2. С. 409.

создан Центральный штаб партизанского движения, живых евреев на оккупированных территориях осталось очень мало.

Активно сотрудничал с подпольными организациями гетто председатель юденрата в Минске И. Мушкин. Сменивший его на этом посту М. Иоффе также контактировал с подпольем. Подпольщики гетто назначили Хасю Биндлер специальным связным с председателем юденрата. И. Мушкин неоднократно встречался с одним из руководителей подполья Г. Смоляром. Кроме того, Мушкин и сам возглавлял подпольную группу из членов юденрата. Юденрат в бытность И. Мушкина поддерживал связи с нелегальным Минским горкомом партии, а тот – с партизанами.

Взаимодействие связанного с партизанами подполья гетто и еврейского совета позволило спасти немало узников. И. Мушкин был расстрелян, когда нацисты узнали, что в мастерских мастерски гетто изготавливают теплые вещи, перчатки и бурки для партизан¹.

За связь с партизанами был повешен староста Слуцкого гетто А. Бурский. Причиной казни, как удалось установить, стало то, что он переправлял к партизанам узников гетто².

Контактировал с подпольем, а через него, с партизанами и юденрат Бобруйского гетто. Накануне акции 6–8 ноября 1941 года подпольщики, по утверждению командира Бобруйской партизанской бригады В.И. Ливенцева, предупредили еврейское население о предстоящем массовом расстреле. Часть бобруйских евреев покинула город ушла в лес к партизанам³.

Председатель юденрата Копыля Коган помог установить контакты молодежи (возможно подпольной организации) гетто с евреем-партизаном Л. Гильчиком, выполнявшим поручение командира партизанской бригады Ф.Ф. Капусты⁴.

Однако, даже связанные с подпольщиками еврейские советы не всегда проявляли волю к решительным действиям. В Ушачах подпольщики решили предупредить евреев о готовящейся акции уничтожения. В квартире у коммуниста М.Ф. Мощева староста гетто И.К. Пейсахов встретился с С.Я. Бородавкиным, который сообщил ему о готовящейся акции и предложил во время продвижения колонны к месту казни напасть на охрану, захватить оружие и бежать к партизанам. Однако Пейсахов не поверил ему и, посоветовавшись с членами юденрата, отправился к коменданту выяснять намерения немцев. У коменданта его подвергли пыткам и вывели о предложении Бородавкина. Вслед за этим был поднят по тревоге немецкий гарнизон⁵. В данном случае на несвоевременное решение еврейского совета и его желание точно установить намерения нацистов, оказала влияние ответственность за судьбы обитателей гетто. Однако время было упущено.

Служба порядка. Одной из важнейших структур юденратов являлась организованная по приказу властей служба порядка, или еврейская полиция, или милиция, как она называлась в Бобруйске⁶. На территории Восточной Белоруссии еврейская полиция в гетто чаще встречается на землях, административно относившихся к рейхскомиссариату «Остланд» (генеральный округ

¹ История Минского гетто // Черная книга / сост.: Гроссман Василий, Эренбург Илья. Иерусалим: Тарбут, 1980. С. 144.

² Свидетельство Яброва И.И. // Архив Национального института Яд Вашем. Ф. 03. Д. 6914. Л. 10.

³ Ливенцев В.И. Партизанский край. Минск: Беларусь, 1969. С. 34.

⁴ Капуста, Ф.Ф. В Белоруссии // Партизанская дружба. М.: Госиздательство «Дер Эмес», 1948. С. 92.

⁵ Памяць. Ушачкі раён / уклад: М.М. Кірніч; рэдкал.: Г.К. Кісялеў, Н.М. Дук [і інш.] Мінск: БЕЛТА, 2003. С. 152.

⁶ Свидетельство Каждана. И. // Архив Национального института Яд Вашем. Ф. 03. Д. 7428 Л. 9.

«Белоруссия»). В тылу группы армий «Центр» это было редким явлением. Еврейская полиция создавалась в гетто с числом узников более трех тысяч, таких как Бобруйское, Витебское и Могилевское. Вместе с тем известны случаи существования службы порядка и в относительно небольших гетто, как, например, в Любани. Нередко создание службы порядка и ее оплата возлагались на еврейские советы, как например в Могилеве¹.

Количество еврейских полицейских находилось в прямой зависимости от величины гетто. В самом большом гетто – в Минске – служба порядка в период создания насчитывала 50 человек. Еврейскому совету Могилева оккупационные власти позволили набрать в полицию не более пятнадцати человек². В Любани было десять еврейских полицейских³.

Полицейских вооружали палками (в Борисовском гетто) или резиновыми дубинками, которые пускались в ход по любому поводу. Основным отличием в одежде у полицейских от других узников была нарукавная повязка желтого цвета с надписью «Judenpolizei». Однако существовали и другие надписи. «Все принадлежащие еврейской службе порядка евреи должны носить нарукавник с надписью «Еврейская служба порядка гор. Могилева» и порядковый номер»⁴.

По степени влияния на жизнь обитателей гетто служба порядка занимала в структуре юденрата совершенно особое место. Она, по замыслу оккупационных властей, должна была заниматься так называемой «оперативной» работой и нести постовую службу. Первая функция являлось самой неблагоприятной. Полиция участвовала в облавах, проводившихся в гетто с целью отправки узников на принудительные работы. Она должна была обнаруживать тайные укрытия и доставлять попрятавшихся в них людей к месту сбора. После погромов полиция собирала тела убитых узников, снимала с них одежду⁵. На полицию возлагалось взимание с обитателей гетто контрибуций и штрафов⁶. Полицейские также патрулировали улицы, контролировали вход и выход из гетто, а также осуществляли охрану помещений юденратов. Значительную власть над узниками имел начальник службы порядка гетто. Ему позволялось наказывать провинившихся, штрафую их и лишая хлебного пайка. В Минске по подозрению в действиях против оккупантов еврейская полиция заключала людей в бункер, который служил камерой предварительного заключения.

Естественно, что узники гетто нередко негативно относились к полицейским, сотрудничавшим с нацистами и находившимся в привилегированном положении. В ряде случаев полицейские брали взятки и устраивали своих родственников на лучшую работу. Бывший узник Слуцкого гетто И.И. Ябров дурно отзывался о деятельности еврейской полиции в своих воспоминаниях. В качестве примера он приводит драку с полицейским Б. Штопером. Штопер обнаружил в карманах Яброва каменный уголь, который тот нес, чтобы отапливать свое жилище. Требование полицейского выбросить уголь переросло в драку, над которой потешалась внешняя охрана гетто.

¹ Приказ № 51 по гороскому управлению гор. Могилева. 23 сентября 1941 года // Государственный архив Могилевской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 71–72.

² Ereignismeldung UdSSR № 125 // Bundesarchiv Berlin. R 58/218. B. 293.

³ Каганович А. Любань // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 552.

⁴ Приказ № 51 по городскому управлению гор. Могилева. 23 сентября 1941 года // Государственный архив Могилевской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 71–72.

⁵ Допрос Шапиро Я.Г. 11 марта 1947 года // Центральный архив КГБ Республики Беларусь. Д. 2823. Т. 22. Л. 82.

⁶ Свидетельство Майзлес Е.П. 29.10.1942. д. Хворостьево // НАРБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 136. Л. 19.

Ябров указывает, что скудную еду, которую пытались пронести в гетто для своих семей рабочие, отбирали еврейские полицейские¹.

Мотивация людей, приходивших служить в еврейскую полицию, была различной. К первой и самой многочисленной категории относились те, кто просто хотел выжить и сохранить жизнь своей семье. Такие полицейские могли и посочувствовать и помочь обитателям гетто в тех случаях, когда это было возможно. В Минском гетто еврейские полицейские предупреждали всех, кого могли, о приближающемся погроме, а также оповещали о его завершении.

Даже в оперативном отделе службы порядка Минского гетто, куда нацисты отбирали наиболее преданных им людей, были полицейские помогавшие узникам². «Один из «оперативников» по фамилии Зингер, просил в беседе с одним из наших людей (подпольщиков Г.В.), дать ему возможность «искупить вину» и обещал, что будет делать все, что от него потребуется... Он передал нам сведения о евреях, арестованных Розенблатом (бывший варшавский вор, назначенный после казни З. Серебрянского начальником полиции Г.В.) и содержавшихся в бункере-тюрьме»³.

Вторую, меньшую группу составляли люди, специально записавшиеся в полицию ради того, чтобы вести подпольную борьбу. Безусловно, подпольщик в роли полицейского получал возможность свободно перемещаться по территории гетто и выходить за его пределы, для встреч с представителями городского подполья. Первый начальник полиции Минского гетто З. Серебрянский и начальник второго участка охраны порядка М. Тульский входили в подпольную группу работников юдерата.

К третьей категории полицейских относились те, кто был морально готов на любую подлость и преступление ради выживания. В качестве примера приведем деятельность полицейских оперативного отдела службы порядка в Минске Гинзбурга, Кагана, Маркман, Борковского, Сегаловича, доносивших обо всем, что могло заинтересовать нацистов. Все они заплатились жизнью за свои преступления в результате акций возмездия, проведенных подпольщиками совместно с партизанами. Стоит подчеркнуть, что, несмотря на то, что представители первой категории полицейских тоже хотели выжить, они не выслеживали и не выдавали нацистам евреев.

Отметим, что нацисты внимательно наблюдали за действиями еврейских полицейских и систематически производили чистки неугодных, пополняя ряды службы порядка коллаборационистами. Нередко в еврейскую полицию отбирались люди, имевшие уголовное прошлое. С целью сохранения полного контроля над происходящим в гетто, и дабы избежать сопротивления в любой форме, нацисты вербовали осведомителей из среды узников. Безусловно, первыми кандидатами на эту роль становились служащие еврейской полиции.

Напомним также, что в Минском гетто в той части, где находились иностранные евреи, действовала своя служба порядка.

Выводы. На территории Восточной Белоруссии юденраты, созданные по приказу оккупационных властей, являлись органами управления сконцентрированным в местах изоляции еврейским населением. Формально юденраты считались органами «самоуправления», а на деле, как правило,

¹ Свидетельство Яброва И.И. // Архив Национального института Яд Вашем. Ф. 03. Д. 6914. Л. 11.

² Оперативный отдел службы порядка Минского гетто занимался слежкой за узниками и выдачей, тех, кто нарушал установленный нацистами режим (в том числе и подпольщиков) оккупантам. Находился под контролем гестапо.

³ Смоляр Г. Ехудим советиим мэахорэй гдэрот хагето. Тель-Авив: Университат. Тель-Авив, 1984. А. 191.

создавались для исполнения нацистских приказов. Евреи обычно не хотели входить в состав юденратов.

Основными функциями юденратов являлись регистрация еврейского населения, конфискация у него имущества, перемещение в гетто, привлечение узников к тяжелому физическому труду. После создания гетто еврейские советы несли перед нацистами полную ответственность за все происходящее внутри него. В ряде случаев власть сосредоточивалась в руках председателя юденрата или «еврейского старосты». Состав юденратов периодически менялся. Членов юденратов ждала та же участь, что и основную массу еврейского населения. Нередко они становились первыми жертвами нацистов.

В некоторых гетто при юденратах, по приказу оккупантов действовала служба порядка – еврейская полиция, часть которой в стремлении выжить помогала нацистам в уничтожении евреев. Однако на территории Восточной Белоруссии подобных подразделений в структурах еврейских советов было немного, главным образом в крупных гетто.

Юденраты действовали долго (больше года) только в некоторых населенных пунктах: Копыле, Минске, Острошицком Городке Минского района и Слуцке¹. Остальные появлялись на короткий срок. Нацисты никогда не ставили в известность еврейскую администрацию о готовящихся массовых убийствах, предпочитая скрывать до последнего момента свои намерения и используя ее для сгона людей к месту казни.

В отличие от других стран Европы, где существовали еврейские общины, организации, политические партии и где известные еврейские лидеры возглавляли юденраты, в Восточной Белоруссии, как и повсюду в СССР, членами и председателями юденратов зачастую становились случайные люди, не только чуждые общинной жизни, но и не знакомые с руководящей работой вообще. В ряде случаев от умения юденратов наладить контакт с немецкой администрацией и обеспечить работой еврейское население зависела продолжительность функционирования гетто, хотя это в большей степени относится к территории, входившей в состав рейхскомиссариата «Остланд».

Выделим еще четыре особенности в деятельности юденратов Восточной Белоруссии по сравнению с аналогичными структурами западной части республики. Во-первых, число еврейских советов, существовавших более года в Западной Белоруссии было значительно большим. Во-вторых, юденраты в Западной Белоруссии по сравнению с аналогичными органами на востоке имели более разветвленную структуру. В-третьих, обеспечение продуктами питания входило в функции совсем небольшого числа еврейских советов на территории Восточной Беларуси, в то время как в Западной Белоруссии большинство юденратов занималось распределением продовольствия. Наконец, четвертая особенность заключается в том, что спектр функций, выполнявшихся юденратами по собственной инициативе в Западной Белоруссии, по сравнению с восточной частью республики, был значительно шире².

Двойственность положения юденратов Восточной Белоруссии заключалась в том, что, с одной стороны, они обычно сочувствовали евреям и пытались помочь им выжить. Однако, с другой стороны, этим органам управления приходилось

¹ Винница Г. Нацистская политика изоляции евреев и создание системы гетто на территории Восточной Белоруссии // Проблемы еврейской истории: материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года / Центр «Сэфер»; редкол.: Виктория Мочалова [и др.]. М., 2009. Ч. 2. С. 110–130.

² Розенблат Е. С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2000. Л.23, 60, 73, 77; Розенблат, Е. Юденраты в Беларуси: проблема еврейской коллаборации // Уроки Холокоста: история и современность: сб. науч. раб. / сост. и ред.: Я. Басин. Минск, 2009. № 1. С. 65–67.

демонстрировать оккупантам полезность своей деятельности и беспрекословно выполнять их приказы, направленные, в конечном счете, на полное уничтожение узников гетто. Тем не менее, деятельность еврейских советов мы определим, как «вынужденное сотрудничество». На действия юденратов Восточной Белоруссии оказало влияние отсутствие у них реальных возможностей к спасению значительного количества евреев.

Луцки Ю.И.

Методы невооруженного еврейского сопротивления как форма борьбы за выживание

Вторая мировая война оказала огромное влияние на судьбу всего человечества. В ней участвовало 62 государства, т.е. 80 % населения Земли. Военные действия велись на территории 40 государств. В вооруженные силы было мобилизовано 110 млн. человек. Общие людские потери достигли 55 млн. человек, из них убито на фронтах 27 млн. человек. Как на фронте, так и на оккупированных территориях люди сопротивлялись нацистским захватчикам. Формы и методы такого сопротивления были самыми разнообразными. Имеет смысл разделить их условно на две большие группы. Наиболее активная – вооруженная борьба включала боевые действия регулярных освободительных армий, а также общенациональные и местные восстания и диверсии. Широкое распространение получили такие формы невооруженного (или так называемого пассивного) сопротивления, как саботаж, забастовки, уклонение от обязательной трудовой повинности и различных работ для захватчиков, игнорирование распоряжений оккупационных властей и пропагандистских мероприятий, антифашистская пропаганда. Невооруженное индивидуальное и коллективное сопротивление приобрело огромное моральное значение. Оно имело место как среди гражданского населения на оккупированных территориях, так и среди принудительных рабочих, вывезенных для трудового использования на территорию рейха, а особенную роль формы невооруженного сопротивления сыграли в концлагерях и на территориях гетто. Там невооруженное сопротивление нацистам было широко распространено и являлось частью повседневной жизни. Чтобы выжить физически, узники боролись, как могли, с невыносимыми бытовыми условиями, добывая в гетто и лагерях еду, одежду и медикаменты. Кроме этого, в гетто не забывали о духовной стороне жизни – молились, несмотря на запреты, распространяли газеты, листовки.

Культурные и общественные аспекты жизни гетто и лагерей помогали евреям сохранять собственное достоинство, несмотря на постоянные попытки нацистов лишить их человеческого облика, что помогало им сохранять душевные силы перед лицом смерти и неуверенности в будущем. Это явление получило название «Кидуш ха-Хаим», что означает «освящение жизни»¹.

Иегуда Бауэр (Yehuda Bauer), израильский историк, использовал на иврите термин «Амида» для обозначения сопротивления евреев. Это понятие означает активную безоружную реакцию евреев на преследования, т.е. «культурные, образовательные, религиозные и политические мероприятия, которые служат для укрепления морального духа и мужества»².

¹ Encyclopedia of the Holocaust, In Association with Yad Vashem, The Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority, Dr. Robert Rozett and Dr. Shmuel Spector, Editors, Yad Vashem and Facts On File, Inc., Jerusalem Publishing House Ltd, 2000 // <http://www.yadvashem.org/yv/ru/holocaust/encyclopedia/49.asp>

² *Loewy H; Bodek A. Mit Radio und Tagebuch gegen die „Entmenschlichung“* // <http://www.arte.tv/de/suche/1458956.html>. P. 2.

Одной из наиболее распространенных форм невооруженного сопротивления было экономическое. Оно выражалось, прежде всего, в обменах с местным населением и в покупке у него продовольственных и иных товаров; в нелегальном производстве изделий для продажи; в индивидуальной и коллективной контрабанде. В нелегальных экономических взаимоотношениях с местным населением, а нередко – с полицейскими и немецкими военнослужащими участвовало подавляющее большинство семей узников гетто, ибо выжить без этого было практически невозможно. Женщины и дети нелегально проносили продовольствие в гетто. Все установленные факты такого рода строго наказывались оккупантами вплоть до смертной казни на месте. Отчеты айзатцгрупп так характеризуют основные формы индивидуально-невооруженного еврейского сопротивления, которые они называли «преступной» деятельностью: саботаж или отказ от работы; подстрекательство и распространение слухов; самовольный уход из гетто и выселение вселенных в их квартиры других местных жителей; отказ от ношения опознавательных знаков; оказание сопротивления и «участие в грабежах»¹. Такие действия жестоко наказывались, что не останавливало евреев уже на начальном этапе войны².

Многие понимали – выжить можно только за пределами гетто. Но в большинстве случаев побег был возможен только при поддержке местных жителей: требовались документы, доказывающие арийское происхождение, приличная, не привлекающая внимание одежда, работа на воле или иные источники денег и пропитания. Наконец, беглецу нужно было остаться неузнанным, и не только немцами, но, главное, местными жителями, многие из которых разбирались в ситуации куда лучше оккупантов или просто знали местных евреев в лицо. Шансов на помощь было немного, а риск велик: помимо бытового антисемитизма, корысти или страха – основных мотивов выдачи евреев, многие ловили затравленных людей по долгу службы. По немецким официальным данным, в рейхскомиссариате Остланд в октябре 1942 г. в полиции порядка служило 4428 немцев и 55 562 местных жителя. На Украине и юге России в ноябре 1942 г. служило 10 194 немца и 70 759 местных жителей. Безусловно, находились одиночки, выстраивавшие убежища, добывавшие еду для спрятанных ими евреев, отдававшие им с риском для жизни свои документы. Но так спаслись очень немногие³. Уже после войны местные жители, внесшие свой вклад в спасение евреев, получили звание «Праведники народов мира», на иврите «Хасидей уммот ха-‘олам». Первыми в Беларуси им были удостоены 3 ноября 1965 г. Андрей Николаев и его супруга Наталья Захаровна Станько. После присвоения звания Праведников в 1967 г. посетила Израиль Антонина Габис, где приглашенным вручали награды. Всего около 700 человек из Беларуси, проявив мужество и человеколюбие, признаны Праведниками, в том числе почти 100 человек при спасении минских евреев⁴.

¹ Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. С. 216–225.

² Предпродовольственная записка начальнику тюрьмы г. Борисова в связи с арестом Баси Тавкер // Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сб. материалов. Отв. ред. Р.А. Черноглазова. Минск: Я.Б. Дремач, 1995. С. 67.

³ Из истории сопротивления. Еврейское Сопротивление // ТумБалалайка № 14, январь–март 2000 // http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn14/n14_14p23.htm.

⁴ Козак К.И. Спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны // Праведники народов мира. Сб. статей и воспоминаний. Минск: И.П. Логвинов И.П., 2009. С. 48.

На территории Беларуси во взаимоотношениях нееврейского населения с оккупационными властями по вопросу изоляции и уничтожения еврейского населения прослеживается главная черта – сопротивление, чаще всего, естественно, пассивное. Оно на самом деле было и было самой массовой и достаточно эффективной формой антигитлеровского сопротивления. Можно выделить несколько его проявлений: сокрытие информации от оккупационных органов о фактах антигерманских настроений; отказ в помощи оккупационным властям в выявлении евреев, а также бывших активистов советской власти; оказание практической помощи узникам гетто: снабжение одеждой, продуктами питания; отсутствие в гражданской среде националистических проявлений, что в значительной степени снижало эффект антиеврейской, антирусской и антипольской пропаганды, проводимой немецкой пропагандой; выработка коллективного позитивного настроения с верой в освобождение от гитлеровской оккупации, предоставление временного убежища; временное или постоянное укрытие в собственных жилищах и сохранение жизнью отдельным евреям (чаще всего детям) и целым еврейским семьям; содействие в побегах из гетто¹. Массовые побеги происходили во время последних акций уничтожения остатков еврейского населения и нередко перерастали в восстание. Сигналами к побегу иногда служили поджог домов (например, в городах Тучин на Украине, Лахва в Беларуси) или выкрик: «Люди, спасайтесь!» Десятки тысяч евреев, в том числе женщин, стариков и детей, пытались найти спасение, скрываясь в лесах либо вне гетто в городах, местечках и селах.

Бегство не просто из гетто, а вообще с территории, находившейся под контролем нацистов, также было одной из форм сопротивления. Евреи бежали от нацистов в Швейцарию, неоккупированную зону Франции (до ноября 1942 г.), Швецию, Советский Союз и даже в так называемую Транснистрию – часть украинской территории, находившуюся под румынской оккупацией².

Конечно же, невооруженное сопротивление не было повсеместным явлением. Под невероятным давлением нацистов и их приспешников происходило немало случаев социальной дезинтеграции, насильственного коллаборационизма, предательства. Но такие явления были характерны для любой ситуации геноцида. Нужно быть очень осторожными и избегать провозглашения еврейских советов, установленных немцами, чтобы проводить свою политику по отношению к евреям, – коллаборационистскими. Некоторые из них действительно уступили немецкому давлению без какого-либо сопротивления: например, в Амстердаме, Салониках, возможно, в Лодзи. Однако в большинстве городов они пытались как можно эффективнее защищать свои общины, не вступая в открытую конфронтацию с превосходящим противником. При любых попытках сопротивления, а они происходили во многих местах, еврейские советы ликвидировались, а их участники в большинстве случаев уничтожались. В целом ряде городов тем не менее эти советы попытались сопротивляться и даже поднимать вооруженные восстания. Немцы также создали в гетто подразделения еврейской полиции, большинство этих полицейских выполняли требования нацистов, известен целый ряд случаев, когда они выдавали евреев в руки немцев. При этом

¹ Козак К.К. Германский оккупационный режим в Беларуси и еврейское население // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: Сб. науч. работ / сост. Басин Я.З. Минск: Ковчег, 2006. С. 50–51.

² Сопротивление антинацистское // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 8, кол. 431–448 // <http://www.eleven.co.il>. P. 1.

будет неверным делать обобщения. В большинстве городов как на востоке, так и на западе немцы не нуждались в содействии советов или полиции и сами жестоко и садистски расправлялись с евреями. Образ еврейской полиции, выдающей своих соплеменников, будет верным для Варшавы, но не для Каунаса и совершенно незнакомым для Бельгии или Голландии¹.

Но сопротивление существовало и в самой нацистской Германии (например, группа Г. Баума, совершившая ряд вооруженных диверсий в Берлине в 1942 г.). Различные несионистские и сионистские молодежные кружки проводили антинацистскую подпольную деятельность. Уникальным был кружок, возникший в феврале 1943 г. Большинство его участников было схвачено, но некоторые спаслись и после войны приехали в Эрец-Исраэль². Об организации еврейского сопротивления в Германии, его связи с советской разведкой подробно писал выдающийся советский разведчик, руководитель подпольной организации «Красная капелла» Леопольд Треппер³.

На территориях гетто медицинские службы прилагали отчаянные усилия к спасению узников от болезней и эпидемий в условиях почти полного отсутствия лекарств, больниц и изоляторов. Врачи были вынуждены прятать больных инфекционными заболеваниями, так как нацисты безжалостно убивали их. Несмотря на смертельную опасность, врачи и акушерки тайно принимали роды. Собирали медикаменты. Вот свидетельство Марии Безман, бывшей узницы Жмеринского гетто: «Будучи фармацевтом, моя мама готовила лекарства и через связных передавала их партизанам. Представляете, чем рисковала мама, что бы с нами стало, если бы ее поймали за этим занятием?!»⁴ Важным проявлением еврейского противостояния нацизму было духовное и культурное сопротивление. Несмотря на смертельную угрозу, организовывались подпольные школы с преподаванием на иврите и идиш, в том числе религиозные школы. Действовали профессиональные курсы. Жилые комнаты превращались в учебные классы. Лучшие специалисты в разных областях науки читали публичные лекции. Подпольные молодежные организации проводили учебу идеологически-политического характера. В гетто подпольно действовали практически все еврейские политические партии и движения, существовавшие до войны.

В больших гетто издавались газеты и брошюры. От руки переписывались и распространялись среди обитателей гетто целые книги. К примеру, в Минском гетто руководитель подполья, легендарный «Бесстрашный Герман», Михаил Гебелев, часто приносил из русского района газеты, листовки, сводки Совинформбюро. Они переписывались по много раз и распространялись среди населения. Гебелев и сам писал листовки и воззвания следующего характера: «Гетто означает смерть! Прорывайтесь сквозь ограждения гетто! Из гетто на волю! На вооруженную борьбу против убийц!»⁵

Многие деятели искусства – евреи переходили в своем творчестве от универсальной, общечеловеческой тематики к чисто еврейской. Яркий пример культурно-духовного сопротивления – создание И. Рингельблюмом подпольного исторического архива в Варшаве. Чудом сохранившиеся документы

¹ Yehuda Bauer for JDC Europe, Речь Иегуды Бауэра на конференции Holocaust Era Assets в Праге, 29 июня 2009 г. // <http://ru.madrichim.org/contents.aspx?id=2697>.

² Эттингер Я. Еврейское сопротивление в годы Холокоста // Международная еврейская газета. 2003. № 7 // http://www.historicus.ru/evreiskoe_soprotivlenie_v_godi_holokosta.

³ Леопольд Треппер. Большая игра (Leopold Trepper. Le Grand Jeu). М.: Издательство политической литературы, 1990.

⁴ Жертвы Холокоста рассказывают... / сост. А. Горбатюк Одесса: Optium, 2004. С. 28.

⁵ Гебелева С. Долгий путь к заветной улице. Минск: И.П. Логвинов, 2010. С. 24.

этого архива — важнейший источник сведений о жизни и борьбе евреев в период Катастрофы.

Евреи старались исполнять предписания религии: нелегально собирались миньяны, хотя нацисты запрещали собираться более чем троим людям, а тех, кто нарушал этот запрет, подвергали издевательствам и даже расстреливали. Некоторые раввины давали специальное разрешение, ввиду невозможности соблюдать правила кашрута, есть некашерную пищу, однако были ультра-ортодоксальные евреи, которые предпочитали голод нарушению пищевых запретов. Есть сведения, что находились узники, которые, несмотря на связанный с этим риск, решались протрубить в шофар в Освенциме, зажечь свечи в Берген-Бельзене и т. п.¹

Таким образом, становится очевидным, что невооруженное сопротивление было неотъемлемой частью борьбы против нацистского режима. Оно имело большое морально-политическое значение, укрепляло боевой дух людей, их веру в жизнь, а самое главное, давало шанс на спасение.

¹ Сопротивление антинацистское // Электронная еврейская энциклопедия. Том 8, кол. 431–448 // <http://www.eleven.co.il>. P.1.

Раздел 2. Места памяти борьбы и Холокоста

Іван Сацукевіч

Тапаніміка і тапаграфія мясцін Мінска: барацьба і памяць

Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны прайшло ўжо 65 год, але многія яе мінскія старонкі дагэтуль для нас малавядомыя. Хоць за апошнія 15–20 год мы даведаліся шмат праўды пра мінскае антыфашысцкае падполле і трагедыю яўрэйскага гета, гераізм і штодзённае выжыванне простых мінчан. Галоўная ўвага пры гістарычных даследаваннях Вялікай Айчыннай вайны надаецца ў першую чаргу важнейшым праблемам, пры гэтым другарадныя застаюцца па-за межамі даследавання. А менавіта другарадныя факты часта з'яўляюцца вырашальнымі пры вывучэнні глабальных, значных пытанняў. Менавіта такой, другараднай доўгі час лічылася праблема тапанімікі і тапаграфіі – лакалізацыя падзей Вялікай Айчыннай вайны на карце Мінска з улікам як тагачасных, так і сучасных арыенціраў.

Вядома, што 30 чэрвеня 1941 г., на трэці дзень акупацыі, нацысты прызначылі збор мужчынскага насельніцтва Мінска (18–45 год) на плошчы Парыжскай камуны каля Тэатра оперы і балета¹. Пасля гэтага больш ста тысяч чалавек былі пераведзены на Старажоўскія могілкі, дзе быў падрыхтаваны часовы фільтрацыйны лагер з калючым дротам і ўзброенай аховай па перыметру. Вязняў пратрымалі там 4 дні, пасля чаго адпусцілі цывільных, а ваеннапалонных перавялі ў новы канцлагер у Драздах. Дзе знаходзіліся тыя Старажоўскія могілкі? Многія лічаць, што гэта тыя самыя могілкі, што былі знесены ў 1970-х гадах ля царквы Марыі Магдаліны. Але гэта не так. У Мінску былі яшчэ адны Старажоўскія могілкі, заснаваныя ў 1914 годзе для памерлых ад ран у мінскіх шпіталях салдат расійскай арміі. Тыя могілкі знаходзіліся паміж Старавіленскім трактам і вуліцай Чарвякова. На могілках была пабудавана невялікая драўляная капліца, разбураная ў 1920-я гады. Драўляныя крыжы праз 10–15 год паваліліся, і нацысты, выпадкова ці не, вырашылі менавіта на тэрыторыі могілак рускіх салдат Першай сусветнай вайны стварыць першы канцлагер у акупаваным Мінску². Пасля вайны гарадскія ўлады стварылі на гэтым месцы Старажоўскі базар, закрыты толькі ў 1995 г. І толькі ў 2010 г. на гэтым месцы, якое атрымала афіцыйную назву «Мінскія брацкія ваенныя могілкі 1914–15 гг.», быў створаны мемарыял у памяць пра салдат, пахаваных тут. На жаль, пра трагічную старонку могілак, якая была напісана ў 1941 г., нішто не нагадвае. Больш таго, на месцы пахавання некалькіх соцень ахвяр у 1960-х гадах быў пабудаваны жылы дом па вуліцы Чарвякова, 14.

Пакуль мужчынскае насельніцтва Мінска было надзейна ізалявана ў Старажоўскім лагера, немцы падрыхтавалі загорадам у Драздах, на тэрыторыі дач СНК БССР «класічны» канцлагер з назіральнымі вышкамі для аховы. 4 ліпеня 1941 г. вязняў Старажоўскага лагера перавялі ў лагер ва ўрочышча Дразды. Тут праводзілася «фільтрацыя» вязняў, якія былі падзелены на ваеннапалонных салдат, афіцэраў, вышэйшых афіцэраў, яўрэй-рабочых, яўрэй-інтэлігенцыю і цывільнае насельніцтва. Знішчэнню падлягалі ў першую чаргу вышэйшы камандны склад і яўрэйская інтэлігенцыя. Расстрэлы праводзіліся за 600–700 метраў на паўночны ўсход ад лагера. Мясцовае неяўрэйскае цывільнае насельніцтва пасля праверкі дакументаў было

¹ Тенацуд у другой сусветнай вайне. Мінск, 2003. С. 87.

² Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі (БДАНТД). Ф. 6, воп. 2, стр. 31, арк.1.

адпушчана ў асноўным да 13 ліпеня. Да 20 ліпеня 1941 г. усе вязні былі размеркаваныя па іншых лагерах, хоць яшчэ некаторы час канцлагер «Дразды» выкарыстоўвалі для фільтрацыі новых партый ваеннапалонных. Лагер знаходзіўся на левым беразе Свіслачы дакладна насупраць Футбольнага манежа, як раз там, дзе рака «рашуча» паварачвае направа¹. Памятнага знаку на месцы другога мінскага лагера няма, толькі ў мінулым годзе былі праведзены раскопкі на месцы пахаванняў вязняў канцлагера і ўсталяваны невялікі памятны знак.

Ваеннапалонных з лагера ў Драздах перавялі ў «Лясны лагер», ці шталаг № 352 у Масюкоўшчыне. Буйны стацыянарны лагер для ваеннапалонных быў створаны ў ліпені – жніўні 1941 г. за 5 кіламетраў на паўночны захад ад Мінска каля вёскі Масюкоўшчына на месцы ваеннага гарадка Чырвонай Арміі. Цікава, што і пасля вайны там размяшчаўся ваенны гарадок. Сёння былы гарадок з’яўляецца часткай Мінска па вуліцы Міхася Лынькова. Тэрыторыя лагера была абнесена ў некалькі радоў калючым дротам, замацаваным на бетонных стаўбах трохмятровай вышыні. Ваеннапалонныя трымаліся ў бярвенчатых бараках, канюшнях, нападзірабаваных сараях, а нярэдка і пад адкрытым небам. Лагер функцыяніраваў на працягу трох гадоў².

Мемарыяльны комплекс ахвярам канцлагера ў Масюкоўшчыне знаходзіцца на месцы пахаванняў 80 тыс. як савецкіх, так і італьянскіх ваеннапалонных – за межамі лагера на іншым баку чыгункі Мінск – Маладзечна. На тэрыторыі жа самога канцлагера няма нават мемарыяльнай шыльды. Але захаваўся адзіны будынак, які памятае тое, што адбывалася ў Масюкоўшчынскім лагере. Гэта – жылы трохпавярховы дом, узведзены для афіцэрскіх сем’яў у 1938 г. Па некаторых дадзеных, нацысты выкарыстоўвалі яго як казарму аховы лагера. Сёння ён мае адрас па вуліцы Лынькова, 71.

Шталаг № 352 меў ажно 22 філіялы ў горадзе. Такую вялікую колькасць філіялаў можна растлумачыць жаданнем немцаў пастаянна мець непадалёк з важнымі для іх аб’ектамі групы ваеннапалонных, якіх у асноўным выкарыстоўвалі для будаўнічых і рамонтных работ. Найвялікшы ў Мінску філіял шталага № 352 размясціўся ў былых казармах савецкай арміі па Лагойскім тракце. Таксама ён вядомы як лагер ля Пушкінскіх казарм, бо побач з казармамі знаходзіўся раён Мінска пад назвай Пушкінскі пасёлак. Сёння – гэта тэрыторыя ўздоўж вуліцы Якуба Коласа ад Сурганова да Валгаградскай. Цяпер, дарэчы, там размешчаны казармы Міністэрства абароны Рэспублікі Беларусь. Праіснаваў канцлагер з 1941 па 1943 г. Ваеннапалонныя знаходзіліся ў трохпавярховых будынках, калі будынкi былі перапоўнены, ахвяр зганялі ў дашчатыя сараі. У лагере паміралі ад голада, холада, хвароб, расстрэлаў і павешанняў – усяго каля 10 тыс. чалавек³. Масавыя пахаванне трупаў рабілася пад адкосам вузкакалейнай чыгункі за лагерам. Цяпер на тым месцы знаходзяцца дамы № 7, 9, 12 і 14 па завулку Калініна. Па ўспамінах сведкаў, пры капанні катлавана дома № 7 у 1960-х гадах былі бачны рэшткі ахвяр лагера. Сціплы помнік у выглядзе валуна з надпісам ля былога лагера на рагу сучасных вуліц Якуба Коласа і Калініна нагадвае нам пра тыя страшныя падзеі.

Яшчэ адно адзяленне лагера знаходзілася ў пабудовах былой сельскагаспадарчай выставы (сёння – раён плошчы Калініна і бульвара Талбухіна насупраць парка Чалюскінцаў). Жоўты дом па праспекце Ф. Скарыны, 91–93, што насупраць парка Чалюскінцаў – адзін з самых доўгіх у Мінску. Мала хто

¹ БДАНТД. Ф. 6, воп. 2, спр. 31, арк. 2.

² Барановский Е. Зловещий символ оккупации // Вечерний Минск. 2002. 19 декабря. С. 3.

³ БДАНТД. Ф. 6, воп. 2, спр. 31, арк. 3.

сёння ведае, што жоўты дом пачалі будаваць яшчэ да вайны. Будаўніцтва скончыць не ўдалося – пачалася вайна, кватэры засталіся незаселенымі, а дамы апынуліся на тэрыторыі канцлагера для ваеннапалонных. Па некаторых звестках, ваеннапалонныя жылі ў кватэрах гэтых дамоў і трымаліся па некалькі дзесяткаў у кожнай комнаце. Спачатку ваеннапалонных расстрэльвалі ў парку Чалюскінцаў, пазней у брацкай магіле на бульвары Талбухіна, дзе знайшлі сабе спакой 10 тыс. савецкіх ваеннапалонных¹.

Існаваў яшчэ адзін лагер, які размяшчаўся на вуліцы Куйбышава. Гэты лагер не адносіўся да шталага № 352, а падначальваўся СД і быў перасылным для цывільнага насельніцтва. Тут трымаліся вязні з Мінска, Бабруйска, Вілейкі, Барысава і другіх гарадоў Беларусі. Агульная колькасць вязняў у гэтым лагеры даходзіла да 2500 чалавек. Адсюль адпраўлялі партыі ў лагера Германіі, а астатніх спецыяльна абсталяваныя аўтамабілі-«душагубкі» адвозілі ў крэматырый Трасцянца. Лагер праіснаваў з 1943 да 1944 г.² У большасці гістарычных крыніц і работ ён памылкова ўказаны як лагер на вуліцы Широкай³. Справа ў тым, што вуліца Куйбышава да 1935 г. называлася Широкай. Новая назва вуліцы не паспела да пачатку вайны выпіснуць са свядомасці мінчан старую, таму амаль усе былыя вязні называлі адра-сам канцлагера вуліцу Широкою. Сёння выкарыстанне назвы «Широкая» ў дачыненні да вызначэння месца канцлагера можа забытаць чытача, бо ў Мінску існуе вуліца з такой назвай у зусім іншым раёне горада. Цікава, што лагер размясціўся ў будынках кавалерыйскіх казарм Чырвонай Арміі, дзе ў 1920-я гады праходзіў службу Г. Жукаў. А пабудаваны яны былі ў час Першай сусветнай вайны і першапачаткова выкарыстоўваліся як шпіталь. Цяпер на рагу праспекта Машэрава і вуліцы Куйбышава ў былым канцлагеры знаходзіцца шпіталь Міністэрства абароны Рэспублікі Беларусь. Помніка ці шыльды пра гісторыю будынкаў няма, толькі невялікі помнік-валун у скверы на скрыжаванні праспекта Машэрава і вуліцы Куйбышава.

З шматлікіх публікацый мы ведаем, што граніцамі гэта ў 1941 г. былі вуліцы Астроўскага, Няміга, Рэспубліканская, Рымарская (часта па-беларуску пішуць Шорная, што памылкова), Калектарная, Мэблевы завулак, Перакопская, Нізавая, Цэткін, Абутковая, 2-гі Апанскі завулак, Заслаўская, Фруктовы завулак, Калгасны завулак, рака Свіслач. Але прайшлі 65 год, многія назвы зніклі, іншыя былі перайменаваны, і зараз гэтыя арыенціры мала пра што кажуць сучасным жыхарам Мінска, за выключэннем, бадай, Нямігі. Назаўсёды зніклі з карты Мінска Нізавая вуліца, 2-гі Апанскага, Фруктовы і Калгасны завулки. Былі перайменаваны Астроўскага (зараз Ракаўская), Абутковая (Караля), Апанскага (Кальварыйская), Рэспубліканская (Раманаўская Слабада), Перакопская (Ерусалімска), Мэблевы завулак (вуліца Гебелева).

І ўсё ж, дзе знаходзіцца тая мяжа гэта згодна з цяперашнімі арыенцірамі? Яна праходзіла ад станцыі метро «Няміга» на паўднёвы захад уздоўж аднаіменнай вуліцы, за выключэннем будынка Петрапаўлаўскай царквы. Далей на рагу з Раманаўскай Слабадой паварочвала на гэтую вуліцу; адразу за домам № 5а паварочвала зноў на паўднёвы захад па часткова сёння не існуючай трасе Рымарскай (Шорнай) вуліцы. На скрыжаванні Рымарскай з Калектарнай мяжа змяняла напрамак на заходні і цягнулася ўздоўж апошняй, праўда, не надоўга: праз 150 метраў на рагу з Гебелева паварочвала на поўдзень і ішла ўздоўж яўрэйскіх могілак. На скрыжаванні Гебелева з Лібкнехта і Ерусалімскай рэзка паварочвала на апошнюю, паўтараючы абрыс могілак. У тупіку сучаснай

¹ Володин М. Мой желтый дом // Имя. 1998. 22 окт. С. 14.

² БДАНТД. Ф. 6, воп. 2, спр. 31, арк. 4.

³ Гісторыя Мінска. Мінск, 1967. С. 439.

Ерусалімскай вуліцы за будынкам ДАІ Фрунзенскага раёна (Цэткін, 20) паварочвала налева, на захад. Калісьці тут праходзіла траса вуліцы Нізавой. Праз 150 метраў зноў паварот: на поўнач, па трасе сучаснай вуліцы Цэткін. На скрыжаванні з вуліцай Караля паварот на ўсход, але праз 200 метраў зноў змена напрамку: граніца паварочвала налева, на поўнач, праходзіла паміж дамамі № 5 і 7 па Кальварыйскай, перасякала апошнюю, рухалася далей (раней тут быў 2-гі Апанскага завулак), перасякала вуліцу Максіма Танка і «Чырвоны дом» (Максіма Танка, 10), пры гэтым крама «Медыцынская кніга» заставалася па-за межамі гета. Далей мяжа не змяняла паўночнага напрамку, праходзіла паміж дамамі № 19 і 12 (апошні быў на тэрыторыі гета), уздоўж № 17 і дасягала трасы сучаснай вуліцы Заслаўскай, пры гэтым універсам «Юбілейны» не знаходзіўся на тэрыторыі тагачаснага гета. Затым мяжа паварочвала на ўсход па трасе Заслаўскай вуліцы, цягнулася міма «Ямы» далей да сучаснага праспекта Пераможцаў у раёне кінатэатра «Масква» і да берага Свіслачы.

Дагэтуль дакладна невядома месца пахаванняў ахвяр першага пагрома 7–8 лістапада 1941 г. Вядома, што іх пахавалі непадалёку ад вёскі Тучынка. Пры гэтым большасць даследчыкаў лічыць, што Кальварыя і Тучынка – ледзь не адна мясціна. Але гэта не так! Кальварыяй называлі тэрыторыю побач з аднаіменнымі могілкамі. Сапраўды, ахвяр другога пагрома (20 лістапада 1941 г.) пахавалі ля Кальварыя, на так званай копінцы. А вось Тучынка – асобная мясціна, якая знаходзілася ўздоўж сучаснай вуліцы Харкаўскай ад чыгункі Мінск – Маладзечна і да праспекта Пушкіна. Да рэвалюцыі яна славілася сваімі цагельнямі – невялікімі заводзікамі, якія ўтрымліваліся прадпрыемальнымі татарамі і яўрэямі Мінска. У міжваенны перыяд на іх месцы былі створаны дзяржаўныя цагельныя заводы, побач з якімі знаходзіліся кар’еры па здабычы гліны. Адпрацаваныя кар’еры з цягам часу напаўняліся вадой і ператвараліся ў сажалкі. Успомнім, што мемарыял «Яма» знаходзіцца на месцы такога ж кар’ера. Як зручна было нацыстам іх выкарыстоўваць – падрыхтаваныя ямы-магілы! Ці не знаходзяцца на месцы такога кар’ера ў Тучынцы магілы ахвяр першага пагрому? Адказ на гэта пытанне, спадзяемся, будзе знойдзены ў выніку будучых даследаванняў.

Анна Богданова

Лагерь смерти в окрестностях деревни Малый Тростенец (ноябрь 1941 – октябрь 1943 гг.)

Тростенец – собирательное название территории, на которой осуществлялось массовое уничтожение людей и велось подсобное хозяйство СД в период нацистской оккупации Беларуси: урочище Благовщина – место массовых расстрелов и удушения в газовых камерах, собственно хозяйство СД и трудовой лагерь – рядом с деревней Малый Тростенец, урочище Шашковка – место массового сожжения людей. Здесь погибли мирные граждане, военнопленные, многие подпольщики и партизаны, белорусские и иностранные евреи.

11 ноября 1941 г. в Минск на товарную станцию прибыл первый эшелон с депортированными иностранными евреями. Чтобы создать для этих евреев места, надо было расстрелять 7–10 тыс. евреев из Минского гетто.

Для этих массовых расстрелов шеф недавно созданной минской службы «командир охранной полиции и СД в Минске», оберштурмбанфюрер СС Эрих Эрлинггер искал новое место для убийств, которое должно было находиться в его окрестностях¹.

¹ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente. Dortmund, 2003. S. 9.

Он нашел его в 10–11 км юго-восточнее Минска, в лесу Благовщины, слева от Могилевского шоссе. Эта местность не должна была быть видна издали, и, что касается подъездных путей и ограждения, она была подготовлена наилучшим образом: с одной стороны железнодорожные направления на юг страны – Гомель и Киев, с другой – железнодорожные направления на восток – Смоленск, Москва. Эти направления были связаны между собой железнодорожной веткой. Слева и справа от лагеря проходило автомобильное шоссе Минск – Могилев¹.

Также через территорию лагеря протекала река Синявка. Более подходящего места для фабрики смерти не найти. По замыслу нацистов он должен был функционировать долгие годы.

В начале сентября 1941 г. в урочище Благовщина были выкопаны большие ямы: шестьдесят метров в длину, пять метров в ширину и три метра в глубину. Командование охранной полиции назвало это место «Территорией поселения». Эти ямы выкапывали советские военнопленные для семи – десяти тысячи евреев из Минского гетто. Это были первые жертвы Тростенецкого лагеря смерти из числа еврейского населения². Так начал действовать «конвейер смерти» – Тростенец, замыкающий цепь концентрационных лагерей, выстроенных фашистами в Европе, для уничтожения негодных нацистскому режиму групп населения и целых народов, и в первую очередь для уничтожения евреев.

До осени 1941 г. политика национал-социалистов была нацелена на выживание евреев из Германии, но с началом войны планы по отношению к евреям кардинально изменились. Политику принудительной эмиграции сменила политика – точнее, планы – депортации. Это объяснялось, прежде всего, тем, что каждый новый шаг военной и экономической экспансии вовлекал в сферу германского владычества миллионы новых евреев³.

Санкцию на депортацию евреев Гитлер дал 17 сентября 1941 г., после обсуждения этого вопроса с рейхсминистром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом. Инициатива Розенберга сыграла в этом, вероятно, решающую роль, поскольку советские власти в период с 13 по 15 сентября 1941 г. в спешном порядке депортировали четыреста тысяч поволжских немцев. Розенберг же, еще ранее заручившись поддержкой фюрера, заявил, что в случае «осуществления большевиками объявленного ими шага евреи Центральной Европы также будут вывезены в наиболее отдаленные восточные области, находящиеся под управлением германской администрации». В свою очередь, Гитлер отказался от своего прежнего намерения подождать с депортацией евреев из рейха до окончания войны и поручил Генриху Гиммлеру, рейхфюреру СС и шефу гестапо, немедленно приступить к отправке первых транспортов в пересыльные лагеря в Лодзь (Лицманштадт), Ригу и Минск. Планировалось, что ближайшей весной депортированные будут отправлены оттуда «дальше на восток»⁴.

Уже 15 октября 1941 г. началась депортация евреев в Лодзь, в литературе она именуется «первой волной депортации»⁵.

Депортация в Минск в 1941 году проходила в рамках «второй фазы депортаций». Из рейха и протектората Богемия и Моравия на протяжении трех

¹ Воспоминания очевидцев: Головач Елены Петровны, Головача Михаила Петровича, Дамбицкой Веры Григорьевны, Наумчика Александра Григорьевича.

² Иоффе Э.Г. Иностранные евреи в Тростенецком лагере смерти. Минск: НАРБ, 2000. С. 6.

³ Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск, 2007. С. 13.

⁴ Там же. С. 16–17.

⁵ Смилвицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. С. 341.

месяцев, с 8 ноября 1941 г. по 6 февраля 1942 г., в общей сложности было отправлено 32 крупных транспорта: семь в Минск, пять в Ковно (Жаунас) и двадцать в Ригу¹. Пункт назначения Минск относился тогда к «генеральному комиссариату Белорутения» «Рейхскомиссариата Остланд», т.е. к территории с германской гражданской администрацией².

Предусматривалось, что в период с 10 ноября по 16 декабря 1941 г. в Минск каждые два дня будет прибывать один транспорт с депортируемыми евреями. Всего в 1941 г. туда должны были прибыть семнадцать транспортов плюс еще семь с 10 по 20 января 1942 г. Однако фактически прибыло только семь транспортов, общее число депортированных составило предположительно 7032 человек³, причем шесть эшелонов прибыли до 18 ноября более или менее в соответствии с расписанием движения, а последний, из Вены, – с опозданием. Причиной преждевременного внезапного прекращения депортаций стала катастрофическая ситуация на железных дорогах на территории группы армий «Центр» в период, когда предпринимались тщетные усилия для предотвращения угрозы поражения в битве под Москвой.

В Минск осенью 1941 г. депортировались евреи из Гамбурга, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Брно, Бремена и Вены. Из крупных городов с многочисленным еврейским населением – таких, как Берлин или Вена, – отправлялись транспорты с жителями только этих городов. Что же касается некоторых других городов, то полицейские управления, на которые возлагалась организация «эксекуции», должны были решать и задачу обеспечения депортации евреев со всей окружающей территории, т.е. и из соседних городов, и из сельской местности⁴.

Первый транспорт с немецкими евреями, как уже было отмечено, прибыл в Минск вечером 11 ноября 1941 г. из Гамбурга. Эсэсовское командование приняло решение не разгружать транспорт до утра. Поэтому депортированным пришлось еще одну ночь провести в холодных вагонах⁵.

Прибытие оставшиеся в живых евреи из разных транспортов описывают по-разному. Незвестный депортированный пишет о том, как в вагоны врывались латыши и пинками вышвыривали приехавших на платформу. Еврей из франкфуртского транспорта отмечает в своих анонимных воспоминаниях, что после прибытия пассажиры должны были навести порядок в поезде. Некоторых эсэсовцы встречали ударами плетей⁶.

Как бы по-разному ни встречали эсэсовцы разные транспорты, все документы свидетельствуют о том, что немецкое командование с первой же минуты однозначно продемонстрировало свою силовую позицию. Вера в лучшее и восприятие переезда как приключения теперь испарились. С момента прибытия депортированные оказались в непредсказуемой ситуации, сразу же столкнулись с произволом и издевательствами, и надежда на то, что с ними будут обращаться по-человечески, улетучилась. Однако несомненно: лишь единицы понимали, что покинуть этот город живыми посчастливится немногим.

Чаще всего эшелоны прибывали на минскую товарную станцию в промежутке с 4.00 до 7.00 утра, и это способствовало тому, чтобы прибывших

¹ Там же. С. 18.

² Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945. Минск: Энцыклапедыя, 1990. С. 39.

³ Данные о численности евреев, депортированных в Минск, в разных источниках существенно различаются. Приведенная цифра получена на основании перечня состава всех депортаций в Минск в ноябре 1941 г.

⁴ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 9.

⁵ Хеккер К. Указ. соч. С. 37.

⁶ Там же. С. 37–38.

расстреливали в тот же день без промедления. Расстрелы продолжались с раннего утра и до позднего вечера¹.

Во избежание паники с целью проведения выгрузки и перезагрузки без осложнений депортированных вводили в заблуждение, рассказывая им об их дальнейшей судьбе. Чтобы их в этом убедить, им выдавали квитанции. Таким образом, многие до последнего момента действительно еще верили в переселение.

Потом, отбирали таких людей, которых можно было бы послать на работу в лагерь: депортированных, у которых еще были силы для работы, и квалифицированных рабочих. Их количество колебалось от двадцати до восьмидесяти человек из тысячи депортированных с каждого поезда.

Для неработоспособных, больных, слабых, стариков и детей уже стояли наготове грузовики: грузовики отвозили этих людей к ямам в лес Благовщины для расстрела.

Дабы предупредить столпотворения на месте расстрела, что дало бы возможность жертвам устроить мятеж, грузовики отправлялись через определенный промежуток времени. Здесь на месте отправки за этим специально следил один человек из охранной полиции².

Расстрелы производились по одной и той же схеме, каждый точно знал свою задачу и выполнял ее, не требуя каких-либо дополнительных распоряжений. Когда грузовики приближались к могилам, специальная группа выводила депортированных из машин, часто угрожая оружием, потому что люди уже слышали выстрелы, предполагали, что с ними произойдет, и не хотели покидать грузовики. Другая группа сопровождала их прямо до края ямы, пытаясь предотвратить попытку жертв к бегству, которая могла произойти в последнюю секунду. Третья группа приказывала им раздеться полностью или до нижнего белья, сортировала одежду и раскладывали ее по разным стопкам. Затем людей выстраивали вдоль шестидесятиметровой ямы перед стрелками. Многие еще до расстрела прыгали в ямы, туда, где уже лежали трупы. Это создавало беспорядок и препятствовало установленному ходу расстрела³.

В апреле 1942 г. в Минск прибыл Рейнхард Гейдрих и сообщил командующему полиции безопасности и СД Эдуарду Штрауху, что депортация евреев с Запада в Минск, приостановленная в конце 1941 г., возобновляется, и приказал расстреливать всех евреев из новых транспортов сразу после прибытия⁴.

В мае 1942 г. после довольно длительного перерыва депортации иностранных евреев в Минск возобновились. Похоже, что ни один из транспортов 1942 г. не прибыл в Минское гетто.

Большинство транспортов отправлялись из Терезиенштада и Вены. Депортированные евреи, за исключением очень немногих, отобранных для работы, уничтожались сразу же после прибытия в Минск. По свидетельству служащего одной из карательных команд, который летом 1959 г. предстал перед судом в Кобленце, этих людей убивали, поскольку никто не знал, что с ними делать. Для работы они не годились и были поэтому «бесполезными едоками»⁵.

Для уничтожения еврейского населения, прибывавшего эшелонами из стран Европы, а также содержавшегося в гетто в середине мая 1942 г., в Минске был создан специальный отдел 4Б, подчиняющийся ведомству полиции

¹ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 11.

² Karner St. Österreicher und Sudetendeutsche vor sowjetischen Militär- und Straferichten in Weißrussland 1945-1950. Schörgelgasse, 2007. S. 595.

³ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 28.

⁴ Хеккер К. Указ. соч. С. 79.

⁵ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 10.

безопасности и службы безопасности (СД), возглавляемый доктором права оберштурмбанфюрером СС Эдуардом Штраухом. В распоряжении отдела 4Б находилось Минское гетто и лагерь смерти Тростенец. В его функции помимо уничтожения входило распределение евреев для разного рода работ, из поступающих заявок от предприятий и воинских частей. Также велась переписка с другими городами Европы в отношении видных артистов, профессоров, академиков и политических деятелей, содержавшихся в лагерях. Шефом отдела 4Б первое время был оберштурмфюрер Эрих Липенгус, в конце 1942 г. его сменил оберштурмфюрер Герхард Мюллер. Из сотрудников были: криминал-секретари Фриц Альберт, Карл Бухнер, Рексхойзер Макс, Эснер Рудольф, секретарь – Крамма Вилли, переводчики – Шпунте Александр, Бронкопер (имя не установлено), криминальный сотрудник Ренуаузер и еще три сотрудника¹.

Примерно в это же время, в мае 1942 г., в Минск из Берлина были доставлены четыре специальные автомашины марки «Брюсинг» – «газвагены», известные в народе душегубками. Они были предназначены и применялись для уничтожения мирного населения, путем отравления в этих машинах окисью углерода².

Из протокола допроса Эриха Грудмана, помощника шофера по регулировке пуска газа в машину, от 18 ноября 1947 г. следует подробное описание устройства душегубки: «Машина душегубка имела форму грузового автомобиля с закрытым кузовом, обитым изнутри оцинкованным железом, окон и других щелей не было, за исключением одной двухстворчатой двери в задней части кузова, которая герметически закрывалась на запор и замок с внешней стороны. Внутри кузов окрашен в темно-серый цвет, а внешняя сторона в серый цвет. На расстоянии 20 см от мотора по выхлопной трубе от нее отходит металлическая трубка длиной примерно 15 см и диаметром 4–5 см, на эту трубку одет резиновый шланг диаметром 8–10 см, шланг проходит в кабине под сидением шофера, идет по стенке вверх и пропущен в кузов машины, но с внутренней стороны шланг и отверстие незаметны. Вентиль-регулятор переключения газа установлен на развилке выхлопной трубы и отходящей от нее газовой трубки, длина вентиля примерно 20–25 см, что давало возможность сидя регулировать переключение газа»³.

Основное ведомство охраной полиции и СД, которые называли эти машины в официальных письмах «зондер машины» («особые машины»), использовало этот способ убийства, чтобы ускорить процесс уничтожения и из-за опасения, что психологическая нагрузка для стрелков была бы очень сильной, так как расстрелы производились слишком часто.

Душегубки применялись по особому приказу минского ведомства охранной полиции и СД с начала июня 1942 г., и это дело доверялось лишь квалифицированным шоферам. Специально с этой целью в Минск в июне 1942 г. прибыла авторемонтная рота № 198, в состав которой входили шоферы-профессионалы, такие, как Гайнц Герик, Эдуард Лайтнер, Эрих Грудман, Рудольф Геде⁴. Это фамилии тех немногих, кто доставлял людей в душегубках к Благовщинским рвам.

¹ Протоколы допросов Карла Бухнера об уничтожении евреев в г. Минске// НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 66. Л. 15–16.

² Протоколы допросов Гайнца Герике об уничтожении евреев в г. Минске// НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2850. Л. 15.

³ Протоколы допросов Эриха Грудмана об уничтожении узников Минского гетто// НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2853. Л. 12–14.

⁴ Собственноручные показания Эриха Грудмана об уничтожении узников Минского гетто // НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2855. Л. 26.

Уничтожение в машинах душегубках производилось следующим образом: по прибытии эшелона на станцию евреев встречала специальная группа, садили их в машины и везли по Могилевскому шоссе. Машины останавливались в местах недалеко от нефтебазы, километрах в 10-12 от города. Здесь всех сгружали и делили – отбирали специалистов и здоровых людей, отводили их в одну сторону. А оставшихся людей, под видом отправки в лагерь, грузили в душегубки. После того как автомашина была заполнена, дверь закрывалась, и туда начинал поступать газ. Душегубки направлялись в лес Благовщины, где уже были вырыты ямы. Как только машины подъезжали к ямам, створки дверей открывались и оттуда вываливались тела мертвых людей, вываливались они потому, что все люди находились в них стоя, очень плотно один к другому. Не выпавших из душегубки вытаскивали военнопленные или евреи, складывали в ров, обливали хлорным раствором и засыпали землей. Пленных, занимавшихся извлечением трупов, расстреливали по окончании каждого рейса душегубки¹.

Иногда выхлопные газы поступали в камеру тогда, когда душегубка прибывала к могилам и стояла с работающим двигателем. Тогда можно было слышать в этой камере крики отчаянно борющихся со смертью людей. Они кулаками били по стенкам и упирались ногами с такой силой, что машина раскачивалась. Спустя 15 минут в машине становилось все тихо и неподвижно. Это было показателем того, что борьба находящихся внутри людей прекратилась и можно открывать двери.

В день одна душегубка делала от четырех до шести-семи таких рейсов и вмещала в себя около ста человек².

Перед тем как использовать душегубки повторно, их тщательно вымывали. Этим, конечно, занимались советские военнопленные или евреи. Заключение, которые привлекались на промывку этих машин-душегубок, лишались своих рук, так как хлорным раствором тело разъедало до костей, а к лечению никаких мер не принималось³.

Душегубки постоянно совершенствовались. В главном имперском управлении безопасности этим вопросом занимался оберштурмбанфюрер СС Вальтер Рауфф⁴.

Кроме того, в распоряжении полиции безопасности и СД находилось от 30 до 40, по разным данным, грузовых автомобилей открытого типа, которые использовались для перевозки к месту расстрела обреченных на смерть людей⁵.

Руководством работ по рытью рвов-могил, а также уничтожением еврейского населения в Благовщине с мая 1942 г. занимался специальный взвод СС особого назначения.

Одновременно с проведением массовых казней иностранных евреев в Тростенце уничтожались узники Минского гетто.

Чтобы доставлять депортированных и обреченных на смерть людей ближе к месту уничтожения, в августе 1942 г. был сооружен небольшой временный вокзал с платформой на месте, где производилась разгрузка и сортировка обреченных. Таким образом, начиная с шестнадцатого эшелона, прибывшего 10 августа 1942 г. из Терезиенштадта, поезда останавливались в непосредственной близости от деревни Большой Тростенец. Пути, которые прежде шли до Михановичей, заканчивались несколько сотен метров севернее Тростенца⁶.

¹ Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.: документы и материалы. Минск: НАРБ, 2009. С. 79–81.

² Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 32.

³ Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы. Минск: НАРБ, 2003. С. 93–94.

⁴ Ванькевич, А.Г. Экскурсия в Тростенец. Минск, 1986. С. 14.

⁵ Karner St. Op. cit. S. 506.

⁶ Генацыя у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). С. 45.

И здесь происходила та же самая процедура: после выгрузки из товарных вагонов все собирались на лугу, забиралась собственность, отбирались работоспособные и специалисты, на этот раз для данной местности, так как там были необходимы электрики, столяры, слесари, строители¹.

Затем по известному «сценарию» всех остальных транспортировали от места прибытия к ближайшим могилам. Уничтожение производилось посредством отравления газами и в незначительном количестве путем расстрела.

Расстрелами руководило, а также принимало активное участие высшее командование полиции безопасности и СД. Эрнст Фридлл, главный ассистент криминального отдела, в апреле 1945 г. рассказал сотруднику советской военной комендатуры Вены о том, как в первой половине июня 1942 г. расстреливали около 40 человек, заподозренных в связях с партизанами, шпионаже и саботаже. В казни принимали участие Фридлл, Хойзер и еще три сотрудника из четвертого отдела. Приказ поступил от Хойзера.

«Мы все впятером вместе с десятью охранниками из латышского отряда выехали на грузовой машине в лесистую местность. Следом за нами двигалась закрытая машина, в которой везли людей на расстрел. Прибыв на место, я, Хойзер, Гамп и два других сотрудника из четвертого отдела встали возле вырытой ямы. Мы с солдатами выводили из машины по одному человеку, подводили его к краю ямы и расстреливали в упор в затылок. Стреляли мы все. Трупы укладывали в ямы в штабель двое из обреченных. Когда они уложили последнего, я приблизился к ним и из моего пистолета «Вальтер» в упор расстрелял этих двух последних, еще оставшихся в живых»². Подобные казни производились не однократно, о чем свидетельствуют документы, находящиеся в архивах Австрии, Германии, Беларуси.

По другую сторону от этих мест казни находилась небольшая деревня – Малый Тростенец. Эта деревня с огромной хозяйственной местностью до войны входила в колхоз им. Карла Маркса. Территория колхоза простиралась на 200–250 га, там занимались земледелием и скотоводством. Под ведомством колхоза находилась мельница, лесопильня и многие другие мастерские, такие, как слесарная, дубильня, стекольная, столярная мастерская и кузница.

После оккупации Минска эсэсовцы отняли это хозяйство, и оно перешло в их владение как «хозяйство СД Тростенец». Это было так называемое имение начальника полиции безопасности и СД³.

К маю 1942 г. на территории лагеря было создано большое хозяйство по производству продуктов питания. Подсобное хозяйство было призвано удовлетворять продовольственные и производственные потребности минского гарнизона и полиции, а также гарнизонов и постов, расположенных в окрестностях Минска. На его территории располагались посевные площади, огороды, сады, фермы для разведения скота, кур, уток, цветочная оранжерея, мельница, лесопилка, сапожная, швейная, столярная, слесарная мастерские, небольшой асфальтовый завод, гаражи⁴.

Кроме того, в июне 1942 г. вблизи лагеря было создано немецкое военное кладбище: «17.06 состоялось погребение оберштурмфюрера СС на вновь заложенном кладбище в имении командира»⁵.

Также на прилегающих территориях лагеря находились две прожекторные установки, звукоулавливатель и зенитная артиллерия, а на противоположной

¹ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 26–28.

² Karner St. Op. cit. S. 518–519.

³ Хеккер К. Указ. соч. С. 118.

⁴ Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі.. С. 27.

⁵ Лагерь смерти Тростенец. С. 27.

стороне, возле деревни Большой Тростенец был сделан фиктивный городок с электросветом для отвлечения советской авиации¹.

Первоначально в лагере работали и занимались трудоустройством евреи, которые владели необходимыми для создания подсобного хозяйства профессиями, и жители окрестных деревень, которых принудительно заставляли работать, в основном это были подростки 16–17 лет². Во вспомогательной литературе и документах их называют вольнонаемными рабочими.

Бывшая рабочая трудового лагеря и жительница деревни Большой Тростенец – Дамбицкая Вера Григорьевна (1924 г.р.) вспоминает:

«Родилась я в деревне Большой Тростенец Минского района. Когда началась война, мне было 17 лет. Примерно через неделю, после начала войны, немцы по Могилевскому шоссе проходили, в деревню даже не заглядывали, тут никто их не останавливал. Ехали на грузовых машинах с орудиями и боеприпасами.

Ну, а потом, было так тихо, ничего они не делали, в деревню редко заглядывали. Так продолжалось до весны.

Там, в Малом Тростенце, немцы сделали уже не сельсовет, а волость и при волости перепись населения, посемейно, семьей. У кого было более двух трудоспособных человек в семье старше 16 лет, то одного записывали в отдельный список. Нас же в семье было шесть человек: мама, папа, старший брат Виктор – был на фронте, младший брат Ленья и я. Была я с 1924 г., а это уже был 1942 г., весна, меня в этот список отнесли. Вместе со мной в этот список попали Нина Ляшкевич, мой двоюродный брат Миша Головач, Витя Песеницкий, Валя Будай, Лена Головач, Корета Галья. Поумирали они уже все, это я уже зажила, мало уже таких.

Определили нас на торфозаготовки в Сосняги, это было за Тростенцом, где Белбакалея сейчас, в сторону Чижовки. Это было основное место добычи торфа, а филиал был в Дразне – Ефимово называлось. Вот сезон на торфопредприятии мы проработали, до осени. Нас всех, кто там работал, почти всех, отправили в Малый Тростенец, в лагерь. Уже лагерь там был. В лагерь свозили евреев – западных, австрийских, чехословацких и польских. Всех евреев свозили, наших-то уже побили, и уже иностранных евреев начали...

И вот, нас определили: меня, Валю Будай, Корета Галю, Нину Ляшкевич, на парники. Там работали, выращивали для немцев свежие овощи.

Нашим работодателем, непосредственным руководителем на этой работе был чехословацкий еврей, агроном, пан Лоскут с женой Аней и дочкой, лет пяти, Дагмарой.

И вот так вот, с утра, примерно с 7 часов и до вечера, пока солнце не заходит, работали. Ничего нам не платили, но домой пускали. Пропуск (аусвайс) давали. Проходная была возле кладбища: стояла будка, часовой. Он-то и спрашивал у нас аусвайс, покажешь и пошла. Ну и нам не разрешали никуда ходить, вот тут рабочее место – там и работай, ни с кем чтоб не общались, никуда не ходили, боже упаси.

На территорию, где были заключенные, не пускали, вся территория была обнесена колючей проволокой и всю территорию охраняли литовцы либо эстонцы. Руководство лагеря было немецкое, а на постах наши были – властовцы. И день, и ночь стояли.

Нас то не охраняли, но там были военнопленные или заключенные, они жили там, где когда-то варили телятам поило. Жили они в этом сарайчике,

¹ Лагерь смерти Тростенец. С. 36.

² Воспоминания Головач Елены Петровны, Головача Михаила Петровича, Дамбицкой Веры Григорьевны.

их охраняли и их гоняли на работу в Благовщину. Там они копали рвы для евреев. Копали и закапывали. Привозили евреев на машинах, говорили, что их везут в город Благов на работу, чтобы они собирали хорошие вещи с собой, не на месяц, не на два, а может, на год или на два едут. И они с чемоданами, мы таких и не видели, красивые. Чемоданы, наполненные обувью, одеждой хорошей. Потом эти вещи продавали за яйца, за живность. Немцы продавали, а Янченко Сенька заведовал и руководил складом. И вот, кому надо, десяток яиц соберут, пойдут, купят жакет какой, кофточку, что-нибудь. Если что-нибудь получше, пиджак – курицу несли. Меняли.

И партизан у нас не было. У нас поле колхозное, а за полем полигон артиллерийский, окопы, блиндажи были. Орловщина, Даниловщина, километра 3–4, даже больше, далеко от деревни партизан не было. В школе в Большом Тростенце стоял отряд немцев. Их часть в Красном Урочище была, а тут небольшая часть была, грабель копали. Так они кино крутили. Два яйца и в кино пойдешь. Иногда, правда, это было. Нас тут немцы не трогали. У нас не было партизан, за что нас трогать?»¹

О том, что в здании школы в Большом Тростенце располагался немецкий гарнизон, помимо воспоминаний очевидцев свидетельствуют фотодокументы Белорусского государственного архива кинофонофотодокументов. Однако установить род деятельности данного гарнизона пока не удалось из-за малочисленных сведений, находящихся в архивах Беларуси.

Вскоре в хозяйстве были задействованы пятьсот рабочих. Они работали также и в прачечных, где очищалась одежда расстрелянных людей от песка и крови, и в швейной мастерской, где приводилась в порядок разорванная и пострадавшая от пуль одежда, в сапожной мастерской, где ремонтировались поврежденные сумки жертв.

Из воспоминаний очевидцев стало известно, что на территории лагеря имелась санитарная часть, но медицинская помощь оказывалась только немецким солдатам и офицерам, иногда «вольнонаемным» работникам, в том случае, если они обращались за помощью².

На асфальтном заводе, который находился на территории лагеря, изготавливали асфальт, чтобы проложить асфальтовую дорогу в направлении Минск–Могилев. Заключение должны были также строить новую дорогу и сажать по обе стороны от нее тополя: эта дорога называлась «аллея Эдуарда Штрауха», которая вела прямо от Могилевского шоссе в лагерь и в противоположном направлении к ямам-могилам по другую сторону шоссе³. В народе эта дорога называлась «аллея смерти».

Чтобы следить за обреченными на смерть и чтобы предотвратить попытку к бегству, людей держали в бараках, окруженных забором из колючей проволоки, были поставлены смотровые вышки.

В лагере действовала палочная дисциплина. За малейшее нарушение режима заключенные подвергались избиениям либо полагалась смертная казнь. Если узники по каким-либо причинам были не в состоянии работать, они, как правило, оканчивали свои дни в Благовщине.

Узники страдали от холода, грязи и страшной завшивленности. Боясь тифа, фашисты заставили шатающихся от слабости пленников построить баню и новые бараки, в которые переселилась часть заключенных. Большинство же продолжало жить в сараях и землянках⁴.

¹ Воспоминания Дамбицкой Веры Григорьевны.

² Воспоминания Головач Елены.

³ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 42–44.

⁴ Ванькевич А.Г. Экскурсия в Тростенец. Минск, 1986. С. 19.

Одежду носили разную: кто в чем прибыл. Остро нуждавшихся обряжали в платье из лоскута. Все это делалось для того, чтобы покуражиться над человеком, убить его гордость, достоинство, превратить в шута.

Скудной была и пища. Заключение голодали, были случаи, когда они ловили и ели собак.

Из протокола допроса свидетеля Будай Валентины Васильевны:

«Кормили заключенных плохо. Это заключение я делаю из того, что они залезали в склады вещей расстрелянных евреев, воровали вещи и приходили в деревню менять эти вещи на продукты. Замеченных в воровстве вещей заключенных расстреливали без суда и следствия.

Кроме того, должна заявить, что руководство и охрана лагеря издевалась, избивала не только заключенных, но и мобилизованных вольнонаемных. Такие случаи были частые»¹.

С ужасом вспоминают бывшие узники лагерные построения, во время которых производились выборочные расстрелы, выдрессированные собаки рвали в клочья живых людей, на специально выстроенных стационарных виселицах обрывались десятки человеческих жизней... Мертвые тела раскачивались в течение нескольких дней. Погибших не разрешалось предавать земле².

Продолжительность жизни в лагере составляла не более двух-трех дней³.

Для охраны лагеря были привлечены не только немецкие войска охранной полиции и жандармерии, но также литовские, румынские, украинские, венгерские и белорусские батальоны⁴.

Командантами лагеря были в соответствии с временными рамками: унтерштурмфюрер СС Герлах Майвальд, штурмфюрер СС Генрих Эйхе – с осени 1942 г. по осень 1943 г., (его заместитель – шарфюрер Тош), хауптштурмфюрер СС Мадекер, Вильгельм Кальмейер, Йозеф Фабер, его заместитель – Венцель⁵.

С октября 1942 г. в СД велась картотека по учету лагерей: в окрестностях деревни Малый Тростенец, на улице Широкой в Минске – и того, что к ним относилось. Имелись списки всех арестованных, содержавшихся в этих лагерях. Главный ассистент криминального отдела Эрнст Фридл, ответственный за картотеку заключенных в лагерях СС, выезжал в Тростенец. На месте он составлял списки узников, чтобы завести карточки, так как многие люди оказывались в лагере, минуя Минск. Ни одна из этих картотек до настоящего времени не обнаружена. Известно лишь, что накануне освобождения Минска документы ведомства полиции безопасности и СД были вывезены в Восточную Пруссию⁶.

С первых дней оккупации Минска и Минской области немецко-фашистские захватчики проводили систематическое истребление советских военнопленных и мирного гражданского населения, без учета национальности и вероисповедания. Для осуществления своих человеконенавистнических планов осенью 1941 г. в окрестностях Минска ими был создан «конвейер смерти» Тростенец, самый крупный по количеству уничтоженных людей из созданных немецко-фашистскими захватчиками на территории бывшего СССР.

Первыми жертвами лагеря смерти Тростенец стали евреи, содержащиеся в Минском гетто и депортированные из Западной и Центральной Европы.

¹ Лагерь смерти Тростенец. С. 85–86.

² Лагерь смерти Тростенец. С. 20.

³ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 46.

⁴ Протокол допроса Фридриха Вольфа о работе евреев... // НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 565. Л. 26–28.

⁵ Kohl P. Das Vernichtungslager Trostenez... S. 33.

⁶ Karner St. Op. cit. S. 513–515.

Антисемитская политика Германии предусматривала уничтожение 11 млн евреев Европы. Планы «окончательного решения еврейского вопроса» начали разрабатываться летом 1941 г., а 20 января 1942 г. руководители нацистской Германии приняли Ванзейский протокол. «В ходе практического осуществления окончательного решения еврейского вопроса Европа будет прочесана с запада на восток», – говорилось в документе. Программа предусматривала создание гетто для концентрации и изоляции евреев и последующую их депортацию в лагеря уничтожения, цепь которых была выстроена в Европе: Освенцим, Трешлинка, Майданек... Самым восточным пунктом в этой цепи стал Минск и его пригород Малый Трешенец¹.

Кроме того, в деревне Малый Трешенец, на бывшей территории колхоза им. Карла Маркса, весной 1942 г. фашисты создали «подсобное хозяйство СД» с целью обслуживания своих продовольственных и производственных потребностей. В трудовом лагере в различных отраслях хозяйствования работали как вольнонаемные, так и принудительные рабочие из числа военнопленных, осужденных и обреченных на смерть людей.

Таким образом, возникло два отдельных лагеря: один для рабочих, обслуживающих подсобное хозяйство СД, а другой для тех, кто ожидал своей смерти.

Методы истребления и издевательств над людьми были самые различные: массовые и одиночные расстрелы, избиения, непосильный изнуряющий труд и отравления окисью углерода в «душегубках».

Здесь оборвались жизни тысячи ни в чем не повинных людей: военнопленных, граждан иностранных государств и мирного населения – детей, женщин, стариков.

«Фабрика смерти» Трешенец не только многонациональный, но и международный лагерь смерти. Это целая система мест и способов уничтожения, которая должна была долгие годы служить нацистам в их расистских и чело­веконенавистнических планах.

Вершицкая Тамара

Новогрудчина: еврейский отряд Бельских (Тувия, Асаэль и Зусь)

Партизанский отряд братьев Бельских, вошел в историю партизанского движения Беларуси под названием партизанский отряд им. М.И. Калинина № 16 в составе Лидской зоны Барановичской области. Он действовал с июля 1941 г. до 16.07.1944 г. и был первым и самым многочисленным еврейским партизанским отрядом на территории Белоруссии. До августа 1942 г. представлял собой семейную группу из 20 человек. Отряд формировался в Бочковичских лесах Новогрудского района. Организаторами отряда стали братья Тувия, Асаэль и Зусь Бельские, уроженцы д. Станкевичи, Новогрудского района. Командир отряда, Тувия Бельский, родился в 1906 г. В 1927–1929 гг. служил в 30-м пехотном полку польской армии, демобилизовался в чине капрала. Младшие братья Асаэль и Зусь военной подготовки не имели, с приходом Красной армии в сентябре 1939 г. приняли активное участие в установлении советской власти.

В дальнейшем отряд формировался за счет беглецов из гетто городов и сел Новогрудок, Лиды, Барановичи, Ивенца, Ивья, Рубежувич, Дворец, Корелич, Мир, Дятлов и окрестных деревень. Первая группа из 8 или 9 человек пришла после второй акции уничтожения в новогрудском гетто 7.08.1942. Организацией вывода групп молодежи из гетто, в т.ч. женщин, занимались

¹ Спасенная жизнь: жизнь и выживание в Минском гетто. С. 74.

связные и члены отряда, которых с этой целью специально посылали в гетто. К концу августа 1942 г. отряд вырос до 80 человек за счет бежавших из гетто в Новогрудке. Приток посторонних потребовал новой организации отряда. После прибытия первой группы Тувия Бельский был единодушно избран командиром. Он был прирожденным лидером, способным убедить и подчинить, бесстрашным, харизматичным и располагающим к доверию. Асаэль стал вторым командиром, Зусь был назначен ответственным за сбор развединформации. П. Фридберг, пришедший в отряд из гетто в Новогрудке, отвечал за боевую группу. Отряд был назван именем Г.К. Жукова и разделен на взводы. Он постоянно менял место дислокации, передвигаясь пешком. Усиленная пешая разведка обеспечивала охрану во время передвижения. Во время отдыха выставлялись посты, которые охраняли лагерь. Начальника штаба и комиссара на этом этапе в отряде не было из-за небольшой численности. Главной задачей отряда по решению командира (которое не разделяли другие братья и члены отряда) было спасение евреев, бежавших из гетто.

Отношение местного населения к отряду Бельских характеризует документ от 11.11.1942, в котором говорится: «Население здесь не любит евреев. Они называют их гадами. Если еврей приходит в дом и просит еду, крестьянин говорит, что его ограбили евреи. Если приходит русский вместе с евреем, все проходит гладко». С момента создания отряда Тувия Бельский пытался установить контакт с другими партизанскими отрядами в регионе. С осени 1942 г. такой контакт возник с отрядом № 96 (позже «Октябрьский»). Его командиром был В. Панченков, русский, окруженец, начинал войну на западной границе в звании лейтенанта, где командовал батальоном автоматчиков. (Отряд Виктора Панченкова начал свою деятельность в апреле 1942 г., в нем было 30 человек). В октябре 1942 г. Бельский и Панченков вместе провели первую операцию на шоссе Новогрудок – Новоельня, в результате которой была уничтожена немецкая автомашина, захвачено два ручных пулемета, 3 винтовки и несколько тысяч патронов. Такое сотрудничество во многом изменило отношение местного населения к еврейскому отряду. Приток людей в отряд из гетто окрестных городов шел очень активно. В ноябре он насчитывал уже около 250 человек. Многие приходили со своим оружием. 42-летний Л. Мальбин – бывший офицер польской армии – был назначен комиссаром отряда. На данном этапе главными задачами оставались обеспечение отряда продовольствием, а также борьба с доносчиками, которые сообщали властям о партизанах, появившихся в лесах все в больших количествах. Вельские беспощадно расправлялись со всеми, кто был причастен к гибели евреев.

В начале зимы 1942–1943 гг. были созданы две зимних базы: одна в местности под названием Перелаз, другая в Забелово, недалеко от населенного пункта Станкевич в Липичанской пуще. На каждой базе было построено несколько землянок на 20–25 человек. В декабре 1942 г. в ходе карательной операции «Гамбург» в Липичанской пуще база отряда подверглась нападению и отряд был вынужден уходить от преследования в Журавельники и дальше – в Хрепеневские леса Любчанского района. 5.01.1943 отряд подвергся нападению полиции на хуторе возле Хрепенева, 9 человек погибли. После этого отряд вернулся на старую базу в Перелаз и Забелово. В отряд продолжали приходиться одиночки-беглецы из разных мест, одновременно Тувия предпринимал попытки собрать разрозненные группы беглецов из разных гетто. Так была присоединена группа И. Кеслера (около 20 человек) из Дворца, при этом совместно была уничтожена семья полиция из Абелкевич возле д. Дворец, летом 1943 г. – 30 человек из Липичанской пущи – беглецы из гетто в Дятлове. За счет притока новых сил отряд снова вырос. В районе Перелаза и Забелово на

территории в 15 км² находилось несколько баз. На центральной вмещалось около 150 человек. Был свой госпиталь, где два врача и две медсестры лечили обмороженных. На расстоянии 600–800 м от землянок дежурили патрули. Но охрана лагеря была недостаточной. 15.02.1943 местная полиция – около 200 человек – начала прочесывать местность, и отряд Бельского снова вынужден был сняться с места, потеряв при этом одного человека и бросив все имущество. Это было второе нападение на базу отряда, которое поставило под угрозу само его существование. С 15.02 по 15.04.1943 отряд был рассеян на небольшие группы по окрестностям.

В феврале 1943 г. отряд Бельских вошел в создаваемую структуру партизанского движения Барановичской обл. Он был объединен с отрядом Панченкова, значился как вторая рота отряда «Октябрьский» Ленинской бригады. Подчинялся Лидскому межрайцентру Барановичского подпольного обкома ЦК КП(б)Б и находился под непосредственным командованием капитана Синичкина. Тувия Бельский оставался командиром роты, были назначены начальник штаба, комиссар, а также в соответствии с идеологическими требованиями созданы коммунистическая и комсомольская ячейки. 15.04.1943 Вельскому удалось собрать свой рассеянный в течение двух месяцев отряд в Старой Гуте в районе Березовки. Была проведена структурная реорганизация. Отряд разбили на роты и взводы, были выделены пешие и конные разведгруппы, восстановлены секретные посты и патрули, а также контакты с лидским гетто. В течение шести недель отряд вырос с 250 до 750 человек за счет евреев, бежавших из лидского гетто. В их числе была и группа С. Волковысского, юриста, который возглавил особый отдел отряда. На 70 % отряд состоял из вооруженных людей – женщин, стариков, детей. Подвергшись очередному нападению 9.06.1943 и потеряв 5 человек убитыми и две винтовки, отряд перебазировался в Налибокскую пущу, в район озера Кромань, где находились другие советские партизанские отряды и группы польского сопротивления, известные под назв. Армия Крайова. Согласно приказу от 19.06.1943 генерал-майора Чернышева, возглавлявшего Барановичский подпольный обком, отряд Бельских был выведен из состава отряда Октябрьский. Боевая группа в составе 140 человек, получив название отряд им. Орджоникидзе, вошла в состав бригады им. Кирова и вернулась назад в район действий около Новогрудка для проведения операций совместно с другими партизанскими отрядами, в то время как семейная группа осталась в пуще. Расстояние между зонами дислокации двух частей отряда составляло около 40 км. Кроме боевой деятельности боевая группа обеспечивала продовольствием семейную группу, которая оставалась в пуще. В середине июля – августа 1943 г. отряд Бельских пережил блокаду Налибокской пущи, осуществленную в ходе крупнейшей немецкой карательной операции против партизан под кодовым назв. «Герман». В кольце объединенных карательных сил общей численностью около 52 тыс. человек в окружении оказались пять партизанских бригад численностью около 4,5 тыс. человек, свыше 700 из них были партизаны из отряда Бельских. Главной целью операции «Герман» было полностью уничтожить партизан и их базы в пуще. Кроме того, операция предусматривала захват и вывоз рабочей силы и материальных ресурсов в Германию. Таким образом весь регион подлежал тотальному опустошению. В ходе карательной операции потери со стороны партизан составили 129 человек убитыми, 52 ранеными, 24 пропавшими без вести. В отряде Бельских потерь не было. В экстремальных условиях во время проведения карательной операции отряду Бельских в полном составе (около 750 человек) ночью совершил переход через болото на остров Красная Горка. Здесь в условиях полного отсутствия воды

и пищи отряд дождался снятия блокады и, совершив отдельными группами переход в 40 км на старую базу, собрался воедино в конце августа 1943 г.

Новый командир бригады им. Кирова лейтенант С. Васильев настоял на разделении отряда, хотя приказ генерал-майора Чернышева № 001 о выделении боевой группы в самостоятельный отряд им. Орджоникидзе был подписан только 3.01.1944. Отряд им. Орджоникидзе в составе 100 человек, в который вошел Зусь Бельский, возглавили новые командиры: украинец капитан М. Ляшенко был назначен командиром, русский В. Киян – комиссаром, русский П. Подковзин – начальником штаба. Семейная группа – отряд им. Калинина бригады им. Кирова под командованием Тувия Бельского по приказу Чернышева возвращался в Налибокскую пущу. Комиссаром отряда был назначен Л. Мальбин, начальником штаба – П. Фридберг, особый отдел возглавлял С. Волковысский. В конце сентября 1943 г. к отряду присоединились около 150 человек, которые совершили побег из гетто в Новогрудке через специально сооруженный туннель. В середине 1943 г. развернулось строительство новой базы в Налибокской пуще. Отряд разместился в 8 км от д. Клетнице. Поскольку теперь это был утвержденный командованием семейный еврейский отряд, сюда направляли евреев из других отрядов. В ноябре 1943 г. в письме комбригу Васильеву Тувия сообщал о том, что в отряде насчитывалось 804 человек. База отряда представляла собой целый город, в котором 20 жилых землянок были построены в два ряда вдоль главной улицы. В середине находились штаб, мастерские и площадка для общего сбора. Землянки были под номерами и заселялись по социальному принципу: по профессии, месту, откуда были родом ее обитатели, либо по социальному статусу. В каждой проживало около 40 человек. В госпитале и инфекционном отделении для больных тифом работали 27 врачей и штат медсестер, был зубной врач. Руководил медицинской службой д-р Хирш, д-р Ислер перешел в отряд им. Орджоникидзе. В огромном здании в центре лагеря размещались мастерские, отгороженные друг от друга перегородками. 18 портных перешивали, чинили одежду, шили из полотна белье; 20 сапожников чинили и шили обувь из шкур животных, которые выделывали в сыромятне. Несколько человек, работавших там, были хасидами, и сыромятня служила своего рода синагогой, где среди развешанных для просушки шкур люди молились. Шорники изготавливали седла и ремни; столяры делали окна и приклады к винтовкам; кузнецы подковывали лошадей и изготавливали необходимые детали для ремонта оружия. Работали шапочная мастерская, мельница, пекарня, колбасный цех. В лагере были парикмахерская, часовая мастерская, школа, баня, мыловарня. Была своя тюрьма. Всего на различных производствах было занято около 200 человек. Бригада женщин стирала на весь отряд. На общей кухне готовили суп для всего отряда, но с течением времени пользователей общей кухни становилось все меньше, т.к. в каждой землянке женщины начали готовить сами. Дети пасли стадо коров. Те, кто не умел ничего делать, охраняли лагерь, собирали и заготавливали дрова. Для детей открылась школа. На центральной площадке выступали самодеятельные артисты. Средний дневной рацион в лагере составлял 500 гр. хлеба, 300 гр. мяса и 1,5 кг картошки. Менее полезная часть отряда, которую называли «мальбуши», довольствовалась дважды в день миской картофельного супа. Когда отряд покидал базу после освобождения, каждый член отряда получил в качестве неприкосновенного запаса 2 кг сухарей и 1 кг колбасы. По мнению генерал-майора Чернышева, такой лагерь был лучшим примером тылового обеспечения любой армии. Отряд Бельских работал на нужды всех советских партизанских отрядов зоны, что доказывало его необходимость и позволило

Бельским сохранить свой отряд как единую структуру. 3.01.1944 отдельным приказом Чернышев выделил отряд им. Калинина из бригады им. Кирова. Согласно этому приказу, командование отряда должно было «обеспечивать семейному населению отряда пропитание и охрану, найти способ вооружить тех, кто способен сражаться, привлекать вооруженную часть отряда к операциям по уничтожению коммуникаций, мостов и дорог, создать как минимум две диверсионные группы из 150 вооруженных членов отряда для подрыва железных дорог, поездов и другой техники, устраивать засады для уничтожения живой силы противника». 7.04.1944 Тувия Бельский доложил командованию, что в отряде находился 941 человек, 162 из них были вооружены. 23 % от общего числа составляли женщины. Некоторые из них участвовали в боевых операциях, большинство работали в мастерских, охраняли лагерь, принимая активное участие в политической и экономической жизни отряда. В отряде было 60 детей. Результаты боевой деятельности семейного отряда Бельского: 6 взорванных поездов с живой силой, 1 железнодорожный мост и 18 мостов на шоссе, 16 автомашин с живой силой и 9 км разрушенных телеграфных и телефонных коммуникаций, 800 м железнодорожного полотна; 8 сожженных поместий и 1 пилорама, 12 боев и засад. Уничтожен 261 человек, в т.ч. немецкие солдаты, офицеры, полицаи, власовцы. Отряд им. Орджоникидзе участвовал в 33 боевых операциях, в результате которых убито 120 врагов. Взорваны два паровоза и 23 вагона, уничтожено 32 телеграфных столба и 4 моста. Потери отряда за все время его существования составили около 50 человек. Последние 9 человек погибли на рассвете 9.07.1944, когда в лагерь ворвались отступавшие немцы. 10.07.1944 отряд оставил лагерь в пуще и направился в Новогрудок. На окраине города Тувия распустил свой отряд. Удостоверение партизана получил 991 человек. В составе отряда им. Орджоникидзе было 149 человек. Два года спустя Тувия назвал общее число членов отряда – 1230 человек. Асаэл Бельский (1908–1945) воевал в рядах Красной Армии, погиб в Германии.

См.: Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 71–74.

Леонид Смиловицкий **О немцах, спасавших евреев**

Нацизм объявил евреев прямым антиподом, воплощением физического и морального уродства, опасным для всего человечества в силу их религии, национального характера и исторических судеб, и призывал к тотальному уничтожению. Этой цели служили мероприятия в идеологии, политике, экономике и культуре, организованные задолго до начала Второй мировой войны. Результатом должно было стать «окончательное решение еврейского вопроса». Политика геноцида была разработана детально, а машина уничтожения так совершенна, что, казалось, не оставляла надежды на спасение. Однако действительность обманула ожидания нацизма. Не предусмотренными оказались воля и способность евреев к сопротивлению, отношение других народов, которые не остались безучастными к судьбе обреченных.

Уникальными остаются случаи спасения при участии солдат, офицеров немецкой армии. Люди, отважившиеся на подобный шаг, при разоблачении должны были понести суровое наказание. Мотивы подобного поведения были разными. Одни немцы спасали евреев, будучи знакомы с ними в ходе совместной работы, успев установить дружеские отношения. Другие делали это из неприязни к геноциду, третьи – имея опыт общения с евреями у себя

на родине, четвертые – в минуту душевного порыва, став свидетелями массового убийства и т. д. Приведу несколько характерных примеров.

Полина Аускер (Лукинская) во время ликвидации гетто в Борисове в октябре 1941 г. пряталась на чердаке своего дома с младшими братьями (5 и 11 лет). На третий день погрома их обнаружили и отвезли в Разуваевку вблизи аэродрома Борисова. У ямы перед расстрелом ее узнал офицер-австриец, у которого она мыла полы. Он отнял девушку у начальника полиции Ковалевского, руководившего акцией, поручившись, что знает ее как русскую, усадил в машину и повез в сторону Минска. В 20 км от города высадил Полину и сказал, что больше ничего сделать не может, и предложил искать спасение самостоятельно. Девушке повезло, в д. Серебрянка под Смоленском ее приютили Лукинские, которые дали спасенной свою фамилию.

В Климовичах Могилевской области во время акции 6 ноября 1941 г. Фаина Маневич убежала из гаража, куда собрали евреев, пока готовили яму. Она уловила настроение пожилого немца (охраняли немцы и полицейские по очереди; когда дежурили «свои», пройти было невозможно) и сумела его упростить. Солдат пропустил ее между винтовкой и рукой. К вечеру того же дня в Климовичи стала возвращаться молодежь, которую отправляли на работу утром. Обычно приводили на работу полицейские, а присматривали немцы. Когда работа закончилась, молодой немец отозвал в сторону 15-летнюю еврейскую девочку Аллу Левину, двух ее сестер, Любу и Басю, и двух подруг, дал каждой по буханке хлеба и сказал: «Домой не ходите, ваших родных уже нет. Идите куда глаза глядят, если хотите жить. Мы вас не видели и не знаем». Когда стемнело, они пошли, выпал снег, и были видны следы. Полицейский Осмоловский на коне догнал девушек и потребовал золото. Привел домой, в печке еще хлеб остался печеный. Алла открыла яму с картошкой: «Вот наше золото!» Осмоловский погнался за девушками обратно в город к немцам. В комендатуре обыскали и отвели в дом напротив скверика у старого банка. Комнатуха была набита людьми. Кто молился, кто плакал, кто волосы на себе рвал. Охраняли полицейские. Они бросали булкан хлеба на всех, как собакам. Через 4 дня рассортировали по разным работам. Поселили в большом еврейском доме, в котором уже ничего не было – спали на голом полу. Ночью не охраняли, только сказали, что расстреляют, если кто уйдет. Утром пересчитывали и говорили куда идти. Алла работала все время у пожарной, доила коров, процеживала молоко, мыла полы. Были там немецкие офицеры, чехи и другие. Ей говорили: «Ты молодая, тебе жить и жить, почему не убегаешь – вас расстреляют!» Через несколько дней приехала расстрельная команда из СС, и Левина решила. Выжила, получила вторую жизнь.

Техник-строитель Эрик Порфштейн оказался свидетелем ликвидации евреев из Чехословакии, привезенных в конце июня 1942 г. в Барановичи. Уроженец Варшавы, он проживал в Праге, где был схвачен и вывезен в Барановичи. Его спас немец, проживавший до 1939 г. на бывших польских землях и назвавший себя «Янеком». Этот человек стоял в охране гетто и вывел Порфштейна за ворота. Позже Эрика и жителя Барановичей Абрама Резника «Янек» привел на квартиру пожилой польской четы Романа и Софьи Малиновских, которые жили напротив вокзала. Оттуда узники бежали в Налибокскую пуцу, где встретили партизан. В 1944 г. Порфштейн уехал в Польшу.

Еще одна история спасения в Барановичах связана с именем Цали Горановского (1925 г. р.), которого в конце 1941 г. привезли в концлагерь Колдычево. На построении полицейские жестоко избивали прибывших. Немецкий кладовщик Ерун вступился за юношу и вывел из общей шеренги. Он передавал

Цале табак, который тот обменивал на хлеб. В январе 1944 г. Горановский бежал из лагеря в составе группы из 90 человек.

Фишл Рабинов закончил ремесленное училище и приступил к работе в Западном речном пароходстве в Пинске механиком связи. С началом войны город оккупировали через несколько дней. Во время акции в августе 1941 г. он уцелел случайно, оказавшись на соседней улице, а двух его братьев расстреляли. В мае 1942 г. на воднотранспортный узел был назначен оберлейтенант Гюнтер Крыль. В ходе совместной работы у Фишла и немецкого офицера сложились дружеские отношения. Крыль не разделял политику Гитлера и пообещал юноше свою поддержку. Он предложил ему сменить фамилию на Рабцевича и взять имя Петр. Затем подготовил новые документы и познакомил с лейтенантом Фриафом из Киева. Когда в конце октября 1942 г. в Пинске началась ликвидация гетто, Крыль вызвал Фишла к себе и скрывал на квартире больше месяца, потом вручил командировочное удостоверение, отvez парня в Брест и посадил в поезд до Киева. Там Петра-Фишла встретил лейтенант Фриаф и сделал все, как обещал. После освобождения Рабинов сохранил новую фамилию.

В Минском гетто биржа труда направила работать Марка Млынского вместе с сыном Борисом осенью 1942 г. на склад, куда немцы свозили книги из библиотек, музеев, частных собраний, церквей, синагог и других мест. В завалах были перемешаны школьные учебники, журналы, художественная литература и старинные фолианты весом по 10–15 кг. В бригаду по сортировке входило 8 человек, которые знали иностранные языки, были преподавателями вузов с учеными степенями. Работами руководил капитан Альфред Рихель из штаба рейхсляйтера Розенберга. Наиболее ценные издания вывозили в Германию. Рихель в разговоре с Марком сообщил, что убийства евреев считает бесчеловечными и не имеет к этому отношения, а принадлежность к партии национал-социалистов Германии объяснил нежеланием попасть на фронт. Он подчеркивал, что стоит ему высказаться, как его немедленно разжалуют и отправят в штрафной батальон. Во время погромов в 1942 и 1943 гг. Рихель несколько раз помогал Млынским уцелеть, задерживая их на книжном складе. Весной 1943 г. отец Млынского был задержан в ходе одной из облав в гетто и погиб; Борис летом 1943 г. бежал в лес и присоединился к партизанам; после освобождения Беларуси воевал в действующей армии, по окончании войны проживал в Ленинграде.

Бориса Хаймовича и Евсея Шнитмана из Минского гетто подкармливал начальник немецкой ремонтной автомастерской на Комаровской площади. Однажды он не пустил их в гетто, сказав, что будет облава на мужчин, завел в недействующую душевую и спрятал на ночь.

Риву Айзенштадт спас офицер из Вены Рудольф Ян. Накануне одного из погромов в гетто он оставил ее ночевать в подвале.

После погрома 2 марта 1942 г. в Минском гетто были набраны новые рабочие колонны. Две из них были направлены в «Люфтгаукоманд» (летная часть), находившуюся в бывшем Доме правительства на площади Ленина (ныне площадь Независимости). Первая состояла из «гамбургских евреев», как называли депортированных из Германии и других стран Европы евреев, а вторая – из евреев уроженцев Беларуси. Старостой первой колонны назначили Ильзу Штейн, а второй – Лизу Гудкович. Они работали на отоплении Дома правительства. По железнодорожной ветке прибывали составы с торфом и дровами. Узники разгружали и на вагонетках доставляли топливо в котельную. За это получали 200 г хлеба и баланду из конины. Они познакомились

и подружились. Ответственным за организацию работ был назначен капитан Вилли Шульц, который полюбил Ильзу.

Он пообещал достать два паспорта с условием, что Лиза и Ильза уйдут вместе потому, что последняя не знала русского языка. Лиза должна была стать «сестрой глухонемой». Но паспорта достать не удалось, тогда Шульц предложил другой вариант. В командировку в Минск приехал его друг-летчик, который согласился переправить девушек через линию фронта. Однако и с летчиком не получилось, его срочно отозвали на фронт. Тогда Лиза решила использовать знакомство с Сергеем Гериным, связным Минского подполья. Он пообещал, что партизаны примут беглецов вместе с Шульцем, но потребовал найти грузовой автомобиль, чтобы вывезти из гетто 25 человек под видом разгрузки вагонов с цементом под Руденском. Шульц нашел машину-трехтонку и подготовил сопроводительные документы на 12 женщин и 13 мужчин, как было договорено с подпольщиками (Лиза Гудкович, 1917 г. р., до войны работала теплотехником на электростанции «Эльвод» в Минске. Муж Лизы, Абрам Панес, был скрипачом Белгосфилармонии. – Л. С.).

30 марта 1943 г. машина, крытая брезентом, подъехала к бирже труда на Юбилейной площади. В машину сели 25 человек, включая двух сестер Ильзы 19 и 8 лет (отца Ильзы к тому времени расстреляли, а мать умерла от тифа), а также 5 человек, которых Лизе как организовавшей побег разрешили взять. Остальные кандидатуры были подобраны нелегальным комитетом. Мужчины были вооружены, в кузове наготове находились два шофера-профессионала. Направление – деревни партизанской зоны Русаковичи, Гореличи и Кобыличи. После Руденска Шульц пересел в кабину водителя. Это был пожилой австриец, призванный по тотальной мобилизации. Проехали д. Дукоры, мост через р. Свислочь был взорван, повернули в объезд. На временном мосту стоял немецкий пост. Охрана объяснила, что машина не проедет – перед мостом ухабы, и указала другой путь – на Шацк. Машина отъехала и забуксовала в грязи. Узники вылезли и стали толкать, но были истощены, и сил не хватало. Шульц позвал крестьян, которые недалеко ремонтировали мост. Проехали Руденск, конечный пункт маршрута, указанного в документах. Набрали скорость, чтобы проскочить укрепленную станцию железной дороги. Подъехали к хутору, мост через р. Птичь взорван, а за ним – д. Русаковичи и лес. Река широкая. Это была граница партизанской зоны Второй Минской партизанской бригады (командир отряда им. Сталина Сергей Иванов). По воде плыл лед, на противоположном берегу стояла лодка. Золя Токарский бросился в воду и пригнал ее. Группами по 5 человек беглецы стали переправляться. Едва успела отплыть от берега последняя партия, как появились немецкие автоматчики, которые стреляли на ходу. Но было поздно, все уцелели.

Шульц пришел к партизанам не с пустыми руками, потом Минск бомбили. В октябре 1943 г. его и Ильзу переправили в Москву. Шульц и Ильза некоторое время жили на даче НКВД в Малаховке под Москвой, ему было 46 лет, а ей – 18. Потом их направили в отряд специального назначения Ваупшасова, где разлучили. Ильза ждала ребенка, ей предложили ехать в Биробиджан. Русского языка она не знала, но немного говорила на идиш, родила мальчика, который вскоре умер. Ильза работала закройщицей на швейной фабрике, вышла замуж и в 1953 г. переехала в Ростов-на-Дону, где родила дочь. В августе 1985 г. газета «Вечерний Минск» опубликовала письмо, подписанное Ильзой Штейн. Так произошла встреча через 40 лет.

В 1991 г. стало известно, что Шульц в 1945 г. был направлен на работу в лагерь военнопленных, где умер от менингита. Сама Ильза Леопольдовна Штейн скончалась в апреле 1993 г. (После побега Сергея Герина арестовали и отправили в Освенцим, откуда перевели в Маутхаузен; в 1945 г. он вернулся в Минск и в 1950 г. умер в возрасте 34 лет. – Л. С.).

Вряд ли к случаям спасения можно отнести ситуации, которые возникали стихийно, хотя и приводили к сохранению жизни евреев. Софья Коган осталась жива после первого погрома в Минском гетто 7 ноября 1941 г. Она находилась уже в кузове автомобиля, когда немецкий солдат высадил ее со словами: «У тебя голубые глаза и светлые волосы, таких евреек не бывает...» Григорий Добин числился сапожником в мастерской при полицейском батальоне концлагеря по ул. Широкая в Минске. Туда ежедневно водили из гетто. В мастерской кроме сапожников были портные. 20 ноября 1941 г. немецкие солдаты поставили кордон в гетто. Добин пытался объяснить, что ему нужно на работу, и показал свой пропуск. Эсэсовец, стоявший в оцеплении, спросил: «Жена у тебя есть?» «Есть», – ответил Добин. «Тогда иди домой, не надо идти на работу сегодня», – он сделал нажим на слово «сегодня». В тот день расстреляли рабочие колонны.

Раздел 3. Свидетели, свидетельства, истории

АБРАМОВИЧ (Гуревич) Майя

1937, г. Минск

Жили мы по улице Интернациональной. У нас была большая дружная семья. Наша семья – папа Гуревич Тевель Калмович 1898 г., мама Эмма Моисеевна 1903 г., брат Хаим 1925 г. Моя бабушка (мамина мама) Рубина Миня с родной маминой сестрой Раей 1923 г. жили рядом с нами. Папин родной брат Гуревич Лазарь Калмонович 1906 г., жил через дорогу от нас с сыном Ромой 8 лет и дочерью Майей 12 лет.

Началась война 22 июня 1941 г. 24 июня бомбили Минск. В городе паника, мы понимали, что нужно бежать. Семья большая, папа с братом начали искать транспорт (поезда не ходили), но не успели – вошли немцы.

С первых дней мы поняли, что к нам – евреям у немцев особое отношение. Устраивали облавы, расстреливали прямо на улицах. В сентябре 1941 г. в районе Юбилейной площади всех белорусов выселили из своих квартир, обнесли весь район колючей проволокой, у ворот соорудили вышку с охраной – Гетто для всех евреев. Ранее был издан указ: «Всем евреям покинуть свои дома, взять с собой самое необходимое и поселиться в гетто». Наша семья, семья папиного брата Лазаря, бабушка с Раей поселились в одной комнате, так как отдельного места не было.

Каждое утро папу, дядю и маму в рабочих колоннах, под охраной уводили на работу, на товарную станцию.

Мы дети, всегда голодные, с постоянным страхом ждали их возвращения.

На всех в гетто были желтые латы и клочок ткани с номером дома, где живешь.

Первый погром был 7 ноября 1941 г., второй – 20 ноября 1941 г. Погромы всегда были неожиданны, и предугадать их было невозможно.

25 ноября 1941 г. утром вывели на работу отдельно мужчин. В этой колонне были мой папа и дядя. Вечером от дяди мы узнали, что отца больше нет. Дядя рассказал, что колонну привели на Шорную улицу, и поступила команда: «Коммунисты вперед!». Папа мой был коммунистом, что случилось, о чем он думал в этот момент или вообще голова отказалась думать, он и еще несколько человек вышли вперед. Их тут же расстреляли, а дядя Лазарь упал на колени, потерял сознание – все произошло на его глазах, рядом стоящие просто поволокли его на работу. Он чудом остался жив, а мы потеряли отца.

28 июля 1942 г. был самый большой погром. Он длился 4 дня. Рабочие колонны увели на работу, в гетто остались старики и дети. 4 дня фашисты громили все дома. В нашем доме был большой чердак. Мы – дети и бабушка там спрятались. Фашисты кинули бомбу в подвал, а на чердак не заглянули. Когда на 4-й день вернулись рабочие колонны, мы услышали крики и плач. Спустились вниз мы и другие со своих «малин», кругом кровь, убитые люди и разгромленные дома. Бабушке стало плохо, и на руках у дочери Раи она умерла. Теперь дядя Лазарь заботился о нас всех.

Брат мой Хаим все время старался найти людей, которые помогли бы нам убежать к партизанам. Многим уже удалось убежать благополучно. И вот, когда уже обещали познакомить с человеком, который появился в гетто и многим помог, все оборвалось. Хаим с другом проходил мимо пьяного полицейца, тот в них и выстрелил просто так. Так у меня не стало единственного брата.

2 марта 1943 г. был еще один большой погром, погибло очень много людей, а погромов было столько, что потеряли им счет. В гетто несколько дней подряд приезжали грузовые машины, увозили женщин и детей, но обратно никто не возвращался. Все поняли, что увозят людей на расстрел.

21 сентября 1943 г. посадили на машину и меня с мамой. Машина была битком набита детьми и женщинами. Нас повезли по пустынным улицам, мы уже прощались друг с другом, а когда машина выехала на узкую проселочную дорогу, одна женщина предложила маме прыгнуть на ходу. Страх был большой, но и надежда появилась, а не рискнешь – смерть. Плохо приземлишься – все может быть, а может – повезет. Мама и еще две женщины спустились за борт детей и вслед прыгнули сами. Все обошлось, Бог помог нам.

Оказавшись в лесу, мы пошли куда глаза глядят. Днем прятались, ночью шли, а куда не знали. Лес чем мог кормил нас. Как мы были рады, когда увидели домик в лесу. Все входит в дом мы не рискнули.

Моя мама была смелой женщиной и, оставив нас в кустах, пошла одна. В доме жил лесник с семьей. Это ведь был 1943 год и люди передавали друг другу, что наши войска наступают и войне скоро конец. Нас хотя и с опаской, но приняли, накормили, дали возможность поспать. На следующий день мы опять пошли, но уже знали, что идем в сторону деревни Смиловичи. Мы вышли на дорогу и видим, идет навстречу к нам немец. Женщины стали молить его, а дети плакать. Он нас плохо понимал, но указал, в какую сторону нам идти, чтобы обойти немцев. И такое бывает.

На нашем пути попадались хорошие люди, нас прятали, кормили, дали возможность дожить до 3 июля 1944 г. и встретить день освобождения Беларуси.

Мама со мной сразу пошла пешком в Минск. Город полностью разрушен, но дом наш сохранился. Вернулась из партизанского отряда № 106 мамина сестра Рая Рубина, папин брат Лазарь Гуревич и его дети Майя и Рома из партизанского отряда им. Котовского.

Все остальные мои родственники, из такой большой семьи, погибли в гетто и лежат в братской могиле «Яма». Я сейчас живу в Израиле с детьми. Майя Гуревич-Арова тоже живет в Израиле, ее брат Рома Гуревич в Минске.

*Записала Римма Гальперина
10.2007, г. Лод (Израиль)*

АНЦЕЛИОВИЧ Лев

Представитель Совета белорусских евреев, участников и инвалидов Великой Отечественной войны, заместитель Председателя Совета, инвалид Великой Отечественной войны, награжден шестью орденами, 33 медалями, Почетный гражданин городов Кременная Луганской области, Каушаны – Молдавия, Березнеговатского района – Украина.

Мне довелось все четыре года быть на фронте, поэтому «повезло» – я не был ни в гетто, ни в концентрационных лагерях. А на фронте мы, граждане великой в то время страны, воевали, не глядя на свою национальность, ни на национальность своего соседа по окопу.

Вспоминаются слова замечательного поэта Александра Дракохруста:

Во взводе были парни из Казани,
И старый молдаванин, и еврей
Но лейтенант басил: вперед, славяне,
И все мы дружно вылезали из траншей!

Но во время войны мне приходилось встречаться со следами Холокоста, со следами еврейского сопротивления. Так, в одном из городов южной Украины,

где я был в 2009 г. по случаю 60-ой годовщины этого города, нас, ветеранов, привезли на могилу еврейской девушки Лауде, казненной немцами за участие в антифашистском движении. В г. Никополе нас привели к памятнику жертвам Холокоста, и русский, генерал Пащенко и руководитель – вице-президент Еврейского Совета Украины Александр Фельдман, и многие другие ветераны говорили прочувственные речи о евреях – участниках войны и сопротивления.

При освобождении Одессы 10 апреля 1944 г. мне довелось быть свидетелем, как из катакомб вытаскивали тела погибших участников сопротивления одесситов, в том числе и евреев, ушедших под землю, в катакомбы, но не сдавших врагу. В апреле 1945 г. мне довелось быть участником освобождения советскими войсками концлагеря Маутхаузен. В этом лагере был казнен генерал Карбышев, организована группа сопротивления режиму, среди которых были и евреи.

Недавно я был в Молдавии, Там, в одном маленьком селе Концш есть захоронение 1673 воинов 37-й Армии 3-го Украинского фронта. Все они погибли за 5 дней боев во время Яско-Кишеневской операции. На гранитных плитах памятника выбито 1673 фамилии погибших. Никто не забыт, и мы, воины, благодарны жителям этого села. Мы завоевали мир в 1945 г., чтобы никогда больше не было войны, не было Холокоста, не было преследования людей за их национальную принадлежность.

Октябрь 2010, г. Минск

БЕЙМ Лазарь (Лоуд)

Мы ушли из Поставского гетто вечером накануне того дня, когда всех нас должны были «переселять». Тех, кто остался, переселили. На тот свет. От местечка остались одни головешки.

...Отряд самообороны, который создал мой отец, его брат Бейнес и мой дядя Адам Бейм между тем существовал: добывал себе пропитание. Сначала заходили на хутора, а потом поняли, что здесь особенно не разживешься. Как ни крути, а надо было нападать на вражеские обозы, полицейские участки. В конечном счете стали нападать на поезда и грабить их: немцы тогда не особенно охраняли железные дороги. Это потом уже, когда развернулось партизанское движение в белорусских лесах, они поставили патрульных на путях, и вся железная дорога оцетинилась дотами.

Отряд наш расположился в глубоком лесу, который назывался казенным, т.е. государственным. До войны там велись лесозаготовки, и для рабочих были построены небольшие рубленые избушки – лесничевки назывались они по-белорусски. Вот в них и расположились семьи еврейские - с детьми, ортодоксальными ребя, старухами, всех их надо было накормить и одеть. Приближалась зима. И тогда отец и вся его боевая дружина опять отправились на железную дорогу. Остановили поезд, перебив охрану. А он оказался не с продовольствием, а с военнопленными советскими солдатами, которых везли в концлагерь. Их было много. Среди них несколько десятков командиров. Они сильно благодарили отца, дядю Бейнеса и Абрама. Из этого эшелона и сформировалась целая партизанская бригада, в которую вступили молодые и наиболее крепкие бойцы из нашего отряда. Я был тогда слишком маленьким, чтоб запомнить имена командиров и начальников, но отца они сильно уважали и охраняли наш семейный лагерь. Отец подчинялся командованию партизанскому, часто ходил на задания боевые, но все-таки главной своей задачей считал сберечь людей. Когда отец уходил надолго, мне было не по себе.

После того, как у гитлеровцев прямо чуть ли не из-под носа увели эшелон с военнопленными, они устроили нам блокаду. На лес пошли солдаты с танками и пушками. Боевые отряды ушли в другое место, а немецкие танки катились прямо на нас. Мы даже слышали голоса гитлеровцев, а я на всякий случай приготовил гранату, чтобы живым им не даваться. Но семейный наш лагерь молча сидел в болоте, и немцы дальше не пошли. Возвращаясь, они не смогли забрать свои танки, которые застряли в болотах. Так и бросили их. Вот уж нам, мальчишкам, была забава: мы крутили в этих танках все, что крутится, а однажды даже выстрелили из танковой пушки. Грохот был такой, что пришла разведка из бригады, и нам досталось на орехи. Но в другой раз, когда гитлеровцы пошли на партизанскую зону, уже партизаны использовали пушки этих танков. Гитлеровцы, а в большинстве своем это были полиция, так испугались, что повернули вспять. Потом партизаны сожгли эти танки.

Моя мама Рахель погибла во время блокады. Она как раз сильно заболела и лежала в лесной сторожке, не имея сил подняться. Фашисты сожгли ее вместе с лесничевкой. Это была страшная потеря для меня, потому что теперь я по-долгу оставался один, пока отец ходил на боевые дела.

Нью-Йорк.

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С.371–372.

ГЕБЕЛЕВ Михаил

...И вот читаю написанную его рукой автобиографию, листок по учету кадров (кстати, мой почерк похож на его). А вот и протокол заседаний бюро минского обкома и горкома партии, на которых он был утвержден инструктором-пропагандистом Сталинского (Заводского) райкома партии г. Минска. Затем документы военного времени, где значится, что Гебелев Михаил Лейбович назначен уполномоченным подпольного Минского горкома в гетто и секретарем подпольного Тельмановского райкома (в гетто). Мне удалось привезти копии этих документов с собой в город Буффало у Ниагарского водопада, где живут с семьями мои старшие сестры Рая и Зина.

С портретом отца в октябре 2003 г. я шла впереди колонны бывших партизан и узников Минского гетто. «Марш живых» – так называлось это шествие к одной из синагог Нью-Йорка по программе мемориального митинга-реквиема, посвященного 60-летию гибели Минского гетто, трагедии и героизма белорусского еврейства.

Страшная судьба постигла узников Минского гетто. 100 тыс. евреев было там уничтожено нацистами только за то, что они были евреями. Но эти люди не шли покорно на гибель. Гетто сражалось с гитлеровскими палачами... Долгое время в Советском Союзе замалчивалась правда о минском подполье, и особенно о подполье в гетто. Только через двадцать лет после Второй мировой войны мир узнал правду. У меня в руках номер белорусской газеты «Знамя юности» от 13 мая 1965 г. В нем опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями героев минского подполья. Среди них мы увидели и имя нашего отца Михаила Гебелева, удостоенного ордена Великой Отечественной войны II степени. Этот орден мы с мамой отдали на хранение в Белорусский музей истории Великой Отечественной войны.

Знала с детства, что наш отец был герой. Десятки людей, знавших его, помогли воссоздать образ этого светлого человека. И даже переехав в США, я открыла новые страницы жизни отца. В этом мне помог бывший минский журналист Евгений Мазо, который живет сейчас в штате Миннесота. Он прислал

мне интервью своей одноклассницы Татьяны Бойко сотруднику института Яд Вашем.

Я позвонила в Израиль, где живет Татьяна Аркадьевна, и попросила рассказать, что она помнит об отце. Татьяна Аркадьевна ответила: «Хорошо помню вашего отца. Это был исключительно честный, отважный, самоотверженный человек».

А через несколько месяцев после этого разговора я прочитала опубликованный в газете «Форвертс» очерк Григория Розинского о ребятишках гетто, оставшихся в живых благодаря Михаилу Гебелеву и замечательному человеку Василию Орлову, русскому, определявшему еврейских детей в минские детские дома. И вот совпадение – через короткое время получила письмо от Розинского, который в Израиле занимается издательской деятельностью. Он обратился ко мне с просьбой помочь в сборе материалов о чудом уцелевших в гетто еврейских детях.

Я отправила Розинскому адрес, телефон и воспоминания Валентина Скобло, живущего в Торонто. Валька Скобло в 12 лет остался круглым сиротой. Его отец, известный минский адвокат Аркадий Скобло, мать Евгения, брат Фридрих погибли в гетто. Понимая обреченность узников, мама Вали незадолго до своей смерти отправила старшего сынишку в городскую управу. Она слышала, что есть там надежный человек, Орлов, он устраивает еврейских детей в белорусские детские дома. Идея спасения детей в русских районах возникла у Михаила Гебелева после зверского уничтожения гитлеровцами детского дома в гетто. Подпольщица Хася Пруслина подсказала ему: «Я узнала, что в отделе просвещения городской управы работает Василий Орлов. Возможно, Миша, и ты его знаешь. Мы с ним окончили до войны исторический факультет пединститута, где учился и ты. Орлов – исключительно порядочный человек. На него можно положиться».

Когда они встретились, Орлов сразу согласился помочь подпольщикам. Они с Гебелевым обговорили детали. Детей в управу должны приводить русские женщины или подпольщицы из гетто, похожие на русских, чтобы не привлекать внимания немцев. Хася Пруслина с ее чисто арийской внешностью первой привела к Орлову свою дочь Зину. После войны она нашла девочку с большим трудом. Иные еврейские ребятишки, как Валька, приходили сами.

Спустя многие годы после войны звукорежиссер Всесоюзной студии грамзаписи Валентин Аркадьевич Скобло приехал из Москвы в Минск, чтобы разыскать семью Гебелева и бывших подпольщиков. Несколько лет Скобло вел поиск. Он начал работу в 70-х. Его автобиографическая повесть «На уцелевшем челне» увидела свет в 92-м. Она издана в Торонто, куда переехала семья Скобло. Еврейская тема была под запретом в бывшем СССР, особенно произведения, показывающие евреев как борцов, героев. Рукопись книги Скобло была изъята КГБ. Хорошо, что автор предусмотрительно переснял ее на микропленку и смог переправить в Канаду.

Почти такая же участь постигла книгу организатора и первого руководителя подполья в Минском гетто Григория Смоляра «Мстители гетто». Она была написана по свежим следам страшных событий, выпущена в Москве издательством «Дер Эмес» в 1947-м и почти сразу запрещена. Но тираж разошелся по стране. В моем домашнем музее в Буффало, где собрано много книг, журнальных и газетных публикаций об отце, бережно хранится и книга «Мстители гетто», подаренная автором нашей маме Хасе Беняминовне. Немало ее страниц посвящено Михаилу Гебелеву.

В повести В. Скобло «На уцелевшем челне» показано, как, вернувшись в Минск, отец разыскивал подпольщиков. Он был уверен, что в городе остались

руководящие партийные работники, но их не было. Партийная верхушка унесла ноги из города в первые дни войны, бросив жителей Минска на произвол судьбы, а еврейское население – на заклятие. Это уже потом, когда рядовые коммунисты сами создали в городе подполье, партийное руководство заявило о своей руководящей роли. Гебелев все же не был рядовым. Как инструктор райкома, он курировал многие организации. В городе его знали и уважали. Так что он сумел выйти на подполье. Было это на похоронах от важного подпольщика Якова Киркаешты, одного из руководящей тройки. Это Яков Киркаешта, Григорий Смоляр и Натан Вайнгауз, вскоре также погибший, организовали подполье в гетто. Гебелев познакомился на похоронах со Смоляром, партийным работником и журналистом из Белостока. Смоляр предложил Гебелеву занять место Киркаешты в руководящей тройке. Он понимал, как нужен в подполье именно такой человек, как отец. Сам Смоляр и погибший Киркаешта не были минчанами. А вот Гебелев хорошо знал город, знал людей в гетто и в русских районах. Отец пришел в подполье не один. Он рекомендовал довоенного друга Матвея Пруслина, с которым вместе работал в райкоме. На совещаниях, которые проводились в Столпецком переулке, был надежный актив: Роза Липская, Лена Майзелис, Эмма Родова, Циля Ботвинник, Арон Фитерсон, Евель Рольбин, Слава Гебелева. Слава была женой папиного брата Хаима. С Розой, Цилей, Эммой отец работал до войны. Неожиданно встретил в гетто Давида Киселя. До войны их многое связывало. Оба работали на заводе им. Молотова. Отец был столяром-краснодеревщиком. Эту профессию, как и три его брата, он унаследовал от своего отца Лейбы. Помню, после войны в нашем доме стоял красивый шкаф. Его когда-то сделал отец.

«...Мы снова отправили в город Михаила Гебелева – «Бесстрашного Германа», как называли его в подполье, – вспоминал Смоляр, он умел несколько раз в день пробираться в город, хотя враг подстерегал на каждом шагу. На всякий случай было приказано активистам быть настороже. Особенно это относилось к Михаилу Гебелеву, который за время своей работы в городе приобрел много знакомых вне гетто. Мы просили его быть осторожным, но это не помогало. Его можно было увидеть везде: и в подполье у молодежи, готовящейся к отправке в лес, и на нашей радиостанции, и на улице во время ухода групп в партизанские отряды».

В семьях наших родителей было по восемь детей. Отец нашего папы, Лейба, которого почитали в Узлянах как человека работающего и порядочного, растил детей один. Рахиль, жена его, умерла молодой. Наш папа, светлый шатен с голубыми глазами, внешне был похож на мать, многими чертами характера был тоже в нее. А вот твердость, отвага – это у него от отца. Когда гитлеровцы заняли Узляны, в дом 80-летнего Лейбы явились на постой два немецких солдата. Они вели себя нагло и развязно. Дед их хорошенько напоил, а потом зарубил и закопал в сарае. Сам он перебрался в Минск, в Столпецкий переулок, где в это время жил папа. Увы, дед погиб во время одного из погромов. Погибли два брата и сестра отца, племянники.

Открываю страницы «Черной книги», написанной после войны Василием Гроссманом и Ильей Эренбургом по следам трагических событий: «Гитлеровцы старались посеять национальную рознь, а еврей Гебелев для того, чтобы спасти русских коммунистов от немецкой тюрьмы, ходил в русский район и, рискуя жизнью, находил квартиры и скрывал в них товарищей. Некоторых из них он прятал в «малинах» гетто. Вблизи гетто в русском районе были созданы резервные квартиры, где проводили работу подпольщики русского района и гетто».

Одна из конспиративных квартир по улице Разинской принадлежала подпольщице Антонине Андреевне Мелентович. Я прекрасно знала Антонину Андреевну. Она относилась ко мне по-матерински. Много поведала она мне об отце: «Я хорошо знала твоего отца еще до войны, по совместной работе. А во время войны мы работали с Гебелевым в минском подполье. Однажды, в ноябре 41-го, у здания гастронома напротив Дома правительства я увидела Гебелева. Под мышкой у него был набор инструментов. Он сказал, что занимается столярными работами в магазине. Спросил, где я живу, и вскоре пришел ко мне. Рассказал, что в городе действует подполье и нужна конспиративная квартира. Я согласилась»...

Сводки из Москвы принимал подпольщик Абрам Туник. Он вспоминал: «Осенью 41-го я познакомился с Михаилом Гебелевым на одной из квартир на Юбилейной площади. Гебелев был немногословен, сдержан. Я понимал: не все можно говорить. Гебелев попросил установить приемник. Я выполнил это поручение и передавал сводки через Ханана Гусинова».

К сожалению, провал постиг весь первый состав горкома. Вместе с Казинцом были казнены и многие рядовые подпольщики. «После мартовского провала Гебелев стал одним из главных организаторов подпольной работы в городе, – читаем у Смоляра. – Михель Гебелев работал без устали. Среди бела дня, когда улицы кишели гитлеровцами, и после полуночи, когда каждый шорох отдавался гулким эхом на замерших улицах, Гебелев пробирался в город и обратно. Не зная покоя, он взялся за организацию отправки военнопленных в партизанские отряды». Руководители подполья были в растерянности: первые группы, отправленные из гетто в партизаны, или погибли, или исчезали. Почему? Еще не было обнародовано указание антисемита – начальника штаба партизанского движения П. Пономаренко: «Евреев в партизаны не брать!» Гебелев понял: нельзя отправлять людей в никуда, в неизвестность. У него созрел план: нужна своя база, нужен опытный боевой командир, который примет руководство партизанским отрядом евреев гетто. Место для отряда нашли в Старосельском лесу, где обнаружили склад оружия. Туда ушел вместе с 25 мужчинами из гетто Наум Фельдман. Но он был человек невоенный. Арон Фитерсон подсказал Гебелеву: в лагере военнопленных на улице Широкой есть опытный командир, старший лейтенант Семен Ганзенко. Фитерсон придумал, как его вызволить. Братья Арон и Лазарь Давидовичи вывезли старшего лейтенанта под мусором. И вскоре под Заславлем был сформирован партизанский отряд им. Буденного под командованием Семена Ганзенко. Наум Фельдман стал его комиссаром. Это был один из девяти партизанских отрядов, сформированных из бывших узников Минского гетто.

В мае 42-го отец стал руководителем подполья в гетто. На совещании подпольщиков города, где обсуждался вопрос о создании подпольных райкомов партии, он был утвержден секретарем подпольного Тельмановского райкома (в гетто). В состав его вошли Г. Смоляр, С. Каждан, А. Налибоцкий, Г. Рубин.

Бесстрашно появляясь в разных районах города, отец не мог избежать слежки. Гестапо требовало от юденрата выдать Гебелева, Смоляра, Фельдмана, Окуня, угрожая, что при невыполнении этого требования будут расстреляны все сотрудники юденрата. Но вновь назначенный председатель юденрата Иоффе выполнить это требование отказался. Гебелев, конспирируясь, носил три фамилии, что сбивало гестаповцев с толку. И все-таки подпольный горком принял решение отправить Гебелева в партизанский отряд им. Буденного. В грузовике оставалось место. Ехать должен был отец. Но вдруг среди остающихся он увидел своего земляка Симона Шнейдера. «Езжай ты, Симон, – сказал он Шнейдеру, – я в следующий раз». Следующего раза не было...

Как правило, пробираясь в гетто из русского района, Гебелев взамен обычного пиджака надевал другой, с желтыми прострелами на груди и спине, который хранил в тайнике разрушенного дома. Он никогда не забывал переложить в пиджак паспорт – свое главное прикрытие. На этот раз паспорта не было. Неустанно напоминая подпольщикам о конспирации, он пренебрег ею сам...

Отец был заключен в тюрьму как русский. В конце июля 1942 г. Антонина Андреевна Мелентович получила записку: «Попал в тюрьму. Найди Шугаева. Пусть поможет через полиция. Гебелев». Записка предназначалась Николаю Шугаеву, секретарю Советского подпольного райкома. Мелентович передала ее через подпольщика Василия Стасевича. Через несколько дней Василий сообщил, что Гебелеву готовят побег. В гетто и русских районах города собрали большую сумму денег, золото, чтобы его выкупить. В тюрьме нашли надзирателя, готового все сделать. Но не удалось. Михаила Гебелева неожиданно перевели из тюрьмы в гестапо. 15 августа 1942 г. после зверских пыток, не добившись признаний, Михаила Гебелева повесили. Ему было всего 37 лет.

После его гибели подпольный райком в гетто перестал действовать. Равнозначной замены отцу не нашлось. Смоляр ушел из гетто сначала на конспиративную квартиру, а затем – в партизаны. Подпольщик Давид Кисель вспоминал: «Гебелев был душой подполья. И его гибель была невозможной утратой. Когда Смоляр ушел в партизанский отряд, я оставался секретарем подпольной группы. Но сделать что-то с горсткой людей обезглавленному подполью было трудно. 28 ноября 1942 г. за нами пришла партизанская связная Броня Завало-Крайнович. Я создал группу из 19 человек, и мы вышли в сторону Грушовки».

...Когда мы с мамой вернулись из эвакуации в Минск, к нам пришел Григорий Смоляр с каким-то мужчиной. Они принесли свернутый в трубку, весь в трещинах портрет отца и документ. Это было извещение-похоронка из штаба партизанского движения. Не передать, что пережили мама и мои старшие сестры. Я была еще слишком мала, чтобы осознать потерю. Рае до войны было восемь, Зине – шесть лет. Они хорошо помнят папу. А я никогда не видела отца. У меня не было ни бабушки, ни дедушки. Потому что была война, а они были евреи...

Сколько бы рассказов мы ни слышали о гибели отца, сколько бы подтверждений этого мы ни получали, мама не верила, что его нет в живых. Я, как младшая в семье, всегда находилась при маме. Мы часто бывали с ней в семьях Зельцеров, Хаймовичей, Пруслиных, Кравчинских, Трусовых, сестер Калашниковых – всех, кто знал отца и мог рассказать о нем. Став журналистом, я мечтала написать об отце. Но мои коллеги в республиканских газетах сочувственно говорили: «Света, ты же знаешь, гетто – эта тема не пройдет».

Но однажды мне позвонила старший научный сотрудник Института истории АН БССР Анна Павловна Купреева. Она рассказала, что работает над историей Минского гетто, и попросила помочь в сборе материалов об отце. Единственная в своем институте она не побоялась взяться за запрещенную тему. Она работала над ней 15 лет. А когда завершила – работу отправили в архив...

Ее многолетний труд долго был скрыт от людских глаз. И только в октябре 93-го, когда Анна Павловна доживала свои последние дни, монография, открывшая правду о героической борьбе подпольщиков Минского гетто, была опубликована в журнале «Беларуская мінуўшчына».

Хотя Анна Павловна лично не спасала евреев, эта замечательная женщина заслуживает звания Праведника мира, потому что она спасла честь и достоинство евреев Минского гетто.

Мы долго и напрасно искали могилу отца. В 87-м году умерла мама. И мы с сестрами решили сделать символический памятник для нее и для папы. На Северном кладбище Минска в окружении березок стоит памятник в виде камертона. На нем фотомедальон двоих – папы и мамы, молодых, красивых.

Есть в Минске общая могила и памятник 100 тыс. евреев. Это печально знаменитая «Яма», где высится черный обелиск, вобравший в себя имена жертв фашистов. Воздвигнутый в 40-х годах, он находится под защитой еврейской общественности, а сейчас стал центром мемориального комплекса. Улицы, ведущие к нему, в 41–43-м годах были дорогами смерти, пропитанными кровью евреев. В 1993 г. в Дни Памяти, посвященные 50-летию гибели Минского гетто, еврейская общественность республики через газету «Авив» и областное радио обратилась с письмом к руководству Республики Беларусь с «Программой увековечения памяти жертв гитлеровского геноцида в годы Второй мировой войны». Письмо было подписано председателем общественной комиссии Маем Данцигом. Один из пунктов этой программы гласил: «Улицу... переименовать в улицу Михаила Гебелева, выдающегося героя подполья». Помню, как мне домой и в редакцию, где я работала, звонили друзья, знакомые, читатели и поздравляли с тем, что в Минске появилась улица, носящая имя моего отца. Поздравления, увы, были преждевременными.

В составе Минского подполья действовало пять подпольных райкомов. Имена четырех секретарей носят улицы города. Пятому в посмертной славе отказано. Не потому ли, что он был секретарем райкома, который действовал в гетто? Когда я в 1993-м позвонила в горисполком, чтобы узнать об этом, мне ответили прямо... Это было дико. Ведь только что я вернулась из Театра оперы и балета, где проходило торжественное заседание и где председатель Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевич говорил о подвиге Михаила Гебелева и других подпольщиков гетто. Ведь только накануне на траурном митинге в «Яме» председатель горисполкома А. Герасименко говорил о большой роли Михаила Гебелева в городском подполье.

Светлана Гебелева – дочь Михаила Гебелева.

См.: Гебелева С. Легендарный Гебелев // Всеизраильская организация «Уцелевшие в концлагерях и гетто». Режим доступа -<http://www.netzulim.org/Authors/Gebeleva.html>. Дата доступа - 05.2011; Гебелева С. Долгий путь к заветной улице Минск, 2010. – 164 с.

ГЕБЕЛЕВА Слава

... В августе 1941 г. на квартире Гебелева собрались Роза Липская; Цыля Ботвинник, Лена Майзельс и другие товарищи. Вместе с Гебелевым мы все-сторонне обсудили вопрос, как нам практически приступить к борьбе с немецкими захватчиками. Гебелев сказал нам, что в гетто будем организовывать подполье, как в «русском районе». Предупредил, что связь с ним будут поддерживать через меня. Гебелев часто приносил из «русского района» листовки, газеты, сводки Совинформбюро. Все это я передавала Р. Липской, Е. Майзельс, Ц. Ботвинник...

В первые дни организации гетто по заданию Гебелева я ходила на квартиру Пруслина Матвея на ул. Республиканскую. Там я встречалась с его сестрой Хасей и Бэлой.

М. Пруслин стал одним из руководителей подполья в гетто. Его сестра осуществляла связь с подпольем в «русском районе». По заданию подпольного комитета Х. Пруслина устраивала детей в детские дома в городе, благодаря чему спасла много детей от гибели.

На совещаниях подпольщиков я познакомилась с Григорием Смоляром, Владимиром Кравчинским, Евелем Рольбиным, Кажданом и другими.

Выполняя задания подполья, я неоднократно ходила в «русский район» к подпольщику Н. Герасименко, который жил рядом с гетто на ул. Немига. Встречалась с подпольщиком Толиком (фамилию его не помню), он жил по ул. Горького около 2-й больницы...

Чтобы ходить в «русский район», М. Гебелев достал для меня паспорт на имя Кукса Славы Семеновны. Сам М. Гебелев работал в «русском районе» в магазине напротив Дома Правительства столяром. У него был паспорт на имя Русинова.

Руководством подполья в гетто были организованы на квартирах маленькие мастерские, где мы собирались и шили маскировочные халаты, рукавицы и другие необходимые вещи для уходивших в партизанские отряды товарищей. Лично я была направлена работать в Слепянку на склад швейных мастерских при немецкой воинской части. В этих мастерских шили меховые телогрейки, рукавицы, полушубки и теплые брюки... При упаковке полушубков мы старались их порезать, в пальцы меховых перчаток клали иголки... Удавалось нам выносить оттуда скроенные детали, из которых в гетто шили ушанки, рукавицы и передавали партизанам.

В 1942 г. через своих людей, работавших на бирже труда, нашему секретарю подпольной группы т. Липской удалось узнать, что в немецкие оружейные мастерские, которые находились в здании бывшего гаража Совета Министров, нужны рабочие... Туда удалось устроить членов нашей группы коммуниста Ботвинник Ц. и комсомолку Цырлину Катю. Наши люди получили задание выносить оттуда оружие... Выносили в банках затворы с подающими механизмами, магазинные коробки. Выносили в банках для супа, сделанных специально с двойным дном, в голенищах резиновых сапог, в связках с дровами, досками...

Приносимое нами оружие мы прятали в «малинах». Все накопленное передавалось в партизанские отряды.

...В июле 1943 г., тщательно подготовившись, мы ночью вышли из гетто, с собою в отряд мы уносили 55 затворов с подающими механизмами и магазинными коробками, 7 винтовок, 1 обрез, 3 пистолета, 25 фонариков, много медикаментов, пишущую машинку, махорку, лампы к радиоприемникам, много патронов к винтовкам. К утру мы благополучно добрались до Старосельского леса, где нас встретил т. Смоляр и другие партизаны Кутузовского отряда. Позже мы попали в отряд № 106.

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Минск, 1999. С. 272–273; НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 837. Л. 14–22

ГРИНБЕРГ-ЛЕВИНА Рахиль

Погиб и мой дядя – геттовский подпольщик Самуил Линкер. В нашем дворе был еще и деревянный дом, в котором он жил. Там Самуил сделал на чердаке двойную стену, где прятались подпольщики. Там же они слушали радио и писали листовки, хранили перевязочные материалы для партизан. Его убили, когда он спустился поесть.

В районе специалистов дети могли жить до восемнадцати лет. Когда мне исполнилось восемнадцать, я ушла жить к Науму Левину, он стал моим мужем. Так получилось, что жили мы с родителями в разных концах гетто. Наум давно был связан с подпольщиками. Он ходил по гетто с пистолетом и никого не боялся, хотя это было очень опасно. И вот он получил задание:

вывести в партизанский отряд 28 человек. Мы ушли из гетто за месяц до его ликвидации – 23 августа 1943 г. А через месяц гетто перестало существовать. В отряде Зорина я несла все обязанности и тяготы, как и остальные партизаны: стояла с карабином на посту, выполняла хозяйственные работы, хотя уже ждала первенца. Он родился в партизанском отряде, наш Сашенька. И произошло это 25 января 1944 г. – в день моего рождения. Сын отряда, мой сын. О нем заботились все. Но уже в освобожденном Минске Сашенька умер.

Нью-Йорк.

См.: Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 217.

ГОЛУБ С. М.

После погрома 7 ноября 1941 г. старший брат Алексей собрал группу и 9 ноября 1941 г. по одному мы выбрались из Минского гетто и пошли в сторону Червенского рынка и далее на Лошицу, оставляя в стороне деревню, затем обошли деревню Новый Двор, станцию Михановичи справа. 10 ноября мы достигли Цыманского леса, что возле деревни Ореховка Руденского района. В тот же день мы встретились с боевой группой Владимира Артименко. После объединения двух групп нас уже было 22 человека. В группе Артименко были окруженцы, солдаты и командиры Красной Армии. Затем группа постепенно росла и выросла в партизанский отряд, которому было присвоено имя Чапаева.

Вскоре отряды Пуховичского и Руденского районов создали 2-ю Минскую партизанскую бригаду. Командиром бригады стал окруженец Сергей Иванов. В 1942 г., когда мне было 17 лет; меня назначили командиром отделения. Я принимал участие почти во всех боевых операциях. В январе 1943 г. при разгроме немецкого гарнизона в Дражне в Стародорожском районе был убит мой средний брат Лазарь 1923 г. р. Он похоронен в братской могиле в деревне Омельно Пуховичского района Минской области.

В 1943 г. штабом партизанского движения нам был дан приказ пополнить наш отряд партизанами из других отрядов, переименовать его в бригаду им. Чапаева и направить в Белостокскую область для дальнейших боевых Действий. Мы должны были разбить стоянку в Беловежской Чущи, но в связи с большим числом партизан незаметно передвигаться мы не могли, и поэтому нам приходилось часто принимать бой. И когда мы достигли Беловежской Пуци нас там ждали немцы и дали нам большой бой. Наше командование связалось с Москвой, и нам приказал передислоцироваться в Ружанскую Пуцу на место будущей стоянки нашей бригады, но действовать нужно было в район Белостока. В 1944 г. в 19 лет меня назначили командиром взвода. Когда мы соединились с нашей Армией, то многие из партизан пошли на фронт, в том числе и я со старшим братом Алексеем. Мы попали в 48-ю армию, 96-ю дивизию, 1059-й артполк.

Мы освобождали Польшу, принимали участие в разгроме фашистов в Восточной Пруссии, где 16 января 1945 г. был убит старший брат. Я участвовал во взятии крепости на Балтике Кенигсберг. Войну закончил на Косе Фришгаф. Имею ранения, контузию.

Награжден орденами Отечественной войны: I степени орденом Красной Звезды, Орденом Славы III степени, медалью «За отвагу», «Партизан Отечественной войны» I степени и медалями за взятие городов и юбилейными.

Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. Минск, 1995. С.149–150.

ЗИМАК Захар

23 февраля 2010 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Захара Ошеревича Зимака. Его жизнь является отличным примером для подрастающего поколения. Захар Ошеревич всегда задавал планку для коллег, сверстников в той части, которая касалась применения нравственных принципов. Давно известен главный принцип юбиляра: приоритет нравственных начал всегда и во всем. Об этом убедительно свидетельствуют те испытания, через которые прошел Захар Ошеревич, те славные дела, к которым он был причастен.

Основную часть своей жизни этот человек перманентно сталкивался с государственным антисемитизмом и в этих сложнейших условиях на деле доказал свой патриотизм, смог стать образцовым руководителем образовательного учреждения, на весьма солидном уровне профилировал себя как доцент вуза, проявил себя как отличный семьянин. Убедительная самореализация юбиляра по всем перечисленным позициям привела к тому, что в советский период брестчане не без оснований говорили: «В праздничные дни вся почта работает на Зимаков». Со всех уголков необъятного СССР шли поздравления Человеку с большой буквы, который с оружием в руках вносил вклад в Великую Победу, сеял разумное, доброе, вечное, заменял отца для детдомовских сирот, постоянно превращал в мастер-класс занятия со студенческой молодежью, сформулировал ряд оригинальных идей, обращаясь к философии педагогики.

Детство, юность юбиляра, его вхождение в самостоятельную жизнь протекали во Второй Речи Посполитой. Он так вспоминает о реалиях санационной Польши: «Евреи были поставлены на самую низшую ступень польского общества. По утрам раздавались крики разносчиков газет – «Новое средство от вшей и жидов!»

В армии евреям не разрешалась служить в авиации, в связи, на флоте, поступать в военные училища. В Варшавском университете избияния евреев националистически настроенными польскими студентами были обыденным делом, а на лекциях студентам-евреям запрещалось сидеть, всю лекцию они были обязаны слушать, стоя в проходах. На многие факультеты запрещалось вообще принимать на учебу евреев, на других – существовала строгая процентная норма при приеме «инородцев».

Выходец из многодетной, крайне бедной еврейской семьи, Захар Зимак успешно окончил гимназию, демонстрировал неуклонное стремление к знаниям во время учебы в Лицее естественных наук и, естественно, строил масштабные планы на будущее. Однако в эти планы вмешалась Вторая мировая война, которая, во-первых, поставила крест на Второй Речи Посполитой и, во-вторых, отмечена в истории еврейского народа печально известным Холокостом.

В созданных условиях молодой человек вынужден был бежать в Западную Беларусь. Имея статус польского беженца, он после окончания специальных курсов начал работать учителем математики и немецкого языка в Альбинской семилетней школе. В Альбе, небольшой деревушке недалеко от Коссово, был дан старт педагогической карьере юбиляра, занявшей в его биографии 44 года. Летом 1941 г., когда были летние каникулы в школе, он поехал к другу в гости в Столбцы, где и встретил Великую Отечественную войну.

Захару Ошеревичу и его супруге Александре Хильевне довелось испытать ужасы нахождения в Коссовском гетто. Вместе с тем судьба распорядилась так, что они избежали участи жертв Холокоста. Это произошло благодаря славному подвигу, совершенному в начале августа 1942 г. партизанами отряда им. Щорса, которым командовал Павел Васильевич Пронягин.

Юбиляр вспоминает: «На рассвете 1-го августа с небольшой возвышенности на окраине Коссова по немецкому гарнизону было выпущено 2 снаряда, из 45-мм орудия, имевшегося в отряде Пронягина. Эти выстрелы послужили сигналом к атаке, и в город ворвались партизаны.

Первыми были партизаны из 51-й роты (боевой группы), под командованием старшего лейтенанта Федоровича, составленной из евреев, выживших во время ликвидации слонимского гетто. Эта группа атаковала здание городской жандармерии.

С другого направления на Коссово наступали партизанская группа, составленная из окруженцев, все они были в красноармейском обмундировании, и немцы, приняв их за десантников, стали в панике разбегаться. Некоторые полицейские пытались переодеться в крестьянскую одежду, другие прятались у местных по домам. Партизаны убили свыше ста полицейских и немцев, но многие из жандармерии и их прихвостни-полицейские смогли убежать в сторону Ивацевич. Партизаны из 51-й группы ходили по кварталу гетто и звали на идиш своих собратьев: «Идн, гейт арой! Мир зенен идише партизанер. Мир вильн айх ратевен!» («Евреи выходите, мы еврейские партизаны»). Из схронов и убежищ вышло свыше 200 уцелевших евреев, местных, коссовских, а также бывшие беженцы из Польши и Германии. Пять часов продолжалась партизанская зачистка Коссова, а потом партизаны стали уходить на свою базу, в урочище «Волчы норы».

Около двухсот евреев пошло за партизанами. Чета Зимаков стала партизанами отряда им. Щорса. Она участвовала в его боевых делах. Через много лет Захару Ошеровичу в одном из интервью будет задан вполне резонный вопрос: «Вы городской человек, житель Варшавы. Без подготовки попадаете в лесную жизнь. Насколько трудно было адаптироваться к партизанским реалиям в плане быта, и так далее?» З.О. Зимаков дал следующий ответ: «Чего не знал и не умел, научился сам, или товарищи помогли. Спать на снегу или на сырой земле, сутками находиться по пояс в холодном болоте, ориентироваться в ночном лесу, ничего не есть по нескольку суток, мерзнуть и голодать, совершать переходы по 30–40 километров без привалов – все это было частью обычной партизанской жизни. Научился выплавлять тол из снарядов, делать мины-самодельки, минировать "железку".

Захару Ошеровичу и Александре Хильевне пришлось также испытать и шалман, и неоднократные угрозы физического уничтожения. Эти люди воевали и в партизанской бригаде им. Ленина, возглавляемой Васильевым.

За свои боевые дела юбиляр был отмечен медалью «За отвагу» и медалью «Партизану Отечественной Войны» 1-й степени. За подрыв ДЗОТа на станции Люсин в мае 1944 г. был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, но не получил этот орден по той причине, что на момент представления был, по официальной терминологии, «польским беженцем».

В поствоенный период Захар Ошерович вновь проходил педагогические университеты. Без малого 10 лет он будет связан с Погостом-Загородским Логишинского района: сначала как директор школы, а затем как директор детского дома. Юбиляр 12 лет возглавлял Телеханскую школу-интернат. Захара Ошеровича называли полесским Макаренко. Он всегда мог подобрать ключ к каждому воспитаннику, создавал такую атмосферу, в которой дети чувствовали себя в названных учреждениях как в родном доме. В юбиляра был влюблен весь педагогический коллектив, которому импонировали его такт, интеллигентность, трудолюбие, интеллект, отзывчивость. Коллеги подмечали, что Захару Ошеровичу имманентно присуще чувство нового. Он активно интересовался опытом лучших педагогов страны, интенсивно переписывался

с выдающимся мастером педагогического труда Василием Александровичем Сухомлинским. Подчиненные были свидетелями одновременной и в то же время продуктивной вовлеченности этого неординарного человека в самые разнообразные дела. Воспитывая с Александрой Хильевой троих детей, он успевал взваливать на себя груз директорских забот, полностью выкладываясь в преподавательском процессе, успешно работал над кандидатской диссертацией. К этому следует добавить, что З.О. Зимак был определенный отрезок времени непосредственно причастен к обеспечению безопасности в нашем Отечестве. Он вспоминает: «После войны до конца 1949 г. я, являясь членом районной «комиссии по борьбе с бандитизмом», ходил с оружием, имел удостоверение бойца истребительного отряда, которое давало право задерживать всех подозрительных лиц, и часто гонялся по лесам за мелкими бандами «зеленых» бандитов и бывших полицаев, прятавшихся в наших лесах до начала 50-х годов. На уроки в своей школе я заходил с винтовкой, ставил ее в классе возле себя, при этом еще имея пистолет с двумя обоймами в кармане».

Свыше полутора десятка лет Захар Ошеревич отдал Брестскому государственному техническому университету. Кандидат философских наук, доцент Николай Васильевич Вакульчик, много лет проработавший в этом заведении вместе с юбиляром, свидетельствует: «Это была совесть кафедры философии». Действительно, коллеги по кафедре и вузу, студенты воспринимали ветерана войны и педагогического труда как нравственный авторитет. Каждое учебное занятие, проведенное юбиляром, покидало, образно говоря, сухой остаток у студентов. Они получали глубокие знания в области философии, религиоведения, приобретали первичные навыки научно-исследовательской работы. З.О. Зимак неустанно трудился над тем, чтобы из студентов выросли настоящие патриоты своего Отечества.

Именно Захар Ошеревич впервые поднял перед властными структурами пласт проблем, связанных с трагедией Брестского гетто. Он был непосредственно причастен к установлению памятника его узникам. Юбиляр также стоял у истоков возрождения еврейской общины в городе над Бугом.

90-летний ветеран продолжает активную общественную деятельность, живя уже 17 лет в Государстве Израиль. Благодаря его инициативе в Иерусалиме появилась аллея им. Павла Васильевича Пронягина. Пожелаем же ему крепкого здоровья, осуществления еще имеющихся у ветерана планов.

Михаил Стрелец, Брестский государственный технический университет, профессор, доктор исторических наук.

Материалы подготовлены на основании воспоминаний Захара Ошеревича Зимака из личного архива З.О. Зимака.

КОКИН Самуил

26.01.1916 – 1994, г. Минск

Его отец, рабочий лесозавода, умер еще до рождения сына. Мать, оставшись молодой вдовой с грудным ребенком на руках, вернулась жить в небольшой частный дом своих родителей. Когда моему отцу исполнилось девять лет, его мама вышла замуж вторично. С отчимом у него отношения не складывались, и он стал жить у своей тети (сестры матери) в г. Смоленске.

Окончив девять классов общеобразовательной школы, в 1931 г. он поступил в ФЗУ, которое окончил в декабре 1932 г., получив специальность слесаря-автомеханика. С декабря 1932 г. по август 1936 г. он работал автослесарем на механическом заводе им. Калинина в г. Смоленске. С 1936 г. по октябрь 1937 г.

работал слесарем мастерских военэлектростроя при штабе ВВО в г. Смоленске. В октябре 1937 г. он был призван на службу в армию в Забайкальский военный округ, где сначала был курсантом, а потом младшим командиром войсковой танковой части 9364, соединения 6804.

В июле 1939 г., когда японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики, мой отец в звании младшего командира 18-го танкового батальона 8-й танковой бригады в составе 1-й армейской группы под командованием Г.К. Жукова принял участие в боях с 6-й японской армией на реке Халхин-Гол.

Будучи в армии, в июне 1939 г. он вступил в кандидаты членов КПСС, а в июле 1940 г. в период военных действий был принят в члены КПСС. В армии он прослужил до декабря 1940 г. За участие в боях на Халхин-Голе отец был награжден орденом «Красного Знамени» за № 7753. В то время таких орденосцев было крайне мало. Вернувшись в 1940 г. в Минск, он как участник боев на Халхин-Голе и герой-орденосец получил от государства меблированную комнату в доме по ул. Долгобродской, имел бесплатный проезд в городском транспорте.

В декабре 1940 г. он начал работать помощником начальника штаба ПВО радиозавода, а с марта 1941 г. работал начальником вооруженной охраны завода № 453 в г. Минске. Работая на номерном заводе, отец имел предписание в случае войны явиться на сборный пункт завода, что он и сделал. Но, когда он пришел на завод, кроме еще одного сослуживца, там никого не оказалось. Минск бомбили, город горел, и они стали уходить из города по московскому шоссе. Пешком и на попутных автомашинах они добрались до Орши, где и встретились с действующей 17-й танковой дивизией Западного фронта. Так как отец был недавно демобилизован из армии, ему сразу дали танк, и, даже не успев заменить гражданскую одежду на военную форму, он вступил в бой. В одном из боев он получил ранение в ногу и был отправлен в тыловую госпиталь в г. Арзамас Горьковской области. После госпиталя он, как имевший уже опыт боев еще и на Халхин-Голе, был направлен помощником командира взвода в 16-й учебный танковый полк, где готовили танкистов для фронта. В этой должности он прослужил до октября 1943 г. С октября 1943 г. по май 1946 г. он служил старшим арттехником отделения танкового полка. Службу он закончил в звании лейтенанта. Был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне».

Вернувшись в Минск после войны, ни свою мать, ни других многочисленных родственников, остававшихся в городе на начало войны, он в живых не нашел. Видимо, они все погибли в застенках еврейского гетто. Нашлись только его сводные брат и сестра, родившиеся во втором браке матери. В 1945 г. отец женился на моей маме, а в июле 1946 г. родилась я и в 1948 г. родилась моя сестра.

В мае 1946 г. отец демобилизовался из армии и с молодой беременной женой вернулся на свою родину – в разрушенный немцами г. Минск, и с июня 1946 г. начал работать председателем стройкома стройтреста № 1, затем работал начальником отдела кадров стройтреста № 2, потом – председателем стройкома этого треста. Будучи председателем стройкома, он возглавил строительство одного из первых послевоенных пионерских лагерей «Строитель» и до мая 1955 г. работал начальником этого пионерского лагеря.

С мая 1955 г. по 1958 г. отец работал директором учебно-курсового комбината строительного техникума. В это же время он поступил учиться на вечернее отделение строительного техникума, хотя ему было уже около 40 лет.

Закончив техникум в 1960 г., он пошел работать прорабом на стройку, построил несколько жилых домов, а затем его перевели на должность заместителя начальника строительного управления № 19 треста № 1, в которой он работал до сентября 1979 г., пока не вышел на пенсию по возрасту. Тем не менее он продолжал трудиться до марта 1987 г. в своем же управлении, только уже на более низких должностях.

В 1994 г. его не стало.

Декабрь 2010, г. Минск. Подготовила М.С. Кожина

КРАВЕЦ Лев

11.05.1930 (по документам 15.08), г. Минск.

Когда началась война, отец Абрам Лейбович, мать Лиза Израилевна, старшая сестра Хана (1928 г.), младшая сестра Майя (1932 г.) и младший брат Борис (1936 г.) жили в г. Минске. В первый день войны начали бомбить город, и наш дом загорелся. Мама успела схватить документы, и мы с мамой побежали в бомбоубежище. (Отца в это время в городе не было.) Когда в бомбоубежище попала бомба, поднялась паника, и все стали убежать в разные стороны. Мы с мамой побежали в сторону г. Логойска. Когда мы прошли где-то полдороги, стало темнеть, но было видно как днем, так горел город Минск.

Когда мы пришли в городской поселок Логойск, нас приютила одна еврейская семья. Через несколько дней в Логойск пришли немцы и сразу приказали всем евреям собраться на площади. Мама собрала нас, и, посоветовавшись с хозяевами, решили идти назад в Минск. До Минска добрались без приключений, по дороге шло много людей и на нас никто не обращал внимание. Придя в Минск, мы узнали, что комендант издал приказ всем евреям переехать в район Юбилейной площади и прилегающих улиц. Не знаю были ли перечислены в приказе названия улиц, или нет, просто не помню, этот район назывался ГЕТТО.

В гетто мы поселились на улице Флакса у жены маминого брата. Через некоторое время нас нашел отец, он хотел забрать меня и уйти к партизанам с расчетом, что я потом вернусь и заберу всех своих из гетто, но мать меня не отпустила, и на завтра отец попал в облаву. Куда их увезли, никто не знает. Потом переехали на ул. Димитрова, и жили там до погрома, который был 2 марта 1942 г. В этом погроме у нас погибла старшая сестра Хана и младший брат Борис. Я и моя младшая сестра тоже должны были погибнуть в этом погроме, но нас в это время в гетто не было, мы были в русском районе (а это значит, нужно было пролезть под колючую проволоку, чтобы полицаи не засекли, и возвратиться таким же путем назад), мать в это время была на работе (их колоннами под конвоем отправляли на товарную станцию чистить пути, и занимались погрузочными работами). Я часто ходил с мамой на работу.

После погрома нас переселили на Танковую улицу, ближе к Юбилейной площади, в одной комнате нас было человек 20–25. Спали вплотную на полу как на нарах, не разбирая, где мужчины и где женщины, дети, хотя мужчин было очень мало. Так мы прожили до октября месяца 1942 г. За это время были еще погромы, но нас они как то миновали. И вот однажды мать не пришла с работы. Люди стали поговаривать, что их колонну посадили на машины и увезли в Тростенец. Что такое Тростенец, мы тогда не знали.

Когда я с сестрой остались без мамы, я начал думать, как нам дальше жить. Есть было нечего, люди голодали и умирали с голоду, надежды, что

кто-нибудь нам поможет, не было, и я взял с собой сестру и мы убежали из гетто. Ходили по деревням, попрошайничали.

И так я с сестрой спасался от голода. Зимой приходилось возвращаться в гетто, так как негде было ночевать. Потом я сестру оставлял в гетто, а сам уходил из гетто на поиски еды. Потом я начал ходить на товарную станцию. Немцы, которые ехали на фронт, давали мыть котелки, и там оставляли немного пицци. Это было для нас спасение. Я немного еды приносил сестре.

На станции пошли слухи, что в лесах есть партизаны, и поезда, которые ехали через товарную станцию, летели под откос. На станции находиться стало невозможно. Ежедневно начались облавы. В одной из таких облав я чудом остался жив.

Стояли товарные вагоны с немцами, которые ехали на фронт, и возле одного из вагонов меня подхватили и посадили в вагон, зажав рот, и пальцами показали, чтобы я молчал, я моргнул глазами, что понял, и они мне освободили рот, и тут я услышал, как к вагону подошли полицаи (это была железнодорожная полиция, мы их называли банполицай) и спрашивают кляйне юнге, немцы, которые меня держали, показали куда-то в сторону и сказали, что я побежал под вагон. Когда полицаи ушли, они мне дали булку хлеба и консервы и высадили меня с вагона, показав, куда пошли полицаи. Я таким образом был спасен. Не знаю, знали ли они, что я еврей или нет. И было еще несколько случаев на той же станции, тоже была облава, я уже далеко отбежал от станции и вижу, за мной гонится полицай с собакой, и он стреляет на ходу. Я вижу, собака меня догоняет, и я упал, собака лапы поставила на меня и ждет хозяина. Полицай, видимо, подумал, что я мертв и отозвал собаку. Я лежал не двигаясь до наступления темноты, и после этого путь на товарную станцию был закрыт. Я возвратился в гетто, повидался с сестрой, и пошел искать партизан. Всю еду, которую я принес, я оставил ей.

Несколько дней спустя, когда я вышел из гетто с мыслями найти партизан, меня остановили двое полицейских. Один из них снял с меня шапку, потрогал мой черный, курчавый волос и сказал: «Ты жид, пойдем с нами, разберемся». По пути в полицию один из них держал меня за ворот рубашки, чтобы я не удрал от них. Мысленно я уже попрощался с жизнью, но спас меня случай. В это время навстречу нам шел немецкий офицер. Увидев, что меня тянут за ворот, он остановил полицейских и спросил, куда тянете мальчика? Они сказали: «Дас ист юде». Тогда, насколько я понял, он сказал им, я отведу его сам. В районе Площади 8-го марта он указал мне на одноэтажный дом и сказал «дас ист евангелише кирхе», и сказал обратиться к пастору. И назвал его фамилию, но, к сожалению, за давностью лет я фамилию забыл, но помню, фамилия была короткой и оканчивалась на О. Дверь этого дома была закрыта, и я возвратился в гетто. Я благодарен судьбе, что среди оккупантов были честные, хорошие немцы, которые спасли мне жизнь. Потом я с одним другом ходили по деревням и спрашивали, как попасть к партизанам. Конечно, никто нам не показал, где есть партизаны, но говорили: иди туда дальше, может быть и найдешь. И вот однажды в деревне Птичь нас остановили два всадника, на головных уборах у них были красные ленточки, мы сразу испугались, думали полицаи, но оказалось, это были ПАРТИЗАНЫ!!!. Они стали нас допрашивать, кто такие, куда и зачем идете, есть ли оружие и так далее. Потом они поставили мне условие, чтобы я вернулся в гетто и по указанному ими адресу взял людей и привел их в деревню Скирмантова, и после этого они нас примут в отряд. Я уже один вернулся в гетто и по указанному адресу взял 4 (четыре) человека и свою сестру и благополучно добрался до деревни Скирмантова. Это от Минска где-то 40 км. Партизана этого звали Лёня Опенгейм,

из отряда им. Пархоменко. После этого задания мне дали новое задание; на улице Танковой найти одного человека, и кто с ним будет привести их в отряд. Придя в гетто, я нашел этого человека, но он мне сказал, что надо подождать несколько дней, что они еще не готовы. Меня посадили в подвал, вернее, в подполье, которое называлось малиной, и никуда меня не выпускали, правда, кушать мне приносили (видимо боялись, чтобы я никуда не пропал). Через несколько дней стали в подполье приходить люди, и их собралось человек 30. Мне пришлось менять планы выхода из гетто. Посоветовавшись со взрослыми, решили выходить из гетто ночью в направлении кальварийского кладбища. И вот ночью выбрали место, это было в конце Танковой улицы, где проще было пролезть через колючую проволоку, предварительно раздвинув ее. Я вылез первый и направился к железной дороге (нам ее необходимо было перейти) и остановился в ожидании пока все выйдут из гетто. Кругом была темнота и тишина. Я подошел вплотную к железной дороге и уже собрался ее переходить, как тут случилось непредвиденное: когда я взялся за провод, чтобы перешагнуть через него, меня ударило током, и я вскрикнул «ой». И тут пошла такая паника, что я сам сначала испугался, но тут же пришел в себя и начал кричать «не бойтесь, это не люди!» Правда, сразу все успокоились и все вернулись в гетто в подполье и начали думать, как нам такой компанией выйти из гетто. Откладывать выход уже было нельзя. Пришлось менять маршрут движения.

Каждое утро немцы выводили из гетто людей на работу, их строили в колонны и конвоиры их сопровождали. К одной из колонн мы сзади пристроились, и так вышли из гетто. Риск был очень большой. Маршрут движения мы заранее обсудили, и нам нужно было идти через деревню Медвежино на Старое село, а там на Скирмантово. Шли по 2–3 человека на большем расстоянии. Я шел первым один на расстоянии метров 30–40 и в случае опасности должен подать сигнал. А сигнал был такой: если я прохожу опасный участок и не остановился и рукой не взмахнул, значит, засада. И проходя возле кирпичного завода, я в логчине в кустах увидел засаду, пробежал возле ее и вбежал на пригорок не оглядываясь, а тут из ворот кирпичного завода охрана открыла стрельбу. Хорошо, что возле дороги росла высокая рожь. Все кинулись бежать в эту рожь, по направлению к лесу, который был недалеко от ржаного поля. В лесу мы собрались, (кое-кто погиб, но людей было больше, чем первый раз, оказалось, из колонны за нами пошла еще толпа) и пошли лесом, не заходя в деревню Медвежино, старались на дорогу не выходить. Так мы с трудом дошли до деревни Скирмантово. Там уже нас поджидали партизаны. И тут начались новые приключения. Началась всеобщая партизанская блокада. Это был июль 1943 г. Все дороги были блокированы немецкими войсками и карателями. Естественно, в отряд мы сразу не попали, шли лесами, болотами, пришлось переправляться через речку (это был Желто-Неманский канал), несколько человек с малыми детьми на руках утонуло. Кругом слышалась стрельба, люди разбежались кто куда мог. Я придерживался семьи Туминых, и в одном из болот мы остановились, так как кругом уже были немцы и слышен был лай собак. Мы легли в болото между кочками и так, не двигаясь, пролежали 5 дней. Были жаркие дни, очень хотелось пить, и я разгребал мох, вдавливая ладони в болото, и когда в ладони набиралось немного воды, я ее выпивал, невзирая на то, что там плавала всякая мошकारа. Когда выстрелы утихли и прекратился лай собак, мы стали осторожно подниматься и увидели партизан на лошадях. Их было много. Сразу на душе стало легче. Из болот начали выходить женщины, дети, партизаны. С нашей группы не все собрались, кто погиб, кто пошел с другими партизанами. Я придерживался семьи

Туминых, с нами был партизан Лёня Опенгейм, а жена Тумина, была родной сестрой Лени. По дороге лежали убитые лошади, коровы. И у кого были ножи, отгребали червей и отрезали нам по кусочку мяса, а мы на палочке его подогревали на костре и ели. Странно, что ни у кого не болели животы, правда, ягодами черники закусывали. Благо, ягод было море. Путь был небольшой, и вот нас привели в отряд им. Пархоменко. Взрослых командир оставил в отряде, а нас, т. е. женщин и детей отправили в семейный отряд им. Зорина. Сначала и меня как проводника хотели оставить, но все же, как и других малолеток, отправили. Там я встретился со своей сестрой Майей и многими знакомыми, в том числе и с Мишей Столяром. И началась у нас партизанская жизнь. Так как было только несколько землянок, а нас прибывших было человек 30 и более, то стали строить землянки. Скоро зима, и мы начали к ней готовиться. Нас привлекали к повседневным заботам. Стали выставлять в дозор. Стояли на посту. Полицейские всегда могли нагрянуть на нашу базу. Потом стали посылать в разведку. Мы-то маленькие, хотя, к примеру, мне было 13 лет, но выглядел на все 8. Думаю, мало кто мог заподозрить. Например, пришлось захаживать в деревню Теребейное. В одну из таких разведок узнал, что немцы собирались угонять коров в Германию. Так вот мы все эти 37 коров и перехватили. Забрали для нужд отряда. После войны из этого вышел курьезный случай. Рассказал в архиве сотруднице Марковой этот случай, а она подумала, что был пастухом. Вот и не выдала справку о моем партизанском прошлом.

Ходили и на железку. Обычно в группе были опытные подрывники, а мы, малолетки, должны быть разведчиками. Выходили, смотрели и если все в порядке, тогда после сигнала на дорогу выходили поопытнее. Они делали свое дело, а мы, замаскировавшись в кустарнике, ждали подхода поезда, чтобы при помощи веревки длиной 30–50 метров, а может и больше, рвануть чеку. Один раз еле живыми убежали. Вот только поставили мину, вдруг видим внизу вместо привычного маршрута по шпалам идет патруль по откосу дороги. Убегаем. Пришлось взорвать мину. Так повредили только рельсу, а не поезд, как планировали. Собаку немцы не спустили, так мы благополучно добрались до отряда. У нас-то одна винтовка на четверых.

На этом приключения мои по спасению закончились. Кого выводил из гетто, я не помню, кроме семьи Туминых. Из этой семьи в живых в настоящее время, сын Гарик, и его сестра Геня (она родилась после войны), которые живут в Лос-Анжелесе.

В партизанском отряде находился до освобождения г. Минска Красной Армией. Потом детский приемник, оттуда меня направили в детдом № 12 для мальчиков, а сестру в детдом № 11 для девочек. И так для нас окончились военные приключения и пошла мирная жизнь.

Родственников у меня никого не осталось в живых. В городском поселке (местечко) Березино жил мой дедушка, фамилия его Зеңдель, звали Израиль, но во время войны его и их семью гитлеровцы уничтожили. Когда я повзрослел, я приезжал в Березино, думал, найду хоть какие-нибудь следы, но там жили совсем другие люди и дедушку моего они не знали. На этом поиски родных я прекратил, хотя знал, что у меня есть родной дядя в Америке, но в те времена об этом говорить никому было нельзя.

Знакомых, которые пережили оккупацию у меня много.

Вот пожалуй и все.

г. Минск, 2010

подготовил Кузьма Козак

КАПЛИНСКИЙ Михаил

...Мы уходили из гетто ночью. Часа в два наша группа (Шолом уже знал дорогу) перелезла через колючую проволоку и пошла за город. Мы заблудились, потому что он был в отряде только один раз. Под утро опять чуть не попали в город, побежали в лес, переждал день в ближайшем лесу. Евреев, особенно с детьми партизаны встречали не очень хорошо. Был такой случай: в лесу нас догнали двое полицейских на лошадях начали кричать: «Юдэ, Юдэ!» (что значит евреи унижительно). А тогда у винтовок, чтобы можно было их прятать, обрезали дуло. У одного из наших товарищей был под пиджаком такой обрез. Он выстрелил в полицейского, но не попал, потому что опыта никакого не было. Те начал кричать: «Что вы делаете? Мы же партизаны перетые!» Какие у них были намерения, я не знаю, но это были первые партизаны, которых мы увидели. Мы им все рассказали, они посоветовали, куда нам идти.

– *Когда это было?*

– В конце июня 1943 г. Потом мы долго путались. Нам подсказали, что есть еврейский отряд под командованием Шолома Зорина, и привели нас в этот отряд. Он находился далеко от Минска – в Налибокской пуще (Ивенецкий район, Барановичская область). А потом нам объявили, что 21 октября 1943 г. Минское еврейское гетто было полностью ликвидировано.

Партизанский отряд, в который я попал, был большой, в основном семейный. Всего в нем находилось человек шестьсот, но среди них были дети, женщины, старики. Воевать могли только около ста мужчин. Из них и создавались вооруженные группы.

– *Они всех принимали в партизаны?*

– Это был еврейский отряд. Принимали всех.

– *Как вы там жили?*

– Условия были очень тяжелыми. Доски, покрытые соломой, служили нам кроватями. У меня была только одна рубашка. Чтобы ее постирать, зимой приходилось ходить в одном пиджаке. Бросали одежду в котел, кипятили, чтобы убить насекомых, и вывешивали на мороз. Когда высыхала моя рубашка, я надевал ее опять и так ходил. Сейчас подумать: лежал снег, а я ходил в одном пиджаке на голое тело и ждал, когда моя единственная рубашка высохнет и я смогу ее снова надеть!..

Были большие котлы со старых кухонь советских частей. В них варили то, что было. Конечно, пища была очень скудная: в основном в кипятке засыпали муку и размешивали. Кушали почти без соли, зубы даже шатались. Наши партизаны очень много разъезжали: были полицейские районы, откуда можно было забирать еду, были даже целые стада, которые паслись под наблюдением полицейских, потому что крестьян в тех районах уже не осталось, деревни были уничтожены. Как-то нас, юношей, взяли с собой, и мы в ноябре 1943 г. одежде переходили через речку, прятались, потом отбили у полицейских стадо коров. Эти коровы помогли на выжить. Были огромные поля, с которых некому был убирать хлеб; партизаны сами его убирали. У каждого партизанского отряда был свой район, где можно был что-то брать, косить, сеять. И так выживали.

– *С кем Вы были в этом партизанском отряде*

– Один. Родителей уже не было.

– *А друзья?*

– Шолом Грингауз, который вывел нас из гетто. Так же там было очень много знакомых из Минска.

Не могу забыть мою последнюю встречу с Шоломом 3 января 1946 г., когда мы как отличники учебы были приглашены на Новогоднюю елку, устроенную правительством БССР. Случился страшный пожар, в котелом сгорело более 200 человек. До сих пор перед моими глазами стоит Шолом, который помог спастись многим юношам и девушкам, а сам трагически погиб, считаю, что пока жива память, жив человек. Когда приезжаю в Минск, то всегда навещаю могилу моего друга на Военном кладбище по ул. Козлова.

– *Была ли в вашем партизанском отряде еврейская община?*

– Да, была, старики молились. Они говорили, что Бог помог им убежать, выжить, и они благодарны Ему за это.

– *Праздновались ли еврейские праздники?*

– Насчет леса не помню: там котел был один для всех, и что-то кушать отменно они не могли. Но в гетто обычаи соблюдали – немногие, но кто мог, соблюдал.

– *Можете рассказать про Шолома Зорина, кто он был?*

– Ему было лет сорок пять. Раньше он был в другом партизанском отряде. Когда в партизанских отрядах появилось очень много евреев, ему предложили с кавалерийским взводом отделиться и взять под свою опеку всех евреев, которые не могут воевать. Так появился семейный отряд номер 106, как он потом назывался (в Беларуси действовал штаб партизанского движения, и каждый отряд имел свое название и номер). Этот отряд был полностью самостоятельным: он должен был сам себя кормить, сам себя охранять и выживать.

– *Сколько Вам было лет?*

– Четырнадцать. Мне доверили стоять в дозоре. По дорогам, где могли появиться немцы, выставляли заставы за два-три километра до отряда. Всего было семь расчетов. Выстрелом нужно было предупредить о появлении немцев, чтобы отряд знал, что нужно прятаться, разбежаться или защищаться. Такие заставы были на трех-четырёх дорогах, которые вели в этот лес. И я тоже стоял на такой заставе, один с большой винтовкой.

Был интересный случай. Зимой я вдруг увидел огоньки, подумал, что это немцы, и уже хотел начать стрелять. Потом вижу, они не приближаются, а отходят, но их много. Думаю, неужели немцы идут с фонариками и позволяют себя обнаружить? Когда я позвал старших, мы долго смеялись: оказалось, что это были волки. Сейчас смешно – а тогда было страшно...

– *Были и другие эпизоды?*

– Были. Группа нашего отряда попала к полякам (аковцам) которые были воинственно настроены по отношению и к советской власти, и к евреям. Десять наших партизан – они были на лошадях – окружили, забрали оружие, долго издевались, а потом расстреляли. Когда мы об этом узнали, был траурный митинг. Потом их перезахоронили в районе Ивенца. Сейчас на том месте, где они погибли, стоит памятник. Мы собирались у этого памятника каждый год.

Есть еще один эпизод, который надо упомянуть. Красная Армия освободила Минск, к нам в пущу приехал командир и сказал, что в этом районе окружена большая группа немецких войск – это был «Минский котел». Немцы пробивались к себе в Германию. Естественно, они шли через леса. Поступил сигнал, что идет большая группа немцев. У нас оставалось очень мало винтовок, немцы были хорошо вооружены. Они прошли через наш отряд очень легко, расстреляли тех, кого увидели. За ними они не гнались: их задачей было уйти максимально далеко от Минска в сторону запада. Шесть человек погибло, многие были ранены, в том числе и командир отряда Зорин. Потом

ему ампутировали ногу: началась гангрена. Помню, как он, окровавленный, лежал на тележке в сене, держал пистолет возле головы и говорил: «Я живым не дамся». Мы думали, что пойдет еще вторая группа немцев, – но такого больше не повторялось. Погибши тоже похоронили под Ивенцом, и каждый год мы ездил туда, красили памятник, возлагали венки. Сам Зорин потом уехал в Израиль.

– *Встречались ли Вам в это время другие еврейские партизанские отряды?*

– Да, недалеко был крупный отряд им. Бельского. Естественно, мы с ними встречались. Запомнилось: одну из встреч немцы бомбили лес, в котором мы находились. Это была страшная картина: самолеты летели очень низко – знали, что у нас кроме винтовок НИчего нет. Деревья от взрывов бомб падали. Иногда нам заезжали и другие партизаны, но редко.

– *Были ли в этом отряде немецкие евреи?*

– Нет, немецких евреев, которые пережили гетто, не было: их всех расстреляли. Многих расстреливали Тростенце. Когда я работал в казармах Белполка, нас однажды повезли в Тростенец. Там нужно было заготавливать дрова. Это было как раз возле тех больших рвов и ям, куда привозили немецких евреев и там же прямо из составов расстреливали. Это было в Малом Тростенце. Там сейчас стоит памятник.

– *Вы были свидетелем расстрелов?*

– Нет. Там была одноколейная железная дорога. Нас привозили в другой день, не тогда, когда расстреливали. Но нам местные жители говорили, что в два определенных дня прибывают составы, и там расстреливают евреев с западной Европы.

– *Вы с ними не встречались?*

– Нет, сам не встречался. Но я встречался с теми, которые жили в отдельном районе в Минском гетто. Мы могли общаться, но жили они отдельно.

– *Какие отношения были у вас с ними?*

– Первое время они как-то высокомерно себя вели.

Им сказали, что они сюда приехали делать бизнес. Но потом, когда у них начали все отбирать и уничтожать их самих, они поняли, что их обманули, что они такие же смертные, и их тоже расстреляют, как и нас.

– *На каком языке они говорили?*

– В основном по-немецки.

– *А Вы с ними?*

– Во время войны я хорошо говорил по-немецки, потому что жизнь заставила работать при немцах, а немецкий немножко схож с еврейским, на котором говорили мои родители и бабушка с дедушкой. Мне легко было его освоить. Когда я потом поступил в техникум, то выбрал немецкий язык для изучения именно потому, что хорошо им владел.

– *Вы сказали, что встречались с другим еврейским партизанским отрядом. А с другими советскими партизанами?*

– Да, иногда встречались. Русские бывали у нас, когда ехали на задание, подрывать поезда или какие-то засады делать, иногда они заезжали к нам покормить лошадей. Партизаны передвигались или пешком, или на лошадях. В крупных отрядах были машины, но я их не видел.

– *А как советские партизаны относились к евреям?*

– Первое время плохо. Кого-то принимали в отряд, кого-то просто гнали, а у некоторых отбирали оружие и отправляли на все четыре стороны. В 1942–43 году существовало много мелких еврейских группок, которых никуда не хотели брать. Нередко они возвращались назад или бродили сами по

себе и в результате погибали. Но потом отношение к нам изменилось: евреев уже принимали в отряды, многие из них отличились в боевых операциях, подрывали поезда, даже были командирами отрядов...

– *Откуда Вы это знаете?*

– Рассказывали те, кто потом прибывали к нам в отряд. И листовки были.

– *Может быть, вы хотели бы рассказать еще каких-то эпизодах из Вашей партизанской жизни?*

– В отряде особенно старались поддержать детей. Совсем маленьким и матерям с грудными детьми с давали лучшее – мы уже были юношами и питались из общего котла. Обстановка была очень тяжелая, в любой момент могли нагрянуть немцы: они устраивали так называемые облавы. Если немцы знали, что в этом лесу есть партизаны, они его окружали, посылали войска, сжимали кольцо и старались уничтожить эту группу партизан. Такие случаи были и у нас. Партизаны уходили поглубже в леса, в болота, сидели по два-три дня по шею в грязи. Часть из них погибала. Потом, когда немцы уходили, отряд опять собирался. Радио слушали свободно, были хорошие приемники, были листовки, привозили газеты из других отрядов, куда их сбрасывали самолетами. Самолеты доставляли оружие, забирали больных из других отрядов. Поэтому мы знали обстановку, знали, что Красная Армия вступила в Беларусь, что идет освобождение...

– *Расскажите про освобождение.*

После того столкновения с немцами, когда ранили Зорина, нас посадили на машины и привезли в Минск. Рассказали всем, кто где живет. Выдали нам справки, документы, и каждый пошел, кто с семьей, кто без семьи. Я вернулся в свой старый дом во 2-м Опанском переулке. Там жила русская семья (потом они уехали в свой район). Они освободили одну комнатку. Позже появились другие евреи, родственники и соседи, которые жили в нашем доме.

Декабрь 1995, г.Бруклин (США). Записано Даниэлем Сэддисом. См.: Завольнер Г., Каплинский С. Судьбой написанные строки. Минск, 2007. С. 97–104.

ЛАПИДУС Альберт

Мой папа тоже пошел на фронт, оставив меня, жену, которая ждала ребенка, и старых родителей. Взрослые прощались сдержанно, а я плакал ужасно. Бомбежки, трупы, пожары ошеломили меня, а разлука с отцом была для меня страшным потрясением...

Мой отец Израиль Абрамович Лапидус с первого дня войны был на фронте. В сентябре 1941 его часть попала в окружение под Вязьмой. Отец попытался несколько раз перейти пинию фронта, пробиться к своим. Но все его попытки оказались Неудачными. И он принял невероятно трудное решение: вернуться домой, к семье. Шел один, выбирая глухие дороги. Он свято верил в партию и не расставался с партийным билетом. Нес его в рукавице. В одной деревне его задержал патруль, повели на допрос к немецкому офицеру. Там, в сенях крестьянской хаты, стояло корыто с зерном, и отец незаметно умудрился сунуть туда билет, а на обратном пути вытащил его оттуда. Конвоир отвел его на чердак сарая, где решения своей судьбы ждали еще пятеро пленных. С того чердака отец сбежал, разобрав крышу. Однажды замерзал в лесу, выбившись из сил и уже простившись с жизнью. Его полуживого подобрала попадья и привезла на телеге в деревню. Отец прожил в семье священника несколько дней. В дорогу его одели, дали хлеба и сала. Более 500 километров прошел отец, еще несколько раз попадал к немцам в лапы и сбегал, и в ноябре добрался до Минска.

О нас он ничего не знал. Когда стемнело, пробрался на территорию гетто. На улице Флакса еще до войны жили наши родственники. Отец пошел к ним, чтобы узнать что-либо о нас, а мы – как раз там.

...Раздается стук в дверь, на пороге – папа, изможденный, бородатый, седой. Судьба даровала нам счастье увидеть его живым и невредимым. Эту встречу невозможно описать.

– Ты пришел чтобы вместе погибнуть? Чтобы вместе пойти к яме? – сквозь слезы спрашивала мама.

– Нет, я своего сына к яме не поведу, здесь мы не останемся, убежим, обязательно убежим.

Я слушал папу с надеждой и восторгом

Папа находился в гетто на нелегальном положении. Он не мог и не хотел регистрироваться в юденрате, его хорошо знали в городе.

На нашей улице была знаменитая «малина», которую сделали братья печники. Когда ее по доносу предателей раскрыли, то приехала немецкая кинохроника снимать еврейские хитрости. Даже сам гайляйтер Белоруссии генеральный комиссар Вильгельм фон Кубе приезжал смотреть эту «малину». Лаз здесь начинался со стоявшей во дворе уборной, от него через всю улицу шла траншея, так что спасающиеся оказывались в подвале соседнего разрушенного сарая. В нашем доме вход в «малину» был под печкой. Этот узкий лаз переходил под полом в траншею, вырытую по периметру дома, а вдоль траншеи стояли скамейки.

«Малины» были разные, каждая со своим секретом. Немцы, а особенно полицаи знали о существовании «малин», но найти вход в тайники не могли. Поэтому, врываясь в дома, они простреливали пол, стены, потолок. Как ни прискорбно об этом говорить, но еврейские полицаи, называвшие себя «оперативниками», помогали немцам обнаруживать «малины».

Помню, в одной из «малин» произошла трагедия, ужасней которой себе невозможно представить. Среди людей, прятавшихся в «малине» была молодая мать с ребенком. В то время, когда наверху орудовали гестаповцы, ребенок заплакал, – это для всех означало смерть, и мать прикрыла ему рот подушечкой. Когда немцы ушли и все поднялись наверх, ребенок был мертв.

Дошли слухи, что в Руденском районе, где раньше работал отец, в больших лесах возле деревни Коподино действует партизанский отряд Николая Покровского. Папа его отлично знал, вместе работали. Уходя, он нам сказал: «Когда найду партизан, вернусь за вами или пришлю связного, здесь я вас не оставлю». Рано утром папа, Абрам Гантман, Лев Гуревич, Давид Кантор тронулись в путь. Был трескучий мороз – тридцать градусов. Они рассчитывали на то, что в такую погоду на дорогах будет спокойней, меньше риска. К концу дня они благополучно добрались до Колодинского леса. От мороза и пронизывающего ветра еле держались на ногах. Всю ночь провели у костра в лесу. Когда рассвело, отправились на поиски партизан. Но весь день пробродили безрезультатно. На следующий день они нашли партизанский лагерь, но он был пуст – партизаны ушли. Поскольку продолжать поиск было бессмысленно, они решили возвратиться в гетто.

Вскоре папе удалось связаться с подпольным центром, и он активно включился в его работу. Ему было поручено создать боеспособную группу, которую он должен был вывести в лес и создать партизанский отряд. Подпольная организация гетто состояла из «десяток». Руководитель «десятки» являлся членом подпольного комитета. В первые месяцы 1942 г. в гетто было 12 «десяток». Это не значит, что в них было ровно 10 человек. Могло быть гораздо больше. Этими боевыми ячейками Минского подполья руководили Наум

Брустин, Лев Гуревич, Михаил Каган, мой отец Израиль Лапидус, Роза Липская, Матвей Пруслин, Иоэль Рольбин, Наум Фельдман и другие. Знали друг друга только члены своей «десятки», этого требовали законы конспирации.

Подпольную типографию – первую и единственную в городе – создавали Михаил Ароцкер, Нина Лис, Лена Майзельс, Зяма Окунь, Александр Туник, Михаил Чипчин. Там печатались листовки, информационные бюллетени о положении на фронтах, которые подпольщики принимали по радиоприемнику. Подпольный комитет призывал узников готовиться к уходу в партизаны. В лес можно было идти только с оружием. Где его взять? Некоторых специалистов гитлеровцы привлекали к работе в оружейных мастерских. И туда были направлены самые отважные подпольщики, которые крали там пистолеты, оружейные затворы, необходимые механизмы к пулеметам. Нескольким человек поплатились жизнью: их повесили прямо во дворе мастерской. Но эта работа продолжалась. По заданию подпольного центра связывались с надежными людьми в русском районе, а те, в свою очередь, выменивали у полицаев за золотые кольца и цепочки пистолеты и гранаты. В качестве связных часто использовали геттовских мальчишек. За оружие отдавали все, что имели. Гетто вооружалось не столько само, сколько вооружало партизанские отряды.

Члены боевой группы, которой руководил папа, часто собирались у нас дома. В таких случаях мне поручалось дежурить на улице и вести наблюдение. Я прохаживался возле дома и должен был предупредить о малейшей опасности. Иногда от усердия я проявлял излишнюю бдительность, поднимая ложную тревогу. Если мои действия были более чем скромными, то более старшие ребята отличались исключительной смелостью и отвагой. Давида Герцика замучили в застенках гестапо, но он никого не выдал. Такая же судьба постигла Нонку Маркевича, у которого гитлеровцы при обыске в доме нашли несколько ящиков с патронами и радиоприемник. Гришу Каплана фашисты схватили, когда он шел на связь с подпольщиками русского района. А вот Вилика Рубежина им схватить не удалось: он стал впоследствии отважным разведчиком партизанского отряда.

На принудительных работах подпольщики выводили из строя оборудование, портили продукцию. В ответ на это немцы стали расстреливать на месте при малейшем подозрении в саботаже.

Чтобы как-то пресечь уход молодежи из гетто, гитлеровцы придумали такую пакость как круговая порука. Если из рабочей колонны исчезал человек, ночью уничтожали всех членов его семьи и соседей. Подпольщики нашли выход: врачи больницы, связанные с подпольем, выписывали справки без указания имени, в которых сообщалась причина смерти больного, а эти справки передавались в жилищный отдел юденрата. Жилотдел возглавлял Борис Дольский, который поступил на эту службу по заданию подпольного центра. До войны Борис Дольский был актером и режиссером театра имени Янки Купалы, его хорошо знали в городе. Он принял на себя великую муку: люди считали его Предателем и презирали, а он делал все возможное, чтобы их спасти. Он вписывал в медицинские справки-свидетельства о смерти фамилии людей, которые ушли в партизанские отряды или перешли на нелегальное положение. Эти лица вычеркивались из книг учета, их регистрационные карточки уничтожались.

Завершилась подготовка к побегу из гетто группы, которую возглавлял мой отец. Трудно передать наше состояние, когда мы оказались по ту сторону колючей проволоки и стали срывать с себя ненавистные желтые латы.

Но до леса еще надо было добраться. Я постоянно повторял: «Мамочка, папа, я все выдержу, я очень хочу жить». Вместе со взрослыми я прошел пешком 43 километра до Колоднинского леса.

В апреле 1942 г. группа моего отца из 24 человек, если считать и меня, выбралась из гетто, пришла в лес и стала костяком партизанского отряда номер пять, впоследствии имени Кутузова. Командиром выбрали моего отца. Через несколько месяцев в отряде было шестьдесят человек, большинство из которых ушло из Минского гетто, а к лету 1943 г. наш отряд вырос до 270 человек. Откуда я, в то время ребенок, знаю эти цифры? Дело в том, что я был в отряде, если так можно выразиться, первым историком. Детская память цепко хранила боевые эпизоды, рассказы отца, боевых партизан, чтобы рассказывать обо всем этом новичкам. Я как бы вводил их в боевую обстановку. Это была моя работа. А первым испытанием был сорокакилометровый ночной переход. Было холодно, и заботливый отец надел на меня свою куртку. Весь этот нескончаемый путь я мучился под ее тяжестью, и когда дошли до места, упал без сознания. Конечно, воевать я не мог, но у меня был маленький браунинг, которым я очень гордился. Зная назубок все виды оружия, его боевые характеристики, особенности применения, пересказывал все это новичкам.

Первую боевую операцию отец провел на шоссе Пуховичи – Старые Дороги. Это было летом 1942 г.. 60 партизан, вооруженных винтовками и четырьмя пулеметами, устроили здесь засаду и атаковали колонну гитлеровцев, ехавших на 10 машинах. Партизаны не знали, что враг по силам превосходил их. После первого залпа, когда из машин выскочили фашисты завязался ожесточенный бой. Вскоре он перешел в рукопашную схватку. На какую-то секунду партизаны дрогнули, но в это время Семен Лапидус вскочил на грузовик и крикнул: «Не дрогнем, братья, напомним им Тростенец и Тучинку». С яростью дрались бывшие узники гетто. 74 трупа оставили гитлеровцы на дороге, а восемь солдат подняли руки вверх. Но в плен партизаны не брали.

Гордостью отряда была группа подрывников, командиром которой был Абрам Халявский, в нее входили Ефим Агинский, Лазарь Лосик, Иосиф Янкелевич и другие. Не проходило и месяца, чтобы эта группа героев не сбросила под откос вражеский эшелон. 23 состава с живой силой и техникой гитлеровцев было на ее счету. К тому же ребята участвовали и в других боевых операциях.

Володя Налибоцкий еще не успел стать врачом, он только учился в медицинском институте, когда грянула война. Но в отряде другого врача-хирурга не было. Володя участвовал во всех боевых операциях как рядовой боец, но как только возникала необходимость, его оружием становился скальпель. Во время боя на болоте один из бойцов получил осколочное ранение в ногу и не мог идти. Володя под пулями сделал ему операцию, вытащил осколок, замотал чем-то ногу, и партизан пошел... Скольких людей он спас! А сам погиб в бою возле деревни Дрожня зимой 1943 г. В отряде был траур; Володю любили все.

Летом 1943 г. из Минского гетто убежали 40 детей от десяти до двенадцати лет. Все они были доставлены в наш отряд. Отец их разместил в деревнях партизанской зоны и приказал крестьянам, чтобы всех сохранили. Ребята выжили...

Во время боя у одной партизанки начались родовые схватки. Она сама у себя приняла роды под огнем в болоте, завернула ребенка в юбку, положила на кочку, прикрыла мхом и пошла в бой. После боя вернулась в болото, нашла там сына. Когда освободили Минск, эта женщина со своим сыном некоторое время жила у нас.

Никогда не забуду, как прорывались мы из блокады по открытому заболоченному пространству. Немцы специально оставили его нам для отступления,

решив уничтожить отряд с помощью снайперов, которые заранее заняли позиции на деревьях. А еще выше на бреющем полете, едва не касаясь деревьев, летали самолеты и тоже поливали нас огнем. Взрослые шли через болото, опираясь на винтовки, отталкиваясь от кочек, чтобы не утонуть. Я бы этого болота не прошел. Отец меня нес на себе, и я помню, как пуля взрыла болотную жижу прямо перед нашими носами.

7 ноября 1942 г. в деревне Горелицы командование бригады провело партизанский парад. Была трибуна, говорились речи. Девушки нашего отряда Мария Эпштейн, Фира Чарная, Аня Халявская вышили отрядное знамя. Теперь оно хранится в музее Великой Отечественной войны в городе Минске. Там же портрет моего отца – командира партизанского отряда им. Кутузова 2-й Минской партизанской бригады – Израиля Лapidуса, секретаря подпольного райкома партии.

Я многим обязан своему отцу, любить которого и быть с ним рядом при его жизни было для меня величайшим счастьем. Память о нем для меня священна.

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 437, 440, 444, 447–450.

ЛАПИДУС Сол

С 22 июня по 25 июля был на фронте. Раненный попал в плен. Бежал. С мая 1942 г. в партизанском отряде им. Чкалова. До войны жил в Минске по адресу: улица Островского 13, кв. 13. С группой бойцов пустил под откос 7 вражеских эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами на железнодорожном участке Минск – Койданово. В результате крушения уничтожены паровозы, 4 вагона живой силой, 77 вагонов с техникой, горючим, боеприпасами и продовольствием. В результате последнего «рушения уничтожено 19 цистерн с горючим и 23 вагона с боеприпасами. В боях с немецкими оккупантами показал себя смелым и отважным партизаном. Достоин правительственной награды.

Начальник Белорусского штаба партизанского движения

П. Калинин. 7 октября 1943 г.

Второй наградной лист к ордену Отечественной войны 1 степени подписан уполномоченным ЦК КПБ и Белорусского штаба партизанского движения по Барановичской области Танеевым.

«Лapidус Семен Иосифович является одним из опытейших партизан подрывников отряда им. Чкалова и имеет большое количество диверсионных действий на железных и шоссейных дорогах, участия в открытых боях, дисциплинирован и выдержан. Организовал в отряде художественную самодеятельность, активно участвует в деятельности группы Лидского подпольного горкома комсомола. Достоин ордена Отечественной войны 1-й степени.»

И вот третий документ. Он датирован августом 1944 г.

«...тов. Лapidус принимал участие в подрыве 8 вражеских эшелонов, шести грузовиков на шоссейных дорогах (путем минирования), а «рельсовой войне» им уничтожено 636 железнодорожных рельсов, в открытых боях участвовал в разгроме вражеских гарнизонов. За хорошую боевую и Диверсионную работу представляется к награждению орденом Ленина».

Все подписи командиров заверены и утверждены, но своих наград я получить не успел.

Балтимор.

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 437–438, 441, 444, 448–449, 451.

ЛЕВИН (НОВИКОВ) Иосиф

...Женщина и объяснила нам, как обойти немецкие гарнизоны и попасть в партизанскую зону. И мы туда попали. Оказалось, что не мы одни пришли сюда из гетто - сорок детей еврейских было здесь, Я решил сходить в гетто за сестрой. Когда я там появился, мной заинтересовались взрослые. Мне сказали: уведешь с собой сестру только после того, как выведешь к партизанам двух человек. И вот тебе пароль: говоривший со мной подросток протянул мне вырванный зуб и сказал, кому его отдать в отряде. А до выхода на задание меня прятали в инфекционной больнице. Оказалось, что я должен вывести из гетто не двух человек, а целую вооруженную группу. Улица Сухая была прямой, и с нее хорошо просматривалась Республиканская. И если по ней в сторону гетто ехали грузовики, значит будет погром. Ко мне пришла сестра и сказала, что на Республиканской появились черные грузовики, надо бежать. Нас уже собралось 15 человек, ждали остальных. Но больше ждать не было возможности. На Товарной станции мы спрятались в мусорных баках и жили там трое суток. Каждый день посылали кого-нибудь на разведку в гетто. Тогда и узнали, что то был последний погром – гетто больше не существует, ни одного еврея в нем не осталось. И я повел группу в село Поречье Пуховичского района. Это были подростки, но немного постарше меня...

В партизанах я принял новую фамилию – Новиков. И имя Николай.

К боевым действиям нас не привлекали, мы просто жили в партизанской зоне. Но гитлеровцы весной 1944 г. устроили блокаду, нас выловили, не зная, что мы евреи, и отправили в Пуховичи. Там погрузили в товарняк и отвезли в Белосток, а оттуда под Варшаву. Здесь был сортировочный лагерь для отбора пока еще «живой силы» для Германии. Отсюда некоторых детей давали крестьянам для работ, а вечером надо было возвращаться в лагерь. Но в один из своих походов на сельхозработы я сбежал, в лагерь не вернулся, а пошел на дальний хутор к поляку, который взял меня пасти скот. Там я и встретил воинскую часть Красной армии.

г. Стемфорд (США)

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 359–360.

ЛИПСКАЯ Роза

...Первое задание мне было дано в августе 1941 г. – установить связь с врачами гетто. Надо было доставать медикаменты, иметь возможность через врачей получать нашим товарищам освобождение от работы, т. е. поддельные справки о болезни, в случае опасности укрывать в больнице подпольщиков. Связь я установила с врачами Кулик (зав. больницы), М. А. Кирзон, Д. Б. Альперович, Марголиной (зав. тифозным отделением), Р. О. Лившиц, Соршер, Б. Кондратовской, Фаней Сапер, Раскиной. От них получала медикаменты. Через врачей по санитарной части Б. Кондратовскую, Ф. Сапер и Марголину имели связь с городом, так как у них были пропуска для выхода из гетто. Активно помогали нам врачи М. А. Кирзон и Д. Б. Альперович. Через них мы получали необходимые справки об освобождении подпольщиков от работы, прятали в больнице людей, которых разыскивала полиция.

У населения гетто я собирала одежду. Подбирала для подпольщиков надежные квартиры. Через Раю Машклейес, которая работала в паспортном столе гетто, доставала чистые бланки паспортов, которые оформлялись на нужных людей. Распространяла по гетто сводки Совинформбюро, листовки которые приносила из города А. Пруслина. До марта 1942 г. я работала в

составе подпольной группы М. Пруслина, а затем возглавила эту группу. В нее входили М. А. Кирзон, С. Дуберштейн, Л. Певзнер, Е. Зальцман, Ц. Ботвинник, С. Каплан, М. Карантаер, З. Вольпова, И. Ароцкер, Ш. Нафтолина. В живых осталось только трое - я, Ботвинник и Карантаер.

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Минск, 1999. С.275; НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 837. Л. 66–67.

ЛИПСКИЙ Феликс

Когда я оказался в гетто, мне было пять лет, а в партизанском отряде №106 – уже шесть стукнуло. Но история борьбы в гетто, работа моей мамы – отважной подпольщицы, жизнь в отряде Шолома Зорина не дает покоя и теперь: собираю воспоминания очевидцев, документы, письма, фотографии. Все это не должно пропасть. Кое-что помню и сам. А ведь ни в какой литературе (ее в Беларуси о партизанах и подполье издано немало) отряд Зорина даже не упоминается. Между тем это был не лагерь беженцев, вырвавшихся из гетто, а боевая единица. Структура отряда и его командование часто менялись, но командиром всегда был Шолом Зорин, который до того, как принял отряд, являлся командиром кавалерийского взвода в отряде им. Буденного. Одним из первых приказов командира Барановичского соединения Василия Чернышева было распоряжение создать из разрозненных групп спасенных узников семейный отряд. Комиссаром отряда стал Хаим Фейгельман, начальником штаба Айзик Мельцер. В июле 1943 г. отряд был разделен на боевую и хозяйственную роты, подготовительный взвод. Отряд рос, и это требовало строительства новых землянок, обеспечения питанием. Необходимо было собрать и сохранить урожай на полях, тех деревень, где не осталось местного населения. Были образованы 4 полевые и одна строительная бригада. Работа в них считалась как выполнение боевого задания. Она начиналась в 5 утра и продолжалась до 9 вечера (практически от темна до темна). Был сооружен зимний лагерь в землянках, которые тщательно маскировались. Начали работать пекарня, мельница, швейная, сапожная и оружейная мастерские. Они выполняли заказы всех партизанских отрядов и бригад Ивенецкой зоны.

Особо гордились нашим партизанским госпиталем. У нас были врачи высочайшей квалификации, смелые и находчивые. Они сумели в тяжелейших условиях войны, практически без лекарств и медицинского оборудования наладить медицинскую помощь больным и раненым, детям. За всю войну в отряде не умер ни один больной. Пули нас косили, но болезни – нет. Хотя по всей округе свирепствовали тиф, дизентерия. Для борьбы с чесоткой организовали собственное производство дегтя. Наши врачи оказывали медицинскую помощь всем отрядам зоны, жителям деревень. Начальником медицинской службы была преподаватель мединститута Роза Лившиц. Вместе с ней трудились врачи Фаина Васкович, Рахиль Рапопорт, Даша Фридман, Лев Пахуцкий, Соломон Смолянский, фельдшер Анна Гольбурт, медсестры Геня Кац и Ольга Лейбович. Некоторых врачей переводили в другие отряды. К осени 1943 г. в отряде уже было более 600 человек. По указанию штаба соединения каждый отряд имел свой район хозяйственного обеспечения. Продукты приходилось добывать и оружием. Были захвачены стада коров, принадлежащих полицейским. Заготовительные операции тоже считались боевыми.

Большую заботу командование проявляло о детях-сиротах. А их в отряде было около 150. Все мы были одеты и обуты, хоть и скромно, но тепло. Я носил

лапти из коровьей шкуры и штаны, скроенные из мешка. Маленьким детям всегда выдавали по стакану молока. Землянки, в которых жили дети, делали особенно тщательно, с хорошими печурками, В отряде была открыта школа. Подумать только: вокруг немцы, полицаи, смерть гуляет и подстерегает на каждом шагу, а тут – школа! Шолом Зорин, Хаим Фейгельман, Анатолий Вертгейм думали не только о насущном, а прежде всего о нашем будущем. Очень много сделала для школы Дора Зуперман. Не было тетрадей, не хватало карандашей, писали на обрывках немецких бумаг, на бересте. Я страшно завидовал тем, кто был постарше и кого взяли в эту замечательную школу.

В отряде Шолома Зорина // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 376–377.

МАЛОМЕД (ФРИДЛЯНД) Берта

Однажды Зяма сказал мне, что он хочет поговорить со мной о серьезных делах., вынул небольшой листок бумаги и дал мне. Я стала читать и глазам своим не поверила. В самом начале было напечатано на пишущей машине: «Сообщение «Совинформбюро» и дальше о положении на фронте. О том, что Москве уже не грозит никакая опасность, идут ожесточенные бои, советские войска прочно стоят на своих позициях, а в некоторых местах переходят в наступление. Было еще написано о сплочении советского народа вокруг партии и о том, что в тылу делают все для фронта, все для победы. А в конце: «Смерть немецко – фашистским оккупантам!» ниже было написано: «Прочти и передай другому!»

Я навсегда запомнила текст первой листовки, которая попала в мои руки. Гитлеровцы писали в своих газетах, которые выпускали в Минске, и которые, конечно, попадали и в гетто, что Москва захвачена, Ленинград под их наблюдением, Красная армия разгромлена.

Когда я прочитала листовку, я долго молчала, пока пришла в себя. Я спросила: «Это правда?» Зяма ответил: «Конечно, правда!» Зяма сказал, что он хочет мне что-то предложить. Он сказал: «Ты серьезная девочка, поэтому я тебе предлагаю». Он стал мне объяснять, что такие листовки должны попасть к узникам гетто, чтобы люди читали и знали правду. Он сказал, что я должна знать и понимать, что распространять эти листовки очень опасно. Если я не хочу или не могу в этом участвовать, я могу отказаться. Я сразу ответила, что я буду делать все, что нужно.

Зяма сказал, что он видел, как я вечером выхожу на улицу и не боюсь. Выходить на улицу можно было до наступления темноты. Еще он сказал, что может это сделать сам, но я маленькая и пройду долее незамеченной. Расклеивать нельзя, гитлеровцы будут искать, откуда листовки. Зяма объяснил мне, как это сделать -когда стемнеет, пройти через дворы, стараться не выходить на улицу. Листовки подсовывать под двери или просунуть в щели дверей. И не в каждом доме, а через несколько домов, потому что листовок мало. Нет бумаги, чтобы печатать больше.

Я сказала, что сразу пойду, уже наступил вечер, было темно, улицы не освещались. Зяма дал мне листовки и я пошла. Я делала все, как сказал Зяма. Передвигалась осторожно, от дома к дому. Я прошла подальше от нашего дома, выбирала, где дверь неплотно прилегала и засовывала листовку. Проходила несколько домов и опять подсовывала под дверь листовку. Когда не осталась листовок, я пошла обратно. Возле нашего дома я увидела Зяму. Он спросил, почему я долго ходила, я ответила, что ушла подальше от нашего дома. Когда мы зашли в дом, он сказал Лиде: «Какая молодец, я говорил,

что она соображает. Она пошла подальше от нашего дома». Я поняла, что он волновался за меня, поэтому ждал меня во дворе. Я спросила, когда еще надо идти, он ответил: «Неизвестно, когда будет информация и надо достать бумагу».

Я долго не могла уснуть и поняла, что Зяма связан с подпольной организацией. Это было надеждой на то, что может – быть, удастся вырваться из гетто. Я вспоминала, что всего лишь год – полтора назад я боялась вечером выйти в туалет. А вот теперь я совершенно не боялась ходить в темноте по улицам гетто в запрещенное время. Я сама не понимала, почему не боялась. Может быть потому, что постоянно находилась в смертельной опасности. Ясно помню, как хотелось жить, как страшно было быть убитой. Конечно, жить всегда хочется, но тогда, в тех страшных условиях, когда каждую минуту могли убить, стремление к жизни было особенное. Я говорила: «Пусть я погибну по дороге, но я убегу из гетто. Сосед, который слышал как я это говорила, сказал с сарказмом: «Посмотрите на эту «героиню», она убежит. Если даже убежишь, попадешь в лапы «гестапо». Вот этот страх, чтобы не попасть живым в гестапо, сковывал людей. Многие из тех, кто бежал из гетто и не знали дорогу, попадали в гестапо. Их выдавали полицаи или местное население. Немцы не знали, кто еврей, а кто нет. Но местные жители очень хорошо разбирались в этом и предавали евреев. Были и такие, которые спасали евреев, но таких было очень мало.

Маломед Б. Меня расстреляли 2 марта 1942 года... // Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предисл. И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Минск, 2008. С.102–103.

МОРОЗОВА Елизавета (Лиза МОРОЗ)

На вопрос: «Участвовали ли евреи Минского гетто в сопротивлении нацистам?» однозначно отвечаю: «Да, участвовали!».

Мотивирую я свой ответ личными воспоминаниями и воспоминаниями моей мамы – Морозовой Елизаветы Борисовны (Мороз Лизы Бейнусовны). Причем сопротивление было поголовным – каждый старался выжить! Уже то, что люди прятались от облав, спасая себя, своих детей и близких, уходили из гетто на русскую территорию, работали из последних сил, как рабы, на тяжелейших принудительных работах – это и было сопротивление. Многие погибли. Выжившие уходили в партизаны, где кто с оружием в руках, а кто другим способом боролись с немецко-фашистскими оккупантами.

Мама рассказывала, что рядом с нами, на Танковой улице, жила семья Лосик, сын которых – Лазарь выводил людей из гетто в партизанский отряд. От него мама и узнала где находятся партизаны. Два моих двоюродных брата – Фима и Борис Трахтенберги ушли из гетто в боевые партизанские отряды, а после освобождения Беларуси, – в Красную Армию, где Борис дослужился до звания капитана.

Мне повезло остаться живым только потому, что 22 октября 1942 г. мама взяла меня с собой на работу. На работе их начальник, между прочим немец, сказал всем, что гетто будет уничтожено и люди, в основном женщины с детьми, разбежались. Как мы попали в отряд Зорина – это отдельный рассказ. Моя мама в своих воспоминаниях это очень подробно описывает. В отряде Зорина мы были около месяца, а затем мою мать и меня забрали в партизанский отряд Столбцовского межрайцентра, где мама работала в подпольной типографии «Голас селяніна». Она работала там вместе с Григорием Смоляром и будущим

писателем Беларуси Янкой Брылем. Кроме газеты она набирала большое количество листовок, сообщений командования из Москвы и других различных документов. Я относил газеты и листовки в партизанский госпиталь.

Перед началом наступления Красной Армии меня переслали на самолете через линию фронта в Гомельский детский дом, а мама осталась в отряде и с оружием в руках выходила из блокадного кольца. Мама награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, орденом Великой Отечественной войны и другими медалями и знаками отличия.

Мама уехала в Израиль в 1990 г. В 2002 г. она умерла и похоронена в Ариеле. Перед смертью она прислала мне свои воспоминания о гетто, о партизанах и просила, если возможно, их опубликовать как одну из страниц Холокоста.

Октябрь 2010, г. Минск

Трахтенберг Владимир Лазаревич, бывший малолетний узник Минского гетто

ОДЕР Лев

28 июня 1942 г. во время очередного погрома погибли моя мама и бабушка. В этот день я твердо решил уйти в лес и не стал ждать, когда оттуда за нами придут. Нас собралось таких десять человек. Двое не выдержали дороги, смелодушничили, вернулись в город. Их повесили напротив юденрата. А мы все-таки пробились в отряд «Беларусь» и стали партизанами. Вскоре получили приказ группой из двадцати человек пробиваться через линию фронта. Но эта попытка не удалась: напоролись на бронепоезд, с которого нас хладнокровно расстреливали. Мне и еще нескольким партизанам пришлось вернуться. Но отряда уже не было на месте, он ушел. Тогда мы присоединились к отряду им. Ворошилова бригады им. Пономаренко.

Боевая характеристика партизана ОДЕРА:

«Тов. Одер прибыл в партизаны 15 октября 1942 г. из гетто города Минска. За время пребывания в бригаде им. Пономаренко тов. Одер вел себя достойно, в боях смелый и решительный, идеологически выдержанный, морально устойчив. Имеет на боевом счету; уничтожено 7 автомашин противника, выведено из строя 3 автомашины, взорвано 32 рельса, уничтожено 3 километра связи, участвовал в засадах, в результате чего убито 73 солдата и офицера, 26 ранено. Участвовал в разгроме вражеского гарнизона, в результате чего убито 47 солдат противника. За боевые действия удостоен двух благодарностей командования бригады.»

Подписи командира, комиссара и начальника штаба партизанской бригады им. Пономаренко.

Там я и провоевал до конца войны. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 220.

ОСИПОВА Мария Борисовна

...В оккупированном фашистами Минске под моим руководством действовали 9 подпольных групп, которые объединяли до 60 патриотов. Были среди них евреи: Рафаил Моносович Бромберг, Матиас Эфроимович Столов, Елена Давыдовна Кречегович, Франя Яковлевна Злоткина, Сарра Хацкелевна Левина и другие. Одни из них жили в гетто и были связаны с нашими подпольными группами по месту работы, другие, изменив в документах фамилию, имя и национальность, жили в городе.

Одну из подпольных групп возглавлял Р. М. Бромберг, студент 3-го курса юридического института. Он начал работать со мной в подполье с июля 1941г.: подбирал надежных людей, явочные квартиры. Доставал чистые бланки паспортов, удостоверений, которые мы оформляли для наших подпольщиков, военнопленных, которым мы помогали бежать из лагеря около Масюковщины. Помогала нам вся его семья. Мать его жены Ольга Алексеевна Липская содержала в своем доме явочную квартиру (ул. Заславская, 35). Это было удобно, так как она была портнихой и к ней часто приходили заказчики. Жену Рафаила Галину Липскую мы устроили на работу техничкой в одну из школ, где размещались немецкие солдаты. Знание немецкого языка помогало ей собирать необходимые сведения.

Активно работала в подполье жена доцента политехнического института Николая Николаевича Кречетовича Елена Давыдовна. Внешне она не была похожа на еврейку и мы оформили ей паспорт, указав в нем что она украинка. Ей удалось достать план города Минска, на котором были обозначены огневые точки, расположение воинских складов, частей. Зная немецкий язык, она делала перевод немецких документов, которые доставали наши подпольщики, писала листовки-обращения к немецким солдатам, объясняя преступный характер войны, ее бессмысленность. Эти листовки разбрасывали в немецких казармах, на вокзалах.

В группе Н. Н. Кречетовича работала Франя Злоткина. По моему заданию она с мая 1942 г. работала переводчицей на макаронной фабрике, потом в железнодорожной больнице. Ей удавалось доставать чистые бланки аусвайсов, удостоверенные печатями. Установила она связь с группой поляков, работавших по ремонту железнодорожного полотна. Поляки передавали нам сведения о движении фашистских эшелонов через станцию Минск. Во время налета советских самолетов они подсвечивали стоявшие на товарной станции немецкие воинские эшелоны.

В гетто жили работавшие с нами Сарра Левина и Ф. Столова. С. Х. Левина была рабочей еврейской колонны. Ходила на рытье траншей, разбор завалов в городе после бомбежек. Была переводчицей еврейской колонны, которая работала в городской тюрьме на складах, в мастерских. Она сообщала сведения о судьбе арестованных подпольщиков. Ей удалось составить список немецких пособников, которые получали со склада дополнительный паек. Встречи с подпольщиками города проходили в гетто на квартире Ф. Столовой. Сюда С. Х. Левина приносила медикаменты, полученные сведения из тюрьмы. Связь с гетто продолжалась до осени 1943 г.

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Минск, 1999. С.278; Из архива М. Б. Осиповой.

ПРУСЛИНА Хася

...До марта 1942 г. с двумя детьми я находилась в гетто. Там было около 300 коммунистов. С ними и устанавливала связь. Одновременно велась работа среди населения города. Встречи с коммунистами города происходили на еврейском кладбище. К нам приходили Н. Герасименко, А. Подопригора, М. Осипове сестры Ивановские, А. Езубчик, М. Батурина, М. Дементьев и другие. Из гетто н, связь с городскими патриотами ходили И. А. Лapidус, Гуревич, Н. Лис. В инфекционной больнице гетто укрывали раненых и больных подпольщиков и военнопленных.

Коммунисты гетто приняли активное участие в подготовке совещания коммунистов города по созданию минского подпольного горкома партии. От них

на совещании присутствовал М. Гебелев. Вскоре был создан центр по руководству подпольными группами в гетто, в который вошли Г. Смоляр, М. Гебелев, М. Пруслин и другие.

Подпольные группы в гетто возглавлял Г. Смоляр, М. Гебелев, М. Пруслин; Н. Фельдман, Окунь, Миркин, Гуревич, Каган, Рольбин, Р. Липская, Майзельс, Н. Шуссер, К. Гусинов...

Подпольщики гетто вели большую работу. Организовали мастерские, в которых шили одежду для уходивших к партизанам. По улице Обувной организовали тайные мыловарни. Ими руководили Рудицер и Мельцер. В домах подпольщиков собиралось оружие. Рабочие колонны приносили из города патроны, части винтовок и пулеметов, которые находили на своей работе в мастерских, воинских частях, на складах. Через посты охраны проносили в бидонах с супом, который получали за работу, прятали под одеждой. Много оружия поступало от Ц. Ботвинник и К. Цириной, работавших в оружейных мастерских по улице Свердлова, с фабрики «Октябрь», где размещались мастерские и склады немецких военных воздушных частей. Эту работу организовали Н. Герасименко и М. Пруслин. Из гетто в город оружие переправляла Э. Родова. В июле 1942 г. гитлеровцы организовали на бирже труда перепись детей гетто старше 14 лет под угрозой за уклонение лишения хлебных карточек. Пришедших на регистрацию детей загоняли в крытые машины и увозили. Многих детей сопровождали родители. Они вступались за своих детей. Начался бой между родителями и немецкими солдатами. Подпольщиками было организовано спасение детей. В этом приняли участие А. Езубчик, О. Ивановская, Т. Герасименко. Им передавали детей из гетто, а они по направлениям, полученным в горуправе, определяли их в Детские дома, где их регистрировали под русскими именами и фамилиями.

Весной 1942 г. переехала в «русский район» города. Подпольщики подготовили мне документы на имя Федюк Пелагеи Петровны (отсюда и мои клички «Поля», «Полина Петровна»). М. Долголантьева и П. Акоюн помогли устроиться Работать уборщицей в конторе немецкого интендантского склада по улице Подвесной. Выполняла поручения М. Гебелева, Н. Герасименко, В. Сайчика. Через работавшего в транспортном отделе минской городской управы М. Филипов доставала транспорт для переправки в лес соли, продуктов питания, уходивших к партизанам. Помогала В. Сайчику в оформлении документов для подполья ков, особенно для советских военнопленных из лагеря на Пушкинском поселке.

Вместе с А. А. Езубчик по поручению минского подпольного горкома партии ходила на связь с Минским подпольным обкомом КП(б)Б. Необходимые инструкции, документы и пароль (к любому числу надо было прибавить число «600») получили на квартире Н. Герасименко. 5 сентября 1942 г. с вещами, якобы для обмена их на продукты, вышли из города. Через 6 дней доложили В. И. Козлову положении в Минске, о деятельности в городе подполья. Вернулись с директивами партии об усилении диверсионной работы на коммуникациях врага.

Вскоре с А. Езубчик, А. Веремейчик ушла в Слуцкую партизанскую Первое время работала в госпитале, затем редактором газеты «Сталинец» Гресского подпольного РК КП(б)Б. Осенью 1943 г. была направлена в распри Минского подпольного горкома партии третьего состава. Была членом редколлегии газеты «Минский большевик».

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Минск, 1999. С.279–280; НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 837.

РАПОПОРТ Рахиль

Я попала в отряд осенью 1943 г., незадолго до полной ликвидации Минского гетто 21 октября 1943 г. А летом этого года весь район Налибокской пушчи подвергся жестокой немецкой блокаде, многие отряды, окруженные немцами, претерпели жестокие бои, потеряли много бойцов и были рассеяны по пушце. Единственный отряд, которому по какой-то случайности удалось избежать встречи с фашистами, был еврейский семейный отряд. В нем также были бойцы, но состоял он в основном из беспомощных людей – женщин и детей. Можно не сомневаться, что при встрече с эсэсовцами в нем не уцелел бы ни один человек. Но, видимо, этим чудом спасшимся из гетто людям суждено было уцелеть, и немцы на них не наткнулись. Я попала в отряд после этой блокады. Судьба оберегла Налибокскую пушцу от новой блокады, которая ожидалась и зимой 1943 – 1944 г. и явно готовилась весной 1944 г., чему помешало победное продвижение Советской Армии. В спокойное от блокады время фашисты близко сунуться в пушцу боялись. И фактически там не было немецкой власти. Однако появился враг внутренний. Им оказались польские легионеры. Они проникли в пушцу, где к ним отнеслись с доверием и некоторое время они вели себя по отношению к партизанам как будто лояльно. Однако вскоре обнаружилось, что это были предатели, специально подготовленные фашистами для борьбы с партизанами изнутри в партизанской зоне, и они только маскировались под польских партизан. В числе их были и некоторые местные жители, хорошо знающие местность и расположение партизанских отрядов. Нападали они исподтишка на небольшие группы партизан, когда они выезжали с различными заданиями, подстерегали на дорогах, не осмеливаясь нападать на большие отряды. Пойманных партизан убивали с садистской жестокостью.

Наш отряд, уцелевший во время блокады, потерял группу молодых бойцов, попавших в когти польских легионеров.(6) Повторяю, эти лесные бандиты ничего общего не имели с настоящими польскими партизанскими отрядами. И весной 1944 г. через расположение нашего отряда прошла воинская часть Войска польского, продвигающаяся к Западу.

Как-то в разгар зимы в наш лагерь приехал молодой цыган и просил дать ему врача, чтобы принять роды у его жены. Послали меня. После нескольких часов езды по глухому лесу, мы подъехали к затаившимся в глубине его землянкам. В одну из них цыган меня завел. На лежанке, корчась от родовых схваток, лежала совсем юная цыганка. Возле нее суетилась ее молодая мать, имевшая сама грудного младенца и кучу ребятишек, сновавших взад и вперед. Землянка тускло освещалась мигающей коптилкой и, несмотря на царивший в ней полумрак, я заметила, что в ней неопишуемая грязь, а у ребятишек ручки покрыты коростой. Они непрерывно чесались. Роды у цыганки начались давно, и она очень мучилась. Вскоре в землянку битком набилось множество пожилых цыганок, окруживших роженицу и хором комментирующих все происходящее. Они давали мне различные советы, довольно быстро догадавшись, что опыта у меня в этом деле маловато, а еще точнее сказать, вовсе нет. Весь мой акушерский опыт состоял из нескольких месяцев учебы в период студенчества и, не питая никакого интереса к этому предмету, я только перед экзаменами очень бегло перелистала учебник. Теперь, проклиная себя в душе, старалась вспомнить его страницы. Через некоторое время цыганочка родила, но послед ни за что не хотел выходить. Опять хор цыганок начал меня консультировать, я же, понимая, какую опасность представляет ручное вмешательство в такой грязи, оттягивала этот момент. На мое счастье

и еще большее счастье роженицы послед, наконец, вышел. Все окончилось благополучно. Мать роженицы, схватив новорожденную внучку, приложила ее к своей груди и стала кормить. Перед этим она кормила собственного младенца. На другой день, когда я уезжала, молодой цыган к моему удивлению стал покрывать сани великолепными коврами. На все мои протесты он твердо возразил: «У нас так принято». Если меня впервые привезли в наш лагерь полумертвой на дребезжащей телеге, то теперь я въехала, как персидская шахиня, развалившись на роскошных коврах.

Раппорт Р. Остаться собой // Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост, предисл.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменов. Минск, 2008. С. 67–68.

РОЛЬБИНА Елена

...В нашей квартире была создана большая «малина», т. е. укрытие в подzemелье. Вход, в эту «малину» был сделан через кафельную русскую печь... Из «малины» был сделан подкоп, который вел на улицу, чтобы в случае погрома или налета можно было скрыться.

В «малине» был установлен радиоприемник, по которому принимались сводки Совинформбюро. Мы их переписывали и распространяли среди населения минского гетто.

В нашем сарае была выкопана большая яма, которая была замаскирована Вовами. В этой яме хранилось оружие, одежда для тех, кто уходил к партизанам. Мой брат по поручению подполья изготавливал паспорта, печати, штампы. Группы уходили к партизанам с нашей квартиры, обычно ночью. Удобно было, что выход с нашей квартиры был рядом с оградой гетто, которая отделяла его от города. 1 июля 1942 г. случилась большая беда: ранним утром дом был окружен гестапо с собаками... Обнаружили «малину», в ней – радиоприемник, бланки паспортов. Арестовали отца и брата. Их страшно били, травили собаками. Брат пытался бежать, но вражеская пуля настигла его.

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Минск, 1999. С. 277; НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 837. Л. 91.

РОСС (РОЖАНСКАЯ) Сара

15.05.1913 – 12.2005

Я была четвертой из пяти детей Абрама Жуховицкого и Рейзел Орлинской. Папа был кузнецом и работал со своим братом Шлейзером в Бытени, который был в пределах пешего перехода до Ивацевичей. Он прослужил в старой российской армии шесть лет, а потом поселился в деревне Любичево в трех километрах от Ивацевичей. Мама Рейзел была домашней хозяйкой.

С приходом нацистов в Ивацевичи 300 евреев, включая беженцев, застрявших местечке, оказались обречены. Немцы отняли наши дома, мебель, белье, прочую утварь и скромные сбережения, которые люди хранили на черный день. Они присвоили инструменты, оборудование, швейные машины, лошадей, фургоны, велосипеды и остальное имущество. Гетто устроили в переполненной маленькой гостинице Ивацевичей. Всех евреев нацисты заставили носить желтые заплатки на спине и груди.

Евреев ежедневно преследовали и били, заставляли бесплатно работать на строительстве дороги, идущей восток. Паек был минимальным, а рацион очень ограничен. Отец и брат ремонтировали немецкие грузовики и за это получали дополнительный паек.

Если немцы не были уверены в отношении отдельных семей, то местные «доброхоты» им в этом охотно помогали. Нас выдали бывшие соседи, с детьми которых я училась в польской школе. Однако не все немецкие солдаты были злыми. Один из них показал семейную фотографию и говорил, что был фермером и не мог избежать мобилизации в вермахт. Он был против войны.

Другой немец предупредил Арона, когда он чинил ему машину, что нужно бежать, иначе скоро все погибнут.

Мы знали свою судьбу, но не могли бросить на произвол пожилых родителей и маленьких детей. В феврале 1942 г. немцы приказали всем собираться в дорогу. Сильный мороз сковал землю, выпал снег. Евреев выгнали из гетто Ивацевичей и построили в шеренгу. Всех, кто оказался не в силах встать в строй, убили в кровати.

Немцы заметили, что мой отец надел два пальто, и заставили его раздеться. Узников повели через густой лес 20 километров. Хаим Утштейн помогал нести маленьких детей, обморозил руки. Его жена Хана, наблюдая, как он мучается, была в отчаянии.

Нас спас сосед, который отвез на санях в охотничью сторожку. Крестьяне знали моего отца и хорошо нас приняли. Липа Копелянский, староста гетто Ивацевичей, сказал, что литовские каратели не прибыли из-за ужасной погоды. Нам приказали ехать в Бытень, и белорусы предложили свои сани, чтобы не идти пешком.

В Бытене мы поселились в доме брата Зелика. Все кровати были заняты, и я пыталась заснуть на холодном полу. Немцы выдали Арону, отцу и Янкелю временные пропуска для работы в Ивацевичах. Мама вместе с дядей Шлейзером осталась в Бытене помогать старшей дочери Либы и ее двум младшим детям. Либя покалечилась и уже не справлялась. Остальная часть семьи жила в гетто Ивацевичей. Отец ежедневно молился, уговаривая Бога даровать спасение.

Однажды ночью 11 августа 1942 г. мы услышали крики «хальт» – это немецкие солдаты ворвались в гостиницу с заднего двора. Через кухню, разбрасывая горшки и кастрюли, они пробирались к жилым комнатам. Мы бросились в окно в нижнем белье. На руках у меня был полугорогодовалый Самуэль. К несчастью, отец, который был наполовину глухим, побежал в другом направлении. Мой шурин Баррель тоже прыгнул в окно, а его 12-летняя дочь Баел, которая спала рядом, так и не проснулась, несмотря на всю суматоху.

Арон ускользнул у карателей из-под носа и спрятался на огородных грядках. Он видел, как нацисты вели евреев с кричащими детьми к вырытой траншее. Нацисты устроили резню на глазах местных жителей, которые спрашивали, почему дети виноваты? Шлейзера застрелили в кузне, где он работал.

Мне иногда кажется, что солдаты, которые ворвались в гостиницу, устроили такой дикий шум с лязгающими горшками и кастрюлями, криками «хальт», будто хотели нас предупредить. Насколько я знаю, в ту ночь наша семья оказалась единственной, кому удалось спастись.

Отец побежал в противоположном направлении, и мы не могли подать ему знак или окликнуть из страха, что немцы услышат. С тех пор никто его не видел.

Два дня мы пробирались по лесу «Волчьи Норы» и болотам. Сначала мы потерялись и не могли найти выход. Шли по ночам и отсиживались в укрытии днем. С огромным риском нас прятали в сараях сельские жители. Добрые люди приносили кислое молоко и картофель, чтобы поддержать наши силы. Один фермер, отец многодетной семьи, запер своих детей в крошечном доме в

душный день, чтобы никто из них нас не заметил в сарае. В конце концов, мы попали в «Волчьи Норы», где встретили некоторые другие еврейские семьи.

Мы не могли поверить в свое спасение, несмотря на то что были раздеты и разуты. Я оставила в гостинице пальто, которое было на крюке рядом с кроватью. В течение первых шести недель условия в лесу были сносными. Еврейская молодежь совершила «набег» на немецкий склад с еврейской одеждой в соседней деревне. Мне досталось платье, пальто и ботинки, которые я носила в течение следующих двух лет. Люди спали не раздеваясь.

Сначала партизаны не хотели иметь с нами дела. Когда в «Волчьи Норы» в течение лета 1942 г. прибыла почти одна тысяча евреев из Ивацевичей, Бытеня, Слонима и некоторых других местечек, партизаны запретили входить в лес. За нарушение этого приказа они открывали огонь.

Потом пришло известие, что нацисты готовятся напасть на семейный лагерь. Дороги в лес были забаррикадированы с деревьями и буреломом. Вскоре карательная операция действительно началась. После авианалета в лес двинулись солдаты и танки. Танки быстро смели преграду с дорог. Началась настоящая резня – большинство беженцев погибли в ходе этой облавы.

Однако на этом беды не кончились. Партизаны потребовали, чтобы евреи ушли, но мы боялись высунуться из леса. Еды не осталось даже для детей. От голода на моих руках умер маленький Самуэль.

Условия жизни стали бесчеловечными и многие евреи умерли. За два года мы пережили не одну блокаду нацистов. На нас охотились и отстреливали, как диких зверей, и мы все время искали новое убежище. Ели почти одну картошку, особенно трудно приходилось зимой, когда мы спали на снегу вокруг костра. Огонь можно было разложить, только если близко не было немцев. Нас продувал ледяной ветер насквозь, было трудно дышать, но воля к жизни взяла свое.

Немецкие облавы стали обычным делом. Мы старались использовать разные пути, чтобы не дать себя выследить. Когда был снег, мы шли след в след, а потом заматали за собой дорожку.

Мы строили шалаши из веток, чтобы укрыться от снега, копали землянки, которые накрывали мхом, чтобы немецкие патрули случайно не обнаружили нас. Однажды они бросили в землянку гранату, но мы ухитрились «вернуть» ее раньше, чем она взорвалась.

В лесу был раввин из Ивацевичей. Он пережил настолько тяжелое душевное потрясение, что лишился рассудка. Я видела, как накануне своей кончины он ел пепел от костра.

Потом начались болезни, многие погибли от сыпного тифа. Для заболевших людей мы отвели отдельные землянки. Среди нас был врач, который ставил диагноз, но не знал, чем лечить?

Зимой 1943 г. серьезно заболел мой Янкель. Он впал в безумие, бредил, терял сознание, его лихорадило при высокой температуре. Однажды врач сказал, что наступил кризис, и если муж доживет до утра, то поправится. В течение долгого времени после болезни муж оставался очень слабым и не передвигался без опоры. Однажды во время облавы, когда немцы появились неожиданно, упал в глубокий снег, который скрыл его от преследователей. Когда немцы отступили, друзья нашли Янкеля и помогли вернуться к лагерю.

Зимой 1943 г. наше положение стало удручающим. Партизаны поговаривали, как разделиться с евреями из семейного лагеря. Нас спасло то, что в лес прибыл отряд советских десантников, заброшенных с парашютом, чтобы возглавить партизанскую борьбу. Борис Ютковский, руководитель еврейской

группы (он выжил и эмигрировал в Палестину после войны), обратился к ним за помощью.

Офицер-десантник спросил, как партизаны относились к евреям? Партизаны были хорошо вооружены, и евреи вместо ответа заплакали. Это был самый красноречивый ответ. Офицер сказал, что враг у нас один, и мы обязаны вместе драться. Он рассказал, что еврейские солдаты в Красной Армии смело сражаются на фронте, и мы должны брать с них пример.

Это оказалось критической точкой. Мы начали воевать вместе с партизанами. Арон служил в польской армии, он стал активным членом боевой группы еврейского семейного лагеря. Вместе с кузнецом-евреем они отремонтировали пушку, но имели только один снаряд. Потом брат нашел основание от винтовки и сделал деревянный приклад. «Винтовка» не стреляла, но этот муляж играл свою роль во время походов в деревни за продуктами. Вместе с партизанами евреи минировали железную дорогу и нарушали линии связи. Баррель был с нами в «Волчьих Норах» два года, пока не погиб, за полмесяца до прихода Советской Армии летом 1944 г.

Я помню Минну, у которой немцы убили мужа-врача. Своего маленького ребенка она отдавала соседке, когда шла на задание. К сожалению, эту молодую женщину убили, когда она несла боевое охранение лагеря.

Из одной тысячи евреев, которые вместе с нами искали убежища в лесу «Волчьи Норы», смогли выжить всего 70 человек. Выстоять им помогли сила молодости и стремление уцелеть. Это была история лишений, умственной и физической пытки и безнравственности человечества и морального равнодушия. Где в это время был Бог ?!!

Перед отступлением немцы сожгли большинство домов в Ивацевичах. Сгорел и наш дом, вместе с домами двух моих сестер, от которых остался только битый кирпич. В некоторых соседних деревнях немцы собирали местных жителей и сжигали их вместе с хозяйственными постройками.

Из тех, кто выжил, я помню такие имена: Арон Жуховицкий, Хаим Полянский, Нохим Волк-Гершанович, Ципе и Ривка Волк, Мотке и Шолем Кравчук, Абрахам и Чеслава Орлинские, Борис Ютковский.

Мы с мужем и братом Ароном вернулись в Ивацевичи. Часть наворованного имущества нам вернули. Там нас нашел Хаим Полянский, его сестра Сара, выжившая чудом в Освенциме, восстанавливалась после дистрофии. Наши матери были лучшими подругами, близкими как сестры. Сара уехала в Косово, а затем присоединилась к нам в Ивацевичах. Она вышла замуж за моего брата Арона, и мы четверо стали неразлучными.

5 сентября 1945 г. у нас Янкелем родился Абрахам (Абе), которого мы называли в честь отца. На том основании, что Сара была в концлагере, власти начали подозревать ее в сотрудничестве с нацистами. Ежедневно Сара должна была регистрироваться в милиции. Стало очевидно, что в Ивацевичах для нас места не осталось, и мы начали тайно готовиться к отъезду.

Мы продали дом сестры, немного муки и некоторое имущество, но большинство вещей пришлось бросить. У нас была лошадь, фургон и даже корова, которая обеспечивала молоком сына.

В Бреслау мы остановились в лагере для перемещенных лиц от Джойнта. Через полгода, в июле 1946 г., мы продали лошадь, корову, фургон и двинулись в Wegscheid, Linz (Австрия). Там нас разместили в деревянных бараках без окон и дверей, отопления, туалета и мебели. Спать приходилось на деревянных нарах с тюфяками соломы. Арон сделал маленькую печку, чтобы согреться. Положение менялось в лучшую сторону очень медленно. В октябре 1947 г., нас перевели в лагерь Ebelsberg, где уже были кирпичные здания.

В 1948 г. у нас родились второй сын, Арон, и племянница Филлис (дочь брата Арона), которую называли в честь матери Сары. Все наши помыслы были об Израиле. Только что была провозглашена его независимость, и это казалось началом избавления. Мы даже купили и отослали в Израиль оборудование для плотницких работ, чтобы начать собственное дело. Однако болезнь мужа мешала все планы.

Янкель через газеты лихорадочно искал еврейские семьи в Англии, США, Канаде, которые могли нас принять. Мы действительно получали ответы и немного помощи в виде одежды, пищи и денег. В 1950 г. пришло разрешение из США на эмиграцию для Арона, Сары и Филлис.

Дядя Янкеля Арон Симонс из Детройта, штат Мичиган подписал бумаги как поручитель. На интервью американский консул, увидев плачевное состояние Янкеля, спросил: "Как вы поможете Америке?" Я ответила, что это сделают наши дети. В апреле 1951 г. разрешение поступило. Нам позволили иммигрировать в США, благодаря гарантиям Симонса и новой квоты на иммиграцию президента Гарри С. Трумэна. Мы летели из Германии до Канады, потом в Нью-Йорк и дальше на поезде в Цинциннати, куда мы попали 17 апреля 1951 г.

Прибытие в Америку сначала казалось осуществлением мечты. Мы были снова вместе с Ароном, Сарой и Филлис. В Цинциннати жить было трудно. Я не говорила по-английски, на руках было двое маленьких детей и больной муж, на которого жаркий и влажный климат действовал ужасно. Мы рассчитывали на финансовую поддержку Общества еврейской взаимопомощи, но это не превышало скудного прожиточного минимума. На производстве было жарко и влажно, монотонная работа и дискриминация эмигрантов удручали. Янкелю становилось все хуже, и он нуждался в постоянном уходе.

Еврейская община предложила мне оставаться дома. Они нам очень помогли. Но денег не хватало, и приходилось считать каждый цент. Огромные усилия были потрачены на подтверждение нетрудоспособности Янкеля и выплату ренты из Германии за наши страдания. Понадобилось целое «море» заявлений, обращений, медицинских заключений и свидетельств, чтобы этого добиться.

В 1956 г. мы подали заявление о гражданстве США. Янкель отчаянно боролся со своим недугом, который оказался смертельным – болезнь Паркинсона его убивала. В мае 1965 г. мужа не стало. Я шла на все, чтобы дать образование детям. Один из них стал врачом, а другой – доктором философии. Я верю, что они сделали Америку еще лучше. У меня было счастье видеть своих детей, внуков и даже правнуков, которых я благословляю.

Вместо послесловия

Сара Рожанская (Росс) сдержала свое обещание, данное американскому консулу в 1951 г. Прошли годы, ее дети выросли и сами стали родителями. Они много трудились и работали над собой, чтобы пробиться и преуспеть в жизни. Абрахам окончил университет и стал анестезиологом. Он женился на Нэнси, и у них появились Дэйвид и Дэбра. Арон защитил докторскую диссертацию по педагогике. У него родились Джекки и Джошуа. Сегодня у Джекки тоже двое детей, Сидней и Зу – это уже правнуки Сары и Янкеля Рожанских.

Филлис, дочь Арона Жуховицкого, брата Сары, родила Милицию и Арона. Все дети и внуки Рожанских окончили университеты и стали медиками или юристами.

Эта история была записана со слов Сары Рожанской десять лет назад Абрахамом и Нэнси, в декабре 2005 г. ее не стало.

Нацисты «срубили дерево» фамильного рода Рожанских под корень, остался лишь один росток, но какие он дал побеги ...

Материал предоставлен Абрахамом и Нэнси Росс. Перевод на русский язык Татьяна Новикова, литературная редакция Леонида Смиловицкого

РУБЕЖИН Владимир

Отец Вили (так звали Владимира Рубежина дома), Соломон Борисович, работал в газете «Полесская правда». Мать занималась домашним хозяйством. В 1935 г. Соломона Борисовича перевели в газету «Звезда» и семья переехала в столицу. Через два года у Рубежиных появился еще один сын, Марк.

22 июня 1941 г. двенадцатилетний Виля встретил в пионерском лагере. Через несколько дней приехал отец, в Минск они вернулись, когда город уже горел. Никого не застали дома. Люди уходили на восток, и отец с сыном присоединились к беженцам. К ночи пришли в какую-то деревню. Отец, переживавший за жену и младшего сына, оставил Вилю и вернулся в Минск в надежде отыскать семью. А тут немцы высадили десант и отрезали путь беженцам. Виля 25 июня вынужден был тоже вернуться в город. В Минске мальчик не нашел ни отца, ни мать.

В первые дни он питался тем, что осталось в доме, а потом вместе с друзьями стал таскать продукты из разграбленных складов. Но 28 июня в город вошли немцы, и, грабеж прекратился. Оккупанты объявили о регистрации евреев. Вначале мальчик старался меньше бывать на улице, но соседка, которой хотелось прибраться к рукам всю квартиру, стала угрожать доносом, и он покинул родительский дом. Прихватил с собой вещи, которые обменивал на продукты. Ночевал в каком-то сарае.

В гетто он идти не собирался. Однако «законопослушные» соседи пригрозили, что доложат в управу, Они отвели его на регистрацию в еврейский совет. Он взял отцовскую шапку и несколько фотографий, которые проносил в кармане всю войну. В юденрате Виля встретил Малиновских, хороших знакомых, вместе с ними поселился на улице Сухой в здании бывшего детского сада. Места уже не было, и он разместился в ...туалете. Там и жил. Каждое утро уходил через проволоку в «русский» район в поисках продуктов для себя и других узников гетто. Вечером таким же образом, страшно рискуя, возвращался назад.

Однажды, в конце ноября, всех евреев выгнали во двор. Стали строить в колонны. Виля, почувствовав опасность, бежал. Он не знал, что фашисты освобождали район для немецких евреев. Через несколько дней он встретил чудом уцелевших Малиновских, вместе с которыми поселился на улице Островского. Однажды взрослые куда-то ушли и не вернулись. Без присмотра остались двое мальчиков: одному не исполнилось и семи месяцев, второй – ровесник Вили. Малыша они отнесли в детский дом, который находился здесь же, в гетто. Некоторое время жили вдвоем, а потом попросились на постой к соседке Саре Голан. Та жила с сыном, но мальчиков приютила. Жизнь Вили не изменилась: утром он, как обычно, уходил в «русский» район и возвращался поздно вечером. Чтобы выжить, продавал на вокзале немецкие газеты раненым солдатам, проезжающим через Минск. Повара походных кухонь иногда наливали мальчику в консервную банку суп или щи – этим он и пробивался. Постоянно ходил с мешком, в который складывал то, что удавалось найти. А что находил, относил тете Саре и мальчишкам.

Виля тогда не знал, что Сара Голан была связной подпольной организации гетто. Его вылазки в город она решила использовать. Сара познакомила

руководителей подполья в гетто Гебелева и Смоляра с Вилей, и он стал выполнять их задания: передавал подпольщикам шрифты для типографии, а партизанским связным – медикаменты и оружие. Не у всех проводников группы выходили удачно. Но Виля непостижимым образом чувствовал опасность и всегда избегал ее. Вскоре, однако, его предупредили, что за ним охотятся немцы и нужно уходить в лес. Так Виля Рубежин попал в партизанский отряд.

Документы свидетельствуют: *«Вилик был смышленным, скромным и смелым мальчиком, поэтому подпольная организация решила использовать его для связи с партизанскими отрядами и явочными квартирами. У него были ценные качества: он умел молчать, ничего лишнего не выспрашивать, обладал хорошей зрительной памятью. Пионер Рубежин был связным партизанского отряда им. Фрунзе, стал проводником»* (Из отзыва участницы подполья С. Садовской).

«...Подготовленные в гетто группы людей Вилик выводил на окраину города, где я их встречала и вела в партизанский отряд. Многие имели при себе оружие. Таким образом, с сентября 1942 г. по январь 1943 г. мы вывели из гетто 50 человек в отряд им. Дзержинского. Все задания, которые получал Вилик, он выполнял с ловкостью, находчивостью, не допустив ни одного провала» (Из отзыва партизанки и связной бригады им. Фрунзе Б. Завало).

«...Тов. Рубежин Владимир Семенович (псевдоним «Вилик») активнейшим образом участвовал в работе нашей организации. Он был связным подпольного райкома для поддержания связи с «десятками» внутри гетто и с подпольным горкомом КП(б)Б. Рубежин В. С. оказался исключительно дисциплинированным, замечательно ориентирующимся в конспиративной работе человеком. Руководители подпольной организации (в том числе героически погибшие Михаил Гебелев и Эмма Родова) имели безграничное доверие к тов. Рубежину В. С., будучи убеждены, что в случае провала он будет держать себя достойно» (Из отзыва Г. Смоляра). Один из документов рассказывает о боевом прошлом: *«7 июля 1943 г. Рубежин участвовал в засаде по шоссе на дороге Минск – Столбцы. Уничтожена легковая и три грузовые машины. Убиты гауптман (капитан), два младших офицера, 20 немецких солдат. 19 июля участвовал в засаде на шоссе на дороге Волма – Ивенец...»*

До мая 1944 г. Виля Рубежин – партизан отряда им. Дзержинского бригады им. Фрунзе. Он постоянно участвует в боевых операциях, о чем свидетельствуют награды.

Несмотря на серьезность ситуации (война!), в которой находился Виля, командование не забывало о том, что он еще подросток. В мае 1944 г. его отправили самолетом в тыл, в суворовское училище. Вскоре он находит родителей, с которыми возвращается в Минск. После суворовского поступает в военное училище легчиков в г. Батайске. В 1952 г. все круто меняется: арестован отец как «враг народа». Вилю отчислили из училища. Он возвращается в Минск и устраивается слесарем на завод им. Ворошилова. Заочно заканчивает Белорусский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, становится инженером.

После смерти Сталина вернулся из ГУЛАГа отец.

Годы шли, дети (дочь и сын) становились взрослыми. И, наверное, только его семья и друзья по партизанскому отряду знали о его непростом, героическом прошлом.

Михась Бурый. В тринадцать мальчишеских лет // Авив. 6 августа 1998. С. 5; Инна Герасимова. Рубежи Рубежина // АВИВ. Март – апрель 2004. С. 7.

РУБИН Лев

В Минском гетто я пробыл два года, и сам удивляюсь, как прошел через весь этот ад. На улице Широкой, там, где ранее были казармы кавалерийского полка, они создали что-то вроде филиала гетто для мастеровых людей. Там я строил забор, и предусмотрительно оставил для себя место, чтобы бежать.

...И я убежал оттуда. Куда? В гетто. Там прятался. Там пережил погромы, в которых погибли все мои родные.

Ждать, пока меня уничтожат, я не собирался. И при первом же удобном случае ушел в лес. В партизанский отряд я принес не винтовку, а пишущую машинку, которой не было цены. В отряде стали выпускать листовки, газету. А я стал подрывником и ходил на задания вместе с Лазарем Фогелем. Мы пускали под откос поезд там, где немцы этого никак не ждали - почти под самым Минском. Взрывы эти были слышны даже в гетто. Там я и встретил свою будущую жену Бетти Любнер. Она была партизанкой отряда, который обслуживал аэродром нашего соединения.

Буденновский отряд специализировался на диверсионных операциях. И главными подрывниками у нас были подростки. Потому что людям взрослым буквально невозможно было подойти к железной дороге – так она охранялась. Первыми подрывниками стали геттовские мальчишки Фимка Прессман, Абрашка Каппан, Зямка Митель, Юзик Зибель. Командиром у них был В.Кравчинский, готовивший ребят еще в гетто. Юзик хорошо знал местных людей из Койдановского района. Потом к ним присоединился еврейский учитель Зундель Дротфимен. Группа пустила под откос пассажирский поезд, состоявший из мягких вагонов – ехал какой-то важный чин с целой свитой. До утра гитлеровцы возили трупы, эвакуировали раненых с места крушения. Эта группа действовала настолько отважно и дерзко, что большинство ребят вскоре погибло. Я вошел в группу подрывников, которая тоже состояла из геттовских ребят. Мы все пришли из Минска: Лейзер и Хаце Хургини, Лева Бейлин, Толя Цирлин, Яша Яловицер... Лейзер Хургин стал нашим командиром, и в течение месяца мы сбросили под откос три вражеских эшелона с танками и живой силой.

Конечно, больше всего эшелонов было на счету Фимки Прессмана: одиннадцать! Все это описано Гиршем Смоляром. Он был в нашем отряде, и все брал на карандаш. Только вот мало кому довелось читать то, что написано о подвиге партизан-евреев. После того, как книгу Смоляра запретили, этой темы никто не касался...

Партизан отрядов им. Буденного бригады им. Сталина и им. 25-летия БССР бригады им. Пономаренко. См.: Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 194.

ТРЕЙСТЕР Михаил

7.05.1927, г.Витебск

Список Эпштейна. В лагерь СС на улице Широкой, в сопровождении четырех еврейских полицейских, приехал самый влиятельный человек гетто, начальник биржи труда Наум Эпштейн. Через несколько минут по «лагерному телеграфу» стало известно, что будут отбирать тридцать шесть особо ценных специалистов по заявкам немецких предприятий, утвержденным генеральным комиссаром. Тридцать шесть человек, без которых немцы не могут обойтись даже временно, несмотря на жесткий график «окончательного решения». Нетрудно догадаться, каковы были мои шансы попасть в эту группу.

И вот картина. В центре плаца, у небольшого столика – Эпштейн со своими полицейскими. В руках у него список. Толпа заключенных насаждает, стремясь пробиться поближе, чтобы хоть что-то услышать. Их, с помощью прикладов и собак, оттесняют Охранники лагеря. Между толпой и столиком, брезгливо морщась, ходит комендант лагеря с парабеллумом в одной руке и с бамбуковой палкой в другой. Наконец наступает тишина, совершенно неестественная для такого количества людей. Даже собаки заткнулись, будто чувствуя ответственность момента. Миг звенящей тишины между жизнью и смертью.

Звучат имена и фамилии, и вслед за каждой – почти мгновенный выкрик «Есть!», и толпа неохотно исторгает из себя очередного счастливец, который бежит к столу. Звучит очередная фамилия:

– Наум Розин!

Над плацем повисла бесконечная тишина аж на целых полсекунды, то есть на мгновение дольше, чем надо, чтобы этому самому Розину откликнуться, если он жив. Но он молчит, и, прежде чем истекла эта вечность, звучит чей-то хриплый голос: «Есть!» Оказывается, это мой голос, и я, будто во сне, проталкиваюсь к столику. Эпштейн, знавший меня и, вероятно, этого Розина, удивленно взглянул, но промолчал. Ну, а я приткнулся к группе «счастливец», чувствуя себя среди этих аксакалов абсолютно инородным телом. Но все же стою...

Группа собрана и построена в колонну по двое. Комендант делает последний обход, видит тощего шестнадцатилетнего «особо ценного специалиста» и, ничего не говоря, бьет его бамбуковой палкой по стриженной голове и палкой же указывает на толпу. Эпштейн и на это смотрит молча. А что ему еще оставалось делать?

Кожа черепа рассечена, кровь заливает глаза. Пробираюсь к крану, смываю кровь, достаю из кармана и напяливаю свой драный «кемель» (шапкой и не назовешь) и, заметив, что комендант отошел в дальний угол плаца разбираться с толпой, делаю последнюю попытку: за штабелями кирпича опять пробираюсь к группе, уже готовой к выходу. Вижу тревожный взгляд Эпштейна, понимаю, что он мне сочувствует. Понимаю и то, что очередной подход коменданта будет для меня последним. Но думать уже поздно. Я пошел ва-банк. Становлюсь в хвост колонны. Комендант, судя по звукам его парабеллума, наводит порядок где-то на правом крыле плаца. Ему пока не до нас. И я, бросив последний взгляд на знакомые лица в толпе, выхожу с группой из этой преисподней.

Итак, не доживший до этого дня Наум Розин, которого я никогда не знал, и Наум Эпштейн подарили мне кусок жизни, составившей для всех «счастливец» около двух месяцев (до октября сорок третьего), а для меня, волею судьбы, растянувшейся на 60 лет.

Когда встретимся с ними на том свете, низко поклонюсь обоим.

(А из лагеря я, кстати, не «бежал», а «ушел». Так оно и было, бежать из лагеря СС на ул. Широкой было невозможно).

Опять в гетто. Далее события развивались уж совсем сумасшедшим образом. Почти на входе в гетто нашу группу догнала машина с очень высокими военными чинами, которые обругали, а затем и избili Эпштейна.

Оказалось, что выпустили людей по одному списку, а у этих чинов на руках был другой, тоже утвержденный и тоже на 36 человек. Часть уже освобожденных состояла в этом, втором списке, а часть – нет. При этом, общее число 36 не должно быть превышено. Поэтому Эпштейн получает новый приказ: всех освобожденных посадить на ночь в КПЗ при геттовской бирже труда

(была такая камера, куда помещали пойманных при облавах). Назавтра разобратся, и тех, кто входил в оба списка, выпустить, остальных вернуть на Широкую и вместо них освободить специалистов по новому списку, которые не были учтены в старом.

Поскольку Наум Розин, царство ему небесное, входил в оба списка (видно, был, действительно, ценным специалистом), я под его именем, с благословения Эпштейна, утром был выпущен на свободу, то есть в гетто. До сих пор не понимаю причину его хорошего отношения ко мне.

Вернулся домой, стараясь не засвечиваться, так как в гетто уже был списан в расход (разумеется, как Михаил Трейстер). Мать меня не сразу узнала — так изменили меня дни, проведенные в этом аду. Один из моих соседей, начальник полиции Розенблат, как я писал, был уже ликвидирован, а другой полицейский, Шульман, сделал вид, что меня не знает и не видит.

Старое Село. Недельку отсиделся и стал решать, что делать дальше: куда и с кем уходить. Маршрут определился сразу — Старое Село. Это была почти партизанская зона — опорная база диверсионных групп. Один кандидат в спутники был под рукой — в другом конце нашего двухэтажного дома по Республиканской жила шестнадцатилетняя очаровательная блондинка Вера Розенберг (теперь Смирнова), с которой мы неоднократно обсуждали тему побега. С ней договорился быстро. К нам присоединился наш сверстник, тоже Михаил. Итак, нас трое.

Говорят «голому собраться — только подпоясаться». Соответствующая одежда была ранее подготовлена, кой-какую еду мать собрала. Из оружия — только финка, заточенная по-сапожному, как бритва.

Попрощались с родными, у кого они еще были, и, сняв латы, ранним утром на улице Опанского нырнули под колючую проволоку в неизвестность. Дорога (около 20 километров) прошла относительно спокойно. Где-то на полпути повернул назад наш спутник Михаил. О причинах гадать не буду, так как «о мертвых либо хорошо, либо ничего». Вера дошла со мной почти до самого Старого Села и вернулась назад: разведала дорогу, чтобы потом вывести родных. (Дальнейшая ее судьба сложилась трагично: уход в партизаны, приход в Минск для связи, арест на конспиративной квартире, тюрьма, Освенцим... Прошла все круги ада. Слава Богу, выжила.

Я остался один. Эти пару недель прошли, как в тумане. Съел все, что было, и стал побираться по хатам. Не очень охотно, но подавали. Как-то холодной ночью, лежа у погасшего костра, во сне потянулся к теплу и накатился на еще горячие уголья. Проснулся лишь когда прогорела куртка, верхняя и нижняя рубахи... Сердоболезная бабка зашила дыру размером в полпуза каким-то белым рядом, после чего вид у меня стал совершенно «героическим».

Встреча с партизанами. Потом встретил партизан, как оказалось, из диверсионной группы отряда им. Пономаренко. Знакомство началось с того, что меня заподозрили в шпионаже. Достал из кармана спичечный коробок, где под слоем спичек лежал туго сложенный мой «явочный листок», выданный жидовским комитетом, где было сказано, кто я и откуда. Похвалили за изобретательность и предложили обменять отличные сапоги, специально сшитые мною для ухода в партизаны, на какие-то драные опорки. Это было предложение, от которого я не смог отказаться. Пришлось отдать. Потом, когда помог кое-кому из них отремонтировать обувь и когда оказалось, что среди них был один еврей, познакомились поближе, и я был принят на временное довольствие.

Разок сходили на «железку», где я стоял на шухере, пока минировали дорогу на участке Минск—Столбцы. Пару раз брали на шоссе, где поручали более

квалифицированную работу – спиленные телеграфных столбов и закладку зарядов, иногда со стрельбой. Когда группа возвращалась на свою базу, меня взяли с собой, прошли километров восемьдесят и в Налибокской пуце передали меня в еврейский национальный отряд Шолома Зорина.

Здесь слегка подкормили, отмыли и, узнав, что я сапожник, сразу определили в мастерскую, которой руководил мастер Янкель из Червеня. Там началась моя борьба за перевод в боевую группу и за направление в качестве проводника в Минское гетто, которое доживало свои последние недели и в котором оставались моя мама и сестра Нюта. Это и определило ход дальнейших событий моей жизни.

Лесной сапожник. Итак, я пришел в отряд воевать и, конечно, совершать героические подвиги, а сижу в партизанской сапожной мастерской. Вместо идеального порядка немецкого цеха, где все разложено по Полочкам и все под рукой, здесь – старые голенища (по-сапожному, халявы), куски сыромятной кожи и подошвы, выкроенные из старых автомобильных шин (чтобы их вырезать, требуется недюжинная сила и такое же терпение). Вдобавок, самому нужно колоть из березовых чурбаков деревянные гвозди. А тут еще мастер Янкель, с которым мы друг друга сразу возненавидели. Он меня за то, что могу работать, но делаю это без особого рвения, я его – за стремление все время демонстрировать свою крохотную власть надо мной с чисто местечковой настырностью.

Кругом лес, свобода, люди с оружием, а я сижу горбом над сапожной лапой. Да плюс ко всему одуряющий запах свежего хлеба из пекарни, расположенной в той же землянке и отделенной от мастерской только перегородкой из тонких жердей. Ну, кто все это может выдержать? Я не смог.

Я – проводник. Поскольку в гетто оставались мои родные, стал ходить по начальству и добиваться, чтобы направили туда проводником. И добился.

Моя задача: привести фармацевта, мыловара, оружейника. Можно с родными. Разрешили вывести своих, но с условием: общее число не должно превышать 10 человек. Большие группы, как правило, обречены на гибель. Кроме того, добыть аккумулятор, радиодетали, медикаменты и, если можно, оружие. Группу доставить в Старое Село, откуда сводную команду поведет другой проводник. Все четко и понятно, как обычно бывает в теории.

Путь из пуцы до Минска почему-то выпал из памяти. Возможно, потому, что прошел без ЧП. Стоял сентябрь 1943 г.

И опять гетто. Гетто в сильно урезанном виде доживало последние недели, а может быть, и дни. Медлить было нельзя. Стал искать нужных специалистов. Хоть и сидел инкогнито, стали ко мне заходить разные люди. Да не с пустыми руками. Запомнил двух визитеров. Один – с парабеллумом в новенькой кобуре и тремя обоймами патронов (сказал, что с ним пять человек). Другой протянул завернутый в газету круглый столбик длиной сантиметров десять, который поразил меня несоответствием объема и веса. Оказалось, в столбике уж не помню сколько штук золотых десятков. А довеском к ним – шесть человек. Но приказ есть приказ, а конспирация – конспирацией: я никуда не уходил и никуда не собираюсь.

Даже близким моим знакомым Люсе и Розе Цукерман сказал то же самое (к счастью, они остались живы, и это позволило мне после войны перед ними извиниться). Надеюсь, Люся и Роза как бывшие партизанки поняли, что я выполнял приказ. (Их дядя, мой коллега по цеху, весельчак Борис Цукерман, находясь в партизанах, в разведке был взят карателями живым и четвертован. Вообще, для партизана плен означал мучения, которые трудно

даже описать: надевали на голову раскаленный докрасна котелок, голым призывали к муравейнику, разрывали надвое лошадами или двумя березами и т. д. Избавить от мучений могли только пистолет или граната, если успеть ими воспользоваться.)

Котельная. Группа подобрана. Сбор – в котельной геттовской инфекционной больницы по ул. Сухой. Выход в два часа ночи. И тут началось то, чего я не мог предвидеть. В котельной, как выяснилось, ютилось много разного люда: чудом уцелевшие от погромов, лишившиеся жилья, словом, понынешнему, – бомжи. К ним присоединились узники, прослышавшие, что сколачивается группа. Тут я увидел и сына своего коллеги по цеху Шолома Каплана и незнакомую молодую женщину Клару с дочкой. Взял с собой и их. Короче, набралось человек 25–30. С одной стороны, я понимал, что с такой компанией шансы выйти из города равны нулю, а с другой, знал, что изменить ничего не могу, даже время выхода. Сделал единственное, что мог: приказал обвязать обувь любым тряпьем, чтобы пройти по ночному городу потише.

Итак, ровно в два часа ночи режем проволоку по ул. Опанского и выходим навстречу судьбе.

Дожить до рассвета. Совершенно немислимым образом нам удалось выйти за пределы города, который тогда кончался где-то за Кальварийским кладбищем. Уже одно это до сих пор считаю чудом. Осложнения начались потом. Перейдя шоссе, мы оказались на большом картофельном поле в треугольнике дорог. Предстояло пересечь следующую из них. И вдруг на той, которую собирались перейти, – взрыв. Залегли в мокрую ботву, слава Богу, достаточно высокую.

По всем трем дорогам – машины, сирены, прожектора, гортанные звуки команд. Уж не знаю, что там у них стряслось, но можно представить наше состояние, тем более, что рассвет для нас в этом месте был бы равносильен смерти. Наконец, слегка утихло, и мы почти по-пластунски пересекли дорогу, но не ту, которую наметили (там еще было шумно), а другую, где почти не было движения. Это сбило с намеченного курса на Старое Село. Стало ясно, что этой ночью до цели нам не добраться. Рассвет застал вблизи большого кустарника, в котором мы и укрылись.

Трагедия. В кустарнике передохнули. А потом началась дискуссия. Я был за то, чтобы днем разведать дорогу, а движение продолжить ночью. Взрослые возражали: идти надо днем: недавно в кустарник заглянул пастушок, его чем-то задобрили и взяли обещание никому о нас не рассказывать. Но все понимали, чего стоит это обещание. Победили взрослые. Трое молодых разведали дорогу, и мы разбили всех на три группы. Эти группы во главе с разведчиками должны были двигаться в нужном направлении с интервалом в 20 минут. Моя – последняя.

Вышла первая группа, за ней – вторая. Пришло мое время. Я – впереди, за мной, метрах в пятидесяти, остальные. Рельеф сложный: подъем, перевал, глубокая впадина и опять подъем на лесистую гору – где-то за ней Раковское шоссе.

На подходе к перевалу вдруг услышал в низине какую-то сухую трескотню, растворенную в широком осеннем пространстве. Это меня даже не напугало, а как-то озадачило. Махнул своим, чтобы залегли, а сам пополз к перевалу, заглянул вниз и увидел картину, которая до сих пор стоит перед глазами. В низине, слева от тропы – сруб, возле сруба немцы в упор расстреливают вторую группу, полицаи палят из винтовок вдогонку первой, которая бегом поднимается на лесистую гору и уже частично скрылась в редколесье. Вижу,

как и там падают люди. (Позднее, при встрече, подвели итог: вторая группа уничтожена полностью, в первой убито около половины.)

Я вернулся к своим, приказал быстро спуститься к кустарнику и только внизу рассказал о том, что случилось. Произошло очередное чудо: каратели не пришли. Видно, решили, что больше никого нет. Можно представить, в каком состоянии мы дождались ночи.

Финал. До сих пор не могу сказать, кто был прав в нашем споре. Если нас выдал пастушок, то – взрослые, а если нет, то – я. (В этом случае, досидев в кустарнике до темноты, мы могли бы сохранить группу.) Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения. Случилось то, что случилось. Не мне судить, есть ли моя вина во всем этом, тем более что главные сторонники дневного перехода погибли и спорить уже не с кем. До Старого Села шли в обход две ночи, но добрались в полном составе: фармацевт Смолянский с дочерью, Клара с ребенком, Шолом Каплан, мама, сестра Нюта, я и еще два–три человека, имен которых теперь не помню.

До Налибокской пуци (места дислокации отряда 106) объединенную команду вел уже другой проводник: девчушка по имени Катя. За сутки прошли около 80 километров. Ноги были сбиты в кровь – в конце пути многим пришлось срезать сапоги. Все же дошли без потерь.

Место трагедии. После войны я никак не мог найти это трагическое место, но однажды, году в шестидесятом, во время лыжной прогулки забрался на лесистую Монастырскую гору (сейчас она скрыта на карьеры) и вдруг увидел и тот кустарник, и перевал, и плавный лесистый подъем с юга на север. Кустарник находился тогда недалеко от нынешнего пересечения улиц Шаранговича и Горецкого. Люди погибли приблизительно там, где сегодня стоит СТО «Фольксваген», напротив предприятия НПО «Центр».

(Недавно в Исторической мастерской один из ученых заявил, что в сентябре 1943 г. группа гамбургских евреев, вывезенная на работу в зону Монастырской горы, была расстреляна при попытке к бегству. Это неправда. Гамбургские евреи никуда не бежали. Им бежать было некуда. Скорее всего, слухи имеют отношение к истории нашей группы. По крайней мере, место и время совпадают).

Я довольно часто проезжаю по этой трассе и каждый раз передо мной встает последний акт той давней трагедии.

И вот мы в партизанском отряде. О нем написано немало, надеюсь, будет написано еще. Пройдусь лишь пунктиром по этой уникальной теме. Отряд № 106 (командир Шолом Зорин, комиссар Хаим Фейгельман, начальник штаба Анатолий Вертгейм) был создан весной 1943 г. приказом командующего Барановским партизанским соединением Василия Чернышева. В него к моменту освобождения входило около 600 человек, в том числе примерно 140 – боевая группа, остальные 450 – семейная. В отряде сапожная, портняжная, оружейная мастерские, мельница, пекарня, коптильня, баня, отличная медицинская часть – от хирургии до гинекологии. Все это работало не только на нас, но и на другие отряды и бригады Ивенецкой зоны.

В нашем отряде находилось примерно 150 детей-сирот, многие из них учились в партизанской школе, где на занятиях писали углем по березовой коре. Структура отряда: боевая и хозяйственная роты, подготовительный взвод, полевая и строительная бригады. Первая убирала урожай с полей сожженных деревень, вторая обустроивала лагерь. Было и стадо коров, отбитых у полицаяв.

Кроме боевых операций, в задачу отряда входило сохранение стариков, женщин, детей, чудом спасшихся из гетто, что в суровых условиях партизанской

войны было нелегким делом. Зоринцы с этим справились блестяще. 9 июля 1944 г. отряд соединился с частями Красной Армии.

Первая винтовка. Итак, я опять в сапожной мастерской. Поскольку основным условием перехода в боевую группу было наличие оружия, решил обеспечить себя самостоятельно. Где-то достал старый ствол и за несколько ночей довел его до зеркального блеска. На немецкие часы-штамповку выменял затвор и тоже вылизал его до полной кондиции. Оставался приклад с ложем, но с ними – особая история.

В отряде столлярничал симпатичный парень Исаак Гринберг, на год–два старше меня. Заключили договор: я ему черт знает из чего пошил приличные сапоги, а он мне выстругал приклад и ложе винтовки, которые, по всеобщему убеждению, получились гораздо лучше фабричных. Раздобыл, по случаю, полтора десятка «маслят» (патронов). Итак, я «вооружен и очень опасен», особенно для Янкеля.

Судьба человека. Кстати, интересна судьба Исаака Гринберга. После освобождения я потерял его из вида и был уверен, что он погиб на фронте. Но несколько лет назад он вдруг приехал в Минск из Питера с группой бывших узников. И мы встретились. Оказалось, что столляр стал капитаном II ранга, который создал и много лет командовал учебным центром ВМС, где подводников учили покидать аварийную подлодку. Вспоминали наш тогдашний «гешефт» и его удивительную девушку Риту, с которой они составляли самую обаятельную в отряде пару.

Опять под конвоем. Но вернемся к Янкелю и финалу нашего конфликта.

– Завтра на работу не выхожу, – сказал я после изнурительного рабочего дня и очередной стычки с мастером. — Посмотрим, – ответил он «со значением». Назавтра, проведив на службу ребят из нашей землянки «Гоп во смыком» (все они были такими же, как и я, «романтиками»), я укрылся кожухом и улегся поудобнее, чтобы добрать время, затраченное на долгий ночной треп (Юлик Дворецкий пересказывал все читанные до войны романы Дюма. В эту ночь на очереди был «Черный тюльпан»). Вдруг раскрывается дверь. Лязг затвора и команда:

— Одевайся! Выходи! Руки назад! Шагом марш!

Янкель, загнав патрон в патронник, через весь лагерь провел меня под конвоем к мастерской, вызывая веселое удивление встречных.

Освобождение. Однако работать я не стал. Дело дошло до командира, и меня с моей самодельной винтовкой, наконец, перевели в подготовительный взвод. Там кое-чему подучили, в том числе, строевой подготовке, караульной службе, умению ползать по-пластунски запрягать коня, экономить патроны. Конечно, не сахар, но все же подальше от подметок и от Янкеля. (Впрочем, теперь я понимаю что был он честный работяга. И не его вина, что со времен гетто у меня осталась аллергия на сапожную профессию.)

Наваждение. В войну и позднее – в горах, которым я посвятил много лет. у меня были ситуации, когда моя (и не только моя) жизнь висела на волоске. Однако был один момент, при воспоминании о котором до сих пор волосы встают дыбом и пересыхает в горле. Об этой истории я рассказываю нечасто, возможно, потому, что выглядит она не очень правдоподобно, хотя это чистая правда от начала и до конца. Случилась она 6 июля 1944 г., после последнего боя, в котором наших погибло шесть человек и трое, включая командира, получили тяжелые ранения. Так вот... В том последнем бою, увидев, что силы далеко не равны, наши стали отходить, а потом и побежали. Побежал и я, причем так рзво, что минут через десять отклонился от своих, полностью потеряв ориентировку.

Стою и думаю, куда бы двинуть. И вдруг где-то недалеко началась стрельба – не залпами, не очередями, а так, одиночные, но частые выстрелы. В тот момент мое воображение охотно принимало желаемое за действительное: видно, наши вернулись и продолжили бой. Значит, мне туда. И я пошел на эти выстрелы, как на единственный ориентир.

Вскоре пальба смолкла, но направление я засек. Выхожу на опушку, в глаза бьет яркое солнце, о волнении уже и не говорю. И вот в таком ослепленном состоянии вижу метрах в ста, тоже на границе леса, но в тени, контуры людей. Как будто узнаю своих и от радости машу им рукой. Вдруг один поднимает винтовку и бьет по мне. Пуля свистнула рядом, значит, не моя, но возникает ощущение нереальности происходящего. Наверное, не узнали. Кричу:

– Свой! Свой!!!

Заметив, что опять берут на мушку, залег, да так неудобно, что голова на песчаном пригорке оказалась ниже ног. Еще два выстрела. Пули легли в полуметре от головы и фонтанчики песка ударяли по глазам. Ну, неужели еще не узнали? Смотрю, жестами приказывают встать, поднять руки вверх, подойти. Встал, поднял, пошел, уже ясно понимая: происходит что-то не то. От одной этой догадки прошиб холодный пот.

Сделал несколько шагов, попал в зону тени и, о Боже, все понял – немцы! Впереди двое, которых принял за своих, с бляхами фельджандармерии, за ними еще человек шесть, остальные вываливают из леса. И все гогочут. Уже слышу голоса: — Пагтызан, ком сюда! Остается метров пятьдесят. Все бы сейчас отдал за гранату... Уже вижу ухмыляющиеся лица. Передние «бляхи» даже автоматы опустили: ведь вот он я, иду, как кролик на удава. Чего беспокоиться?

Жаль, думаю, что не попали в лоб, но ведь это специально, чтоб взять живьем. Мало времени остается на жизнь, еще меньше – на решение. Но оно уже принято. Не отрываясь, смотрю на них, киваю головой: иду, мол, иду, порядок. При этом, будто невзначай, незаметно смещаюсь к лесу. «Бляхи» на это реагируют: поднимают автоматы. До кромки леса метра три, до «блях» – 30–40. И вот наступает момент истины: или – или. Прыжок в сторону, к лесу и – напролом, только ветер в ушах. Сзади сплошной треск. По лицу хлещут ветки и щепки, отколотые пулями. Не знаю, сколько пробежал, но свалился в полной уверенности, что убит. Ощупался – цел! Кроме ссадин, ушибов и царапин – ничего! Значит, еще поживем! Через часа полтора вышел на дорогу и догнал повозку с раненым командиром. Среди своих, как говорится, и смерть не страшна.

Мои партизанские университеты. Во избежание кривотолков, честно признаюсь: никаких героических подвигов я так и не совершил, хотя в отряде кое-чему научился. Например, валить лес, строить шалаши и землянки, ездить верхом на лошади (даже скакать галопом без седла, падая всегда, как кот, на лапы). Кроме того, за время пребывания в отряде я вступил в комсомол, откуда, уже будучи секретарем факультетской комсомольской организации политехникума, в 1948 г. был исключен за инакомыслие;

впервые обнаружил, что человечество состоит из мужчин и женщин, и стал проявлять к этому открытию большой интерес;

в землянке под громким названием «Красный уголок» получил от девчонок первые уроки танцев с музыкальным сопровождением «под язык»;

побил рекорд по сидению на гауптвахте, причем, самое любопытное, все за дело;

впервые в жизни увидел молящегося еврея и еврея, соблюдающего кашрут даже в тех совершенно невыносимых условиях, что заставило о многом задуматься;

обрел настоящих друзей, многие из которых, пройдя испытание временем, состоят в этом качестве по сей день;

понял, что человеческая жизнь бесценна, но есть кое-что и поважнее.

Минск, 2004

Трейстер М. Проблески памяти. Минск, 2005. С. 37–50.

ФЕЙГЕЛЬМ Хаим Сролевич

...В партизанском отряде № 106 в 1943 году по поручению командования отряда в лесу для детей была организована и работала школа и пионерский лагерь.

В школе насчитывалось около 80 детей. Это были бывшие партизанские проводники и дети-сироты, которым удалось бежать из минского гетто и из окружающих районов. Родители детей были на фронте или погибли в гетто от немецко-фашистских палачей.

Командованием партизанского отряда № 106 было поручено организовать школу секретарю комсомольской организации партизанского отряда № 106 партизанке Мальбиной Элле Владимировне. Зуперман Дора Соломоновна была назначена директором школы. Педагогами в школе работали: Зуперман Дора Соломоновна, Габриелова Софья Моисеевна, Коберман Ольга Ефимовна, Пахуцкая.

Для занятий в школе и других мероприятий была выделена отдельная землянка, сбиты столы и скамейки, шита пионерская форма из парашютной ткани.

Пионерам были торжественно вручены красные галстуки. При входе в пионерский лагерь была арка, за аркой была выложена пятиконечная звезда.

Партизаны отряда постоянно помогали и заботились о детях. С операций привозили бумагу, обои, из которых шивали тетради, карандаши.

Кроме общеобразовательных предметов: чтение, письмо, арифметика, история школьники получали эстетическое воспитание. 5 июля 1944 г. в освобождения нашего родного города Минска состоялся большой праздничный концерт. На лесной поляне в районе Клетнице Ивенецкого района, где в то время дислоцировался наш отряд, дети пели песни, декламировали стихи, танцев веселились.

На концерте присутствовали партизаны отряда и гости из соседних партизанских отрядов им. Калинина, им. Буденного и других.

Приведу несколько примеров о судьбе сирот, бывших воспитанников лесной школы.

Учеником школы был Миша Столяр, 1930 года рождения. Его родители погибли в гетто. Из девяти его братьев и сестер остался в живых только Миша. Его определили в детский дом в гетто. И снова Мише повезло. Он чудом спасся время кровавой резни в детском доме. Вместе со спасшимися Зямой и Мулей Миша пришел в партизанский отряд. Гимпелева Фаня выводила в партизанский отряд людей из гетто: Шуссер Надежду Григорьевну, семью Туминых и других. В партизанском лагере были Лифшиц Алла, Райнес Леонид, Рубенчик Портнов Михаил.

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Минск, 1999. С.286; НАРБ. Ф. 3500. Оп. 5. Д. 402. Л. 30–31.

ХАСЕНЕВИЧ Раиса

8.03.1914, д. Юревичи

«Стали бомбить Минск. Я бегом в детский сад за сыном, а дочь у меня была за городом. Ей как раз исполнилось два годика, она была в яслях, а ясли выехали за город. Я решила забрать сына и отвести домой, а потом идти за ней. Хотелось скорее собрать всех вместе, чтобы дети были рядом.

Подхожу к детсаду, а самолеты над городом, где-то бомбят. Слышу голос сынишки, ему было неполных четыре годика:

– Вы не бойтесь, мама сказала, их разобьют...

Заглядываю в калитку, а их человек пять, и это он так успокаивает других. А увидел меня, начал дрожать, плакать, оказывается, он страшно боялся.

Привела его домой, попросила свекровь присмотреть, а сама пошла за девочкой. Пришла на то место, где должны быть ясли, никого там нет. Кто-то из деревенских людей подсказал, что детей увезли. Куда? Кто? Говорят, что, наверное, в город. Было с ними две воспитательницы, никакой машины не было, и они пошли пешком. Это недалеко за городом. Пятнадцать – двадцать километров. Но это же такие маленькие дети, от годика до двух... Я искала их две недели... Когда зашла в дом и мне сказали, что это именно эти ясли, эти дети, я не поверила. Они лежали, извините, в испражнениях, с температурой. Как мертвые. Заведующая яслями совсем молодая женщина, она стала седая. Они, оказывается, весь путь до города прошли пешком, их теряли по дороге, многие дети умирали...

Хожу между ними и не узнаю свою дочь. Заведующая меня успокаивает:

– Не отчаивайтесь, ищите. Она должна быть здесь. Я ее помню.

Я нашла свою Элочку по одному ботиночку... так бы я ее никогда не узнала...

Потом сгорел наш дом... Мы остались на улице, остались в чем стоим. Это уже немецкие части вошли в город. Нам некуда было деться, несколько дней я ходила с детьми по улице. Встречаю Тамару Сергеевну Синуцу, до войны мы с ней были немного знакомы. Она выслушала меня и говорит:

– Идемте ко мне.

– Мои дети коклюшем болеют. Как я могу к вам идти?

У нее тоже были маленькие дети, они могли заразиться. А это же такое время... Ни врачей, ни лекарств. Ничего...

– Нет, идем.

Такое разве забудешь? Они шелухой делились с нами. Из своей старой юбки я сшила сыну штанишки, чтобы что-нибудь ему подарить на день рождения...»

Казалось бы, все силы матери уходили на то, чтобы спасти своих маленьких детей – четырехлетнего сынишку Леню и двухлетнюю дочь Элочку в условиях оккупированного города. И кто бы ее осудил, если бы только этой мыслью она и жила? Нет такого суда над ней, кроме собственного. Как только представится возможность, удастся наладить связь, Раиса Григорьевна включится в подпольную работу. Сына, потому что он все-таки постарше и за ним легче присмотреть, она отведет свекрови, которая поставит условие: «Возьму внука, но чтобы ты больше в дом не приходила. Из-за тебя и нас убьют...» Три года мать не будет видеть сына. А с дочкой, когда на ее след нападет СД, она уйдет в партизаны: «Я буду нести ее на руках пятьдесят километров...»

– Дочка была с вами в партизанах все время? – спрашиваю я Раису Григорьевну.

– Больше года она была со мной. Часто думаю: как мы это пережили? Вот я женщина, как я это перенесла? Не знаю... Спросите меня – не скажу. Милая моя, такое выдержать невозможно. От слова «партизанская блокада» у меня и сегодня стучат зубы.

Чего стоило пережить только май и июнь сорок третьего? Меня тогда послали с пишущей машинкой в борисовскую партизанскую зону. У них была наша машинка, с нашим шрифтом, а потребовалась с немецким шрифтом, такая была только у нас. Это была машинка, которую я по заданию подпольного комитета вынесла из оккупированного Минска. Когда я пришла туда, к озеру Палик, через несколько дней началась блокада. Вот куда я попала...

А я пришла не одна, я пришла с дочкой. Когда уходила на операцию на день-два, я ее оставляла на чужих людей, а оставит ее на долгое время было негде. И, конечно, ребенка я взяла с собой. И мы попали с ней в блокаду... Если мужчины шли только с винтовкой, то я несла винтовку, пишущую машинку и Элочку. Идем, я споткнулась, она через меня — и в болото. Пройдем – и опять летит... И так два месяца! Я клялась себе, что, если выживу, буду за тысячу километров от болота, что я его больше видеть не смогу.

– Я знаю, почему ты не ложишься, когда стреляют. Ты хочешь, чтобы мне головку сорвало и тебе...

Это ребенок мне говорил, четыре годика. А я не имела сил лечь, если я лягу, то я уже не встану. Партизаны другой раз пожалеют:

– Хватит. Давай мы дочку понесем...

А я никому не доверяла. Вдруг начнется обстрел, вдруг без меня убьют, я не увижу? Вдруг потеряется?.. Встретил меня комбриг Лопатин.

– Ну и женщина! – был он потрясен. – В такой обстановке ребенка несла и машинку не бросила. Это же не всякий мужчина смог бы.

Взял Элочку на руки, обнимает, целует. Вывернул все свои карманы – высыпал ей крошки. Она запила болотной водой. И по его примеру другие партизаны вывернули свои карманы и высыпали ей крошки.

Когда мы вышли из блокады, я была совсем больная. Вся в фурункулах, кожа сползала с меня. А на руках ребенок... Ждали самолет с Большой земли, сказали, что, если он прилетит, отправят самых тяжелых раненых и могут взять мою Элочку. И вот я помню эту минуту, когда ее отправляла. Раненые, у кого руки остались, тянутся к ней: «Элочка, ко мне... Ко мне... Хватит места...» Они все ее знали, она в госпитале пела им: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы»...

Летчик спрашивает:

– С кем ты здесь, девочка?

– С мамой. Она за кабинкой осталась...

– Позови маму, чтобы летела с тобой.

– Нет, маме нельзя улетать. Она должна бить фашистов.

Вот такие они были, наши дети. А я смотрю на ее личико, и у меня спазмы – увижу ли я ее когда-нибудь?..

Я вам еще расскажу, как мы с сыном встретились. Это уже после освобождения. Иду к дому, где родители мужа жили, а ноги – вата... Женщины в отряде, которые были постарше, предупредили:

– Ты, если увидишь его, ни в коем случае не признавайся сразу, что ты его мать. Ты представляешь, что он тут пережил?

Бежит соседская девочка:

– Ой! Мама Лени. А Леня жив...

У меня ноги не идут дальше: сын жив. Она рассказала, что родители моего мужа умерли от тифа, а Леню взяла соседка.

Захожу к ним во двор. В чем я? В немецкой гимнастерке, заштопанной черной юбке, в сапогах стареньких. Соседка меня сразу узнала, но молчит. А сын сидит, босый, оборванный.

– Как тебя зовут, мальчик? — спрашиваю.

– Леня...

– А с кем ты живешь?

– Жил раньше с бабушкой и дедушкой. Когда они умерли, я их похоронил. Я приходил к ним каждый день и просил, чтобы они забрали меня в могилку.

В доме было холодно, нечего было есть. Я боялся один спать...

– А где твои папа с мамой?

– Папа живой, он на фронте. А маму убили фашисты. Так бабушка говорила...

Со мной было двое партизан. Они хоронили своих товарищей. И они слушают, как он мне отвечает, и плачут.

Тут я не выдержала:

– Почему же ты свою маму не узнаешь?

– Мама!!!

Это был такой крик. Такая истерика... Он месяц меня никуда не отпускал, даже на работу. Я брала его с собой. Ему мало было видеть меня, что я рядом, он должен был за меня держаться. Вот мы сядем обедать, он одной рукой держится за меня, а другой ест.

А мамы у меня уже не было, маму немцы сожгли. Даже могилы ее нет. Возле дома у меня сейчас много цветов, но в одном месте я огородила их кустарником — сиренью, боярышником, мелкой белой розой. Это в память о матери... Где-то же должен быть ее кусочек земли.

Когда мы встретились с мужем, недели не хватало, чтобы все рассказать. Я ему и день и ночь рассказывала...»

«Мама, что такое – папа?» // Алексиевич С. У войны – не женское лицо... Минск Мастацкая літаратура, 1985. С. 279–284.

САЛАСЮК Владимир. От июня до июля

Это первое произведение в белорусской литературе известного белорусского журналиста Владимира Саласюка, опубликованное в третьем-четвертом номерах журнала «Новая Немига литературная» за 2008 г., посвященное одной из тем, которые до недавнего времени считались запретными. Не следует забывать, что в Советском Союзе в целом и в БССР в частности с 1948 г. до середины 1980-х годов фактически проводилась политика государственного антисемитизма, и «еврейская тема» находилась в числе запретных.

Можно сказать, что в СССР тема о евреях-партизанах и евреях-подпольщиках многие десятилетия была закрыта. Поэтому естественно, что за этот период здесь не вышло ни одной монографии, ни одной научной статьи об участии евреев в Сопротивлении и партизанском движении в СССР вообще и в Беларуси в частности. Единственной публикацией в послевоенные годы по этой проблематике был сборник воспоминаний руководителей и участников советского партизанского движения о своих побратимах-евреях под названием «Партизанская дружба», подготовленный издательством «Дер Эмес» («Правда») в 1947 г. и вышедший из печати в начале 1948 г. ...

Вот что писал украинский историк С.Я. Елисаветский о партизане Шопенгауэре, который воевал в партизанском соединении генерала Ковпака под псевдонимом «Колька Мудрый»: «Рассказ о Кольке Мудром Вершигора в своей книге «Люди с чистой совестью», изданной в Москве в 1955 г., закончил

фразой, которая уже не вошла в последующие издания. Приведем ее здесь: «Я не знал истории его жизни, не знал его фамилии, и только после его смерти близ Кодры (Кодры – село на западе Киевщины) я узнал, что самый смелый автоматчик 3-й роты Колька Мудрый, с которым я беседовал много часов во время привалов в нашем рейде на Правобережье, был евреем». Из всех последующих изданий мемуаров этот фрагмент был изъят».

Примерно то же происходило у нас, в Беларуси с мемуарами начальника штаба партизанского соединения Брестской области Павла Пронягина и других партизанских командиров. Если они писали о евреях-партизанах, еврейских партизанских отрядах или евреях-подпольщиках, то эти страницы текста редакторы просто «вырезали». Интересно, что в мемуарах начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Пономаренко и начальника Белорусского штаба партизанского движения Петра Калинина нет и в помине слова «еврей».

Что касается ученых-историков, за исключением Анны Купреевой, то этой темой никто не занимался, считая ненужной. Ведь была главная установка – показывать дружбу народов в партизанском движении, акцентируя внимание на белорусах, русских и украинцах. Все остальные попадали в графу «другие национальности».

Некоторые белорусские писатели и журналисты в освещении данной проблемы опередили историков. В первую очередь, можно назвать произведения Владимира Карпова, Ивана Новикова, Лидии Арабей.

Но если они только затрагивали эту запретную тему, то Владимир Саласюк посвятил ей всю повесть.

Она начинается рассказом о первых, особенно трагических днях Великой Отечественной войны, когда Красная Армия отступала на всех фронтах, а войска вермахта, несмотря на героическое сопротивление отдельных частей советских войск, неудержимо рвались вперед.

В нашей литературе, пожалуй, не найдешь другого произведения, в котором бы так образно и правдиво был показан расстрел немецкими мотоциклистами колонны еврейских беженцев. На одном дыхании, с большим волнением читаешь следующие строки: «–Герр лейтенант! Из местечка Калечи по направлению к Неману тридцать минут назад проследовала воинская колонна. В данный момент из местечка в том же направлении вышла колонна беженцев – в основном евреи.

Офицер допил молоко в стакане. Посмотрел на солнечный восход, затем на разведчика и широко улыбнулся.

– Отлично, Курт. Вот с евреев мы сегодня и начнем. Для разминки. По машинам! – И надел каску.

Тотчас взревели моторы, и взвод мотоциклетной разведки, вырвавшись из тесного пространства хуторского двора, помчался в сторону шоссе, поднимая колесами надолго зависающую в нагревающемся недвижимом воздухе пыль.

Колонна беженцев, почти сплошь евреи от детского до старческого возраста, торопливо-испуганно двигалась по булыжной дороге. Шли в основном пешком. Телеги, запряженные лошадьми, попадались редко: многих лошадей вместе с телегами у беженцев забрали отступающие воинские части. Люди шли быстрым шагом, понукая лошадей, поторапливая детей, вещей у них с собой было немного. Атмосфера подавленности и обреченности царила в гонимой ужасом толпе беженцев. Шли молча, словами перебрасывались редко – о чем уже говорить? Даже дети малые, которых вели за руки, не плакали, не ныли, не капризничали. Они шли, спешили на восток, надеялись уйти

от судьбы, от наступающей, нагоняющей их страшной, злой, беспощадной силы, надвигающейся всеобщей гибели.

И вдруг с левой стороны. из распадка, послышался мотоциклетный треск. И почти все головы шедших в колонне беженцев тотчас повернулись на звук, и глаза – их большие, темные, восточные, чуть навывкате глаза – тотчас наполнились страхом, отчаянием, ужасом. А уже в следующее мгновение они увидели развернувшийся боевым порядком в их сторону мотоциклетный взвод немцев. Не успели в толпе и выдохнуть, как взвод ударил по колонне из всех своих десяти пулеметов. И тотчас же нечеловеческий крик боли, страха, смертельного ужаса взвился над толпой. И все шедшие в колонне, точно обезумев, в едином порыве метнулись в правую сторону от дороги – в поле со свежими копнами сена – побежали, помчались к темневшему вдаль лесу. Но мощные мотоциклы уже лихо вынесли на шоссе эти страшные пулеметы. И пулеметчики азартно ударили вслед рассыпавшейся в поле человеческой толпе: та-та-та-та...

Мельканье ног – мужских, женских, детских. Перекошенные ужасом лица, глаза – то застывшие, мертвые, то расширенные от ужаса. Истерические крики и стоны, брызнувшие мозги, бьющая фонтаном кровь. Старики, отбежав сколько хватало сил, падали за копны свежего пахучего сена в наивной надежде найти здесь спасение, а кто помоложе, сильнее и крепче продолжали бежать к лесу, падая, переползая, поднимаясь и опять бросаясь к спасительной и уже не очень-то далекой лесной чаще. Но почти все падали не добежав, простреленные насквозь. Таким оказалось их еврейское счастье».

Через судьбы польской еврейки Дины Янковской и сына русского народа Павла Пронягина В. Саласюк рассматривает борьбу белорусов, русских, евреев и представителей других народов СССР против их общего врага – немецких оккупантов и их пособников – коллаборационистов. Он не утаивает трудностей в их взаимоотношениях, показывая героизм и самопожертвование одних и подлость и даже измену Родине других.

Читатель запомнит героев повести – врача из Слонима Михаила Моисеевича, его жену Розу Абрамовну, их дочь Софу, подпольщиков Слонимского гетто Натана Ликера, Зораха Кременя, Голду Герцовскую, Неню Циринского, Лию Штейндман, конечно, Дину Янковскую.

Именно она крикнула собравшимся в подполье столярной мастерской гетто: «Хватит изображать из себя борцов-подпольщиков, сотрясателей вселенной, оставаясь на самом деле мелкими вредителями-короедами! Надо самим брать за оружие! Фашистов надо убивать, убивать, убивать! Надо уходить к партизанам. Они есть, они рядом – все знают, как они расстреляли грузовик с жириковскими полицейскими. А мы вооружены – не с пустыми руками придем. Каждый уже собрал для себя безотказный автомат. Патроны есть. Чего мы ждем?»

Дину Янковскую поддержали один из организаторов подполья Неня Циринский и подпольщик Зорак Кремень. Было решено найти связи с партизанами.

Литературный талант Владимира Саласюка особенно ярко проявился в описании душераздирающей сцены встречи узницы Слонимского гетто Софы с полицейским Василием и страшной гибели их сына Миши.

Так уж получилось, что в начале войны еврейская девушка Софа полюбила красноармейца Василия и забеременела от него. Тайно в гетто она родила ребенка. Во время очередного погрома в Слонимском гетто Софа бежала из него с маленьким сыном и наткнулась на группу украинских полицаев, среди которых оказался и Василий.

А дальше вот что произошло: «...Софа, неимоверно счастливая, схватила ребенка, чмокнула в лобик и тотчас протянула Василию. С недоуменным видом он взял младенца в руки, тот крихтел, сопел, барахтался, пеленки раскручивались и падали. Софа поддерживала малыша снизу, счастливо смеясь...

– Смотри, Васенька, смотри. Он же весь в тебя, – говорила Софа. – Такой крепенький мальчик. Такой хорошенький.

Василий поднес малыша ближе к лицу. Словно пытаюсь разглядеть, что между ними общего... В дверях появился второй полицейский, утирая лоб рукавом.

– Та у тебя, Васыль, сын от жидовки, – сказал он, тяжело переводя дыхание после бега.

Василий смотрел на товарища. И взгляд его менялся.

– Да, у нас сын, – ответила вместо него Софа.

– Ты знаешь, Васыль, что хлопцы в батальоне с тобой зробят за то, что с жидовкой путаешься? Знаешь? Вбэй жидыня.

Мертвая тишина оцепенения продлилась минуту.

– Не могу, – просипел Василий, все еще держа в руках ребенка, но уже не глядя на него.

И тогда второй полицейский мгновенно схватил своей лапой ребенка за голую ножку и одним махом шваркнул его головкой о дверной столб сарая».

После этого страшного погрома более семидесяти боеспособных вооруженных людей из Слонимского гетто влились в боевой партизанский отряд под командованием Павла Пронягина. Их включили в 51-ю роту во главе с евреем Федоровичем. Среди бойцов была и Дина Янковская.

Не только широкому читателю, но и многим историкам партизанского движения в Беларуси неизвестен тот факт, что 2 августа 1942 г. партизанский отряд им. Щорса под командованием П.В. Пронягина атаковал г. Косово Брестской области, разгромил немецкий гарнизон и освободил более 200 узников Косовского гетто, часть которых присоединилась к партизанам.

Эта операция нашла яркое отражение в рецензируемой повести «От июня до июля». Правда, здесь фигурирует цифра – более 300 освобожденных узников.

Именно тогда зародилась любовь партизанского командира Павла Пронягина и партизанки Дины Янковской.

В 1992 г. в беседе с автором этих строк командир партизанского отряда им. Щорса, в составе которого была еврейская партизанская группа № 51 под командованием старшего лейтенанта Ефима Федоровича, а затем начальник штаба Брестского партизанского соединения Павел Васильевич Пронягин отметил: «Без всякого преувеличения, я восхищался мужеством, героизмом, отвагой этих юношей и девушек, которые еще недавно находились за колючей проволокой гетто. Они бесстрашно шли в бой, желая не только отомстить фашистам за гибель своих родных, но и освободить родную Белоруссию от ненавистного врага. Еврей-партизаны нашего отряда им. Щорса не прятались, а смело шли в бой, прекрасно понимая, что каждый бой может стать для них последним.

Одно время у меня в отряде было 170 евреев. Никогда не забуду смелых и отважных подрывников Натана Ликера, который участвовал в подрыве 28 эшелонов, Зораха Кременя – участника подрыва 20 эшелонов, мужественного Неню Циринского, через которого я держал постоянную связь с подпольем Слонимского гетто».

Многие страницы повести В. Саласюка служат подтверждением этой высокой оценки Пронягиным деятельности евреев-партизан его отряда.

Автор этого произведения затронул тему, которую до сих пор пытаются замолчать подавляющее большинство белорусских ученых-историков, – о наличии антисемитизма не только среди партизан, но и среди высшего советского партизанского командования Беларуси. На многих страницах повести Владимир Саласюк предстает не только талантливым писателем, но и дотошным исследователем, тонким психологом и аналитиком. Он пишет: «В начале мая Дина родила славного мальчика, его так и нарекли – Славик. И определили на воспитание в крестьянскую семью в той деревне, где расположился штаб соединения...

На одном из совещаний командиров отрядов Сидорский (командир соединения, секретарь обкома партии, в котором угадывается секретарь Брестского подпольного обкома КП(б)Б, командир Брестского партизанского соединения, удостоенный звания Героя Советского Союза, ставший после войны первым секретарем Могилевского обкома партии, министром внутренних дел БССР. – Э.И.) вдруг заговорил о самом Пронягине. Он похвалил организаторские способности, отметил его роль в организации партизанского движения и личные боевые качества. А потом неожиданно назвал имя Дины. Напомнил о том, что она из буржуазной еврейской семьи. Да, в боевых действиях она проявила себя смелым, решительным бойцом. Но при этом она своенравная, неуправляемая, склонная к анархизму и безответственным высказываниям. Но самое главное – являясь сожительницей, даже женой начальника штаба соединения, она как бы протекционирует мелкобуржуазным настроениям и анархическому поведению многих бойцов еврейской национальности.

Пронягин был ошарашен. Он молчал, не знал, что ответить. Ведь как бы само собой ясно: они – семья. Что еще кому надо? Но тут стали подниматься некоторые командиры и завели ту же волюнку, но в более корявом, примитивном изложении. После выступления Сидорского не сочла возможным промолчать и его челядь – комиссар, редактор газеты, чины помельче. Говорили о партии, о тяжелой войне, об интернационализме, о невозможности быть коммунистом и жить с женщиной из буржуазной семьи.

– Да ладно. Пусть бы только из буржуазной – могла бы отречься и порвать с семьей, – снова заговорил Сидорский. – Но скажите мне, – обратился он к командирам отрядов и соединений, – может ли начальник штаба видного, известного в Москве партизанского соединения жить с еврейской женщиной?..

– Да что ты, Павел Васильевич, за нее уцепился? – вдруг заговорил один известный своей грубостью и прямоотой, которой маскируется подхалимство перед начальством, – командир. – Тебе что – баб мало? Так скажи, какую тебе надо, мы любую доставим. Хоть целый взвод.

Сидорский, довольный таким выражением «народного» мнения, весело засмеялся.

– Слышишь, что люди говорят? Откладывать некогда, решай сейчас – раз и навсегда. Мы ее отправим в семейный отряд, твоя привязанность к ней пройдет. Появится другая женщина. А ребенок, сын, останется с тобой. Надо поступить решительно. По-мужски. Пред тобой карьера, рост. Прямо сейчас, не заходя домой, поезжай в отряды, а мы тут все решим.

И вдруг заговорили другие командиры. Да все о том же: еврейка да еврейка.

Пронягин молчал, молчал, молчал. Мало того, что он совершенно не ожидал подобного разговора, он не предполагал, что против него вдруг может быть организован такой грубый, настойчивый коллективный натиск со стороны тех, прежде всего, кого это вовсе не касалось – партизанских командиров. Многие из них он принимал в отряд в первом – сорок первом, когда они были потерявшими от скотского отношения к ним в плену человеческий облик...

И вот сегодня они повели себя как псы – какое они имели моральное право касаться его личной жизни? ...Но ему высказали слова-гнет, слова-угрозы. Говорили злобно – «еврейка». Из зависти? Из неприязни к Дине? К евреям? Попробуй найди ответ... И острой болью в сердце, тяжестью на душу его человеческую навалилась вдруг тоска-маята, какой не испытывал никогда вообще: предательство. Да, это предательство. В самые тяжкие времена срок первого-сорок второго годов, когда замерзали, гибли, голодали, ничего подобного не случалось. Провокаторы-шпионы встречались. А чтобы промеж себя вдруг разделить, вдруг обвинить из-за национальности – и в голову не приходило. Значит, внутренние враги – евреи. Это сегодня, а завтра кто?

Он понял, что этот разговор – не пустое перемалывание слов. Не примитивная попытка «перевоспитания», а приговор. Или ты делаешь, как мы говорим, или тебя не станет – такого. Его просто уничтожат. А затем Дину. Подчиниться, послушаться, выполнить их требование – единственная возможность в данных условиях остаться в живых».

На 34-й странице четвертого номера журнала «Новая Немига литературная» (2008) приводится признание командира партизанского отряда Кондрата Купареко, как по его приказу были убиты 20 евреев-партизан из отряда Гергеля, возвращавшиеся после выполнения боевого задания.

Немало страниц повести отведено деятельности еврейского семейного партизанского отряда под командованием Зорина.

В ней нашел отражение расстрел десяти партизан из этого отряда под командованием Леонида Оппенгеймера отрядом Армии Крайовой во главе с хорунжим Нуркевичем по кличке «Ночь», который произошел в ноябре 1943 г. Автор повести отмечает, что чудом спасся недострелянный аковцами, раненый Лев Черняк. В действительности, кроме него спасся еще один «зоринец» – Абрам Тейф.

Повесть заканчивается встречей Павла Пронягина и Дины Янковской на белорусской земле в 1992 г. на торжественном открытии памятного знака в честь 50-летия со дня штурма Коссово и освобождения от гибели белорусскими партизанами узников Коссовского гетто.

Реквиемом погибшим за свободу и независимость нашей Родины станут заключительные строки рецензируемой повести: «И они соберутся – в последний раз – те, кто еще остался жив из их героического отряда партизан Великой Отечественной. И выпьют по русскому обычаю поминальную чарку за всех своих товарищей, кого уже нет вместе с ними, выпьют за победу, а Дина с Павликом, то есть с Павлом Васильевичем, и за любовь, единственную, настоящую, случившуюся в их жизни именно в те далекие годы».

Если бы не изменение некоторых фамилий героев книги, повесть В. Саласюка можно было бы назвать документальной. Несомненно, это одно из ее достоинств, так как автор изучил большой архивный материал, другие разнообразные источники и переосмыслил их.

Иоффе Э. Г., доктор ист. наук, профессор. Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка

Мемориальная доска в честь антифашистского подполья Минского гетто

Открыта 8 июля 2010 г. в Минске на доме 3а по улице Кальварийской. На доске из силумина – текст «У гэтым будынку ў 1941–1943 гг. знаходзілася бальніца, у якой дзейнічала падпольная антыфашысцкая група Мінскага гета». Под доской – подставка для цветов, изготовленная в форме венка из скрученной колючей проволоки.

Памятный знак размещен на здании, где в годы Второй мировой войны располагалась инфекционная больница Минского гетто, а сейчас Минская городская музыкальная школа № 12. Подпольную организацию больницы возглавлял главврач Лев Кулик, расстрелянный нацистами в 1942 г.

Доска установлена Союзом белорусских еврейских общественных объединений и общин, Музеем истории и культуры евреев Беларуси и управлением культуры Мингорисполкома.

Открывая памятный знак, заместитель уполномоченного по делам религий и национальностей Владимир Ламеко отметил, что евреи внесли большой вклад в освобождение мира от нацизма в годы Второй мировой войны. По его словам, Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин делает многое для сохранения памяти о жертвах Холокоста. «Мы показываем всему миру, как надо сохранять эту память для того, чтобы не повторялись такие печальные судьбы», – сказал Ламеко.

По словам заместителя начальника управления культуры Минского горисполкома Виталины Рудиковой установка доски предусмотрена в плане мероприятий к 65-летию уничтожения Минского гетто. К этой дате в столице открыты памятные знаки участникам антифашистского подполья Марии Брускиной и Фрицу Шменкелю, уничтоженным узникам Минского гетто по улицам Сухой и Берсона, проведена реставрация аллеи Праведников народов мира у мемориала «Яма».

Доска установлена по инициативе и на средства сына Льва Кулика – минчанина Романа Кулика.

По его словам, в больнице встречались руководители антифашистского подполья Исай Казинец, Михаил Гебелев и Гирш Смоляр, скрывались подпольщики, формировались группы для выхода к партизанам, для них собирали медикаменты, одежду и оружие. Кроме того, отметил Кулик, участники подполья несли людям надежду, поддерживая их и распространяя сводки Совинформбюро.

Марат Горевой, БелаПАН

Научно-популярное издание

**Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси
в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.**

Составитель:
Кузьма Иванович Козак

Под редакцией
Виктора Федоровича Блакирева, Кузьма Иванович Козака

В авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 19,7.
Тираж 100 экз. Заказ _____.

Издатель ИП Логвинов И. П.
ЛИ № 02330/0494468 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 19-5, 220050, г. Минск.

Типография ОДО «НоваПринт».
ЛП № 02330/0552786 от 25.02.2009.
Ул. Геологическая, 59/4, 220138, г. Минск.